

Ричард РОУАН

ОКУТАННЫЙ ТУМАНОМ

Ричард Роуан

**ОКУТАННЫЙ
ТУМАНОМ**

"ДАС"
МОСКВА
1993

Перевод с английского

Художественное оформление
НАВДАЕВ П.

4703000000-01

Р _____ без объявл.

1 36(03)-93

ISBN 5-7016-0829-8

© "ДАС", 1993

© П. НАВДАЕВ. Худ. оформление. 1993

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тридцать три века секретной службы

На протяжении тридцати трех веков шпионы и разведчики значительно сильнее воздействовали на ход истории, чем на воображение историков. Объясняется это, по-видимому, самым характером работы, которую ведут шпионы, а также тем, что мотивы, побуждающие их становиться на путь шпионажа, мало романтичны и мало привлекательны. По этой же причине и видные личности, влиявшие на ход событий и пользовавшиеся услугами шпионов, стремились в своих мемуарах взять под защиту своих агентов путем увековечения их безыменности.

В нашей книге короли и королевы, императоры и императрицы выступают исключительно в окружении шпионов, находящихся у них на содержании. Самодержцам всегда приходилось поддерживать свою власть при помощи преступлений особого рода, именуемых секретной службой. Деятельность всякого шпиона, будь он любитель, наемник или профессионал, в военное или в мирное время, является секретной службой. Любое поручение, выполняемое агентом, может быть отнесено к категории секретной службы. В дальнейшем нам придется коснуться всех видов ее, однако организация шпионов, заранее рассчитанная и согласованная деятельность тайных агентов и их регулярное военное или политическое использование являются тем видом секретной службы, который давно уже следовало бы описать в связной форме. Управление и руководство такими организациями составляют нераздельную часть системы власти и сами по

себе являются одним из видов секретной службы, которая лишь в результате постепенной эволюции дошла до современной специализации и сложности. Секретная служба — не только орудие тирании или оплот правительств и армий; она по праву превратилась в закулисный, подспудный метод международной борьбы. Многие знаменитые столкновения соперничающих между собой разведок вполне могут быть уподоблены сражениям.

Ценность и нужность деятельности шпиона или секретного агента лучше всего иллюстрируются исходом первой атаки союзников на не укрепленные еще тогда форты Дарданелл в мировую войну 1914—1918 гг. Это нападение состоялось за несколько месяцев до трагической неудачи в Галлиполи, которую легко было предотвратить. Мощный англо-французский средиземноморский флот под командой британского адмирала Де-Робека бомбардировал дарданельские укрепления с блестящими результатами, которые плачевнейшим образом были недооценены. Хотя крупновские пушки, установленные на турецких фортах, обслуживались немецкими артиллеристами, эти укрепления были быстро стерты с лица земли. По словам американского посла Генри Моргантау, союзники слишком поздно узнали, что турецкое правительство (и турецко-германское верховное командование) было уверено в неизбежности захвата Константинополя союзниками. Оно уже начало в панике перебираться в Малую Азию и погрузило официальные архивы в поезд, готовившийся тронуться в Анатолию; но в этот момент флот союзников, почти добившись успеха, повернул назад.

Отсутствие точных сведений, иначе говоря — отсутствие шпиона, который мог бы сообщить из Константинополя хотя бы то, что Моргантау налбюдал лично, — вот основная причина того, что союзники упустили все свои преимущества. А это, в свою очередь, означало поражение британской секретной службы.

Так как главной целью секретной службы до недавних сравнительно времен был шпионаж, то самыми грозными и единственными ее сотрудниками были шпионы. Но многие ловкие люди прибегали к секретной агентуре для целей, весьма далеких от традиционного шпионажа. Современные историки не из одной лести дали организатору шпионажа, царю-завоевателю Митридату VI Понтийскому, прозвание «Великого». Сколь ни странно

было для царствующей особы лично выступать в роли секретного агента, но для столь подозрительного и жестокого человека такое занятие являлось обычным делом; и дела Митридата могут служить классическим примером своекорыстия тирана. Он сочетал в себе хитрость шпиона с неутомимостью жестокого деспота.

Он взошел на престол одиннадцатилетним мальчиком, и Понтийский трон* сразу же оказался для него слишком неудобным. По-видимому, его мать несколько раз покушалась на жизнь своего сына. Царь-отрок настолько боялся своей матери, что бежал в горы, где вел жизнь охотника. Набравшись, наконец, смелости, он вернулся в Синоп, заключил свою мать в темницу и умертвил младшего брата; это была лишь небольшая демонстрация его возможностей и наклонностей.

Находясь в изгнании, он странствовал по Малой Азии в одежде слугителя при караване; тогда — в четырнадцать лет — он изучил двадцать два языка. Он посетил земли многих племен, изучил их обычаи и разведывал их военные силы. Устранив мать и брата, он взошел на престол. Годы, проведенные в изгнании, пробудили в нем жажду завоеваний. Когда он вторично направился в Малую Азию, то повел за собой хорошо обученную и сильную армию.

Как шпион, Митридат был так хорошо обо всем осведомлен, что не питал доверия решительно ни к кому. До начала своей восемнадцатилетней борьбы с римскими полководцами Суллой, Лукуллом и Помпеем он успел умертвить свою мать, своих сыновей и сестру. Позднее, чтобы врагам не достался его гарем, он приказал убить всех своих наложниц.

В Малой Азии он истребил свыше 100 000 римских подданных. Он избежал расплаты за эту бойню: Сулла согласился на постыдный мир, чтобы получить возможность спешно перебросить свои легионы обратно в Рим, разбить Мариа в битве у Коллинских ворот и возобновить расправу со сторонниками Мариа. В последней из митридатовых войн владыка Понта противопоставлял свое военное искусство Помпею и Лукуллу поочередно;

---

* Понтийский — черноморский. Понтом греки называли Черное море.— Ред.

далеко не будучи разбит этими грозными полководцами, он сумел интриговать против Рима до конца своих дней, когда, покинутый всеми, он принял большую дозу сильно действующего яда.

В древние времена было много шпионов, но очень мало шпионских организаций. Цари и их военачальники разрешали проблемы разведки по собственному усмотрению.

Когда Александр Великий повел наступление в Азии, до него дошли слухи о растущем недоброжелательстве в стане его союзников и наемников. Молодой завоеватель проверил это при помощи очень простой уловки. Он объявил, что пишет письмо домой, и рекомендовал своим воинам сделать то же самое; но когда курьеры взяли письма и отправились в путь, Александр приказал им вернуться и стал читать все письма, которые они повезли. Та же система была применена для определения степени боеспособности американской экспедиционной армии во Франции в решающие месяцы 1918 года. Так функции военной почтовой цензуры сливаются с контршпионажем.

Фронтин описывает использование почтовых голубей в древнем мире, а Юст Липсий рассказывает об использовании ласточек в военном и политическом шпионаже. У всех народов Востока, по его утверждению, дрессировка птиц для курьерской службы на дальние расстояния была обычным делом; этим можно объяснить почти равную современной скорость, с которой иногда передавались секретные сообщения императорского Рима.

Грекам было хорошо известно искусство шифра, которое у них заимствовали римляне.

В организацию секретной службы монголы вложили много хитрости. Так, полководец Субудай положил начало монгольским завоеваниям следующим шпионским трюком. Он въехал в лагерь татар, объяснив им, что бежал от монгольского хана и надеется быть принятым в их племя. Ему удалось убедить татар в том, что их врагов — монголов — нет поблизости; таким образом татары оказались совершенно неподготовленными, когда главные силы соратников Субудая напали на них. К этой уловке прибегали неоднократно; монгольские агенты, высылаемые вперед, выдавали себя за дезертиров и жаловались

на дурное обращение, создавая «дымовую завесу» ложной информации.

«Золотой император Катэя»* имел неосторожность попросить у Чингис-хана помощи в своей непрекращавшейся войне против старой династии Сун в Южном Китае. Чепе-Нойон был послан с отрядом конницы сражаться совместно с китайцами и одновременно ознакомиться с богатствами страны. Вскоре после возвращения этой шпионской экспедиции Чингис-хан начал готовиться к вторжению в Китай,— это было его первое покушение на цивилизованную и сильную державу. Начал он кампанию с того, что отправил за «Великую стену»** шпионов и разведчиков, которые должны были захватить и привести осведомителей.

Шпионаж и хитрость играли видную роль в завоевании монголами Китая. Однажды Чепе сделал вид, что бросает свой обоз, затем быстро вернулся и разгромил китайский гарнизон, вышедший из неприступной крепости, чтобы захватить брошенные повозки, припасы и другие трофеи.

В 1214 году Субудаяу было поручено изучить положение в Северном Китае. Талантливый молодой командир фактически исчез на несколько месяцев, лишь изредка посылая рапорты о состоянии своих лошадей. Но когда он вернулся, то привез с собой изъявление покорности Кореей. Не встречая серьезного сопротивления, он попросту продвигался вперед (так позднее в Европе), пока не приходил в новую страну и не подчинял ее себе. Наступающая монгольская армия всегда имела в своем составе переводчиков («мандаринов») для организации управления захваченными районами и коммерсантов, которых можно было использовать в качестве шпионов. Эти «коммерсанты» вербовались из разных народов. Когда конные орды Чингис-хана наступали в Китае или в странах ислама***, впереди каждой колонны двигались па-

---

* Катэй — название, под которым Китай был известен средневековой Европе; китайские императоры начала XIII века носили титул «Золотых». — Ред.

** На севере Китая тянется двухтысячеверстная древняя стена, отгораживавшая эту страну от внешнего мира. Выражение «китайская стена» часто употребляется как синоним идейной отгороженности (от неприятных истин, чужой идеологии и т.д.). — Ред.

*** И с л а м — мусульманство, магометанская религия, мусульманский мир. — Ред.

трули и разведчики; но и их опережали торговцы-шпионы, которые группами по два-три человека усердно собирали всякого рода сведения.

Помимо коммерсантов, действовавших как шпионы, или шпионов, выдававших себя за коммерсантов, в монгольских армиях имелись разнообразные типы наемников-солдат, стекавшихся со всех концов Европы. Слава монгольских завоевателей постоянно привлекала авантюристов, стремившихся нажиться в рядах армии победителей. Иностранцы, наделенные военными способностями, служили в армии Чингис-хана или в войсках его наследников. Одной экспедицией монголов командовал английский рыцарь, дослужившийся до высокого поста в армии азиатского деспота.

Чингис-хан, обычно пользовавшийся услугами шпионов, понимал, однако, опасность контршпионажа и жестоко расправлялся с теми, кого разоблачал как вражеских лазутчиков.

В завоевательных планах, которые проводились монгольскими полководцами с неизменным успехом до 1270 года, когда мамелюки* остановили их наступление на Египет, предусматривались также засылка шпионов и захват пленных в качестве осведомителей; этих пленных допрашивали для получения информации, которую можно было бы использовать при проверке данных, доставленных шпионами.

---

* М а м е л ю к и — личная гвардия магометанских государей и наместников Египта. Наполеон I создал собственный отряд личной охраны, получивший также наименование мамелюков.— Ред.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Уолсингем разведывает Армаду

Начальник английской секретной службы сэр Френсис Уолсингем преследовал иезуитов*, проникавших в Англию под различными масками. Он спасал королеву Елизавету от бесчисленных покушений на ее жизнь; если, что весьма вероятно, он порой выдумывал эти опасности, то не надо забывать, что Елизавета была и скупа и упряма. Ее нужно было держать в страхе, чтобы иметь возможность покрыть треть или половину фактических издержек первоклассной разведывательной и контрразведывательной службы, бесценного оплота всего государства при Елизавете Английской.

В сущности Уолсингем впервые организовал в Англии секретную службу. Он не пользовался своими шпионами и сыщиками, как Томас Кромвель, для расширения своей личной власти. Заговор за заговором раскрывались и предупреждались во имя защиты жизни королевы; но сильнейший удар Уолсингема позволил оградить Англию от ее внешних врагов, и это было концом чисто династической секретной службы. В Венеции Стивен Пол внимательно подслушивал все разговоры на Риальто** и доносил обо всем, что говорилось об Испании. Лучшим из агентов, назначенных Уолсингемом для разведывания военно-морской подготовки Филиппа II, был один из двух Антони Стэнден.

Антони Стэнден блестяще выполнил свою миссию антииспанского шпиона, сумел стать другом Джованни Фильяцци, тосканского посла в Испании, и был в хороших отношениях с правительством Тосканы. Он занял сто крон (что дает некоторое представление о финансовых затруднениях ведомств Уолсингема) и отправил некоего Флеминга в Испанию. Стэнден выбрал кличку «Помпео

---

* Иезуиты — «орден Иисуса», «общество Иисуса» — воинствующий католический духовный орден, учрежденный Игнатием Лойолой в 1539 году. Обладал во многих странах могущественными организациями, влиявшими на внутреннюю и внешнюю политику государств. — Р е д.

** Р и а л ь т о — знаменитый мост в Венеции, живописно перекинутый через Большой канал. Наричательное обозначение правительства Венецианской республики в его внешних сношениях. — Р е д.

Пеллигрини», чтобы замаскировать свою работу, и теперь англичан обслуживала таинственная цепочка — от Фильяцци или Флеминга через Пеллигрини и далее до ловкого агента Елизаветы Уолсингема. Как видно, Флеминг был самым ценным агентом, ибо его брат состоял на службе у маркиза Санта-Крус, главного адмирала испанского флота! Сведения, скрываемые от любезного Фильяцци, свободно проходили через руки шпиона Флеминга. Поддержание связи было делом рискованным, сложным и мешкотным; но все же в марте 1587 года Уолсингем представил королеве копию доклада Санта-Круса своему королю, заключавшего в себе подробнейший отчет об «Армаде»*, ее кораблях, снаряжении, вооруженных силах и запасах.

По предложению Стэндена Уолсингем вступил в переписку с Фильяцци, когда посол вернулся из Мадрида во Флоренцию. Тоскана нуждалась в доброжелательстве королевы Елизаветы, и дружеская оживленная переписка продолжалась. По указаниям Уолсингема, английское правительство сделало ловкий ход, чтобы отсрочить выход в море «Армады», точные данные о боевой готовности которой были известны Лондону. Генуэзских банкиров склонили к тому, чтобы они воздержались от предоставления займа Филиппу II, так что, как мы видим, сила золота также была умело использована английской секретной службой. В июне 1587 года Стэнден предсказал, что в этом году испанцы не смогут предпринять большого морского наступления против Англии; эта точка зрения вполне подтвердилась дальнейшим ходом событий.

---

* «Армада», «Непобедимая Армада» — военный флот, снаряженный в 1588 году испанским королем Филиппом II для вторжения в Англию. Гибель этого флота, которым командовал герцог Медина-Сидония, круглый невежда в морском деле, окончательно утвердила господство Англии на море. — Р е д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знаменитые организаторы военного шпионажа

Военная разведка отставала в своем развитии от политической и дипломатической разведок до тех пор, пока на военном небосводе не появились яркие звезды — мастера военного дела, каждый из которых по-своему использовал шпионов в чисто военных целях.

Жизненные пути Мальборо, принца Евгения, Морица Саксонского и Фридриха II представляют некоторое сходство; помимо присущего всем им военного таланта и репутации непобедимости, сходство выражается и в том, что все они понимали значение военной разведки как одного из элементов военного искусства.

Мальборо в своих блестящих кампаниях умел находить подходящих шпионов или осведомителей; его великий собрат по оружию принц Евгений Савойский, внучатый племянник лукавого Мазарини, выплачивал пенсию почт-мейстеру Версаля, который регулярно вскрывал письма французских военных деятелей и делал из них ценные выписки.

Мориц Саксонский, победитель у Фонтенуа, не только пользовался «шпионами и проводниками», но и писал о них в десятой главе своей изданной впоследствии классической книги «Размышления о военном искусстве» следующее:

«Нельзя не уделять большого внимания шпионам и проводникам. Монтекукули говорит, что они столь же полезны человеку, как глаза, и совершенно необходимы полководцу. Он прав. Нельзя жалеть денег на оплату хороших шпионов. Их нужно вербовать в той стране, где ведется война. К этому делу должны привлекаться умные и ловкие люди. Они должны быть повсюду: среди офицеров главных штабов, среди торговцев и в особенности среди поставщиков съестных припасов, ибо склады провианта и хлебопекарни дают полную возможность судить о намерениях противника.

Эти шпионы не должны знать друг друга, и им нужно давать разнообразные поручения. Одни из них — те, кто подходит для этой цели, — должны проникать в ряды войск противника; другие будут сопровождать армию в качестве покупателей и продавцов. Каждый член второй группы должен знать кого-нибудь из первой, дабы он мог получить сообщения и передавать их генералу, который ему платит. Эта особая задача должна возлагаться на умного и надежного человека. Его надежность должна проверяться повседневно, и нужно иметь уверенность, что он не подкуплен противником».

Вскоре после этого Фридрих II также принял участие в этой «науке нечистой игры», положив конец шпионажу как развлечению или дворянской аванюре. Особенности Фридриха как военачальника проявились с наибольшей яркостью в умелом и систематическом использовании шпионов. Его даже прозвали отцом организованного военного шпионажа; если он был отцом, то необходимость была матерью созданной им организации.

Известны слова Фридриха II о том, что на ратном поле он держал при себе одного повара и сотню шпионов. В большем числе поваров он и не нуждался, поскольку был умерен в пище и часто хворал. Но шпионов он держал не одну сотню и, как правило, сам проверял их донесения, сверяя одно с другим. Он делил своих агентов на четыре категории:

а) обыкновенные шпионы, вербуемые среди бедного населения, довольствующиеся небольшим вознаграждением и готовые угодить армейскому офицеру;

б) шпионы-двойники, гнусные доносчики и ненадежные ренегаты, пригодные главным образом для сообщения врагам ложных сведений;

в) высокопоставленные шпионы — царедворцы, знать, штабные офицеры и тому подобные конспираторы, неизменно требующие крупной взятки или существенной приманки;

г) лица, вынужденные заняться шпионажем против своей воли.

Этот коронованный пруссак занимался не только классификацией шпионов; он ввел и правила вербовки шпионов и кодекс пользования ими с учетом особенностей, присущих каждой перечисленной выше категории.

По четвертой категории он рекомендовал в качестве метода вербовки основательное запугивание богатого бюргера*, советуя воздействовать на него угрозами сжечь его дом, разорить материально, изувечить или даже убить его жену и детей. Подобными методами можно было заставить человека, мирного нравом и уважаемого согражданами, содействовать переброске опытного военного агента в лагерь противника, причем его репутация и профессия должны были маскировать деятельность этого подлинного шпиона. Такой подневольный шпионбюр-

---

* Б ю р г е р (нем.) — буржуа, горожанин, мещанин. — Р е д.

гер, наверное, будет вести себя образцово, особенно если почаще напоминать ему, что его близкие фактически являются заложниками в руках тех, кому служит его спутник — подлинный шпион-профессионал, обязанный доносить о результатах их совместного рискованного предприятия.

Классификация, установленная Фридрихом, не предусматривала одного: современного шпиона-патриота. Этот пруссак был реалист, циник и монарх-самодержец. Монархи его эпохи редко сталкивались с подлинным патриотизмом. Только Великой французской революции суждено было воспламенить Европу национальным энтузиазмом. Угрозы и подкупы, обещания повышений и крупных кушей — лишь на этих побуждениях и умели играть вербовщики шпионов из школы Фридриха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Терло и Пепис

Огромный престиж, которым пользовалась Англия в эпоху царствования Елизаветы, был растрочен первыми двумя королями из династии Стюартов; но этот престиж был блестяще восстановлен и даже превзойден в годы господства Оливера Кромвеля. Республиканский режим недолго продержался в Англии, и его достижения являются тем более знаменательными. Военная организация Кромвеля настолько превосходила организацию стран Европейского континента, что многие правительства стремились стать союзниками Англии. Герцог Савойский окончательно было расправился с протестантами в Южной Франции, когда в это дело вмешался Кромвель. Его славный адмирал Роберт Блейк, основоположник традиций, продолженных Нельсоном, Хоком и Джарвисом, дал Англии возможность вытеснить Голландию как поднимающуюся морскую державу. Алжирские пираты не осмеливались больше нападать на суда в Ламанше или,

как это было во времена Карла I, увозить англичан с берегов Девона и Корнуолла в рабство в Африку.

Одним из главных украшений талантливой дипломатической службы Кромвеля был Джон Мильтон, а «Блейком» его превосходной секретной службы был Джон Терло. После Уолсингема это был даровитейший руководитель шпионажа и секретной разведки Англии. Джон Терло, бдительность и неистощимая изобретательность которого стояли на страже Лорда-протектора*, получал щедрые ассигнования, по размерам соответствующие бюджету британской секретной службы наших дней и превышавшие более чем в 23 раза суммы, отпущенные Уолсингему в наиболее беспокойном году (1587) царствования Елизаветы.

Достаточно перелистать Пеписа**, этого бесподобного разведчика эпохи Реставрации***, чтобы судить о том, как современники расценивали блестящие дела Терло. 14 февраля 1668 г. Пепис писал:

«Министр Моррис заявил сегодня в парламенте, когда речь шла о разведке, что ему ассигновано только 700 фунтов стерлингов на весь год, тогда как Кромвель отпускал для этой цели 70 000 фунтов в год; это было подтверждено полковником Берчем, заявившим, что благодаря этому Кромвель носил тайны всех монархов Европы в своем кармане».

Парламент вернулся к обсуждению вопроса о секретной службе лишь через три дня, и скудная сумма, отпущенная Моррису на разведку, была увеличена на 50 фунтов стерлингов.

Джон Терло был министром Оливера и Ричарда Кромвелей, но после Реставрации этот «скромный адвокат из Эссекса» ушел от политических дел и больше не служил королю; «хотя король домогался его услуг». Карл II имел все основания ценить способности Терло и пытался использовать их, ибо никто не сделал так много, чтобы расстроить бесчисленные козни эмигрантов-

---

* Протектор, Лорд-протектор — титул Оливера Кромвеля, одного из виднейших вождей Английской революции XVII века. — Ред.

** Пепис — автор известных дневников, которые он вел в 1660—1669 годы. В них отразилась придворная жизнь Англии эпохи Реставрации. Видный чиновник адмиралтейства, Сэмюэль Пепис был очень наблюдательным человеком, и его свидетельские показания высоко оценены историками. — Ред.

*** Реставрация — восстановление. Здесь имеется в виду реставрация королевской династии Стюартов (Карла II, затем Иакова II). Ред.

роялистов, сторонников Карла.

Эскадра адмирала Блейка очистила моря от испанских кораблей, от пиратов и каперов*; таким образом, Кромвелю не угрожала серьезная опасность, пока роялисты не перешли от открытой вооруженной борьбы к тайным политическим заговорам. Эти заговорщики во множестве переправлялись через Ламанш на рыбацких суденышках и на торговых кораблях. Но шпионы и военная полиция Кромвеля стояли непроходимой стеной, сквозь которую роялисты тщетно пытались прорваться. Джон Терло был оплотом всего режима. В качестве министра он сосредоточил в своих руках портфели всего кабинета, а сверх того был главой полиции и секретной службы.

Агенты Терло были повсюду. Многие из них являлись доверенными лицами Карла Стюарта. О заговорах, непрерывно организуемых в Париже и Мадриде, в закоулках Брюсселя, Кельна и Гааги, немедленно и с поразительной точностью сообщалось министру Терло. Кабинеты Франции и Испании заседали за плотно запертыми дверями; но спустя несколько дней Терло читал полный отчет обо всем, что говорилось и решалось на этих «тайных» заседаниях. Оливер Кромвель был единственным человеком, сумевшим смутить кардинала Мазарини. Кромвель был на голову выше кардинала не только как полководец, но и как государственный деятель; он превосходил его во всем, исключая личной скупости. Помощник же Кромвеля Терло мог бы с успехом прочесть Мазарини несколько лекций о тонкости, точности и успешности руководства секретной службой.

«Нет правительства на земле,— писал Сагрето, посол Венеции, Совету Десяти**,— которое скрывало бы свои дела больше, чем английское, или было точнее осведомлено о делах других правительств».

Ученые, обедневшие роялисты, простодушные фанатики, эмигрировавшие военные, преследуемые правосудием

---

* Каперы — частные судовладельцы, с разрешения той или иной из воюющих держав захватывавшие в море неприятельские торговые корабли и даже нейтральные суда, везшие грузы, объявленные контрабандой. В международном масштабе каперство было воспрещено лишь Парижским конгрессом 1856 года.— Р е д.

** Совет Десяти — с XIV века орган верховного полицейского надзора в Венецианской республике. — Р е д.

молодые распутники и бездельники, нарушившие закон и даже приговоренные к смертной казни, но получившие отсрочку по распоряжению свыше,— всех их Терло использовал в своей секретной службе. Многие из них даже не знали, что служат ему. Он перехватывал письма с такой неуклонностью, что почтовый мешок роялистов, казалось, предназначался именно для его канцелярии. Советник короля Карла II Хайд, сидевший во Франции без гроша в кармане, не подозревал, что Терло читал его переписку, как раскрытую книгу, и получал доклады о его секретнейших планах чуть ли не до того, как они были окончательно разработаны.

Терло зависел от услуг знаменитого дешифровщика доктора Джона Уоллиса Оксфордского. Обычный просмотр почты роялистов без применения искусства Уоллиса был бы скорее грубой цензурой, чем тонким шпионским обследованием. И враги Протектора, обнаружив ее, несомненно, встревожились бы и начали сноситься иным способом. По-видимому, Уоллис умел расшифровать любой код или шифр, известный конспираторам той эпохи; он наносил сторонникам Карла такие же удары, какие наносил после 1914 года немцам крупный британский специалист по тайнописи сэр Альфред Юинг или капитан Хитчингс.

Терло при всех своих талантах и при умелых помощниках прежде всего нуждался в даре бдительности, ибо жизни Кромвеля грозила опасность на каждом углу. В 1654 году находившийся в Испании и обедневший Карл выпустил воззвание, в котором предлагал дворянство и 500 фунтов стерлингов любому человеку, достаточно смелому, чтобы убить «некоего интригана, называемого Оливером Кромвелем». Шпионы Терло быстро обнаружили гнезда смертельных интриг во многих местах, и вскоре был создан вид полиции, находившейся не под управлением местных властей, а под командой армейских офицеров. Англия была разделена на одиннадцать округов; во главе каждого округа стоял генерал-майор, командующий полицией, которой были приданы особые кавалерийские части. Средства, необходимые этой новой репрессивной организации, покрывались десятипроцентным налогом, которым были обложены доходы обедневшей роялистской знати.

Как полицейская мера, ставившая всю Англию под «профилактический арест», это нововведение увенчалось полным успехом, ибо Кромвель сохранил свою жизнь; но как система управления государством оно оказалось неудачным. Эта система полицейского руководства государством была отменена в 1657 году, как раз в тот год, когда Кромвелю угрожала сильнейшая опасность. Один секретный агент даже советовал Терло не допускать Протектора к чтению писем, прибывающих из-за границы, ибо какое-нибудь из них могло оказаться пропитанным смертельным ядом.

Лично Кромвеля тревожили левеллеры* с их неуклюжей невзорвавшейся пороховой корзиной, присланной как «новогодний подарок». Контрразведчики Терло обнаружили сэра Джона Пакингтона, провозившего боеприпасы под видом вина и мыла. Панраддок поднял восстание в Уилтшире; но хорошо осведомленное правительство подавило этот мятеж, как оно подавляло и все другие восстания роялистов, и разогнало его приверженцев. Армейских мятежников Овертона, Гаррисона и Уайлдмена также быстро уgomонили. Но члены «Припечатанного Узла», тайного общества или клуба роялистов-заговорщиков, потребовали широкого, систематического наблюдения; и все же полиция не могла изловить их. Агент Терло проследил одного курьера этой организации до Кельна, и там обнаружили короля Карла с верным телохранителем. Карл бежал в Брюссель, где шпионы Терло уже поджидали его. Кромвель объявил войну Испании, «великой опоре римского Вавилона**». Один из его брюссельских агентов писал Терло, что молодой король выведен из терпения медлительностью испанского правительства, что он устал «прятаться за драпировками, не имея возможности действовать».

После смерти Лорда-протектора его преемник Ричард Кромвель оставил Джона Терло своим министром; и Терло нанес по меньшей мере один удар заговорщикам против республики, подкупив Ричарда Уиллиса, доверенного и видного члена «Припечатанного Узла». Удар по заго-

---

Л е в е л л е р ы — буквально «уравнители»; крайняя левая политическая партия в эпоху Великой английской революции.— Р е д.

** Р и м с к и й В а в и л о н. В глазах английских пуритан Рим был образцом испорченности, подобно древнему Вавилону. Пророки библии (в «ветхом завете») неоднократно употребляют по адресу этого города выражение «блудница вавилонская». — Р е д.

ворщикам, однако, не принес ожидаемых результатов, ибо резидент Кромвеля в Голландии Джордж Даунинг — информатор Пеписа — понял, что в Англии надвигается реставрация, и сам оказал услугу королю Карлу, предупредив его, что Уиллис подкуплен.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дефо и якобиты*

Творец бессмертной книги об искателе приключений Робинзоне Крузо признался, что королева Анна использовала его для «некоторых почетных, хотя и секретных услуг». Это было сказано слишком скромно, ибо Даниель Дефо — один из крупнейших профессионалов секретной службы. Он как бы олицетворял собой совершеннейшую секретную службу в период царствования последней представительницы Стюартов в Великобритании.

Дефо, мастер приключенческой фантастики, журналист и романист — напомним его «Дневник чумного года» или повесть «Мемуары рыцаря», описывающую страшное опустошение Магдебурга, — написал за свою плодотворную и полную событий жизнь сотни печатных листов; но ни одной строчки он не посвятил своей карьере секретного агента короны. Эта сдержанность, о которой любознательное потомство может только сожалеть, и является доказательством того, что Дефо должен стоять в первых рядах тайных эмиссаров. Она явно обнаруживает ловкого, искусного агента; ибо даже лучшие из них, живя скрытно и действуя в течение многих лет, никогда не возвышались над обычной осторожностью.

Когда королева Анна в 1710 году сместила лорда Годолфина, он, передавая управление делами Англии свое-

---

* Якобиты — приверженцы Стюартов в Англии после второй революции. Название получили от имени короля Иакова II, низвергнутого этой революцией. — Р е д.

му преемнику Харли, лично рекомендовал новому министерству Дефо как надежного и предприимчиво политического агента. Дефо так хорошо служил правительству вигов, особенно в Шотландии и в убежищах якобитов, куда он часто являлся под чужой личиной, что пришедшие к власти тории* благоразумно решили использовать его бесспорные дарования. Дефо было 49 лет, когда «Робинзон» широко прославил его имя. Молодые годы Дефо полны приключений. Он дважды сидел в тюрьме; в 1703 году он был выставлен к позорному столбу; злобные современники распространяли даже слух, будто ему публично обрезали уши. Всего этого нет в «материалах» о нем. Талантливая рука, сумевшая живописать Молль Флэндерс, пирата Эйвери, разбойников Шеппарда и Джонатана Уайльда, не подвергла опасности обнародования секреты английского правительства.

Мы назвали этого образцового шпиона почти совершенным воплощением секретной службы в одном лице; такое утверждение можно было легко обосновать, хотя его собственных свидетельств на этот счет не имеется. Даниель Дефо посещал Ньюингтонскую академию, руководимую неким мистером Муртоном, где одним из его соучеников был тот самый Сэмюэль Уэсли, который основал методизм**. Трое из школьных друзей Дефо были повешены за участие в заговоре герцога Монмута. Есть основания полагать, что эти казни кое-чему научили Дефо, ибо в дельнейшем он всегда старался сотрудничать лишь с побеждающей стороной и быть полезным всесильным министрам.

То была смутная эпоха войн, якобитских заговоров и угрозы восстаний; столь одаренный человек, как Дефо, рисковал жизнью, отдаваясь политической секретной службе. Памфлеты он пек, как блины, с изумительной быстротой и ясностью изложения. Он заполнял своими

---

* Т о р и или т о р и и — английская политическая партия, переродившаяся в современную консервативную партию; возникла в эпоху Английской революции XVII века. Приблизительно в ту же эпоху возникла партия в и г о в, предшественников либеральной партии XIX века. В Америке в эпоху революционных войн ториями называли сторонников союза с Англией.— Р е д.

** Сэмюэль Уэсли и его брат Джон основали секту англиканской церкви — м е т о д и з м. Догматы методизма, мало отличаясь от догматов англиканской церкви, характеризуются лишь большим формализмом и ханжеством обрядностей.— Р е д.

статьями три, а иной раз и четыре газеты сразу: ежене-
сячное издание, чуть не в 100 страниц, еженедельное и
выходящее три раза в неделю. Время от времени он вы-
пускал и ежедневную газету. Горький считал «Робинзона
Крузо» настольной книгой непобедимых и гордых людей;
но прославленные труды Робинзона нам представляются
весьма скромными по сравнению с трудолюбием творца
эпопеи Робинзона. Шотландия находилась на расстоянии
400 миль; и все же, когда Дефо в одной из своих секрет-
ных миссий отправился в этот северный край, он продол-
жал писать и публиковать свои обозрения в Лондоне че-
рез день. Даже когда его заперли в Ньюгетскую тюрьму,
он не переставал отправлять в типографию свои рукопи-
си.

Дефо был не только неутомимый автор, агент или ис-
кусный пропагандист; он представлял собой целую редак-
цию. Вымышленными были в большинстве не только зна-
менитейшие из его персонажей, но и сам он отчасти яв-
лялся продуктом своего необузданного воображения.
Несколько книг он издал анонимно, а свою фамилию он
проставлял под предисловиями, в которых рекомендовал
эти книги вниманию читающей публики. В письмах в
редакции своих газет он расхваливал себя и поносил се-
бя в письмах во враждебные издания. Он поправлял се-
бя, цитировал себя, совершал плагиаты из своих собст-
венных трудов, которые приписывал другим. Он смело
напоминал в печати себе самому о своем союзе с полити-
ческими кругами, скрыто использовавшими его для борь-
бы с некоторыми мероприятиями правительства.

«Окутанный туманом»

Правительственный шпион лорда Таунзенда, бывшего
статс-секретарем вскоре после заключения Утрехтского
мира в мятежном 1715 году, Дефо занял этот пост в сущ-
ности для спасения самого себя от угрозы очередного
тюремного заключения. Его врагам казалось, что они
уже погубили его; но главный судья Паркер прекратил
следствие против Дефо и лично доложил Таунзенду, что
автор памфлетов — лойяльный приверженец короля Ге-
орга I. Поэтому Таунзенд заручился услугами столь яв-
ного перебежчика; однако было условлено настолько за-
маскировать примирение между Дефо и статс-секрета-

рем, чтобы этот журналист мог действовать как шпион в лагере врагов. Правительство было озлоблено против якобитской прессы, мятежные выпады которой вызывали опасное брожение в народе. Продолжая проявлять показную враждебность к Таунсенду и правительству, Дефо легко мог снискать доверие якобитских кругов. Предполагалось, что он будет противодействовать выпуску их изменнических листовок, перехватывая или обезвреживая статьи, имеющие целью создать затруднения правительству.

По-видимому, Дефо с охотой вступил в этот тайный союз. Он стал «торийским» редактором у Таунсенда в 1716 году и играл эту роль до 1720 года, помогая вести якобитскую газету «для развлечения партии» и препятствуя тем самым выпуску более резко настроенного органа. В 1717 году правительство из разных источников узнало, что якобиты замышляют новое восстание. Действуя на основании сведений, полученных через секретных агентов (возможно, что среди них находился и Дефо), власти проникли в резиденцию шведского посла графа Юлленборга и нашли там немало «уличающих» документов, главным образом переписку с бароном Гёрцом, видным шведским дипломатом, послом на Континенте. Шведский король Карл XII тотчас же стал мишенью для враждебных выпадов со стороны англичан, и Дефо составил проект обуздания всех шведов, не исключая их короля.

За девять лет до этого воинственный Карл XII, помещанный на славе Александра Македонского, предал колесованию ливонского дворянина Иоганна Риндхольдта, графа Паткуля*. До казни Паткуля Дефо о нем и не слышал; но создавшееся положение показалось королю английской пропаганды самым подходящим для того, чтобы воскресить дискуссию о забытом злодеянии Карла XII. Написанный им памфлет, напечатанный с молниеносной быстротой, якобы представлял собой перевод какой-то оригинальной брошюры пастора, который лично присутствовал при последних часах несчастного Паткуля. Но современные ученые признали этого «пастора» бессовестным плагиатором, ибо он, понося Карла и

---

* Паткуль — видный деятель начала XVIII века, примкнул к Петру I в его борьбе против Швеции, чтобы сбросить шведское иго в Прибалтике. — Р е д.

всячески превознося муки и невинность осужденного Паткуля, бесцеремонно заимствовал целые четыре страницы из ранее вышедшего сочинения Дефо «О войнах Карла XII».

Такой выпад против шведского монарха нельзя было оставить без внимания, и граф Юлленбург сделал энергичное представление английскому правительству, требуя, чтобы не в меру откровенный критик иноземного монарха понес суровое наказание. Однако требование это удовлетворено не было, и граф Юлленбург был немало озадачен тем, что министрам короля Георга никак не удастся помочь ему нанести памфлетисту ответный удар.

В апреле 1717 года, когда Таунзенда сменил лорд Сандерленд, неистощимый на выдумки Дефо оказал правительству еще большую услугу, пристроившись к торийской газете Натаниела Миста под личиной «переводчика иностранных известий». В ту пору была в ходу острота, что Дефо «любит окружать себя туманом»*. Сандерленд был этим доволен, тем более что газета Миста «Джорнал» была органом Стюартов. Дефо так резюмировал свои тайные цели: «Но в общем... при таком руководстве и «Уикли Джорнал» (Миста), и «Дормерс Леттер», и «Меркуриус Политикус» (руководство то же, что в «Джорнал») всегда будут слыть торийскими газетами; фактически же они будут настолько парализованы и обессилены, что правительству они не доставят ни вреда, ни неприятностей». О корреспондентах и сторонниках Миста он отзывался как о «папистах, якобитах и остервенелых ториях,— поколение, которого, клянусь, гнушается моя душа».

Предприятие Дефо было, несомненно, опасным, но он с рвением взялся за дело. Плоды услуг «правительственного» редактора очень быстро обнаружались на страницах мистовского «Джорнал». Дефо тянул в одну сторону, якобиты — в другую. Политические статьи с бурными нападками на правительство откладывались ради «развлекательных повестей» и материала, написанного в шутовском тоне, что поражало старых читателей Миста, но завоевывало ему сотни новых. Тем не менее «Джорнал» Миста все еще подвергался резким нападкам органа ви-

---

* Непереводимый каламбур: «мист» по-английски значит «туман». — Ред.

гов — «Джорнала» Рида. И когда связь Дефо с Мистом, наконец, обнаружилась, пресса вигов стала потешаться, а тории неистовствовали.

В итоге в мистовской газете тотчас же стали печататься резко антиправительственные статьи. В октябре 1718 года газета напечатала письмо, подписанное «сэр Эндру Политик», которое настолько уязвило чувствительных министров короны, что типография Миста подверглась набегу и обыску: власти искали оригинал письма. На допросе Мист присягнул, что автором письма «сэра Эндру Политика» является Дефо. Лорд Станхон знал это, кажется, от самого Дефо, и преследования против него не было возбуждено. Вскоре после этого, по заступничеству Дефо, был выпущен из тюрьмы сам Мист. В дальнейшем Дефо еще два раза спасал Миста от ареста. Презируя политические взгляды Миста, Дефо относился к нему, по-видимому, тепло и сочувственно. После того как связи Дефо с правительством стали явными, Мист ответил на это партийной враждой к своему покровителю. И они разошлись.

Якобитский заговор

После того как король Иаков II в страхе оставил свой трон, якобитская интрига не переставала потрясать острова Британии. Это стоило стране больших денег, потерянного времени и многих жизней.

«Паписты, якобиты и остервенелые тории» принадлежали к фешенебельному обществу, и не разделять их ханжества, фантазий и предрассудков было так же «не модно», как заниматься торговлей. Якобитов было много, это были люди настойчивые, упрямые и жизнерадостные; питаясь ложными надеждами, они жирели по мере того, как действительные шансы на реставрацию Стюартов становились все мизернее.

Якобиты постоянно шныряли между Англией и Францией. Полиция обоих государств гораздо суровее поступала с отечественными заговорщиками, чем с иностранными агентами военного шпионажа. Военные шпионы, которых Франция вербовала для работы против Англии, были, однако, в большинстве якобитами; они подвергали себя двойной опасности, осложняя шпионаж политиче-

ским заговором. Как бы важна ни была их миссия или каким бы щедрым ни являлось вознаграждение, они никогда не скрывали своей уверенности в том, что кампании французов были лишь диверсией для расчистки пути Стюартам. Мориц Саксонский, получив верховное командование, тотчас же принял меры к организации французской разведывательной службы, и его соглашения с якобитами в 1743 году показывают, что в понимании важности и задач разведки он значительно опередил других победоносных полководцев того времени. После смерти маршала французская разведка быстро пришла в упадок.

В 1755 году одним из влиятельнейших руководителей ее был де Боннак, способный и энергичнейший человек, французский посол в Голландии. В числе агентов, которых он отправил в Англию, были Мобер и Робинсон. Первый в письме из Лондона в Париж выдвинул план финансового саботажа, т. е. диверсии. Он собирался подорвать мощь Английского банка с помощью фальшивых банкнот, которые должны были фабриковать лучшие граверы Франции. Людовику XV очень хотелось затруднить положение английского правительства или, по крайней мере, запугать англичан, но на такой незаконный шаг он никак не мог решиться. Тогда Мобер хладнокровнейшим образом донес, что он может «купить» одного из членов английского кабинета. Иносказательно он дал понять, что речь идет о лорде Холдернесе. Однако из этой сделки ничего не вышло. Коллега Мобера Робинсон со своей стороны шпионил за англичанами столь нечувствительно для них, что когда он попался и был осужден, то его посадили в лондонский Тоуэр* всего лишь на полгода.

Это было время большого застоя и полной беспечности, время, когда виконт Диллон, наследственный командир Диллоновского полка французской регулярной армии, мог вести дела этой воинской части, не покидая Англии. Франция и Англия шли к войне, но ирландский виконт не менял своего местожительства и в то же время не слагал с себя командования. Де Боннака отозвали из Гааги и на его место назначили нового французского

---

* Тоуэр — древний замок в Лондоне, первоначально резиденция английских королей, затем государственная тюрьма, в которой производились и казни. — Р е д.

посланника д'Афрэ, который простодушнейшим образом вступил в переговоры с Фальконне, двойным шпионом, весьма приверженным к золотым гинеем, которые ему выплачивали англичане. Купив немало фальшивых планов, д'Афрэ раскусил Фальконне и обратился к более искусному жулику Филиппу, специальностью которого была лживая информация, якобы разоблачавшая британские планы и действия в Канаде.

Другой двойной шпион, швейцарец Вотравер так мало считался с д'Афрэ, что через его голову написал непосредственно Людовику XV. Он сообщал, что может узнать численность войск и цели английской экспедиции в Нидерланды. Англичане чрезвычайно опасны и умны, поскольку они сумели одурачить даже его, Вотравера, — сознавался он, — и король Франции хорошо сделает, если запросит мира. Людовик ответил тем, что предложил швейцарцу оставить дипломатию и возобновить свою работу в качестве шпиона, за которую он и получал вознаграждение. В это время — в 1757 году — Мобер и Робинсон были уже не у дел, и единственным оседлым французским шпионом в Англии был некий д-р Ансэ. Он был братом аббата Ансэ, французского дипломата, и считал свое место в Лондоне важным и безопасным. Его донесения, кажется, приносили очень мало пользы французскому правительству; все же англичане, разоблачив Ансэ, решили, что он представляет собой грозную опасность. С ним не собирались миндальничать, как с Робинсоном. Ансэ судили в июне 1758 года. Его приговорили к повешению, что потрясло не только его самого, но и весь подпольный шпионский мирок Европы. В негодовании этот брат аббата обратился к суду с запросом: на каком основании шпиона смеют третировать как обыкновенного уголовного преступника?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Полицейский шпионаж Бурбонов

После того как организация секретной службы при Ришелье и Мазарини помогла упрочить Бурбонскую монархию в лице сына и внука Генриха IV*, французский трон в течение века с четвертью не знал серьезной угрозы. Кардинал Ришелье заложил фундамент этой безопасности при помощи шпионской системы, главной целью которой было сохранение его личной безопасности. Мазарини был вообще слишком озабочен борьбой с Фрондой** и другими заговорами презиравшей его аристократии, чтобы полагаться только на правительственных шпионов или полицейских агентов, которых нельзя было и сравнивать с агентами его собственной секретной службы.

Людовик XIV, достигнув совершеннолетия и начав царствовать как самый неограниченный монарх своего времени, очень быстро «изменил все это»***. Его полицейская служба все еще оставалась частной, но лишь потому, что Людовик смотрел на Францию как на свою вотчину. Это был абсолютный монарх, властвовавший по принципу «государство — это я!» (L'état c'est moi!)****, и его частный шпионаж, естественно, входил в полицейское ведомство его государства-вотчины. В царствование этого монарха зарождается возведенная в систему политическая полиция, слежка, почтовая цензура и военный шпионаж мирного времени.

---

* Сын и внук Генриха IV — французские короли Людовик XIII и Людовик XIV. — Р е д.

** Фронда (Франц.) — умеренная оппозиция. Общественно-политическое движение во Франции в середине XVII века, направленное против абсолютизма и персонально против кардинала Мазарини, правившего государством во время малолетства Людовика XIV. — Р е д.

*** «Изменил все это» — намек на крылатую фразу Сганареля из комедии Мольера «Лекарь поневоле»: «Мы все это изменили», произнесенную им, когда ему указали, что он спутал взаимное расположение сердца и печени в организме человека. — Р е д.

**** «Государство — это я». Так будто бы сказал Людовик XIV на заседании французского парламента в апреле 1655 года, вбежав в зал заседаний в охотничьем костюме с палочкой в руке. Легенда опровергается серьезными историками. — Р е д.

Людовик не только требовал системы и эффективной деятельности шпионажа, но предоставил также французской полиции средства и власть, необычайно расширившие ее задачи и ее возможности. Он хотел обеспечить общую безопасность в крупнейших городах Франции, где преступления, распущенность, беспорядок и грязь были повседневным явлением. Однако, дав французскому народу устойчивое правление, Людовик сделал это за счет уничтожения остатков свободы и независимости городов.

Лувау, самый прославленный после Кольбера министр Людовика XIV, имел шпионов во всех городах Франции и во всех войсковых частях. «Лувау был единственный, которому верно служили шпионы, — писала герцогиня Орлеанская, побуждаемая больше завистью, нежели стремлением к истине. — Имея дело со шпионами, он был щедр. Каждый француз, отправлявшийся в Германию или Голландию в качестве преподавателя танцев, фехтования или верховой езды, состоял у него на содержании и осведомлял его о том, что происходило при дворах».

Другой современник сообщает: «Не было ни одного сколько-нибудь значительного офицера французской армии, достоинства и пороки которого не были бы известны до последней мелочи военному министру... Не так давно в вещах одной девушки, которая служила горничной в крупнейшей гостинице Меца и там же умерла, было найдено несколько писем от военного министра, из которых явствует, что она обязана была осведомлять его обо всем происходящем в этой гостинице. За это министр регулярно платил ей жалованье».

Однако диктаторские полномочия королевской полиции не были переданы какому-нибудь министру или военачальнику, но передоверялись полицейскому лейтенанту (должность, учрежденная в 1667 году), вскоре возведенному в ранг генерал-лейтенанта. Это лицо стало всевластным; и он и его преемник деспотически правили Парижем вплоть до Великой французской революции. Начальник полиции безапелляционно карал за нищенство, бродяжничество и нарушение любых законов.

Даже в высших кругах общества были жулики и изменники. Умелые шпионы уличили князя де Рогана в том, что он вел переговоры с врагами Франции о продаже им стратегических пунктов на побережье Нормандии.

Полицейский генерал-лейтенант был поставлен перед

огромной задачей; он, по крайней мере, мог разрешать ее своими исключительно широкими полномочиями. Его слово было непререкаемым законом в отношении всех преступлений политического или общего характера. Он мог немедленно расправляться с преступниками, пойманными на месте преступления, мог арестовать и посадить в тюрьму любое опасное или подозрительное лицо, мог производить обыски в частных домах и принимать любые другие меры, сколь бы произвольны они ни были.

Первым генерал-лейтенантом полиции был Габриель-Никола, который по названию своего поместья принял более аристократическое имя — де ла Рейни. Это был молодой адвокат, протееже губернатора Бургундии, впоследствии снискавший расположение Кольбера. Современники де ла Рейни описывают его как человека сурового, молчаливого, самоуверенного и весьма сильного характером. Хотя его личные качества мало подходили к тем, какие требовались от французского царедворца, он, как видно, быстро снискал доверие своего самовластного монарха, и его последующие победы над мошенниками и заговорщиками стали обычным делом.

Все государственные узники королевских тюрем-крепостей — Венсенна, Бастилии, Пиньероля и других мрачных юдолей забвения — были отданы в его ведение. В его распоряжении находилась вооруженная армия, конная и пешая, около тысячи человек; он дополнял ее городской стражей, так называемыми *chevaliers de guet*, или «королевскими лучниками», в количестве 71 человека.

Де ла Рейни вымуштровал свои ударные войска и приступил к чистке знаменитого «Двора чудес», этой явы средневекового Парижа, притона профессиональных нищих. Полиция изгнала и рассеяла обитателей этой цитадели преступности; но Париж получил передышку лишь за счет окрестностей, куда перекочевали преступные элементы.

В разоружении служителей знати де ла Рейни добился более прочных успехов. Он обнародовал строгие правила, восстанавливавшие действие старых указов, которые запрещали носить оружие, и отказывал в принятии на службу тем, у кого документы были не в порядке. Затем он арестовал нескольких упорствовавших, осудил и повесил их, несмотря на громкие протесты их влиятель-

ных покровителей. И когда вместо запрещенных шпаг начали пользоваться дубинками, тростями и просто большими палками, он запретил ношение и этих видов оружия.

Умственные занятия генерал-лейтенанта создали ему славу первого неумолимого цензора печати. Французы, еще недостаточно запуганные, печатали вещи, которые деспотическое правительство считало пасквилями. Среди подданных короля Людовика были безрассудно смелые люди, протестовавшие против королевских излишеств, грабежей военных, несправедливых судебных приговоров и казнокрадства финансовых органов. Но адские машины типографов были во власти полиции, и она умела быстро обрушивать месть закона на типографов и наборщиков, авторов или издателей, мнения которых не нравились правительству. Принимались самые жестокие меры против распространения запрещенных книг; философские произведения были особенно не по душе полиции.

Любопытно отметить, что книги, когда на них падало подозрение, разыскивались и брались под стражу, с ними обращались как с уголовными преступниками — их отправляли в Бастилию. Двадцать экземпляров книги откладывали для губернатора, двенадцать или пятнадцать — для видных государственных чинов, а остальные экземпляры издания передавались фабрикантам бумаги для уничтожения, продавались, как макулатура, или сжигались в присутствии архивариуса. Запрещенные книги арестовывались только после суда и вынесения приговора над ними; приговор писался на клочке бумаги, который прикреплялся к мешку с осужденными книгами. Приговоренные гравюры подвергались порче в присутствии архивариуса и всего штата Бастилии. Конфискация книг часто сопровождалась приказом об уничтожении печатной машины и конфискации всех изданий книгопродавца.

Но в борьбе против азартных игр и жульничества вообще полицейским агентам пришлось решить более трудную задачу. Подражая распущенности и расточительству двора, каждый играл в азартные игры дома или вне дома — где попало, даже в карете при поездке на расстояние нескольких миль. Людовик XIV, по мере того как удовольствия молодости переставали его привлекать, все более втягивался в азартную игру на крупные став-

ки. Придворные следовали его примеру, а прочие подражали им. Возможность сорвать большой куш влекла к зеленым столам многочисленных шулеров; разнообразные виды жульничества получили огромное распространение. Король неоднократно отдавал приказы об искоренении мошенничества; одному чиновнику, главному начальнику дворцовой полиции, даже поручено было изыскать способы предотвращения шулерства. В то же время де ла Рейни доносил Кольберу о бесчисленных видах жульничества с картами, игральными костями и т.д., раскрытых его агентами. Полицейский генерал-лейтенант предлагал поставить под строжайшее наблюдение фабрикантов карт; бесполезно было, с его точки зрения, контролировать изготовителей костей; но нужно было требовать, чтобы они доносили обо всех, заказывающих фальшивые кости.

Постепенно все азартные игры, хотя они и продолжались при королевском дворе, повсюду оказались запрещенными. Король, значительно остепенившийся под религиозным влиянием мадам де Ментенон, порицал мотовство дворян; но азартные игры становились все более популярными. Людовик обещал облечь де ла Рейни достаточной властью, чтобы искоренить все азартные игры, но отнюдь не предлагал начать со своего двора. Ни игра, ни жульничество не могли быть устранены в высших сферах, пока не пришла Великая французская революция. Тогда придворные, старавшиеся обычно обмануть своих партнеров в азартной игре, заменили это свое стремление попытками обмануть гильотину.

Беспринципный Беррье был обязан своим назначением на пост полицейского генерал-лейтенанта влиянию маркизы Помпадур, ставленником которой он был. Он с усердием низкопоклонника направил всю свою власть и силы своего ведомства на слежку за ее соперницами, в точности выясняя, что говорили о ней, и мстя массовыми арестами за каждое наносимое ей оскорбление. Чтобы угодить всемогущей любовнице Людовика XV, Беррье ежедневно представлял ей доклады о скандальных сплетнях, которые его агенты собирали в Париже. Отсюда был лишь один шаг до «Черного кабинета» — правительственного бюро почтового шпионажа, где прочитывались все письма, доверенные французской почте. Многочисленный

штат усердных и надежных чиновников, работавших под непосредственным наблюдением Жанеля, главного директора почт, ртутью снимал оттиски с сургучных печатей, водяным паром расплавлял сургуч, вынимал письма из конвертов и читал их, снимая копии с тех писем, которые, по мнению цензоров, могли заинтересовать или развлечь короля и Помпадур. Пленив самого ленивого и легко пресыщавшегося французского монарха, Помпадур всегда смотрела на полицейский шпионаж как на самое действительное оружие деспотизма. Министры — члены кабинета обычно заседали в ее доме; и именно по ее предложению рассылались шпионы ко всем европейским дворам.

Де Сартин был самым неутомимым и одаренным из всех, кто командовал полицией Бурбонов до Великой французской революции. Он приобрел известность с помощью хитрости, характерной для человека его эпохи; но слава, которую он стяжал позднее своей системой всеведущего шпионажа, является результатом исключительной полицейской слежки. В популярном анекдоте рассказывается об одном государственном деятеле, который писал де Сартину из Вены, настаивая, чтобы французская полиция арестовала, заковала в кандалы и доставила в Австрию известного австрийского разбойника, «удравшего в Париж». Глава французской полиции немедленно ответил, что разыскиваемый разбойник не находится во Франции, а скрывается в самой Вене. Он сообщил венский адрес этого разбойника и в точности указал время, когда тот входит и выходит из своего убежища, а также, как он маскируется. Все это подтвердилось: преступника захватили врасплох и арестовали.

Председатель высшего суда в Лионе отважился раскритиковать Сартина и его руководство полицией, добавив, что каждый сумеет обойти полицию, если будет достаточно осторожен. Он предложил пари, утверждая, что сам проберется в Париж, пробудет там неделю, и полицейские шпионы не смогут обнаружить его. Де-Сартин принял вызов. Через месяц судья покинул Лион и тайно прибыл в Париж, где снял комнату в отдаленном квартале города. К обеду того же дня он получил письмо от Сартина, которое было доставлено по его новому адресу

и в котором де Сартин приглашал его к себе поужинать и уплатить проигранный заклад.

Сартин иногда забавлялся тем, что заставлял воров и карманников показывать свое профессиональное искусство. Чтобы угодить своим друзьям, глава полиции посылал целый отряд жуликов в какой-нибудь светский дом, где они срезали часовые цепочки, разрезали карманы и крали табакерки, кошельки и драгоценности, стремясь развлечь знатное общество.

Сартин, испанец по рождению, человек малообразованный, явился в Париж с целью разбогатеть и приобщиться к аристократическим кругам. Разрешая эти две задачи, он усовершенствовал методы полицейской работы и необычайно умножил число своих агентов. Кажется, он был первый министр в Европе, надумавший привлечь «исправившихся» уголовных преступников и бывших каторжников к работе в качестве сыщиков и шпионов. Когда его упрекали в том, что он ввел столь сомнительную практику, он отвечал: «Где я найду порядочных людей, которые согласились бы вести такую работу?»

Ленуар, преемник Сартина на посту генерал-лейтенанта полиции, был так увлечен шпионажем, что заботился не столько о защите общества, сколько о регистрации его несовершенств. Его агенты достигали такого вездесущия, какого не достигла ничья другая секретная служба. И только в области военного шпионажа Штибер расплодил в зоне подготавливавшегося в 1870 году вторжения во Францию такую же орду мелких прусских шпионов. Слугам разрешалось поступать на службу только при условии, что они будут осведомлять Ленуара обо всем происходящем в домах их нанимателей. Уличные торговцы тоже были на содержании у Ленуара. Он подкупал также видных членов многочисленных объединений воров, и они пользовались его покровительством, выдавая своих товарищей. Игорные дома открыто охранялись полицией, если отчисляли в ее пользу известный процент своих прибылей, сообщали имена всех клиентов и доносили обо всех происшествиях. Люди высокого общественного положения, нарушившие закон, освобождались от наказания без всякого суда, если соглашались шпионить за своими друзьями и гостями и давать информацию обо всем, что Ленуар считал необходимым знать. Одним из

его лучших агентов в Париже была известная содержательница гостиницы, которая устраивала роскошные вечера, а затем секретно, по тайной лестнице, приходила в полицию с последними сведениями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обворожительный шевалье

В эпоху влияния мадам Помпадур, фаворитки короля Людовика XV, уровень французских секретных агентов пал очень низко. Все же в середине XVIII века в этой области выдвигается загадочная фигура авантюриста, который был воином и шпионом, дипломатом и шантажистом и, вероятно, самым талантливым исполнителем женских ролей, какие известны в истории. Очаровательная красавица, совершившая в 1755 году долгое и трудное путешествие в Россию в качестве тайного курьера и, эмиссара Людовика XV, называлась Шарль-Женевьев-Луи-Огюст-Андре-Тимоте д' Эон-де Бомон — шевалье д' Эон; ему угодно было посетить Петербург под видом мадемуазель Лия де Бомон и под этой личиной расстроить планы врагов Франции, окружавших в ту пору царицу Елизавету. Международная обстановка тогда вообще была очень сложна, но в России послу Людовика было особенно трудно. Агенты английского короля Георга II были достаточно бесцеремонны, чтобы попасть туда первыми.

Король Георг подозревал, что Франция и Пруссия питают враждебные замыслы против его родины — королевства Ганновер. Это была эпоха, когда британская корона покупала солдат на любом иностранном рынке, и британский посол при российском дворе предложил канцлеру Бестужеву-Рюмину кругленькую сумму в 500 000 фунтов стерлингов, если тот отдаст ему 60 000 крепостных крестьян в муштровку для участия в войне, цели которой были для них непонятны. Посол Диккенс

подал в отставку и был заменен Вильямсом. Новый посол добился конвенции, согласно которой правительство Елизаветы Петровны соглашалось отправить 30 000 солдат в помощь королю Георгу или союзникам Ганновера в обмен на необозначенное в точности количество английского золота. Конвенция не вступала в действие немедленно, а лишь после ратификации, которая должна была состояться через два месяца по подписании соглашения.

Узнав об этом от враждебных Англии посредников, Людовик XV решил возобновить дипломатические переговоры с царицей — ход, который мог обесценить договор с англичанами. Все его попытки вступить с Елизаветой в прямое общение потерпели крах благодаря русским, настроенным дружественно к Англии, или агентам, оплачивавшимся англичанами. И когда шевалье де Валькрусан предпринял решительные шаги к тому, чтобы лично засвидетельствовать царице свое почтение, его арестовали и посадили в крепость, обвинив в шпионаже. Царица была окружена шпионами партии, возглавлявшейся Бестужевым-Рюминым, который не намерен был дать кому-либо возможность сорвать сделку, заключенную с английским королем.

Юный шевалье д'Эон, которому суждено было в свое время стать предметом не одного знаменитого пари, в детстве своем подавал немало надежд, хотя его мать, по невыясненным причинам, нарядила его девочкой, когда ему было четыре года, и в этом платье он ходил до семи лет. В юности он отличался как в юридических науках, так и в фехтовальном искусстве. В пору, когда его молодые товарищи только начинали овладевать латынью, он уже имел степень доктора гражданского и церковного права и тотчас же был принят в адвокатуру родного города Тоннера. С виду хрупкий юноша, вызывавший лишь насмешки сорви-голов, посещавших лучшую фехтовальную школу города, д'Эон вскоре обнаружил такое мастерство в обращении со шпагой и рапирой, что его избрали старшиной фехтовального зала.

Гибкий ум, гармонически сочетавшийся со столь же гибким и подвижным телом, заставил шевалье покинуть Тоннер, больше славившийся винами, чем науками или литературой. Он написал трактат о финансах Франции при Людовике XIV, что обратило на него внимание преемника этого монарха. Людовик XV намеревался исполь-

зовать д'Эона, юриста и фехтовальщика, в своем министерстве финансов, которое нуждалось в ловком и умном работнике, поскольку государство все глубже увязало в трясине долгов; но внезапно возникшая нужда в даровитом секретном агенте выдвинула этого смазливого юношу на пост эмиссара в Московию. Из всех французов он казался наиболее пригодным к тому, чтобы скрестить оружие с Бестужевым-Рюминым.

Д'Эон и его соучастник по рискованной миссии, некий шевалье Дуглас съехались в Ангальте. Дуглас, как говорили, «путешествовал для здоровья» — ироническая этикетка на французском шпионе, решившемся вложить голову в ледяную пасть петербургского гостеприимства. В поездку «с лечебной целью» Дуглас взял свою «племянницу», прелестную «Лию де Бомон». Прибыв в Германию из Швеции, Дуглас в целях маскировки своего маршрута отправился в Богемию знакомиться с какими-то рудниками. Его племянница, как видно, не очень интересовавшаяся рудниками, была заядлой любительницей чтения. Молодому д'Эону еще до выезда из Версаля дали красиво переплетенный экземпляр «Духа законов» Монтескье, который остался единственной утехой «мадемуазель Лии», хотя ей, кажется, и нелегко было читать этот труд. Может быть, эта серьезная молодая женщина заучивала его наизусть?

В роскошном переплете этого томика было спрятано собственноручное письмо Людовика XV к царице Елизавете, приглашавшее ее вступить в весьма секретную переписку с владыкой Франции. Книга таила в себе еще особый шифр, которым царица и ее англофобски настроенный вице-канцлер Воронцов приглашались пользоваться в письмах к Людовику. Таким образом, д'Эон должен был не только фигурировать в роли женщины и послушной племянницы, но и ни на минуту не выпускать из своих рук драгоценной книги с королевским приглашением и шифром.

Усердную читательницу Монтескье видели во время этого путешествия, ее описывали, как «женщину маленького роста и худощавую, с молочно-розовым цветом лица и кротким, приятным выражением». Мелодичный голос д'Эона еще больше способствовал успеху его маскировки.

Он благоразумно разыгрывал из себя не заносчивую, кокетливую и таинственную особу, а сдержанную, застенчивую девушку. Если бы она слишком манила к себе мужчин, это могло бы испортить все дело; и все же есть свидетельства, что «Лиля» влекла их к себе. Придворные живописцы не раз домогались чести писать портрет «мадемуазель де Бомон». Пришлось уступить кое-кому, и сохранившиеся миниатюрные портреты подтверждают репутацию д'Эона как первого и величайшего шпиона-трансформатора.

В Ангалте, где встретились два обманщика для создания маскарадной пары — «дяди и племянницы», д'Эон и Дуглас были благосклонно приняты фешенебельным обществом, их просили даже продлить свой визит. Пришлось сослаться на нездоровье, чтобы ускорить отъезд агентов Людовика в Петербург. Прибыв, наконец, в столицу Елизаветы, путешественники остановились в доме Маэля, француза, занимавшегося не без выгоды международными банковскими операциями. Никто не допрашивал прелестную «Лилю»; но когда к Дугласу приставали с докучными расспросами, с ним делался сильный припадок кашля, а затем он начинал распространяться о том, что врач предписал ему пожить некоторое время в холодном климате.

В России было довольно холодно, однако не для «мадемуазель Лии»; зато ее сообщник мало успевал; агенты Бестужева-Рюмина препятствовали этому французскому дворянину слабого здоровья, питавшему явный интерес к торговле мехами. Дуглас носил с собою красивую черепаховую табакерку, с которой не расставался. Под фальшивым дном этой табакерки были спрятаны инструкции французского агента и тайный шифр для его личных донесений. Но Дуглас еще не пользовался им, так как нечего было сообщать, пока «племяннице» не удалось увидеться с Воронцовым и найти вице-канцлера столь расположенным к Франции, как это предсказывали информаторы короля Людовика. Воронцов и представил прелестную «Лилю» царице Елизавете.

Елизавета любила лесть, молодежь и удовольствия. И «мадемуазель де Бомон» оправдала возлагавшиеся на нее ожидания; она представляла французскую молодежь, иноземную веселость; это был ароматный цветок, непостижимым образом занесенный на север из садов короля,

царствование которого уже прославилось адюльтером, побив в этом отношении рекорды Франциска I, Генриха IV и Людовика XIV. Елизавета слышала о знаменитом «Оленьем парке», первом мастерски организованном и систематически пополнявшемся гареме, каким когда-либо располагал король-католик. А тут еще эта невинная, прелестная племянница шевалье Дугласа, так достойно украшавшая собой петербургский двор.

Благодаря своему неподражаемому маскараду д'Эон в одни сутки стал могущественной «фавориткой» и был назначен «фрейлиной», а затем и «чтицей» к престарелой императрице. Можно наверняка сказать, что первой книгой, которую «Лия» предложила Елизавете, был ее собственный драгоценный экземпляр «Духа законов».

Вскоре британский посол Вильямс доносил лорду Холдернесу в Лондон: «С сожалением должен уведомить, что канцлер (Бестужев-Рюмин) находит невозможным побудить ее величество подписать договор, которого мы так горячо желаем».

Пришло время, когда молодой д'Эон, блестяще выполнив несколько важных дипломатических поручений короля Людовика, был официально отозван в Париж.

Французский король оказался весьма признательным. Д'Эону публично пожаловали годовой доход в 3 000 ливров, его часто назначали дипломатическим представителем. Его посылали и в Россию, и в другие страны, где требовался человек, умеющий разрешать запутанные вопросы. Иногда очаровательной «Лии де Бемон» опять приходилось пудриться, душиться, завиваться и наряжаться к вящей славе французской дипломатии. Но когда Франция вступила в войну, молодой авантюрист настойчиво пожелал занять свое место в армии. Он был сделан адъютантом герцога де Брольи, который в качестве начальника королевской секретной службы предпочитал пользоваться его помощью лишь для шпионажа и интриг; но д'Эон отличился, говорят, в одном сражении, доставив обоз со снарядами в критический момент под сильным огнем неприятельских полевых орудий.

В конце концов он был аккредитован в Лондон как дипломат и на этом новом поприще имел необычайный успех. Будучи секретарем герцога Нивернэ, в ту пору

французского посла, д'Эон действовал за кулисами, в то время как Людовик XV и его министр Шуазель старались заключить с Англией договор, который должен был обеспечить Францию от нападения Англии, пока Людовик не подготовился настолько, чтобы объявить войну. Секретарю Нивернэ удалось добыть Шуазелю точные списки весьма доверительных инструкций Бедфорду*; с ним Шуазель вел окончательные переговоры о договоре

Уловка, при помощи которой д'Эон добыл копии этих инструкций и благодаря которой его имя, как шпиона, упоминается в столь солидном историческом труде, как «Кембриджская современная история»**, может показаться бесчестной, но едва ли в большей мере, чем вся внешняя политика его двуличного царственного хозяина. Эта уловка была довольно остроумна, но не заслуживает названия шедевра. Дело происходило, по-видимому, таким образом, что помощник британского министра иностранных дел посетил Нивернэ и д'Эона, имея при себе портфель, набитый официальными документами. Гостеприимство французского посольства ослабило бдительность гостя, а поданное превосходное вино «шабли» отвлекло его внимание от д'Эона и портфеля. Шевалье, извинившись, отлучился на время из комнаты, и с ним вместе «отлучился» портфель. С быстротой, соответствовавшей столь редкому случаю, д'Эон просмотрел лежавшие в портфеле бумаги и быстро скопировал все тайные инструкции Бюта***, которые во Франции предназначались только для одного человека — Бедфорда, ведшего переговоры со стороны Англии. Обманутый помощник министра все еще расхваливал и попивал вино, когда д'Эон, извинившись за свое отсутствие, вернулся к послу и его английскому гостю. Портфель сохранил прежний вид, словно к нему никто и не прикасался.

Эта предприимчивость д'Эона дала герцогу Шуазелю огромные преимущества в переговорах. В течение всего периода заключительных переговоров Бедфорда не пере-

---

* Бедфорд Джон Россель (1710—1771) — английский политический деятель, был одним из посланных во Францию уполномоченных для ведения переговоров с Шуазелем.— Р е д.

** Cambridge Modern History.

*** Б ю т Джон Стюарт (1713—1792) — английский политический деятель, коллега Бедфорда по миссии во Францию для заключения договора.— Р е д.

ставало смущать то обстоятельство, что содержание его инструкций было в точности известно Шуазелю. И так как Бедфорд ничего не знал о поступке д'Эона, то он продолжал думать, что его умышленно обманул его коллега Бют, и потому по возвращении в Англию подал в отставку. Позднее, по тому же подозрению, он отказался принять пост председателя совета министров, освободившийся после смерти Грэнвилля. Таким образом, д'Эон оказал влияние на ход текущих политических событий в Англии. Правда, это ничего ему не принесло, ибо самые его успехи в Лондоне послужили началом упадка его карьеры. Он был необходим Нивернэ, он был доверенным агентом Людовика XV, но Помпадур, увядающая фаворитка короля, патологически подозрительная и ревнивая ко всем доверенным лицам Людовика, проявила себя и в данном случае.

Д'Эон вел теперь весьма секретную переписку с французским королем, действуя в качестве посредника и посылая Людовику донесения видного военного шпиона — известного французского инженера и военного тактика маркиза де ла Розьера. Маркизу было поручено вступить в сотрудничество с д'Эоном в Лондоне и заняться «бесшумным, но основательным изучением» прилегающих к Ламаншу графств Англии, чтобы выяснить, «где лучше было бы высадить в Англии французскую армию».

Энергичный интриган французского посольства в Лондоне не ограничился тем, что получал и препровождал Розьеру секретные увещания и советы французского короля; он составлял архив из всех подлинных документов, проходивших через его руки. И настало время, когда ему понадобилось именно такое орудие для парирования бесчестных и частых ударов. Людовик XV возвел шевалье в дипломатический ранг полномочного министра. Шпионское обследование английского побережья было успешно закончено, не возбудив ни в ком подозрений, и этот предшественник Наполеона среди Бурбонов тайно лелеял свой план внезапной высадки на берегах Альбиона*. Внезапно грянул гром над головой д'Эона. В Лондон

---

* **Альбион** — название, часто даваемое Англии во французской политической литературе XVIII и XIX веков. Происходит от слова «альбус» (по-латыни — «белый»). Когда с Континента приближаешься к английским берегам, то еще издали бросаются в глаза меловые скалы Дувра. — Р е д.

ему на смену был назначен в качестве посла дворянин, его же дальний родственник, которого он имел основания считать своим личным врагом. Фактически это было публичное разжалование: он вновь становился подчиненным. Зависть Помпадур соединилась с интригой клики его врагов, чтобы унижить его.

Наиболее сильным обвинением, выдвинутым против д'Эона, было его мотовство, его ненасытная любовь к роскоши. Людовик XV вознаграждал его крупными суммами денег, но д'Эон не вылезал из долгов. Однако он не был беззащитен против своих врагов и имел кое-что, стоившее богатства. У него были письма короля — документы, из которых каждый являлся разоблачением заговора против мира и против Англии, доказательством шпионской деятельности Розьера и д'Эона, коварных планов высадки десанта. Это был материал огромной взрывчатой силы, материал, способный глубоко взволновать английскую публику, попади он в руки парламентской оппозиции. Эти снаряды находились в руках одного д'Эона, они легко могли вызвать войну между Англией и Францией, и один д'Эон знал, где они спрятаны.

Из Франции неслись королевские угрозы, обещания, мольбы и приказы. Одно послание напоминало шевалье, как хорошо послужил он своему королю «в женском одеянии», и советовало ему вновь перерядиться женщиной и немедленно «вернуться в Париж». Вместо этого д'Эон предался глубокому раздумью. Он хорошо знал цену такой непостоянной вещи, как благодарность монархов. Его враги торжествовали: при поддержке Помпадур они оскорбили его и унизили. Но он серьезно усомнился в том, сможет ли утолить придворную мстительность простое отозвание его из Лондона. Д'Эон польстил Англии, решив искать убежища в пределах страны, государственные тайны которой он раньше покупал. И он не разочаровался в своих надеждах. Английские политические деятели и английская юстиция не захотели мстить ему выдачей французскому самодержцу.

Английский публицист и политический деятель Джон Уилкс, кумир лондонских масс, был другом и поборником д'Эона. Фактически же вся Англия была как будто на его стороне. Повинуясь инстинкту, столь присущему любому секретному агенту и побуждающему стусеиваться в подобного рода обстоятельствах, д'Эон сперва

попытался замаскировать эту свою частную борьбу. Но после нескольких попыток врагов похитить его и увезти во Францию он поднял кампанию в английской прессе против своих «иноземных» врагов. Д'Эон нанимал себе телохранителей, людей, которых он знал по секретной службе, по службе в армии, или французских дезертиров, живших в Англии. Он афишировал свое искусство дуэлянта, чтобы головорезы за Ламаншем немножко призадумались.

Между тем шантаж быстро расцветал. Д'Эон обращался к своему монарху с показной искренностью, уверяя его в своей неизменной преданности, но и упоминая о том, какую цену ему предложили его истинные друзья из «английской оппозиции» за письма, скандально разоблачающие заклятого недруга Англии. Убедившись, что мелодраматические попытки нанести удар силой не удаются, французские роялистские агенты прибегли к суду. В суде д'Эон проиграл дело, но завоевал симпатии половины английского народа и остался невредим. Английские попытки выследить и арестовать его были лишь дипломатическим жестом. Человек, дерзнувший шантажировать короля, просто-напросто скрылся под охрану Уилкса и решительной группы своих друзей, враждебных Бурбонам.

Французские шпионы всячески старались перехитрить, поймать, дискредитировать и погубить преследуемого шевалье. Пропагандистские памфлеты обливали его грязью. Он ответил на это выстрелом прямо в цель: он опубликовал несколько писем Людовика, изобиловавших нескромными откровенностями. Впрочем, начал он с самых невинных писем, прозрачно намекая на свою готовность не останавливаться на этом.

Однажды шевалье услышал жуткие крики и стоны в стене своей гостиной. Вместо того чтобы известить кого следует об этой странности, он тотчас же начал действовать. Выпачкавшись в сажу, он прочистил шпалой дымоход и обнаружил «трубочиста», который признался в том, что его нанял агент французского посла «гудеть нечистым духом» в трубах квартиры д'Эона. Если бы д'Эон заявил, что слышит звуки, происхождение которых нельзя установить извне, это дало бы повод к признанию его сумасшедшим, на чем и собирались сыграть враги дипломата-шпиона.

Такие маневры серьезно встревожили д'Эона, и он нанес ответный удар, отдав еще несколько королевских писем для перевода и опубликования в Англии. Он слышал рассказы о девушке, жившей в «Оленьем парке», которая, увидев Людовика XV после покушения на его жизнь, совершённое Дамьеном (5 января 1757 года), прильнула к своему владыке с криком: «Не покидайте меня, дорогой монарх! Я думала, что с ума сойду от горя, когда они пытались убить вас!» И так как это грозило разоблачить королевское инкогнито*, а несчастная девушка продолжала называть его королем, Людовик приказал объявить ее сумасшедшей, а затем посадил в приют умалишенных.

Письма вызвали в английской публике такое негодование, что даже Людовику стало ясно, что в случае, если эта кампания разоблачений будет продолжаться, то она приведет к войне. После этого наш шевалье продиктовал свои условия: в обмен на письма он потребовал 12 000 ливров в год субсидии и назначение в секретную службу за границей. Но д'Эон не верил в прочность каких бы то ни было уступок и в виде меры предосторожности решил оставить у себя некоторые наиболее компрометирующие короля документы.

В разгаре переговоров Людовик XV скончался. Новый король и его министры тоже, кажется, с почтением относились к огромным способностям д'Эона. Но просимая им цена показалась непомерно высокой, и в Лондон был отправлен умный и опытный эмиссар для торга с знаменитнейшим авантюристом своего времени. Этот эмиссар был Карон де Бомарше, тоже изрядный авантюрист в своем роде, и его прибытие в Англию в тот момент оказалось — независимо от шантажа д'Эона — событием, имевшим крупное историческое значение.

---

* В «Оленьем парке» король появлялся под именем польского графа, дальнего родственника своей бывшей жены королевы Марии Лещинской.— Р е д.

Карон де Бомарше, он же Норак

Автору «Женитьбы Фигаро» и «Севильского цирюльника» было в ту пору 42 года. Больше половины своей жизни он провел в спекуляциях, публичных распрях, в атмосфере дуэлей, арестов, тюремных заключений и ссылки, а также и сентиментальных приключений. Его обвиняли даже в отравлении трех жен, хотя он был женат только два раза и ни одной жены не отравил. Сын часовщика Огюстен Карон в тринадцатилетнем возрасте начал приучаться к ремеслу своего отца и, отличившись в ряде мальчишеских выходов, дал первое доказательство своей гениальности, усовершенствовав приспособление, позволившее изготовить часы очень малых размеров. Изящные часики Карона стали модными в фешенебельном Париже. И когда часовщик-конкурент вздумал использовать это изобретение, его юный творец обратил на себя внимание тем, что апеллировал не к суду, а к Академии наук.

Он стал часовщиком короля и женился на вдове, которая была старше его на несколько лет; ее деньги дали ему возможность купить себе дворянское звание. Вскоре он бросил ремесло часовщика: любовь и состояние его жены доставили ему желанный пост контролера королевской кладовой. В богатом наряде он поддерживал блюдо, на котором королю подавали еду, и так как он теперь был дворянин, то ему даже позволяли ставить блюдо перед королем. Мы не станем здесь описывать подробно его жизнь в эту пору. Говорят, Огюстен Карон де Бомарше «любил все — славу, деньги, философию, удовольствия, а больше всего шум». В дальнейшем мы видим его преподавателем музыки, назначенным к одиноким дамам — четырем покинутым дочерям Людовика XV.

Любопытно, что это спокойное занятие было ознаменовано его дебютом в своеобразной секретной службе. Он сделался частным агентом известного парижского банкира Дювернэ. Эти Дювернэ смело ополчились против бумажных денег Джона Ло и биржевой горячки; они верили только в золото, копили его и даже пошли

в тюрьму за чрезмерную любовь к нему. У Дювернэ был служащий, по фамилии Пуассон; и когда дочь Пуассона стала маркизой Помпадур, звонкая наличность парижского Дювернэ и его братьев стала в некоторой степени опорой Франции. Но политические ходы Питта Старшего (лорда Чатама) и оружие Фридриха II сильно унизили французское оружие в Семилетней войне, и Дювернэ, советчик Помпадур, понес потери.

Решив вновь войти в милость при дворе, Дювернэ вздумал стать филантропом и предложил учредить в Сен-Сире женскую семинарию. Из этого учреждения впоследствии выросла знаменитая французская Военная академия; но при своем возникновении она имела к военному делу разве лишь то отношение, что должна была помочь королю, двору и народу забыть войну, стоившую Франции миллиона солдат, двух с половиной миллиардов франков и приведшую к катастрофическому Парижскому трактату 1763 года, по которому у Франции были «ампутированы» Индия, Канада, ряд малых Антильских островов и Сенегал, перешедшие к Англии, а также Луизиана, которую Франция уступила Испании, бывшей ее союзнице в последние годы разорительной войны. И вот, чтобы стереть пятно этой бесславной авантюры, лукавый Дювернэ, хорошо знавший интересы двора и уже заручившийся одобрением Помпадур, поручил Бомарше, преподавателю музыки дочерей короля, привлечь к этому филантропическому делу четырех неизвестных и перезрелых принцесс-девственниц.

Бомарше после этого занимался разными специальностями, иногда несколькими одновременно, но постоянным работником секретной службы он сделался лишь тогда, когда его постигло бедствие и общественная опала. Бомарше обвинили в подлоге и в попытке подкупить (при посредничестве жены) судью и тем добиться оправдательного приговора. Бомарше был за это осужден, должен был выслушать приговор на коленях, особым постановлением предан моральному шельмованию («публичному выговору») и лишен французского подданства и гражданских прав. Но Бомарше не остался без удовлетворения. «Весь Париж оставил в моей прихожей визитные карточки на другой же день после моего осуждения», — самодовольно заявлял Бомарше впоследствии; и принц королевской крови задал в его честь банкет вече-

ром того же дня, когда был вынесен приговор. Бомарше не мог пригласить адвоката и в свою защиту написал «Мемуары», в которых с таким красноречием разоблачал судивших его, что сразу стал героем предреволюционной Франции, разоренной и беспокойной.

Де Сартин, министр полиции, предостерегал осужденного авантюриста. «Недостаточно быть в опале — надо еще уметь быть скромным», — выразился он. Сам де Сартин был человек исключительно скромный и ловкий он с большим тактом и пониманием своих интересов служил в то время двум господам. Людовик XV был еще жив, фавориткой была мадам Дюбарри; а у де Сартина имелось немало врагов, с которыми нужно было обращаться осторожно, в том числе будущий Людовик XVI и Мария-Антуанетта. Сартин, не предчувствуя, что его перешеголяет Жозеф Фуше, не без оснований считал себя наиболее осведомленным из французских министров полиции и «патриотически» решил не оставлять своего поста до смерти Людовика XV, а затем служить подольше и при новом короле. Дюбарри вызвала его к себе и потребовала, чтобы он немедленно подкупил автора скандального памфлета «Записки публичной женщины» и запретил распространение этой брошюры, в которой бросалась тень на прошлое фаворитки короля. Автором этой брошюры был Моранд, собиравшийся везти экземпляры памфлета из Англии.

Многосторонние дарования, как и похождения, Карона де Бомарше были хорошо известны де Сартину, и министр полиции считал его исключительно подходящим для переговоров с Морандом. Бомарше оправдал его доверие. Он настолько ловко повел переговоры с шантажистом, что сумел купить его молчание, его рукопись и все печатные экземпляры памфлета; так что всякие следы описания бурной молодости Дюбарри исчезли. Моранд был удивлен предложенной ему царской наградой: 32 000 ливров; а Бомарше с триумфом вернулся за своей наградой — восстановлением в гражданских правах. Но тут внезапная смерть короля опрокинула его расчеты.

Вскоре, однако, Бомарше возвратился в Лондон как представитель короля Людовика XVI. Его мастерство в извлечении компрометирующего документа из акульей

пасти Моранда убедило деятелей нового режима в том, что найдено, наконец, оружие, которое можно противопоставить д'Эону. Тайные и зажигательные письма, хотя они и разоблачали теперь уже прошлое царствование, все же угрожали спровоцировать Англию и вызвать войну. С д'Эоном, как человеком сановным, сделавшим карьеру на французской дипломатической службе, справиться было трудно, и Бомарше понимал всю сложность задачи. Д'Эон тоже был шантажист; но он был любимец англичан и знаменитый эксцентрик, который требовал огромных сумм за то, чтобы оставить Францию в покое, и часто появлялся в женском одеянии, мистифицируя английскую публику. Бомарше нашел, что он «курит, пьет и сквернословит, как немецкий солдат», но, несмотря на шантажи и свой странный гардероб, все же является человеком привлекательным и сродни ему, Бомарше, по натуре. Д'Эон принадлежал к кружку Джона Уилкса и ввел Бомарше в этот круг. Так случилось, что француз познакомился с Артуром Ли, представителем американских колоний в Лондоне. Бомарше фигурировал там под прозрачным псевдонимом «господин Норак». Ли все время своего пребывания за границей был окружен тучей шпионов; но его привлек французский агент, необычное обаяние которого захватило весь Лондон, после того как им пленился д'Эон. Ли и Бомарше стали друзьями.

По отношению к Ли был применен новый прием шпионажа, о котором стоит рассказать. Американский посол находился одно время в Берлине, где британским министром при дворе Фридриха II был Хью Эллиот, двадцатипятилетний самолюбивый дипломат. С помощью своей служанки-немки англичанину удалось подкупить других слуг отеля Корзика, где проживал Ли. После этого личный дневник Ли был украден, быстро доставлен в британскую миссию и там переписан. На это ушло не более шести часов, после чего исчезнувший дневник был незаметным образом возвращен Ли.

Завязавшаяся в Лондоне между Артуром Ли и ловким французским эмиссаром дружба имела своим прямым следствием организацию снабжения инсургентов Америки. Американские колонии обязаны Бомарше тем, что была основана явочная фирма Родерика Орталеца и К^о. Мало кому известно, что снабжение американских

войск французскими боеприпасами представляло собой эпизод международной секретной службы; сам же Бомарше, хотя и любил конспирацию и свою первенствующую роль в ее осуществлении, все же никогда не смотрел на это дело, как на подлежащее окружению тайной. Когда первые корабли должны были «тайно» отплыть с оружием и порохом для войск Вашингтона, Бомарше привез в порт Бордо театральную труппу, поставил свою пьесу «Женитьба Фигаро» и устроил нечто вроде фестиваля по случаю этого блестящего секретного дела.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тайная практика доктора Банкрофта

Когда Испания воевала с Марокко, Англия поставляла туземцам всевозможное оружие и точно так же вооружала врагов Испании в Алжире. «Коварный Альбион,— писал маркиз Гримальди, премьер-министр Испании, графу де Верженну,— организовал это дело и на Востоке, снабжая оружием мавров, чтобы те атаковали наших подданных на Филиппинских островах». Верженн знал от своих агентов, что английские корабли во время недавнего восстания на Корсике снабжали повстанцев порохом и мушкетами.

Но Верженн не знал вот чего: калибра и радиуса действия британской секретной службы на французской территории, особенно в Париже, когда правящие классы Франции открыто симпатизировали мятежникам, составившим против Георга III. Впоследствии Верженн жаловался на то, что английскому послу лорду Стормонту было известно о действиях американских представителей и что он «вечно донимал его подробностями». Артур Ли в своем неопубликованном дневнике пишет: «Это не удивит никого, кто знает, что у нас нет ни времени, ни подходящего места для наших совещаний и что прислуга, посторонние лица, все, кто угодно, имели свободный доступ в помещение в то время, когда мы говорили о госу-

дарственных делах; что документы, относящиеся к ним, лежали открыто в общих и часто посещаемых комнатах».

Но англичане никогда не полагались на вероятное неприятие американцами мер предосторожности; простодушию американских дипломатов еще предстояло стать в Европе притчей во языцех. Как и в прежних войнах, англичане допускали промахи лишь в отношении действий вооруженных сил. Они послали, как говорит Джон Адамс, войска в колонии, чтобы подавить мнимую революцию, и умудрились устроить там настоящую революцию. Лорд Суффолк в Лондоне и его помощник Вильям Иден, руководившие секретной службой, стремясь возратить то, что потеряли британские генералы, сорили взятками направо и налево и сумели найти доступ к любому секретному документу.

В эти пять критических лет (1776—1781) британское министерство иностранных дел и британский король Георг III проявляли большой интерес к донесениям шпионов и были куда лучше осведомлены о международном положении Америки, чем сам генерал Вашингтон или американский Конгресс*.

Высокая эффективность британской разведки достигалась разными путями, из которых наиболее действительными оказались шпионаж и подкуп некоторых внешне лояльных «американцев», проживавших во Франции. Посольство в Париже, во главе которого стоял Вениамин Франклин, было куда более энергичным центром британской секретной службы, чем все те, какие она же впоследствии — в период Великой Французской революции и наполеоновских войн — организовала вблизи Парижа с помощью сторонников Бурбонов.

Другой доверенный помощник Франклина, «кроткий» и «добрый» Эдуард Банкрофт, доктор медицины, член Королевского общества**, был настолько видным (хотя и тайным) британским шпионом, что ему пожаловали пенсию в 1 000 фунтов стерлингов в год. Под маской любознательности и преданности своему служебному долгу

---

* Американский Конгресс представлял в то время все штаты федерации, ранее британские колонии, поднявшие знамя восстания против британского владычества.— Р е д.

** Королевское общество — старейшее научное общество в Европе. Соответствует по значению Академии наук. Учреждено в 1660 году.— Р е д.

Банкрофт узнавал от Франклина все, что тому было известно; и все, что Банкрофт узнавал от Франклина, немедленно передавалось в Англию, лорду Уэймуту или лорду Суффольку. Франклин, которому французы доверяли, сам того не сознавая, выуживал у них секретные сведения, которые передавались прямо в Лондон. Нередко эти секреты так и не попадали в Америку, ибо Банкрофт перехватывал и задерживал депеши.

О проникательности Артура Ли, как борца со шпионажем, можно судить по тому, что он первый распознал в Банкрофте шпиона, состоящего на службе у британского правительства. Свои опасения Ли сообщил самому Франклину и, что еще важнее, представил доказательства. Банкрофт неоднократно ездил в Лондон и каждый раз там присутствовал на секретных собраниях тайного совета короля. Эти сведения Артур Ли получил от своего брата Вильяма, исключительное положение которого в Англии давало ему много преимуществ в занятии импровизированным контршпионажем. Вильям Ли был не только удачливым торговцем табаком; в 1773—1774 годы он был одним из двух шерифов (начальников полиции) Лондона. После смерти Джона Шекспира Вильяма Ли выбрали ольдермэном — членом городского управления Олдгейта (Aldgate — городской район Лондона). Никогда еще американец не избирался членом городского управления Лондона (эта должность в ту пору была пожизненной). Ольдермэн был весьма почетным должностным лицом. Таким образом, если Вильям Ли считал поведение доктора Банкрофта вызывающим подозрения, то он исходил не из пустых или злобных сплетен, и его предостережение заслуживало внимания каждого американского патриота.

Но Франклин знать ничего не хотел. Его обычные спокойствие и добродушие покинули его на этот раз. Эдуард Банкрофт был его старинный друг и преданный ученик, а великие люди питают нежную привязанность к своим ученикам. Самого Ли стали третировать как подозрительного смутьяна; бранили за то, что ныне может быть названо исторической прозорливостью. Безграничное доверие Франклина и являлось той ширмой, в которой Банкрофт нуждался; негодование Франклина, как видно, сильно связывало братьев Ли. Банкрофт, для которого шпионаж был средством обогащения, стал

ориентироваться на другую профессию. Как всякий прирожденный заговорщик, он обладал инстинктом азартного игрока и всегда был занят подготовкой какой-нибудь выгодной спекуляции. По-видимому, Франклин не замечал и не осуждал этих явных уклонений от медицины, науки или государственных дел.

Король Георг III питал отвращение к биржевой игре. Узнав о неизлечимой тяге Банкрофта к спекуляции и забвении им интересов войны, Георг стал обвинять его в том, что он пренебрегает честью родины. «Этот человек — шпион-двойник! — восклицал Георг III. — Если он приехал в Лондон для того, чтобы продавать американские секреты Франклина, то не может ли такой субъект вернуться во Францию с грузом английского товара?»

Банкрофт всегда передавал в Париж кучу сведений о передвижениях английских войск и флота и о намерениях британского правительства. Это были материалы, состряпанные его британскими хозяевами; они казались очень важными, но, как правило, представляли собой фальшивые или настолько устаревшие данные, что использование их не могло принести Англии никакого вреда. Эту маскировку предложили в Лондоне джентльмены, которым были известны ум и честность Франклина и которые поэтому боялись, чтобы «добрый и тихий» Банкрофт не совершал поездок зря. Недоверие Франклина, стоило ему только зародиться, могло бы навсегда положить конец афере Банкрофта. Франция и Англия, правда, еще не находились в состоянии войны, но французские власти легко могли найти предлог для высылки Банкрофта из страны.

Мы видим, таким образом, что Георг III, по меньшей мере в делах секретной службы, не был тем слепым и сварливым старым деспотом, каким его изображали противники. Банкрофт действительно был шпион-двойник, но эту хитрость придумали собственные министры Георга. Чтобы уверить американцев в том, что Банкрофт, как секретный агент, работает в их пользу, британский министр даже приказал арестовать его за шпионаж; после этого американский Конгресс согласился платить доктору жалованье за его «опасную» работу; любопытно отметить, что Банкрофт написал очень резкое письмо, когда однажды произошла задержка в высылке жалованья, причитавшегося ему как американскому агенту.

Кажется почти невероятным, что частые поездки Банкрофта в Лондон не возбудили подозрений Франклина и даже не заставили этого великого мужа вспомнить о горячих и убедительных обвинениях братьев Ли. По существу Банкрофт ездил в Лондон с тройкой целью: для доклада Даунинг-стриту*, для наблюдения за своими личными биржевыми спекуляциями и для совещания с одним человеком, являвшимся его соучастником как в британском шпионаже, так и в биржевой игре. Этого близкого друга и товарища по интригам звали Поль Уэнтворт. Он принадлежал к видной ньюхэмпширской семье, долго жил в Лондоне и превосходил Банкрофта как образованностью, так и общественными связями. Близость с Уэнтвортом укрепляла положение Банкрофта, ибо Уэнтворт был на пути к тому, чтобы стать английским дворянином. Дальний родственник маркиза Рокингема, он владел плантацией в Суринаме, где Банкрофт, действительно, производил опыты в области производства красителей.

Бомарше называл Уэнтворта «одним из одареннейших людей Англии». И все же Поль Уэнтворт — культурный, говоривший по-французски «так же хорошо, как вы, и лучше меня», как доносил Бомарше графу де Верженну; Уэнтворт, не нуждавшийся ни в богатстве, ни во влиянии, ни в перспективах, — по какому-то капризу своего честолюбивого характера стал шпионом. По утверждению одного из позднейших исследователей, Уэнтворт гнушался термином «шпион» и все же был пронырливым и неустанным шпионом, ожидавшим в награду от англичан «финансовой компенсации, титула баронета и места в парламенте». Цена Уэнтворта, которую он так и не получил, не была чересчур высока, ибо он обладал, по-видимому, всеми качествами, необходимыми для ведения самой успешной разведывательной работы. Правда, он редко подвергался личному риску, но, несомненно, был неоценимым, искусным агентом-вербовщиком.

---

* Даунинг-стрит — улица в Лондоне, на которой находятся официальная резиденция премьера, министерство иностранных дел и другие правительственные ведомства. Наричательное обозначение министерства иностранных дел или вообще правительства Англии. — Р е д.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Натан Хэйл и майор Андре

Американская революция была малой войной, постепенно переросшей в большую с усилением мощи провозглашенной республики и с укреплением идей свободы. Действительная роль секретной службы в этом колониальном конфликте была установлена и оценена лишь недавно. Если бы мы полагались только на стандартные исторические труды, у нас создалось бы впечатление, что после того как были повешены капитан Хэйл и майор Андре, а Бенедикт Арнольд нашел убежище в британском лагере, борьба за американскую независимость не знала фактов шпионажа или разведки, заслуживающих быть отмеченными.

Однако генерал Вашингтон был слишком умелый воин, чтобы недооценивать значения правильной военной информации. В дни своей юности он был свидетелем поражения Брайдока, упрямо пренебрегавшего выяснением состава защитников форта Дюкен. Когда Натан Хэйл, смелый, искренний, но неопытный шпион-патриот, потерпел неудачу в своей важной миссии, американский главнокомандующий как будто оплакал потерю славной молодой жизни и отказался от секретной службы как оружия или меры обороны. Лишь несколько лет назад* были обнаружены документы, опровергающие это и свидетельствующие, что Георг Вашингтон сделал шаг, куда более практичный, нужный и важный. Хэйл, имевший только одну жизнь, чтобы отдать ее родине, погиб, не зная, что он вместе с тем подал неоценимый пример^{1**}.

Неудача Хэйла послужила предостережением для Вашингтона, приступившего к вербовке агентов и организации военного шпионажа, к вербовке людей, которые вели бы смертельную игру непринужденно и вдохновенно и знали бы, как держать всю свою деятельность в полной тайне.

---

* Книга написана в 1938 году.— Р е д.

** Примечания автора, помеченные арабскими цифрами, см. в конце текста.— Р е д.

Генерал Вашингтон и его сторонники в Нью-Йорке обменивались сообщениями, жизненно важными для дела восстания колоний, не от случая к случаю, не время от времени, а регулярно и в течение всей войны за независимость. На этой почве и родились шпионаж и контршпионаж.

Если учесть скудное снаряжение континентальных войск, неопытность большинства офицеров, чрезмерно упрощенные или примитивно неумелые приемы боя, а также слабость колониальных фортификаций, недостатки службы снабжения, плохое взаимодействие с военно-морскими силами и необоснованность планов кампании, то приходится лишь удивляться тому, каким образом все же в таких условиях могла сама собой возникнуть эффективная и насквозь «современная» секретная служба.

Гражданский разведывательный корпус обслуживал Вашингтона так же умно и изобретательно, как любого военачальника Европы тогдашняя европейская разведка. Шпионов Вашингтона, хотя они и были малочисленны, можно приравнять к секретным агентам Фридриха II, «отца прусских шпионов», или к шпионам Морица Саксонского, инициатора большей части приписываемых Фридриху нововведений в военной секретной службе.

Как борец за революционное дело, генерал Вашингтон имел большие преимущества, в том числе и то, что он мог полагаться на своих приверженцев. От молодых и пылких его сторонников требовалась готовность идти на большой риск и жертвы; и эта готовность к самопожертвованию характеризует патриотическую секретную службу. Первую вест о первой жертве (Натан Хэйл был повешен в сентябре 1776 года) принес американским войскам капитан Джон Монтрессор из королевского корпуса саперов, адъютант генерала Вильяма Хау. Он появился в Харлем-Плейнсе, в штате Нью-Йорк, и прошел линию фронта с белым флагом; его встретила группа американских офицеров. Спустя пять месяцев печать начала помещать инспирированные сообщения о трагической смерти Хэйла на службе отечеству. По общему признанию, он допустил промах, обнаружив свое волнение при допросе его англичанами, и тем вызвал у них подозрение; и все же своей неудачей он оказал благотворнейшее влияние на ход событий.

Случай этот стоил Хэйлу жизни, а Вашингтону — ценных сведений, которыми, как думали, Хэйл располагал в момент ареста; в связи с этим американский главнокомандующий убедился в необходимости создать секретную службу, более тщательно организованную и способную давать менее обескураживающие результаты. Для организации бюро секретной службы первоначально намечался Джон-Морин Скотт, но по причинам, до сих пор не установленным, он был отрешен от этой должности еще до того, как закончил работу. После него Вашингтон возложил эту задачу на майора Бенджамина Толмеджа, из 2-го полка легких драгун.

Толмедж, Натан Хэйл, его брат Инок и Роберт Таунсенд были в 1773 году однокурсниками в Йеле. Вполне возможно поэтому, что на выбор Толмеджа и в дальнейшем на еще более важное назначение Таунзенда повлияли сентиментальные соображения. Однокурсники Хэйла, надо полагать, были потрясены и всего больше возмущены жестоким обращением британского начальника военной полиции Каннингема с их товарищем. Возможно, что Толмедж сам просил, чтобы ему доверили организацию шпионажа поближе к Нью-Йорку.

Ясно, что он имел не больше опыта, чем Хэйл; но способность к разведывательным действиям, проявленная им позднее, и наличие тех инстинктов, которые у Хэйла отсутствовали, в основном явились одной из тех счастливых предпосылок, без которой не была выиграна ни одна война.

Когда армейский майор переводится на работу в разведку, то всегда можно предположить, что его перебросили туда из-за неважного вида, какой он имеет на лошади, или по неспособности командовать пехотным батальоном. Но когда во время войны гражданское лицо занимает ответственный пост в системе военного шпионажа, то более чем вероятно, что этот человек проверил свои возможности, заглянул в свою совесть и лишь после этого настойчиво потребовал назначения на этот пост.

Крупнейший сотрудник Бенджамина Толмеджа Роберт Таунсенд из Ойстер-Бэя («Устричной бухты»), штат Нью-Йорк, дополняет список американских национальных героев еще одним собственным именем, хотя оно мало известно и мало чтимо в Соединенных Штатах в наши дни. Однако Таунсенд в свое время был выдаю-

щейся фигурой американской секретной службы. По некоторым данным, он был избран лично генералом Вашингтоном; твердо установлено, что он снискал и сохранил доверие и благодарность главнокомандующего.

Когда Вашингтон предложил Таунзенду и Толмеджу взять на себя организацию и руководство секретной службой в Нью-Йорке, он этим в сущности просил их поставить на карту свою жизнь в борьбе против бдительности англичан, против опасного и мстительного контршпионажа ториев; и это — на все время войны. Гавань Нью-Йорка по своему расположению являлась идеальной базой для воинских сил короля Георга. Вашингтону и каждому наблюдательному инсургенту, вроде Таунзенда, было ясно, что остров Манхаттан*, служащий базой сильного флота, блокирующего побережье и прикрывающего линии сообщения и снабжения, при постоянном притоке пополнения, орудий и боеприпасов, является тем укрепленным пунктом, который последним перейдет из английских рук в руки Тринадцати колоний**.

Шпионаж в такой близости к штабу, осложненный к тому же необычайной трудностью переправки донесений через линию фронта, был задачей, для выполнения которой требовался многоопытный специалист, искушенный в работе и прошедший школу европейской разведки. Но Вашингтон не имел такого агента; к счастью, как оказалось, он и не нуждался в нем. Он имел Роберта Таунзенда, который, в свою очередь, располагал преданными и изобретательными друзьями.

Авраам Вудхолл, Остин Ро и Колеб Брустер с Толмеджем во главе являлись звеньями «цепи», как сам Вашингтон назвал это содружество людей, столь добросовестно выполнявших его приказы. Вначале эти звенья цепи, крепко скованной и не ослабевавшей до тех пор, пока не была завоевана независимость Америки, маскировались кличкой «Сэмюэль Калпер». Но после того как

---

* Манхаттан — остров при устье реки Гудсон, на котором первоначально размещался город Нью-Йорк, в настоящее время сильно разросшийся за пределы Манхаттана. — Р е д.

** Т р и н а д ц а т ь к о л о н и й, независимость которых была признана английской короной в 1783 году: Массачусетс, Нью-Йорк, Род-Айленд, Нью-Хэмпшир, Мэриленд, Пенсильвания, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Коннектикут, Джорджия Нью-Джерси, Делавэр. Из Тринадцати колоний сложились затем Соединенные Штаты Америки. — Р е д.

импровизированная система шпионажа показала свою гибкость и силу, способы общения и конспирации были усовершенствованы. Вудхолл стал подписываться «Сэмюэль Калпер старший», а Таунсенд — «Калпер младший». До самого конца борьбы с англичанами майор, в дальнейшем полковник, Толмедж был известен как «мистер Джон Болтон».

Таунсенд и Вудхолл были молоды, наделены воображением, богатством, занимали положение в обществе и представляли собой идеальную «ударную часть», которую можно было бросить в район, наводненный ториями и перебежчиками. Таунсенд, имея дом в Ойстер-Бэе, жил в Нью-Йорке; он целиком «ушел в торговлю» как владелец универсального магазина, служившего ширмой и заодно являвшегося первоклассным магнитом для клиентов-англичан, у которых можно было искусно выуживать нужные сведения.

Молодой Вудхолл жил в своем доме, в Сетокете*, тихо и замкнуто, не вызывая ни в ком подозрений. Шифрованные сообщения, составляемые Таунсендом, передавались Вудхоллу через Остина Ро, который в области связи был тем же, чем был Таунсенд в области шпионажа, с той лишь разницей, что подвергался большому риску. Система «цепочки» требовала, чтобы он, имея при себе уличающие документы, проводил большую часть своего времени на британской стороне фронта. Старинные документы (преимущественно счета на фураж) свидетельствуют, что он ездил на одной из лошадей генерала Вашингтона и держал ее в конюшне города Нью-Йорка.

Наилучшей маскировкой Ро было его незаурядное искусство верховой езды. Его имя не раз произносилось в период революции; но в нем и в его товарищах никто и отдаленно не подозревал тайных агентов Вашингтона. Ро выезжал в любую погоду и, отправляясь из центра Нью-Йорка по проселочным дорогам Лонг-Айленда, часто посещал дом Таунсенда в Ойстер-Бэе и пробирался дальше, в Сетокет, где останавливался у Авраама Вудхолла. О подлинной цели этих прогулок верхом англичане даже не догадывались.

---

* Сетокет — городок на острове Лонг-Айленд, близ Нью-Йорка. — Ред.

Немедленно по получении донесений из Нью-Йорка Вудхолл спешил на северный берег Лонг-Айленда, где на веревке было развешено белье. Черная юбка и несколько платков составляли удобный код. Это было «четвертое звено цепи» — Колеб Брустер, неустрашимый лодочник; он переправлялся на своей лодчонке через узкий пролив с одной стороны Лонг-Айленда на другую и вывешивал черную юбку, чтобы дать знать о своем прибытии. Условный порядок развески платков указывал, где причалила его лодка.

Брустер — иногда ему помогал Натаниель Раглз, тоже агент секретной службы, — переправлял зашифрованные сообщения от Таунзенда к Ро и далее к Вудхоллу в Коннектикут*, где из дождался Толмедж; а тот немедленно отправлял их к генералу Вашингтону.

В процессе дальнейшей работы Таунзенд позаботился об ограждении себя, Ро и других работников, прибегнув к симпатическим чернилам² и сложному коду. Первый, грубый код секретных агентов оказался неудобным; составили новый, который врагам гораздо труднее было расшифровать.

Генерал Вашингтон отдал строгий приказ, чтобы донесения «Калперов» передавались без всякой задержки. И только один раз Бенджамин Толмедж рискнул не выполнить этот приказ, в результате чего в Северной Америке народился, можно сказать, систематический военный контршпионаж.

Английские войска оккупировали Ойстер-Бэй, английские офицеры расположились на постой в доме Таунзенда. Поздним вечером конца августа 1780 года британский полковник Симкоу, находясь в доме самого энергичного из шпионов Вашингтона, пригласил к ужину своего гостя, которого звали Андре. Сара Таунзенд (младшая сестра Роберта) наблюдала за подачей ужина и, как увидим дальше, подала мысль об информации, в которой особенно нуждалась американская армия.

---

* Коннектикут — штат Северной Америки, расположенный по одноименной реке и вдоль северного берега залива Лонг-Айленд.— Ред.

Сара видела, как вошел незнакомец и положил на буфет Таунзенда письмо. Это письмо, как она заметила, было адресовано «Джону Андерсону»; позже он видела, как Андре вскрыл и прочел письмо, адресованное Андерсону, и положил его в карман. Затем она подслушала разговор Андре и Симкоу об американской твердыне Уэст-Пойнте*, где находилось много военных материалов, включая и материалы, полученные от Бомарше через его явочную фирму Родерик Орталез и К^о, и склады, заключавшие почти все запасы американской армии.

Сара Таунзенд, подозрения которой все усиливались, сделалась агентом секретной службы генерала Вашингтона. На следующее утро она уговорила одного влюбчивого британского капитана Даниеля Юнга послать курьера в Нью-Йорк для закупки провизии к угощению полковника Симкоу. Этот курьер повез записку Сары к ее брату Роберту; в ней она сообщала об Андре и «Андерсоне» и о том, что она подслушала о британских замыслах насчет Уэст-Пойнта. Как только британский курьер передал Роберту Таунзенду сообщение Сары, звенья шпионской цепи туго натянулись. Вскоре Остин Ро, покинув Нью-Йорк, скакал по заросшему кустарником Лонг-Айленду, Вудхолл следил за черной юбкой, Брустер поднял парус, и предостережение Сары дошло до Бенджамина Толмеджа. И как раз перед получением сообщения из «ойстер-бэйского филиала» Толмеджу вручили письмо генерала Бенедикта Арнольда, в котором комендант Уэст-Пойнта указывал, что его друг Джон Андерсон, возможно, попадет в район Толмеджа. Не зная местности, Андерсон требовал, чтобы ему дали для охраны драгун. Здесь мы должны еще раз похвалить Вашингтона и исключительную конспиративность секретной службы Таунзенда, ибо Бенедикт Арнольд, офицер высокого ранга и высокой репутации, ничего не знал о роли Толмеджа как пятого звена невидимой цепи.

Майор Джон Андре направлялся в штаб Арнольда, когда Толмедж, нарушая приказы, задержал отправку последнего сообщения Роберта Таунзенда, вскрыл его и прочел. Причина, побудившая его поступить так, не установлена даже блестящими исследованиями Мортон Пен-

---

* Уэст-Пойнт — местечко в штате Нью-Йорк, в 80 километрах от Нью-Йорка, известное военной академией. — Р е д.

нипакера. В донесении Таунзенда Толмедж встретил то же имя — Джон Андерсон. Он прочел сообщение Сары Таунзенд о беседе Андре (или Андерсона) с полковником Симкоу, где указывалось, как важно было для британской армии захватить Уэст-Пойнт.

Толмедж проявил изумительную инициативу. Он превратился из шпиона в контрразведчика, он решил выследить и преследовать британского майора, который теперь должен был находиться за фронтом американских войск в качестве шпиона. Но Андре, как мы знаем, уже успел пробраться в Уэст-Пойнт, где Арнольд снабдил его планом укреплений и другими документами, включая расчет атакующих сил, необходимых для взятия крепости.

С той минуты как прелестная Сара Таунзенд уговорила капитана Юнга разрешить ей прибегнуть к услугам британского курьера, счастье Андре пошло на убыль. Британский военный шлюп* «Коршун», на котором Андре плыл вверх по Гудсону, встретив огонь американской береговой батареи, вынужден был повернуть вниз. В это время, 21 и 22 сентября, Андре совещался с изменником Арнольдом. Убедившись, что он отрезан от «Коршуна» и должен пробраться по суше к британским аванпостам, Андре взял у Арнольда пропуск и спрятал в своем сапоге уличающие документы, написанные рукой Арнольда.

Во время оккупации Филадельфии англичанами даровитый Андре играл главные роли в полковых спектаклях, которые, наряду с водкой и женщинами, составляли основное развлечение английского гарнизона. Рассчитывая, по-видимому, на то, что даже армия мятежников не повесит любителя-актера, майор Андре, перед тем как покинуть Арнольда, переоделся вопреки категорическому приказу сэра Генри Клинтона, в штатское и таким образом стал не тайным делегатом для ведения переговоров, а шпионом.

Трое американских милиционеров, т. е. ополченцев, задержали Андре в 9 часов утра 23 сентября вблизи Тарритауна, почти на виду у британских войск. Майор предложил им крупную сумму золотом, если они проведут его к ближайшему английскому аванпосту. Это

---

* Шлюп — старинное военное парусное судно, тип фрегата.—
Ред.

лишь усилило их подозрения, и они отвели своего пленника прямо к подполковнику Джону Джеймсону, командиру 2-го полка легких драгун. Каким образом Андре удалось уговорить кавалерийского командира отправить его обратно к Бенедикту Арнольду в Уэст-Пойнт, остается невыясненным; актер Андре, наверное, провел свою игру весьма убедительно. И он успел бы удрать, как удрал сам Арнольд, если бы Толмедж и американская секретная служба не помешали ему в этом.

В тот вечер Толмедж вернулся в лагерь Джеймсона. Услышав о пленнике и о том, что он назвал себя Джоном Андерсоном, подозрительно настроенный Толмедж, вспомнив донесение Таунзенда, занялся розыском. Не раскрывая всего, что он знал, и того, как он узнал, Толмедж настаивал на отдаче приказа о задержании пленника в пути к Уэст-Пойнту и возвращении его обратно. Джеймсон с неохотой согласился на это, но отказался отозвать курьера, посланного к Арнольду с сообщением об аресте «Андерсона».

Благодаря этому промаху Джеймсона Арнольд оказался своевременно предупрежденным. Андре же был отдан под суд и повешен.

Роберт Таунзенд, послав предупреждение Толмеджу о личности и вероятной миссии «Андерсона», боялся, по-видимому, предательства как возмездия за казнь столь популярного майора Андре. Он закрыл свой магазин в Нью-Йорке на три недели. Его счета говорят о том, что за это время он израсходовал 500 фунтов стерлингов. Главная бухгалтерская книга, которую тщательно вел сам Вашингтон, показывает, что между 1775 и 1781 годами американский главнокомандующий израсходовал всего лишь 17 617 долларов на свою шпионскую организацию; платежи заносились в книгу как выдачи «безымянным лицам», чтобы не раскрывать их имен.

Таким образом, израсходованные Таунзендом 500 фунтов стерлингов представляли большую сумму по сравнению с общей суммой расходов Вашингтона на секретную службу. И мы можем допустить, что он тратил деньги из собственных средств, что среди людей, работавших с ним, были и такие, которые могли выдать его англичанам, хотя бы как горячего патриота; нако-

нец, что в израсходованную им сумму были включены деньги, потраченные на «заботу» о наиболее сомнительных из этих людей в виде подарков или взяток.

В одном из писем «Калпера», посланном на восемнадцатый день после казни Андре, указывается, что Роберт Таунсенд покинул свой пост в Нью-Йорке тотчас же после ареста английского шпиона, но до вынесения приговора и приведения его в исполнение.

За исключением генерала Вашингтона, все лица, связанные с таунсендовой цепочкой секретной службы, прожили по 50 лет (а иные и больше) после начала Американской революции. Известно, что Вашингтон в бытность свою президентом навестил своих бывших секретных агентов, обитавших в Лонг-Айленде. Он высоко ценил точные сведения, которые они доставляли ему во время войны, и решил, что никто из них не должен пострадать за это. Поэтому все документы, относящиеся к их деятельности и к работе других преданных ему шпионов, были опечатаны; прошло более столетия, пока личности таинственных «Калперов», Старшего и Младшего, не были окончательно установлены.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Борьба Англии против Наполеона

Находясь в Египте, Наполеон Бонапарт жертвовал жизнями тысяч французов и подвергал мощный флот опасности полного уничтожения; но это не смущало интриганов и политиканов во Франции, которые боялись его необузданного честолюбия и поэтому послали его подалее от Парижа.

Правда, Египет не Москва, но в этом направлении мысль членов Директории не отваживалась устремиться. Они, наверное, вздохнули облегченно, когда Нельсон раз-

громил французский флот под Абукиром*. Впрочем, эта жертва не могла им показаться слишком большой, чтобы устранить такого конкурента, как Наполеон.

И все же, на столь опасной популярности молодого генерала вовсе не отзывались его неудачи, и именно по той почти невероятной причине, что британская морская блокада помешала широкой публике во Франции узнать всю правду об исходе экспедиции в Египет. После битвы при Абукире Наполеон оказался совершенно отрезанным в Египте от Франции быстроходными британскими крейсерами, носившимися на просторах Средиземного моря, как голодные ястребы. С другой стороны, Французская республика была отрезана от Бонапарта и лишена каких бы то ни было вестей об этом бесплодном и бесславном походе. Поражение под Акрой**, чума в войсках, нехватка провианта и, как следствие этого, страшное избиение пленных в Яффе под предлогом «военной необходимости» — все эти обескураживающие сведения находились в числе прочей почты, которая перехватывалась бдительными военными судами неприятеля, и таким образом легенда о непобедимости корсиканца не терпела ущерба.

Нельсон имел обыкновение использовать свой флот для наблюдения за портами, на которые базировались неприятельские суда. Иногда сообщения о передвижениях вражеских кораблей доставлялись фрегатами-разведчиками. В других случаях, например при Трафальгаре***, фрегат передавал предостерегающие сигналы своим кораблям. На всем протяжении длительной борьбы с Французской республикой, а затем и с Империей английские военные корабли принимали активнейшее участие в деятельности морской разведки и даже секретной службы. Ниже мы увидим, как британский агент

---

* Абукир — местечко в Египте, близ Александрии. Здесь в 1798 году английский флот под командой адмирала Нельсона разгромил французский флот, который прикрывал высадку экспедиционной армии Бонапарта. — Р е д.

** Акра — городок в Палестине. Наполеон безуспешно осаждал Акру в 1799 году в течение двух месяцев, но был отброшен турками. — Р е д.

*** Трафальгар — мыс в Испании, близ Гибралтарского пролива. Здесь в октябре 1805 года английский адмирал Нельсон наголову разбил соединенный испанно-французский флот, что расстроило план Наполеона высадить французские войска в Англии. — Р е д.

использовал морскую блокаду для организации тайного покушения на генерала Бонапарта, в простодушной надежде, что с этим юным военным гением можно легко разделаться.

Тайный агент Джон Барнетт был неумолимым врагом Бонапарта. Решив, что генерал должен быть неравнодушен к женщинам, Барнетт направил несколько привлекательных молодых женщин к человеку, в котором Англия видела серьезнейшую угрозу спокойствию мира. Таким путем, однако, британский агент ничего не добился. Вскоре Бонапарт отплыл из Тулона в свою египетскую экспедицию, а Барнетт поплыл вслед за ним на борту корабля «Лев».

Жена молодого гасконского офицера Фуреса пробралась в мужском одеянии на один из французских транспортов и таким образом попала в Египет. Генерал Бонапарт узнал об этой женщине и пожелал ее увидеть. Женам офицеров вообще было запрещено сопровождать своих мужей в эту экспедицию; но отважная мадам Фурес — «белокурая и синеглазая Беллитот Фурес», которую французская республиканская армия вскоре иронически прозвала «нашей восточной монархиней», — сумела добиться того, что генерал разрешил сделать для нее исключение.

Это обстоятельство заметила изнемогавшая от зноя армия Востока, особенно когда Бонапарт начал открыто разъезжать в сопровождении жены гасконца. За его каретой следовал рысцей лихой адъютант Евгений Богарнэ, пасынок генерала. Мать Евгения одурачила своего корсиканского ухаживателя, когда он был не столь славен и неизмеримо более пылок, и она не прочь была даже порисоваться своей неверностью. Наконец-то настал черед самого генерала! И хотя Франция и Египет разделены были большим расстоянием, а английская блокада была достаточно непроницаема, все же и это не могло помешать крылатой сплетне домчаться до Парижа.

Вскоре пришлось подумать и о Фуресе. Почему бы, в самом деле, внезапно не обнаружить, что «военный долг» призывает его немедленно домой во Францию? Храбрый воин, влюбленный в жену, но не слишком склонный к нарушению сурового кодекса лично чести, он, разумеется, мог только временно быть ослеплен быстрым возвышением своей прелестной молодой супруги,

последовавшим после первого ее свидания с генералом Бонапартом. Когда Бертъе объявил Фуресу, что он назначен — в знак особого доверия начальства! — в курьеры для доставки важных депеш из штаба экспедиционной армии в Париж, офицер с достоинством отдал честь, а затем предался мучительным размышлениям: как бы уехать вместе с женой?

Бертъе, во всех кампаниях исполнявший почти все обязанности, сопряженные с положением начальника штаба, напомнил Фуресу, что миссия его сопряжена с опасностями. Шлюп, который повезет его во Францию, должен обогнуть британские фрегаты; не исключено столкновение в море. Нельзя подвергать мадам Фурес таким опасностям; кроме того, у ее мужа будет достаточно хлопот по сохранению официальных депеш и обеспечению себе самому возможности добраться с ними к месту назначения живым и невредимым.

Фурес вынужден был подчиниться. Оставим его на время и обратимся к Джону Барнетту, плавающему на борту корабля его величества «Лев» и мечущемуся по палубе, как этот царь зверей в клетке. Барнетт отнюдь не был заключенным на быстроходном фрегате: он просто сделал его своей штаб-квартирой, он вел тайные операции под прямым командованием сэра Вильяма Сидни Смита. Этот агент Англии часто отправлялся на берег на крохотном, но быстроходном паруснике, находившемся в распоряжении морской разведки, и умудрялся шпионить за французской оккупационной армией. Барнетт пробирался даже в Каир, где собирал донесения своих многочисленных и хорошо оплачиваемых осведомителей — домашней прислуги в десятках именитых семейств, туземных рассыльных и конторщиков, получавших на службе у французов не столь щедрую плату.

Благодаря тайной сети шпионов Барнетт узнавал очень много о кумире армии, спасителе престижа Франции Наполеоне Бонапарте; агенты же, служившие во дворце, давали ему полное представление об интимной жизни корсиканца. Но мадам Фурес Барнетту никак не удавалось завербовать; между тем, она всерьез вошла в свою роль «нашей восточной монархини», и без нее ни одной сделки в защиту английских интересов нельзя

было заключить. Это заставило тайного агента подумать о возможности использовать поручика Фуреса. Именно в этот момент не в меру услужливый Бертъе как раз и удалил со сцены супруга вышеназванной дамы.

Промчать Фуреса и его депеши под носом у эскадры дозорных английских фрегатов поручено было быстроходному французскому шлюпу «Охотник». Барнетт пронюхал об этом, и юркое рыбацье суденышко, поставив паруса, доставило его на борт «Льва» еще до того, как французский шлюп вышел в море. Затем начались неравные состязания на быстроту. «Лев» был достаточно быстроходен, чтобы нагнать «Охотника», и вдобавок настолько хорошо вооружен, что французский корабль не смог ни скрыться, ни сопротивляться. Фурес был взят в плен. Однако с ним обращались совсем не как с пленным — он стал личным гостем коварного Барнетта. Супругу любовницы Бонапарта дипломатично дано было понять, что его депеши едва ли стоят тех хлопот, какие начальник штаба готов был потратить на них. При содействии писцов французского штаба, которым Барнетт платил золотом, он добыл копии этих депеш. Фурес растерялся, прочтя их; пустив в ход еще несколько ядовитых намеков, Барнетт получил в руки необходимое оружие.

Фурес желал теперь лишь одного: чтобы ему поверили на слово, отпустили обратно в Египет и позволили отомстить за поруганную честь. Барнетт обещал ему и отпуск, и доставку на место. Фуреса отвезли в Каир, после чего там внезапно возник заговор.

Детали быстро развивавшихся событий затемнены их мелодраматическим характером. Вероятно, гасконцу удалось прокрасться мимо французских и арабских часовых, и он застал свою жену почивающей в комнате дворца по соседству с покоями Бонапарта. Возможно, что он схватил арапник и хлестал нагую прелюбодейку, когда в ответ на ее вопли в дверях показался герой Маренго* и Аустерлица** в ночной сорочке. Более прозаическая версия утверждает, что здравый смысл оста-

---

* Маренго — деревня в Северной Италии, близ Александрии. Здесь 14 июня 1800 года французские войска разгромили австрийцев. — Ред.

** Аустерлицкое сражение произошло 2 декабря 1805 года. — Ред.

новил офицера еще до того, как он приблизился к часовым.

Фурес убедился, по крайней мере, в том, что Барнетт не преувеличивал. Его жена открыто жила с главнокомандующим. Достоверно известно, что он встречал их вдвоем; но Фурес сознавал свой долг французского солдата, понимал, в каком бедственном положении находится армия и как ей нужен ее талантливый вождь. Он, вероятно, учитывал роль Англии в этом деле и понимал побудительные мотивы милосердия и жалостливости, проявленных англичанами по его адресу. Барнетту хотелось, чтобы он убил Бонапарта; и у Фуреса были все основания сделать это. И все же Фурес возмутился навязанной ему ролью слепого орудия военной интриги. Махинация Барнетта разбилась о стойкое сопротивление гасконского темперамента. Поручик Фурес вышел в отставку и в одиночку вернулся во Францию.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Континентальная блокада

Финансируемые из Лондона тайные агенты непрерывно шпионили за Наполеоном, успокаивали его врагов и терпеливо дожидались своего часа.

21 декабря 1806 года французский император бросил свой вызов «нации торгашей»* в знаменитой прокламации о блокаде, которая одиннадцатью месяцами позже была уточнена декретом, изданным в Милане и ставившим Англию под «запрещение» на континенте Европы. Все виды связи были прерваны, запрещена была даже переписка между Европой и Британскими островами. Товары, заподозренные в английском происхождении, сжи-

---

* «Нация торгашей» — приписываемое Наполеону название англичан на деле встречается отнюдь не в пренебрежительном смысле еще у Адама Смита в его «Исследовании о природе и причинах богатства народов». — Р е д.

гались; пассажиры, подозреваемые в том, что они прибыли из Англии или останавливались в каком-нибудь британском порту, немедленно арестовывались.

Сообщение между Англией и Континентом все же не прекратилось полностью. Контрабанда, процветавшая в течение нескольких столетий, теперь, при попытке изолировать Англию, расцвела пышным цветом. Потомственные контрабандисты развили усиленную деятельность; они же явились и опорой секретной службы, платными союзниками английского правительства. За солидное вознаграждение они тайно перевозили людей на Континент через Гельголанд, Данию или Голландию, либо прямо через Ламанш. На отправку письма кружным путем из Лондона в Париж уходило по меньшей мере две недели; маршруты и оплата такой корреспонденции менялись каждый раз.

Блокада, провозглашенная с целью убить британскую торговлю, была объявлена в 1806 году. В это время уже действовала тайная система транспорта и связи, объем, сложность и рискованность которой превосходили всё, известное в истории нашего времени. Поддерживать сообщение с Англией было невероятно трудно уже в самом начале Французской революции; такое положение, если исключить краткий период действия Амьенского мира*, сохранялось вплоть до ссылки Бонапарта на Эльбу**. Сообщение с Англией — врагом революции, врагом Директории, Консульства, Империи — являлось преступлением, которое вплоть до 1814 года было подсудно военным трибуналам, выносившим беспощадные приговоры. Применяясь к обстоятельствам с присущей им гибкостью, французы давно увиливали от драконовых*** законов о контроле над портами и границами; и это помогло им с выгодой для себя обходить законы и в период континентальной блокады.

---

* Амьенский мир — мир между Англией, Францией, Испанией и Голландией — был заключен 25 марта 1802 года (Амьен — главный город департамента Соммы во Франции, в 120 километрах к северу от Парижа). — Р е д.

** Э л ь б а — остров в Средиземном море, у западного берега Италии, служивший местом ссылки Наполеона с 3 мая 1814 года по 26 февраля 1815 года. — Р е д.

*** Д р а к о н о в ы з а к о н ы. От имени Дракона, афинского законодателя (XII век до н. э.), прославившегося чрезвычайно суровыми законами. Об этих законах сложилась легенда, что они писались кровью. — Р е д.

Известно, что один предприимчивый житель Шамбоны (департамент Арденн), получив письмо для доставки братьям Людовика XVI, находившимся в Кобленце, переоделся пастухом, взял посох и погнался в Савойю стадо овец; и никто не подумал обыскать этого пастуха или хотя бы спросить у него паспорт. В Шамбери он сбросил своих овец, бросил свой пастушеский наряд и посох и без труда пробрался в Кобленц обычным путем.

В годы Террора общение с чужими странами или эмигрантами считалось уголовным преступлением; может быть именно поэтому оно стало процветать, как всякий выгодный промысел. В Сен-Клоде крестьяне сами вызывались проводить преследуемых аристократов или секретных агентов иностранных держав через горы или через швейцарскую границу. То же и в Вогезах. Женщина, жившая близ Сен-Дье, передавала секретные сообщения, помогала эмигрантам тайно покинуть Францию и со щепетильной честностью передавала драгоценности или деньги. Мари Барб, молодая девушка из Брюйера, во всякую погоду доставляла сообщения из Франции в роялистскую армию Конде.

Двенадцатилетний мальчуган из семьи де Гонневилей регулярно пересекал всю Нормандию с депешами самого компрометирующего свойства, посылавшимися штабом роялиста Фротте и определенные пункты побережья; ночевал он обычно в лесу спрятав свои депеши под камнем. Десять лет подряд молодая и хорошенькая кастелянша из Валу, в Ламанше, мадам д'Анжу, сбивала с толку самых хитрых сыщиков революционной полиции. В конце концов они бросили попытки настигнуть эту неуловимую передатчицу секретных депеш роялистских или иноземных эмиссаров.

Неудивительно, что на объявление континентальной блокады немедленно и по-своему откликнулась группа опытных контрабандистов, «готовых наплевать на какие бы то ни было запреты и завязать связь с британскими крейсерами, маневрировавшими днем и ночью в виду французского побережья». Еще в 1805 году неизвестный осведомитель сообщил полицейскому префекту Ламанша,

что сообщение с островом Джерси* поддерживается постоянно, причем корреспонденция передается в железном ящике, который по форме и окраске схож с обыкновенными валунами острова Шоссэ. «Четыре человека обыскивали остров с одиннадцати утра до пяти вечера, — жаловался префект, — перевернули все камни, осмотрели все щели и не нашли ничего». Дело в том, что название «Шоссэ» прилагается к 52 крохотным островкам в этом районе, так что работа контрразведчиков потребовала «весьма продолжительных и трудных поисков», которые в конце концов ни к чему не привели.

Между тем «железный ящик», спрятанный в камнях или в песке побережья и таивший в себе письма или мелкие посылки, неоднократно упоминается в донесениях английской разведки того времени. С наступлением темноты от британского корабля отваливала лодка, направлявшаяся к берегу. Чтобы отряду не приходилось долго искать железный ящик, роялистский агент располагался на скале и руководил поисками, куря трубку и высекая огнем искры по условному коду. Самые лодки были специально оборудованы. Тайные гнезда для помещения писем и пакетов были сделаны с таким расчетом, что лодку нужно было разнять на части, чтобы что-нибудь обнаружить. Иногда документы прятались в специально приспособленных веслах.

Несмотря на блокаду, контрабандная торговля между Англией и Францией непрерывно поддерживалась и даже росла. Наличные деньги регулярно обращались между Лондоном и Парижем, и английские банкиры выписывали чеки на Париж так, как будто Наполеона не существовало, а его жесткие декреты были глупой мистификацией. Англичане с течением времени завели даже «экспресс-курьеров», которые умудрялись переправляться из Дувра прямым, хотя и тайным путем, провозя доверенные им документы в двойных подошвах своих тяжелых сапог, зашивая их в воротники своих кафтанов или держа их попросту в карманах. Это были решительные, умные и бесстрашные люди, обычно не считавшиеся ни с какими условностями и предрассудками, но все же абсолютно надежные. Все данные им поручения они исполняли во

---

* Джерси или Джерсей — остров в проливе Ламанш, самый крупный в группе Нормандских островов. — Р е д.

имя заработка; и заработок этот был, бесспорно, неплох, ибо правительственные чиновники, дворяне и банкиры щедро платили за быстроту, с которой «ассы» этой любопытной компании контрабандистов доставляли то, что им поручалось.

Бретонец Эрмели с первых дней Директории работал регулярно, курсируя, как паром, между Парижем и Лондоном. Полиция, сыщики, таможенные чиновники и береговая стража — всё было ему нипочем. Континентальная блокада отозвалась на нем лишь тем, что удвоила его доходы. Одно время удалось «уговорить» муниципалитет Булони выдавать фальшивые паспорта; это было огромным удобством для ведения операций секретной службы, но длилось оно недолго. Наполеоновский министр полиции Фуше узнал об этой сделке и направил в Булонь грозного агента Манго, которого он называл своим «громادнейшим бульдогом»; и над этой брешью в плотном кольце блокады вскоре появилась надпись: «закрыта».

Ид де-Невиль, неугомонный и предприимчивый роялистский агент, высадившись в Нормандии, поздравил себя с «довольно легким» переездом, ибо ему пришлось выбраться на берег лишь по плечи в воде. Нередко агенты и курьеры, видя, что им грозит арест, избавлялись от компрометирующих документов тем, что глотали их. Для секретной службы употреблялась очень тонкая, но все же плотная бумага, и некая мадам Шаламе умудрилась, говорят, проглотить целую пачку писем, когда неожиданно наскочила на ищеек Фуше.

Агенты часто попадали в трудные, даже катастрофические положения; но каждый решавшийся бороться с блокадой готов был идти на смертельный риск. Сколько было обнаружено и расстрелено смелых эмиссаров! Десятки и сотни их были, вероятно, убиты при оказании сопротивления в момент ареста или казнены после суда; в делах французских архивов не сохранилось даже имен этих смельчаков.

На путях сообщения между Францией и Англией работали много священников. Из них двое прославились, хотя и по разным причинам. Аббат Ратель в дни Консульства поселился в замке некоей мадам де Комбремон,

близ Булони-сюр-Мер. Он вел себя необычайно развязно, не думал скрываться и держал себя как богатый помещик. Он даже уговорил свою любезную хозяйку принять мадемуазель Жюльенну Спер, о которой было известно, что ее имя Полина, что она роялистка и, «как полагают, женщина легкого поведения», проведшая, судя по записям министерства полиции, несколько месяцев под арестом в Тампле*. Считалось, что это молодая женщина, которую окрестные крестьяне звали «Бель-по» («Прелестная кожа»), любовница Рателя. Из своей прекрасной обители аббат отправлял изумительную по содержанию корреспонденцию. Англичане постарались, чтобы аббату стоило заниматься этим делом. Он получал в год 600 фунтов стерлингов жалованья, из которых 240 фунтов для мадемуазель Спер; и он успел получить 18000 фунтов стерлингов прежде, чем британские чиновники осмелились потребовать отчета. Тогда обнаружилось, что отправка секретной корреспонденции, которой ведал Ратель, обошлась за три года почти в 300 000 франков, не считая прежних расходов. Значительная часть этой суммы прилипла к рукам аббата, которому и пришлось возвратить изрядную её часть.

Совсем иначе проявился усердный роялизм аббата Леклерка, он же Буавалон. Один из биографов называет его совершенным образцом конспиратора, упрямого, деятельного, ловкого, предприимчивого, скромного и — что всего замечательнее — бескорыстного. Он не пытался даже покинуть Париж в период Террора, и другие роялистские агенты, служившие англичанам, застали его в роли адвоката. Это служило ему удобнейшей маской. Он так хорошо был осведомлен обо всем, что делалось во Франции, что это возбудило даже их подозрения. Из своего укрытия на улице По де Фер Леклерк вел постоянную и обширную переписку, умудряясь собирать «все донесения роялистских агентов во Франции» и препровождать их царственным особам, находящимся в изгнании. В награду он вызван был в 1803 голу в Булонь Рателем, который сообщил ему, что Наполеон недавно задумал грандиозный план вторжения и завоевания Англии с помощью большой армии и с этой целью уже организует специальный лагерь. Британских властей нужно непре-

---

* Тампль — тюрьма в предместье Парижа Тампле. — Р е д.

ривно осведомлять по этому поводу. Сам Ратель должен находиться в Лондоне, на Леклерка же падает крайне опасная и трудная задача — руководить всей секретной службой на французском побережье.

Аббат Леклерк приготовился встретить этот замысел Бонапарта. У него не было ни замка, ни любовницы, он не желал никакого вознаграждения и ничего не тратил на свои личные нужды. Приют, в котором аббат нуждался, он мог найти в домах своих друзей-роялистов; причем он редко проводил более одной ночи в одном и том же месте. Он постоянно разъезжал в маленьком рыдване, которым правил его верный секретарь Пьер-Мари Пуа, пользовавшийся несколькими живописными псевдонимами: Лароз, Вьей-Фам, Ла-Безас, Вьей-Перрюк (Роза, Старуха, Котомка, Старый парик). При столь скудных аксессуарах Леклерк (иногда выступавший под именами Байн, Годфруа, Лепаж и под своим любимым старым псевдонимом Буавалон) умудрялся отправлять в Лондон сведения, столь же ценные, как и те, какие содержались в «Полицейском бюллетене», который Фуше в бытность свою министром ежедневно посылал Наполеону.

Шпионский штат у Леклерка был небольшой, но отборный. Агент, посаженный в Бресте, высокопоставленный чиновник военного министерства, хорошо обслуживал его; второй его платный союзник был лицом еще более высокопоставленным — служил в административном отделе императорского флота. Свои ценнейшие сведения военно-разведывательного характера Леклерк имел возможность сопровождать исключительно интересной и обширной политической перепиской. Поддерживая непрерывное сообщение с Англией на сплошь охраняемом военными постами побережье, где была сосредоточена вся мощь колоссальной военной машины Наполеона, Леклерк выезжал в своем маленьком рыдване со своим секретарем. Он проезжал Этаплъ, Ла-Канш, Л'Ойти и Сомму, а затем Ла-Брель, пока не достигал округа Э, который тогда еще не был занят императорскими войсками. Здесь он входил в контакт с нуждающимися рыбаками, заказывал в трактире хороший обед и сорил деньгами, платя за все золотом. «Лароз», попивая коньяк и непрерывно доливая рюмки гостей, объяснял, что он коммерсант, которому необходимо известить живущего в Лондоне эмигранта о невостребованном

наследстве. Ничего политического, сугубо частное дело! Он даже прочитывал вслух места из письма, которое возил с собой и в котором как будто не могло быть ничего компрометирующего — если только слушателям не приходило в голову, что между широкими строчками письма можно много написать невидимыми чернилами.

Всегда находился какой-нибудь рыбак, готовый передать деловое письмо на английский крейсер, с которым французские суда часто встречались в Ламанше. За эту случайную услугу «коммерсант Лароз» (Леклерк оставался в тени) предлагал 20 луидоров, почти 500 франков, целое маленькое состояние. Ему много помогал Филипп, рыбак, державший в Трепоре бакалейную лавку. Этот человек завербовал нескольких своих приятелей, в том числе местного школьного учителя Дюпоншеля, и свою жену, женщину, прославленная дородность которой отвечала основному условию маскировки, не умаляя ее рвения и ловкости. Она часто совершала экскурсии, доставляя мужу важные пакеты, и за каждое такое путешествие получала двенадцать франков. Леклерк объявил ей, что если ее в дороге станут допрашивать или арестуют, она должна твердить, что «только что нашла письмо на берегу и несет их в полицию в Э или в Булонь».

Леклерк, мужчина лет за сорок, физически непривлекательный, оказывал на женщин какое-то непостижимое влияние. Поскольку он был священнослужитель, не приходится удивляться тому, что набожные женщины, глубоко преданные делу роялистов, рисковали многим, давая ему приют. Но так как он был человеком безупречной, по-видимому, нравственности, то нам остается предположить, что его фанатическая ненависть к Бонапарту и революции оказывала заразительное действие в аристократических кругах, куда он имел доступ. Уже одно это объясняет авантюрный дебют его пленительной соучастницы, известной под именем «Нимфы».

Одной из сторонниц Бурбонов, у которой Леклерк время от времени находил приют, была мадам де Руссель де Превиль, вдова капитана королевского флота и видная представительница булонского общества. У мадам де Превиль было несколько детей, в том числе дочь, миниатюрная хорошенькая девушка, которой в 1804 году исполнилось восемнадцать лет. Ее звали «Нимфой» за красоту и грацию движений; она привыкла к обожанию,

была полна веселости, исключительно фривольна, непостоянна и простодушна до глупости. Единственными ее интересами были балы, приемы и украшение своей персоны.

По возрасту, внешности и характеру мадемуазель де Превиль была, по-видимому, полной противоположностью совершенному образцу конспирации — Леклерку. Но требования секретной службы настолько разнообразны, что эта поразительно фривольная молодая девушка осталась бессмертной фигурой в истории французской политической интриги. Заинтересовавшись делом, которому изобретательный аббат посвятил свою жизнь, она предложила ему свои услуги. Леклерк принял это предложение. Во имя успеха своего предприятия он готов был пожертвовать чем угодно; почему же не включить эту престестную простушку в группу своих конспираторов? «Нимфа» де Руссель-де Превиль (под таким именем она и осталась в архивах французской полиции) переделалась юношей, приняла фамилию Дюбюиссон и отправилась странствовать в качестве роялистского курьера и шпиона.

Эта девушка, как и многие другие, пленилась тайнами английской «корреспонденции»¹, кажется, она была довольно опрометчива, но без ущерба для безопасности своих товарищей по ремеслу. Она начала принимать письма, доставленные слоновидной, но пылкой госпожой Филипп, и передавать их аббату, своему шефу. В дальнейшем он уполномочил ее оплачивать труд кое-каких мелких, но полезных работников. Она часто отлучалась из Булони на несколько дней, забираясь даже в Дьепп или Амьен, одна или в компании с Пуа.

Широкой публике незадолго до этого было сообщено, что в результате штормов французский флот потерял несколько линейных кораблей в ходе рискованного сражения; в такой версии стал известен факт разгрома наполеоновского флота при Трафальгаре. Это неудачное сражение 21 октября 1805 года довершило крушение императорского плана высадки десанта на английском побережье; но он уже носился с другими планами завоеваний. Победа адмирала Колдера в Бискайском заливе за три месяца до Трафальгара побудила Наполеона

перебросить свои войска из Булони в Европу и начать кампанию, которой суждено было блестяще увенчаться Аустерлицем. Англия, однако, продолжала хранить непримиримую к нему вражду, оставаясь недостижимой и неуязвимой, и могла нанести ему удар в любом пункте европейского побережья. А тайные общества недовольных, романтические авантюристы и платные агенты, руководимые Леклерком и с более безопасного расстояния — Рателем, продолжали действовать во всех департаментах между Парижем и Ламаншем.

Нужно сказать, что секретная полиция, руководимая Фуше и Демаре, никогда не была склонна получать пощечины и хранить при этом невозмутимую улыбку. Оперативность и настойчивость таких агентов, как Манго, закрывала щели блокады одну за другой; дверь в Трепоре также была в конце концов обнаружена и захлопнута с треском. Полицейскому осведомителю удалось проникнуть в шайку при помощи обычной техники контршпионажа, и ищейки Демаре вскоре горячо взялись за преследование аббата, «Нимфы» и верного «Лароза». Леклерк укрылся в Аббевиле, в доме некоей Дени; там же приютили и «Нимфу» де Превиль. На допросе Филипп, трепорский рыбак-бакалейщик, сообщил все, что знал, и этого было достаточно, чтобы полицейские агенты и жандармы поскакали в Аббевиль. Жилище мадам Дени на улице Птит-Рю-Нотр-Дам строилось, как видно, иезуитами, ибо ни Леклерк, ни «мальчик Дюбюиссон» не были обнаружены ищейками. Но мадам Дени так успешно застращала, что она повела агентов к тайнику с документами, имевшими отношение к корреспонденции секретной службы.

Рассказывают, что аббат Леклерк бежал глухой ночью в сторону Сент-Омера. Девушка, расставшись с ним, преспокойно вернулась домой в Булонь, сказав матери, что она объявлена вне закона, но ни в чем неповинна и готова отдать себя в руки полиции. Можно себе представить изумление и ужас мадам де Превиль, ибо она до этой минуты и не подозревала о безрассудном поведении дочери. Она действовала, однако, с поразительным хладнокровием и решительностью: отослала девушку обратно в Аббевиль к жившим там родственникам и

просила дочь тщательно скрываться. Это значило ожидать слишком многого от бывлой союзницы Леклерка. В городе, кишевшем опытными полицейскими чинами, прибывшими из Парижа на поиски сообщников Леклерка, она целые дни просиживала у своего окна, а раз позволила себе даже появиться на публичном балу. В один прекрасный день, вероятно, в случайном припадке благоразумия, она исчезла.

Что случилось с нею? Вместе с аббатом и Пуа, его секретарем, «Нимфа» де Руссель-де Превиль, известная под фамилией Дюбюиссон, была почти год спустя заочно приговорена к смертной казни комиссией, заседавшей в Руане. Филипп, другой рыбак Дьеппуа, а также учитель Дюпоншель были приговорены к смерти, и — на их беду — не заочно. Все трое были казнены. «Нимфа» в одиночку пересекла большую часть Европы, пытаясь пробраться в Россию, но в конце концов села на корабль, шедший в Лондон, где ее странствия и окончились. Как несовершеннолетней, приговоренной к смертной казни, британское правительство назначило ей ежегодную пенсию в 600 франков.

Леклерк, находившийся некоторое время в Англии, переехал затем в Мюнстер, где тотчас же начал заново связывать оборванные нити секретной службы. Имперская полиция парализовала его почтовую контрабандную деятельность в округе Булонь; но линии связи можно было перенести в сторону, на Джерси и нормандское побережье. Этого-то и добился неутомимый аббат с помощью своих агентов в Париже, щедро оплачивая их английским золотом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Могучий натиск фунта стерлингов

Министры короля Георга III были равнодушны к интриге и к стратегии. Они щедро сыпали золотом, питая глубокую веру в действенность секретной службы,

и уважительно считались с периодическим безденежьем хорошо осведомленных иностранцев; между тем их французские противники вечно жаловались на пустоту государственной кассы и хроническую нехватку средств для секретной службы. Поэтому тайные операции Англии против Наполеона увенчивались успехом. У высокопоставленных деятелей бонапартистского режима можно было покупать жизненно важные сведения; поддержка нейтралов также приобреталась тактично раздаваемыми пособиями.

Значительная часть шпионской программы, нацеленной против Империи, проводилась британскими дипломатическими представителями в Германии: штургартским посланником, полномочным послом в Касселе и в особенности Дрезьком, полномочным министром, аккредитованным при баварском дворе в Мюнхене. Дрезьк так ловко раздавал взятки, что подкупил директора баварской почты, чем обеспечил себе доступ ко всей французской корреспонденции. И все же этот английский виртуоз шпионажа сильно скомпрометировал себя, когда вздумал воспользоваться услугами человека, оказавшегося агентом французской контрразведки. Дрезьк хорошо платил ему за информацию, оказавшуюся ложной, тогда как тот выудил у английского дипломата важные конфиденциальные документы, которые Наполеон поспешил опубликовать.

Кунад, датский представитель, и Форбс, американский консул в Гамбурге, облегчали деятельность британской секретной службы, выдавая фальшивые паспорта. Французы утверждали, что и американский консул в Дюнкерке настолько энергично действует в интересах шпионажа, что фактически является агентом английской разведки¹. В письме, адресованном контр-адмиралу Декре, император писал: «Английские крейсеры взяли себе за правило подходить к нейтральным судам, собирающимся зайти в наш порт; они снимают пару человек из экипажа и заменяют их своими шпионами, которые таким образом получают возможность оставаться во французских портах на все время пребывания там нейтральных кораблей». Точно так же подданные нейтральных государств, обнаруженные на кораблях, захваченных в море в качестве военной добычи, часто оказывались английскими агентами, снабженными иностранными паспортами.

Кроме того, англичан обслуживала пестрая армия наемных шпионов; для некоторых поручений шекотливого свойства они оказывались полезнее фанатичных роялистов или сторонников Бурбонов, разыгрывавших из себя бонапартистов лишь для спасения своей шкуры и втайне презиравших корсиканского «узурпатора». Русские, шведы, испанцы, евреи, торговцы, разносчики, бродячие клоуны и женщины — все они заслушивались чарующим звоном золотых гиней*. И со всех концов Континента — того континента, который в это время большей частью входил, по праву завоевания, в замкнутые границы императорской Франции, — в Лондон потоком лились сведения.

Агенты Англии прибегали к разнообразнейшим уловкам для передачи своих донесений². Письма, адресованные в датскую, голландскую, шведскую, испанскую или американскую «явку», писались при помощи остроумнейших кодов. В 1809 году французы перехватили и расшифровали письмо, написанное сплошь нотными знаками и по внешнему виду представлявшее собой невиннейшее музыкальное произведение. Письмо, найденное в бумажнике одного подозрительного лица, заключало в себе такую строчку: «Белье, которое я тебе посылаю, ты предварительно выстирай, очень уж оно липкое». На шве сорочки оказался написанный химическими чернилами шпионский рапорт.

Любимым — и почти безошибочным — кодом врагов Наполеона были специальные термины. Существует секретный доклад министерства полиции императору, в котором французская контрразведка сообщала, что, по ее сведениям, специальные термины, заимствованные из области музыки и ботаники, английской секретной службой больше не будут употребляться; впредь же в постоянных кодах она будет пользоваться терминами из области часового мастерства, хозяйственного обслуживания и кулинарии.

Разведывательные действия, предпринимаемые банкирскими домами, — одно из ответвлений секретной службы; здесь уместно вспомнить об операциях Ротшильдов в годы европейской сумятицы. Ротшильды пола-

---

* Г и н е я — золотая монета стоимостью в 21 шиллинг. Золотой соверен (фунт стерлингов) содержит 20 шиллингов. — Р е д.

гали, что Наполеон проиграет свою игру и не успеет погубить всю Европу до того, как погибнет сам. Свое финансовое существование и даже самую жизнь они поставили на карту этой своей уверенностью. Так как братья Ротшильды распространили свое влияние по всему континенту Европы, быстро превращавшейся во французскую вотчину, то им всего важнее было, пренебрегая судьбой Бонапарта, во что бы то ни стало позаботиться о своей собственной судьбе. Со времен Фуггеров Европа не видела еще частной секретной службы, так хорошо работавшей, как служба Ротшильдов; и если отвлечься от того, что за кулисами всякого проявления вражды к Наполеону стояла английская разведка, то это, вероятно, была лучшая из частных служб в лагере врагов императора.

Наполеон так часто испытывал на себе удары фунта стерлингов, что и сам очень полагался на могущество и эффективность золотой наличности. Она могла даже не всегда быть законной. Префект полиции Паскье в своих мемуарах рассказывает, как его секретные агенты обнаружили тайную типографию, где за большое вознаграждение и только по ночам работали искусные мастера. Дом, в котором велась эта таинственная работа, находился на Плен-Монруж; он строго охранялся, вход в него был заперт наглухо и забаррикадирован. Было это незадолго до похода в Россию, в 1812 году. Паскье, наконец, распорядился о полицейском налете. Его агенты взломали запоры — и остановились в изумлении. Фабрика, как они и подозревали, печатала фальшивые ассигнации, но не французские или английские. Кредитки, по рассмотрении, оказались австрийскими и русскими! Главным печатником оказался некий господин Фен, брат одного из доверенных секретарей Наполеона, того самого, который обязан был читать ему его излюбленные выдержки из частных писем, поступавших в бюро почтовой цензуры.

Паскье сообщили, что подделка кредиток производится по личному приказу императора. На эти деньги предполагалось покупать продовольствие во время предстоявшего колоссального нашествия на неприятельские страны. Честному Паскье объяснил это сам генерал Савари, сказавший, что его царственный владыка в этом случае лишь следовал примеру англичан. Савари теперь внезапно оказался во главе всей наполеоновской поли-

ции. Жозеф Фуше, этот ловкий специалист своего дела, пережив бури и опасные штили, подозрения и контршпионаж братьев Наполеона, в конце концов был уволен с должности министра полиции, когда он не захотел одобрить бесплодной и опустошительной программы военных действий Наполеона. Фуше не видел причин к тому, чтобы избегать мира с Англией, и при его посредничестве то один, то другой банкир, особенно не слишком почтенный Уврар, отваживался начинать импровизированные переговоры. В конце коцов Наполеон узнал об этом, и такая наглость показалась ему нетерпимой. Неужели Фуше — английский агент? Талейран ушел — или был загнан — в австрийский лагерь; он был, как полагали, шпион Меттерниха. И Фуше туда же! Молодая императрица и многие другие лица усердно просили за него. Опять простить его, снова оставить на службе? Наполеон заупрямился. Он тайно приказал Савари арестовать Уврара, друга и сообщника Фуше; Фуше пришлось смириться и пустить на свое место другого.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Заговор маниака

Такой самодержец, как Наполеон, может по своему желанию сместить даже столь изобретательного, бессовестного и исключительно хорошо осведомленного министра полиции, как Жозеф Фуше. Он может выгнать его вон, как конюха; но и может очутиться перед необходимостью провести несколько ночей без сна, туша пожар в конюшнях. Для Бонапарта 1810 года характерна была замена такого острого и гибкого инструмента, как Фуше, столь тупым орудием, как Савари; а для Фуше в любой период его жизни было характерно стремление нанести удар унизившему его человеку минированием дороги своего преемника.

У Савари не оставалось выбора. «Вы министр полиции. Присягайте и беритесь за дела!» — крикнул ему им-

ператор. Если царедворец и начальник императорской жандармерии и предпочитал увильнуть от столь щекотливого назначения, он все же не посмел сказать это вслух.

Фуше, внезапно вышвырнутый вон, творец самой эффективной и широкой полицейской системы в Европе, был не такой человек, чтобы уйти, хлопнув дверью или сделав неловкий жест. Он был слишком хитер и хорошо осведомлен, слишком сдержан и рассудителен, чтобы решиться на бесполезное сопротивление. Но он обладал бесспорным юмором, он любил и умел оставлять в дураках тех, кого имел причины презирать или бояться. На этот раз, после сделанного Наполеоном шага, он избрал своей мишенью Савари.

Фуше вынужден был радушно принять генерала Савари, герцога Ровиго, показать ему всё, сделать так, чтобы на новом посту он чувствовал себя как дома. У новоиспеченного министра были все основания ненавидеть и бояться Фуше, и теперь больше, чем когда-либо; и все же он дал возможность надуть себя этому законченному интригану, которого он унизил и который принял его в парадной форме, но с обезоруживающей сердечностью.

Савари имел неосторожность предоставить своему предшественнику «несколько дней» на приведение министерства в порядок. Фуше мог сделать это и в половину данного ему срока. Вместе с преданным ему другом он в течение четырех дней и четырех ночей насаждал в министерстве сатанинский ураган беспорядка. Любой мало-мальски значительный материал изымался из архивных папок; каждый документ в этом обширном резервуаре шпионских донесений и политических сообщений был удален для спокойствия Фуше или для того, чтобы озадачить его преемника. Все, что могло скомпрометировать людей, над которыми ему желательно было сохранить еще власть, было отложено в сторону, чтобы попасть затем в Феррьер, имение уходящего в отставку министра. Остальное было предано огню.

Драгоценные имена и адреса, имена тех, кто служил Фуше шпионами в фешенебельном квартале Сен-Жер-

менского предместья*, в армии или при дворе, не должны были достаться в наследство Савари. Пусть ему достанутся мелкие филеры, доносчики и осведомители, привратники, официанты, прислуга и проститутки, пусть он попробует с их помощью управлять полицейской службой! Общий указатель был уничтожен; списки роялистских эмигрантов и секретнейшая переписка исчезли; некоторым мало сенсационным документам приданы были неверные номера. Таким образом, существеннейшая часть этой огромной машины была с дьявольским коварством приведена в негодность. Старые агенты и служащие, на которых мог бы опереться Савари, были заранее подкуплены, чтобы одновременно работать в пользу изгоняемого министра и обо всем регулярно доносить тому, кто намерен бы остаться их действительным хозяином.

Когда Фуше, наконец, передал дела Савари, то при этом иронически предъявил лишь один серьезный документ — меморандум, относившийся к изгнанному из Франции дому Бурбонов. Увидя, как разграблены архивы министерства, Савари поспешил с протестом к императору. Фуше, вместо того чтобы направиться с посольством в Рим, преспокойно отдыхал в Феррьере, упиваясь сообщениями о бешенстве своего тупого соперника. Но на этот раз гроза разыгралась всерьез, и молнии засверкали вокруг колпака и погремушек шутника.

От Наполеона в Феррьер помчались курьеры с требованием «немедленной выдачи всех министерских документов». Фуше дерзнул намекнуть, что ему известно слишком многое. В его руки обычно попадали секреты семьи Бонапарта, этих скучных и беспокойных братьев и сестер императора. Но он счел целесообразным уничтожить их. Если он проявил чрезмерное усердие...

Император был взбешан этой прямой попыткой шантажа; не один эмиссар обращался к Фуше; и каждому он давал все тот же кроткий, но возмутительный ответ. Он очень жалеет — он, без сомнения, сделал промах в припадке осторожности, но все бумаги им сожжены. В ответ на это Наполеон вызвал графа Дюбуа, начальника личной полиции, до недавнего времени подчиненного Фуше. Впервые во Франции человек, чиновник, открыто пе-

---

* Сен-Жерменское предместье — аристократическое предместье Парижа, район богатых особняков.— Р е д.

речил своему повелителю; шагая по комнате взад и вперед, Наполеон осыпал этого мятежника самыми яростными и грубыми ругательствами.

Дюбуа явился в Феррьер, и Фуше пришлось примириться с тем, что все его бумаги были опечатаны. Такой поступок причинил ему больше унижения, чем неудобства, ибо он имел благоразумие за несколько дней до этого убрать и спрятать все наиболее важное. Он слишком далеко зашел в своей «шутке» и, подчинившись полицейскому эmissару, тотчас же принялся писать императору оправдания, казавшиеся правдоподобными. Но было уже поздно. Наполеон отказался принять его и послал ему одну из самых презрительных отставок, когда-либо дававшихся министру.

«Господин герцог Отрантский, ваши услуги более не могут быть угодны мне. Вы должны в течение двадцати четырех часов отбыть к месту вашего нового назначения».

И новому министру полиции было поручено позаботиться, чтобы Фуше немедленно подчинился указу об изгнании.

Выполнив эту приятную обязанность, Савари приступил к управлению имперской полицией вопреки Фуше. Попытавшись дать повышение кое-кому из третьестепенных осведомителей, оставленных ему в наследство предшественником, он быстро убедился, что ему понадобятся более надежные и опытные шпионы.

Человек туповатый и упрямый, Савари все же был не глуп и сумел — возможно, пользуясь советами Демаре или Реаля, — успешно поставить дело шпионажа в высших слоях общества. В подвергшихся разгрому помещениях министерства он нашел список адресов, которые Фуше со своими друзьями почему-то не уничтожил. Этот список, предназначенный для курьеров, разносивших письма, велся доверенными писцами; и Савари, предположив, что большая часть их все еще остается верной начальнику, которого он сменил, решил помешать тому, чтобы они об этом узнали; он забрал список в свой кабинет и лично полностью его скопировал. Здесь он наткнулся на имена, изумившие его, имена, которые, по его словам, он ожидал бы скорее встретить в Китае, чем в этом своеобразном каталоге. Но многие адреса не имели обозначений, кроме цифры или начальной буквы; он заподозрил, что они и есть самые ценные.

Савари специальным письмом вызывал к себе каждого агента; письмо это доставлялось одним из его собственных курьеров. Час свидания не был обозначен; но из предосторожности Савари назначал свидание только одному человеку в день. Каждый из приглашенных агентов являлся обычно к вечеру; и Савари, прежде чем влупить его, предусмотрительно осведомлялся у главного привратника, часто ли этот посетитель приходил к господину Фуше. Почти во всех случаях оказывалось, что привратник видел его раньше и мог что-нибудь сообщить о нем. Этим путем Савари подготавливался к тому, чтобы взять правильный тон при встрече с новоприбывшим, — с одним он был сердечен, с другим сдержан, в зависимости от того, как поступал его предшественник.

Так он действовал в отношении «специалистов», обозначенных инициалами или номером. Иногда случалось, что кое-кто из агентов пользовался более чем одним инициалом. Посланный Савари курьер вручал ему два письма, и при его появлении в министерстве ему объясняли, что писцы по ошибке написали ему дважды.

Савари твердо решил перещеголять Фуше постановкой своей секретной службы и придумал иной способ ознакомления с агентурой. Кассиру приказано было извещать его каждый раз, когда какой-нибудь агент явится за получением жалованья или денег на расходы. Поначалу людей являлось мало настолько подозрительно относились сотрудники Фуше к новому руководству; но через несколько недель жадность взяла верх, и незнакомцы начали заглядывать в министерство «просто за справкой», как они объясняли. Они неизменно встречали нового начальника. Савари относился к каждому такому визиту как к чему-то само собой разумеющемуся; он маскировал свое незнакомство с агентурой, разговаривал о текущих событиях. Нередко, побудив какого-нибудь «визитера» прихвастнуть своими успехами, он по своей инициативе повышал ему жалованье.

Действуя настойчиво и методично, Савари с течением времени восстановил все мастерски законспирированные связи Фуше. Предстояло сделать следующий шаг — разработать и расширить всю систему шпионажа. На это его толкал Наполеон. Вскоре Савари заслужил прозвище

«Сеид Мушара», т. е. шейха полицейских шпионов*. В его руках были сосредоточены целые группы доносчиков и филеров: фабричные рабочие, извозчики, уличные носильщики и попросту сплетники.

Когда фешенебельный Париж покидал столицу на лето, Савари переносил слежку за самыми высокопоставленными особами на их дачи. На него работали домашние слуги, садовники и письмоноscopy, равно как многие из никем не заподозренных гостей. И, наоборот, он побуждал хозяев шпионить за своими слугами; и каждый домовладелец обязан был докладывать ему обо всех переменах в его доме и регулярно осведомлять полицию о поведении своей прислуги.

Савари не щадил никого; он обозлил духовенство и с таким увлечением осуществлял свою мелочную, назойливую слежку за всем Парижем, за всей Францией, что заслужил всеобщую ненависть и презрение — и в этом не было ничего удивительного.

Савари был алчен и снедаем тщеславием. Типичный бюрократ, случайно поднявшийся на самую верхнюю ступень служебной лестницы, он с необычайной подозрительностью относился ко всему, что, как ему казалось, хоть в малейшей степени могло умалить его достоинство.

Самомнению Савари был в конце концов нанесен жестокий удар. И сделал это не какой-нибудь Фуше или Талейран, а полупомешанный человек, которому удалось пошатнуть трон Наполеона, пошатнуть самые основы Империи и тем самым поставить в весьма затруднительное положение министра полиции.

Военная карьера генерала Мале не может быть названа блестящей. В июне 1804 года, когда он командовал войсками в Ангулеме, префект потребовал его увольнения. Наполеон, в ту пору первый консул, ограничился тем, что понизил его в чине и перевел в Сабль-д'Олонн. 2 марта 1805 года имя Мале внезапно появилось в списке вышедших в отставку из-за недоразумений с гражданскими властями, возникших в Вандее. Но он обратился опять в Наполеону, тогда уже императору, который

---

* «Сеид» (тур.) — начальник; «мушара» (франц.) — доносчик, шпик, «шейх» (тур.) — начальник.— Р е д.

милостиво возвратил его 26 марта в действующую армию. 31 мая следующего года вновь был опубликован указ о его увольнении за какие-то не совсем чистые финансовые дела; тем не менее Мале продолжал регулярно получать жалованье как офицер, состоящий на действительной службе. Как же он отблагодарил главнокомандующего, снисходительность которого по отношению к себе он испытал в полной мере? В 1808 году он был разоблачен как участник заговора против императора и заключен в тюрьму Сент-Пелажи; но он пользовался почему-то покровительством Фуше и благодаря этому добился перевода в частную больницу некоего д-ра Дюбюиссона в предместье Сент-Антуан.

Во время тюремного заключения Мале разработал план нового заговора. Это был безрассудный и наглый, но весьма простой план. Воспользовавшись отсутствием императора, Мале предполагал объявить о смерти Наполеона и провозгласить «временное правительство»; при этом он рассчитывал на поддержку войсковых частей, командовать которыми собирался сам. Когда наступил подходящий момент, Мале попытался осуществить свой план во всех деталях. И если бы не случайная неудача, заговор полоумного Мале увенчался бы полным успехом.

В ту пору Париж управлялся слабо. Камбасерес представлял императора. Савари руководил всей полицией. Несмотря на подчиненную ему огромную агентуру, он ничего не знал о Мале и почти ничего о действительных настроениях в городе. Префект, генерал Паскье, был честным и сведущим администратором, но отнюдь не человеком дела. Гарнизон столицы состоял в основном из рекрутов, поскольку все ветераны наполеоновской армии либо воевали против Веллингтона в Испании, либо находились при Наполеоне, который вел их к бесславному концу в России. Генерал Юлен, военный комендант Парижа, был методичный и преданный солдат, наивный и лишенный всякого воображения человек, великовозрастный младенец в военных доспехах.

В гостеприимном лечебном заведении д-ра Дюбюиссона, наполовину санатории, наполовину арестном доме, заключенным разрешалось разгуливать на свободе «под честное слово», общаться между собой и принимать каких угодно посетителей. Таким образом, генерал Мале имел возможность обдумать и обсудить свой план; и так

как в этом приюте содержались и другие лица, недовольные Наполеоном, то Мале мог без труда на вербовать себе сообщников. Однако он решил довериться только одному лицу. Это был аббат Лафон, чья смелость не уступала смелости самого Мале и чье продолжительное участие в рискованных роялистских заговорах против Империи вызывало у этого полубезумного генерала бессмысленную зависть.

Заговорщики вели себя осторожно, ибо опыт показал им, что предательство и измена кроются под самыми разнообразными личинами. Мале знал, что он может положиться на сотрудничество двух генералов Гидаля и Лабори, с которыми он подружился в тюрьме. Но даже этим двум противникам Наполеона он не раскрыл всех целей и масштабов заговора.

В лечебнице Мале забавлялся тем, что облачался в свою парадную военную форму. Окружавшие привыкли к этому, и никому не показалось странным, что, когда пришел момент, в 8 часов вечера 23 октября 1812 года, Мале вместе со своим другом аббатом покинул гостеприимный кров Дюбюиссона в полной военной форме.

Вскоре он появился у ворот близлежащих казарм и резко сказал часовому, а затем начальнику караула: «Проводите меня к вашему командиру. Я генерал Ламот».

Мале избрал эту фамилию потому, что Ламот был офицер, пользовавшийся хорошей репутацией в парижском гарнизоне. Он принес с собой целый ворох фальшивых документов; депешу, якобы полученную со специальным курьером и содержащую извещение о смерти Наполеона в России; резолюцию Сената о провозглашении временного правительства и приказ о подчинении ему — Мале — гарнизона столицы.

В ночь на 24 октября Мале был, что называется, в своей стихии, не подозревая даже, что всего лишь подражает всем характерным особенностям того самого монарха, которому он так завидовал.

По его приказу были разосланы возглавленные подчинившимися ему офицерами сильные отряды для захвата ключевых позиций в Париже: застав, набережных и площадей. Другая часть войск отправлена была в тюрьму Ла-Форс, где в то время находились Гидаль и Лабори. Их освобождение состоялось без применения

силы, без кровопролития и вообще каких-либо заминок.

Как только генерал Лабори предстал перед своим начальником Мале, он тотчас же получил приказ арестовать префекта Паскье. Затем Лабори двинулся во главе отряда к министерству полиции, где ни о чем не предупрежденный своими агентами и застигнутый врасплох Савари сдался без сопротивления. Сам Мале готовился повести другой отряд на Вандомскую площадь. Он намеревался арестовать генерала Юлена в военном штабе Парижа.

Арест Савари и Паскье состоялся около 8 часов утра; оба были отправлены под строгим надзором в ту самую тюрьму, из которой только что вышли Гидаль и Лабори. Савари впоследствии иронически назывался «герцогом де ла Форс»*, хотя срок его унижительного ареста оказался недолгим.

Мале тем временем нагрянул к Юлену и предъявил свои полномочия. Они, однако, не устроили этого трезвого солдата. Объявив о необходимости просмотреть бумаги, он попытался выйти из комнаты. Мале выхватил пистолет и выстрелил — пуля раздробила Юлену челюсть. Этот выстрел был первой неудачей Мале. За ней последовала вторая.

Генерал-адъютант Дорсе — в списке лиц, которых надлежало арестовать и заключить в тюрьму, он числился как фигура второстепенная — по какой-то случайности зашел к генералу Юлену раньше обычного. Мале смело встретил его и сразу же предъявил свой мандат: но Дорсе тотчас увидел, что документы поддельные. Его проникательность едва не стоила ему жизни. Мале готовился выстрелить в Дорсе, когда внезапно в комнату вошел его адъютант. У Мале после выстрела в Юлена осталась в стволе всего лишь одна пуля, а противостояли ему теперь два офицера.

Возможно, что он справился бы с обоими, поскольку они не обладали его отчаянной инициативой и душевной неуравновешенностью; но как раз в этот момент в комнату вошел отряд солдат. По приказу Дорсе они быстро справились с Мале. С этой минуты вся его необычайная

---

* «Герцог дела Форс» — непереводаемый каламбур: «герцог от насилия» и вместе с тем «герцог из тюрьмы Ла-Форс» («форс» по-французски «сила», «насилие»). — Р е д.

авантюра закончилась: Савари и Паскье вскоре были выпущены из тюрьмы Ла-Форс; и сообщники Мале были арестованы.

Отступая с армией из России, где он потерпел жесточайшее поражение, Наполеон узнал о деле Мале и был очень обеспокоен обнаружившимся непрочным положением своей династии. Дело Мале было одной из причин его стремительного бегства от армии в Париж. Он набросился на всех, а тайную полицию осыпал отборнейшей смесью корсиканской злобной брани и жаргона кордегардии.

Но Савари, который мог ожидать для себя участи Фуше, все же не был прогнан в отставку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Император шпионов

Куда более серьезной исторической фигурой является Савари как вербовщик, ибо именно он открыл Карла Шульмейстера, бесценного агента-шпиона императора Наполеона, которого можно назвать «Наполеоном военной разведки». Более 125 лет прошло с той поры, как прекратилась деятельность Шульмейстера; но за весь этот солидный период европейской истории не появлялся более умелый или отважный шпион, чем Шульмейстер.

Крайне беззастенчивый, как и сам Бонапарт, он сочетал находчивость и наглость — качества, присущие всем крупным агентам секретной службы, — с такими специфическими качествами, как физическая выносливость, энергия, мужество и ум со склонностью к шутовству. Он родился 5 августа 1770 года в Ней-Фредштетте в семье лютеранского пастора. Но вырос он в приятном убеждении, что является потомком старинной и знатной венгерской фамилии, причем для него наступил момент, когда он оказался в состоянии удостоверить свое дворянство, правда, с помощью отлично подделанных документов.

Страсть к элегантности, соответствующей его якобы высокому происхождению, побудила его, как только оказалось возможным, брать уроки у самых видных преподавателей танцев в Европе. Он хотел храбро драться, блистать в обществе, носить орден Почетного легиона; по части ордена он потерпел неудачу. Зато он вознаградил себя успехами в свете, научившись танцевать, как маркиз.

Впрочем, жизнь свою он начал довольно скромно, женившись на уроженке своего родного Эльзаса, носившей фамилию Унгер; после женитьбы он завел бакалейную и скобяную торговлю, от которой получал большой доход, главным образом торгуя контрабандными товарами. В согласии с традициями пограничной области Эльзаса, он не понимал, как можно, живя так близко к границе, не использовать этого обстоятельства для наживы. Уже в семнадцать лет он не стыдился признаваться в этом, указывая, что занятие контрабандой требует необычайного мужества и присутствия духа. Позже, добившись известности и огромного состояния как шпион Наполеона, он продолжал заниматься провозом контрабанды.

В 1799 году он познакомился с Савари, тогда еще полковником, весьма далеким от титула герцога и поста министра полиции. Примерно в 1804 году Савари, ставший уже генералом и одним из приближенных царедворцев Наполеона, предложил Шульмейстеру совершить один из самых сомнительных и омерзительных подвигов секретной службы Империи: заманить во Францию герцога Энгиенского, молодого бурбонского принца, который жил в Бадене на содержании у англичан и был мало заметным организатором роялистских интриг.

Наполеон стремился дать урок всем роялистам в лице герцога Энгиенского, полагая, что казнь невинного отпрыска изгнанной династии Капетов* послужит устрашающим уроком.

Герцог Энгиенский часто навещал в Страсбурге молодую женщину, к которой был сильно привязан. Шульмейстер проведал об этом и тотчас же послал своих

---

* Капеты, или Капетинги — династия французских королей, правившая с 987 года (родоначальник — король Гуго Капет). Бурбоны — отрасль этой династии по женской линии. — Ред.

помощников, чтобы увести эту женщину в Бельфор, где ее держали на вилле близ границы под тем предлогом, что местные власти зарегистрировали ее как подозрительную личность.

Подделав письмо от ее имени, Шульмейстер отправил его к герцогу Энгиенскому; в письме она умоляла вызволить ее из заточения. Любовник немедленно ответил ей. Он полагал, что ему удастся подкупить тех, кто арестовал ее, и они позволят ему похитить ее, поскольку Бельфор расположен неподалеку от территории маркграфства Баденского. Но Шульмейстер уже приготовился; и не успел герцог ступить ногой на французскую землю, как был схвачен и спешно увезен в Страсбург, а от туда в Венсенн.

Уже через шесть дней после своего ареста герцог был осужден комедией военного суда. Воспользовавшись первой же возможностью, он отправил письмо своей возлюбленной с объяснением причины, по которой он не мог помочь ей. Она, впрочем, уже сослужила Шульмейстеру службу и была выпущена на свободу, даже не сознавая того, какую роль она поневоле сыграла во всей этой страшной интриге. В ту же ночь молодой герцог был расстрелян, причем палачи заставили его держать фонарь, чтобы им удобнее было целиться. Говорят, Савари заплатил Шульмейстеру за это дело сумму, соответствующую 30 000 долларов. Так дорого стоил этот каприз Наполеона! Талейран заметил по поводу судебного убийства герцога Энгиенского: «Это хуже, чем преступление; это ошибка».

Шпионский талант Шульмейстера был как бы создан специально для интриг большого масштаба. Савари, приблизившийся после казни молодого Бурбона к своей заветной цели — обладанию герцогским поместьем, в следующем году представил Шульмейстера самому Наполеону со словами: «Вот, ваше величество, человек, составленный сплошь из мозгов, без сердца». Наполеон, которому предстояло в один прекрасный день сказать Меттерниху: «Я не посчитаюсь с жизнью миллиона немцев!», встретил благосклонной усмешкой эту характеристику единственного в своем роде контрабандиста-шпиона с таким «анатомическим дефектом».

Наполеон любил говаривать: «Шпион — естественный предатель». Он нередко говорил это Шульмейстеру; од-

нако нет данных, чтобы Наполеон был когда-нибудь предан военным шпионом, хотя сам он тратил крупные суммы на подкуп видных представителей дворянства, торговавших собой на рынках предательства.

Наполеоновская кампания 1805 года против Австрии и России была превосходно рассчитанным и мастерским военным ходом; и то, что Шульмейстер начал свою карьеру наступательного шпионажа в эту кампанию, весьма знаменательно. Наполеон всегда стремился изучить особенности тех генералов, которых его враги выдвигали в качестве его очередной жертвы. В 1805 году надежды австрийцев сосредоточились на маршале Макке, не слишком одаренном военачальнике, который известен был главным образом маниакальным желанием искупить свои прежние поражения, понесенные от французов. Закоренелый монархист Макк не хотел видеть того, что «корсиканский узурпатор» в сущности очень популярен во Франции и что французская нация вообще всегда видела в нем героя и военного гения.

Карл Шульмейстер вознамерился поддеть этого тупого, простоватого и легко поддающегося обману австрийского полководца. С этой целью он первым делом появился в Вене в качестве молодого человека знатного венгерского рода (отсюда, вероятно, и пошла легенда о его старинном происхождении), изгнанного из Франции Наполеоном, который заподозрил его в шпионаже в пользу Австрии.

Макк встретился с мнимым изгнанником, был поражен всем, что тот знал о Франции, и с радостью воспользовался сообщенными ему неожиданными и ценными сведениями военного и гражданского характера. Шульмейстера он сделал своим протеже и рекомендовал его в привилегированные офицерские клубы Вены. Макк даже выхлопотал «мстительному венгерцу» офицерский чин и ввел его в свой личный штаб. Роковой осенью 1805 года они вместе отбыли в армию; Шульмейстер — в качестве начальника австрийской разведки.

В этот критический период операции Шульмейстера носили фантастически сложный характер. Он умудрялся извещать Наполеона о каждом шаге, о любом замысле австрийцев. Он щедро и с успехом сыпал деньгами, для

чего получал крупные суммы. Как большинство образованных эльзасцев, он по-немецки говорил так же бегло, как по-французски; вероятно, он говорил и по-венгерски, иначе он вряд ли избрал бы для себя принадлежность к этой нации, когда готовился к своей миссии. Но чтобы сделаться любимцем венского общества, каковым он, по слухам, являлся, мало было лингвистических дарований.

Он подкупил двух штабных офицеров Вендта и Рульского, и когда передавал Макку фальшивую информацию, она аккуратно подтверждалась «сторонними» донесениями этих предателей. Оптимистически настроенному маршалу давали понять, что все его монархические мечты о раздорах среди французов постепенно оправдываются. Шульмейстер получал письма от «недовольных» из наполеоновской армии. Корреспонденты эти не скупилась на сплетни и рассказы «очевидцев» о росте недовольства среди военных, о гражданских беспорядках и прочих обстоятельствах, которые, если бы имели место в действительности, весьма затруднили бы Наполеону ведение его кампаний. С каким ликованием Макк читал эти письма, как и газету, которая печаталась по распоряжению Наполеона, специально для использования ее Шульмейстером! Номера этой газеты высылались Шульмейстеру якобы с большими предосторожностями, и в каждом номере печатались статьи и заметки, подтверждавшие коварную «информацию» и необычайно воздействовавшие на австрийского полководца.

Между тем Макк отнюдь не был просто невеждой, совершенно неспособным командовать на порученном ему ответственном посту; нет, это был опытный пятидесятилетний военачальник, решивший победить во что бы то ни стало и поэтому чрезмерно усердствовавший. Он слишком охотно верил тому, во что хотел верить, и благодаря этому стал легкой добычей хитрого охотника из Эльзаса. Франция, уверял Шульмейстер, стоит на пути к восстанию, и Наполеон поневоле должен будет оттянуть свои войска к рейнской границе. Поверив этому, Макк с тридцатитысячной армией вышел из такого стратегически важного пункта, как Ульм. Он ожидал, что ему придется преследовать маршала Нея и отступающий французский авангард. Вместо этого он нашел Нея все еще во главе наступающей армии.

Ней готов был принять сражение, и уже это было довольно неожиданным; но еще больше озадачило Макка то обстоятельство, что на его флангах появились Мармон и Ланн, затем Сульт и Дюпон. Мюрат, которому шпион теперь адресовал свои секретные сообщения, замкнул железное кольцо; и через три дня, 20 октября, изумленный австрийский «преследователь» сдался.

Шульмейстер, все еще оставаясь «венгерцем», пробрался через линию фронта, совершил «чудесный побег» и возвратился как ни в чем не бывало в Вену. Здесь с изумительной ловкостью, какой не мог бы проявить и целый корпус обыкновенных шпионов он пробрался на тайные военные совещания, где поочередно председательствовали русский царь и австрийский император. Шпион принес встревоженным союзникам утешительные вести с фронта, переставшего существовать. Из трех своих армий они только что лишились одной, и притом отлично снаряженной. Шульмейстер убедил их выслушать его и серьезно рассмотреть его соображения и планы, осуществление которых должно было вознаградить союзников за ульмскую катастрофу. С помощью фальшивых документов Шульмейстер сбивал союзников с толку и в то же время поддерживал регулярные сношения с Наполеоном.

Маршала Макка считали изменником, и он впоследствии был разжалован, лишен чинов и заключен в тюрьму; и только его друзьям удалось раскрыть правду о его «измене». В начале ноября 1805 года, за месяц до поражения союзников под Аустерлицем, пошли первые слухи, разоблачающие Шульмейстера. Некоторые влиятельные лица, все время не доверявшие этому обворожительному, шпиону, распорядились об его аресте. Он, наверное, был бы предан суду, осужден и казнен, если бы Мюрат не двинул своих войск с такой поспешностью. 13 ноября французы заняли Вену, причем Кутузову, дожидавшемуся сильных русских подкреплений под командой Буксгевдена, пришлось решать дилемму: либо отступить и потерять столицу Австрии, либо подвергнуться атаке явно превосходящих сил*.

---

* С величайшим искусством Кутузов обеспечил спасение русской армии от угрожавшей ей опасности; сражение при Аустерлице было дано по приказу Александра I, вопреки советам Кутузова.— Р е д.

Проворство Мюрата избавило Шульмейстера от опасности. Из австрийских архивов видно, что Шульмейстер и его сообщник, некий Рипманн, находились весной 1805 года под арестом по обвинению в сношениях с врагом. На чем основывалось это обвинение, не указано; и так как о побеге Шульмейстера не упоминается, то надо думать, что он спасся при помощи подкупа.

Получив от Наполеона в награду небольшое состояние, Шульмейстер хвастливо признавался в том, что почти столько же заработал на своих услугах Австрии. Наполеон, хорошо отплачивая Шульмейстера, все же не ценил, кажется, его деятельности так высоко, как, например, Бисмарк в свое время ценил едва ли более значительные услуги своего «короля сыска» Штибера. Вознаграждение, которое Шульмейстер получал от Бонапарта, нельзя было и сравнивать с теми титулами, привилегиями и поместьями, которыми Наполеон осыпал отнюдь не более полезных для него авантюристов.

Шульмейстер, этот маэстро шпионажа, всегда готов был рискнуть своей жизнью; причем не только тогда, когда он отправлялся как разведчик в чужие страны, но и тогда, когда участвовал в сражениях, где показал себя энергичным и неустрашимым воином. Так, он атаковал и захватил город Висмар всего с тринадцатью гусарами. У Ландсгута он командовал отрядом, который штурмовал мост через Изар, и помешал неприятелю поджечь его. Работая для Савари, доверием которого он неизменно пользовался, Шульмейстер возвратился в Страсбург, чтобы расследовать там волнения, возникшие среди гражданского населения. Здесь во время внезапной вспышки мятежа он отважился застрелить вожака восстания, по-наполеоновски усмирив народное недовольство одной единственной pistolетной пулей.

После вторичного занятия Наполеоном Вены Шульмейстер был назначен цензором, наблюдающим за печатью, театрами, издательствами и религиозными учреждениями. На этом поприще он проявил особую и похвальную проникательность, приняв меры к широкому распространению среди народов Австрии и Венгрии сочинений Вольтера, Монтескье, Гольбаха, Дидро и Гельвеция; произведения всех этих авторов до той поры находились в монархии Габсбургов под строгим запретом, исходившим как от церковной, так и от светской власти.

Наилучшее описание личности Шульмейстера оставлено нам Каде де Гассикуром, аптекарем Наполеона:

«Нынче утром я встретился с французским комиссаром полиции в Вене, человеком редкого бесстрашия, непоколебимого присутствия духа и поразительной проницательности. Мне любопытно было посмотреть этого человека, о котором я слышал тысячи чудесных рассказов. Он один воздействует на жителей Вены столь же сильно, как иной армейский корпус. Его наружность соответствует его репутации. У него сверкающие глаза, пронзительный взор, суровая и решительная физиономия, жесты порывистые, голос сильный и звучный. Он среднего роста, но весьма плотного телосложения; у него полнокровный, холерический темперамент. Он в совершенстве знает австрийские дела и мастерски набрасывает портреты виднейших деятелей Австрии. На лбу у него глубокие шрамы, доказывающие, что он не привык бежать в минуту опасности¹. К тому же он и благороден: он воспитывает двух усыновленных им сирот. Я беседовал с ним о «Затворницах» Ифланда и благодарил его за то, что он дал нам возможность насладиться этой пьесой».

Это было в 1809 году; Шульмейстер, покинув Вену, некоторое время был генеральным комиссаром по снабжению императорских войск в походе. Сколь выгодно ни было право распределения военных поставок и хозяйственных льгот, все же Шульмейстер не соблазнился им и вскоре вернулся к исполнению своих обязанностей шпиона. Тогда он был уже богачом; за несколько лет до этого он купил себе роскошный замок Мейно в родном Эльзасе, а в 1807 году — второе большое поместье близ Парижа; оба они стоили, по нынешним ценам, свыше миллиона долларов.

Хотя в тогдашнем своем положении он вправе был именовать себя «господином де Мейно» и жить роскошно, как помещик, для императорской военной касты он по-прежнему оставался смелым и ловким секретным агентом. Он просил своего приятеля, Ласалья, отважного командира легкой кавалерии, погибшего при Ваграме*, уговорить Наполеона пожаловать ему орден Почетного легиона**. Ласаль вернулся от императора и сказал Шульмейстеру, что Наполеон наотрез отказал в этом, заявив, что золото — единственная подходящая награда для шпиона.

---

* Ваграма — деревня в 16 километрах к северо-востоку от Вены. В сражении при Ваграме 5—6 июля 1809 года Наполеон разбил австрийские войска. — Р е д.

** Французский орден Почетного легиона учрежден первым консулом Бонапартом 19 мая 1802 года для награждения за военные и гражданские заслуги. — Р е д.

Последним шансом Шульмейстера явился Эрфуртский конгресс*, где он, по представлению Савари, был назначен руководителем французской секретной службы. Очевидно, он превзошел самого себя в доставке значительных и разнообразных сведений. Царь Александр жил и развлекался в Эрфурте; Гете, к которому Наполеон внешне всегда проявлял большее уважение, также находился там и занимался дипломатией, что внушало Наполеону некоторое беспокойство. Шульмейстер писал Савари, что император каждое утро первым делом задает ему два вопроса: с кем виделся в этот день Гете и с кем провел эту ночь царь? Оказывалось, что любая из прелестных спутниц Александра неизменно являлась агентом начальника французской секретной службы.

Менее удалась Шульмейстеру другая задача, выполнения которой требовал Наполеон, — слежка за королевой Луизой Прусской. Русский монарх восхищался этой красивой и безмерно униженной женщиной и был настроен к ней дружественно. Наполеону непременно хотелось еще более унижить королеву, очернив ее, по возможности, в глазах царя; и это грязное дело должен был проделать его главный шпион.

По иронии судьбы, в карьере Карла Шульмейстера в 1810 году наступил неожиданный поворот. В этом году состоялся «австрийский брак» Бонапарта с Марией-Луизой. Господство Наполеона над Веной, для обеспечения которого Шульмейстер, бесспорно, сделал много, увенчалось бракосочетанием юной герцогини Марии-Луизы с ненавистным ей победителем ее отца. Новая императрица, прибыв в Париж, принесла с собой столь сильные австрийские влияния, что шпион вынужден был удалиться. Ему не забыли интриг перед Ульмом и Аустерлицем.

Шульмейстер удалился, но не в лагерь врагов Наполеона, как поступили бы многие люди его профессии, как поступили Талейран и Фуше с меньшим для этого основанием. Шпион, по-видимому, был искренно признателен Наполеону за полученные богатства и поместья. Он продолжал оставаться рьяным контрабандистом и

---

* Эрфуртский конгресс — встреча Наполеона с Александром I в Эрфурте (1808), где присутствовали также короли Баварский, Саксонский, Вестфальский и Вюртембергский. — Р е д.

сторонником контрабандистских прожектов в свое удовольствие в Мейно, где его гостеприимство и благотворительность снискали ему уважение земляков-эльзасцев.

Враждебность австрийцев не проходила вплоть до 1814 года. После Лейпцигской «битвы народов»* и поражения французов Эльзас был наводнен союзниками, и полк австрийской артиллерии специально послали бомбардировать и разрушить поместье Шульмейстера. Во время «Ста дней»** он примкнул к Наполеону, хотя тот пять лет назад и отверг презрительно его услуги. После того как Наполеон был разбит при Ватерлоо***, его бывшего шпиона арестовали одним из первых, и он спасся только тем, что заплатил огромный выкуп. Это сильно подорвало материальное положение Шульмейстера, восстанавливать которое пришлось уже не контрабандой, в чем он знал толк, а биржевыми спекуляциями, что для шпиона и контрабандиста является слишком сложной аферой.

Шульмейстер лишился всего.

Пять лет у него ушло на постепенное собирание богатства, десять лет он пользовался значительной властью. Он мог частично сохранить и то и другое, как это удалось большинству беспринципных бонапартистов; но судьба сбросила его в бездну нищеты, как только кончился «метеорический бег Империи». Ему суждено было прожить еще почти четыре десятилетия (до 1853 года) неимущим, но нельзя сказать чтобы недовольным гражданином Франции, которому правительство разрешило содержать в Страсбурге табачную лавчонку².

---

* «Битва народов» — сражение под Лейпцигом 4—7 октября 1813 года между армиями Наполеона, с одной стороны, и войсками России, Пруссии и Австрии — с другой.— Р е д.

** «С т о д н е й» — правление Наполеона во Франции в 1815 году, когда он бежал с острова Эльбы. Продолжалось с 20 марта по 18 июня.— Р е д.

*** В а т е р л о о — деревня в 18 километрах к югу от Брюсселя, где 18 июня 1815 года Наполеон был разбит англо-голландской армией Веллингтона и частями прусской армии Блюхера. После сражения при Ватерлоо Наполеон был вынужден вторично отречься от престола и был сослан англичанами на остров Св. Елены.— Р е д.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пролог к отпадению южных штатов

В Соединенных Штатах на заре их существования секретная служба была, по сравнению с Европой, развита относительно слабо. Но в 1811 году, когда уже носились зловещие слухи о замыслах наполеоновской империи, направленных против России, мы неожиданно встречаем одного из тех американцев, которые, приняв участие в крупной операции секретной службы, стяжали себе не славу, а быстрое забвение. Президент Джеймс Мадисон отправил Джорджа Мэттьюза во Флориду в качестве политического эмиссара и секретного агента. Там Мэттьюз задумал начать войну с Испанией; он лично участвовал в осаде Сент-Огастина, когда образумившиеся политические круги Вашингтона потребовали его удаления. Ему приказано было «тайно» пробраться во Флориду, но вместе с тем взять на себя трудную двойную роль и явиться к испанским властям в качестве американского комиссара, уполномоченного принять территорию, если испанцы пожелают сдать ее.

Испания тогда была объята пожаром войны с наполеоновской Францией, и у колониального ведомства в Мадриде не было ни власти, ни денег. В 1811 году предвиделась новая война между Англией и Соединенными Штатами, и президент Мадисон считал вероятным, что англичане захватят Флориду как базу для развертывания операций. Чтобы помешать этому, он поручил Мэттьюзу и полковнику Джону Мак-Ки вступить в переговоры с испанским губернатором и добиться, по возможности, уступки этой провинции Соединенным Штатам. В случае успеха этой миссии было предположено создать временное правительство; в случае же неудачи переговоров предусматривалось оккупировать Флориду, если какая-нибудь иноземная держава попытается ее захватить.

Мак-Ки, по-видимому, отказался от возложенного на него поручения и предоставил Мэттьюзу одному выпутываться из положения, что оказалось весьма по душе этому джентльмену. Он был уроженец Ирландии, участвовал в войне за независимость Соединенных Штатов

и получил чин генерала. Правда, с его именем не связано сколько-нибудь крупных подвигов; все же о нем говорили, как о человеке «непревзойденного мужества и неукротимой энергии, умном, но почти неграмотном». Когда он в 1785 году переехал в штат Джорджия, его неукротимая энергия уже через год обеспечила ему пост губернатора. В 1794—1795 годы он был переизбран; спустя некоторое время получил право именоваться и «достопочтенным» (титул членов Конгресса) и генералом. Мэттьюз не гнушался работать для военного министерства в качестве специального агента на границе с Флоридой.

Однако изолированное положение этой испанской колонии и ее бесспорное стратегическое значение для англичан не испугали губернатора Эстраду; он пришел в ярость, когда Мэттьюз начал мятежную агитацию среди бывших американцев, живших в этом испанском владении. Тогда секретный агент Мэттьюз поспешил домой, в Джорджию, где сколотил большой отряд из метких стрелков — пограничников и индейских воинов, и вторгся во Флориду.

Испанский посланник в Вашингтоне заявил гневный протест. Когда на пути к столице Флориды Мэттьюз захватил несколько мелких городов, Мадисон и государственный секретарь* Джеймс Монро, сменивший на этом посту Роберта Смита, кисло заявили, что генерал Мэттьюз «не понял» инструкций своего правительства. На его место был назначен губернатор Джорджии Митчелл, которому поручено было помочь Эстраде восстановить порядок. Мэттьюз был уволен за излишнее усердие; но его преемнику даны были, кажется, не менее туманные инструкции. Говорят, Митчелл должен был добиться безопасности для «революционеров» Флориды, оказывая им максимальную поддержку и «отводя американские войска со всей возможной неторопливостью». Трудно было придумать лучший способ поощрения захватнических целей Мэттьюза! И Митчелл так хорошо использовал обстановку, что вооруженные силы, организованные и предводимые Мэттьюзом, не уходили из Флориды целых четыр-

---

* Государственный секретарь — министр иностранных дел. — Ред.

надцать месяцев. В мае 1813 года они двинулись на соединение с армией Эндру Джэксона, которому было предложено возобновить вторжение и пойти на Пенсаколу. Только окрик Конгресса остановил этот экспедиционный марш, и «Старый Орешник»* вовремя свернул в сторону, чтобы поспешить на защиту Нью-Орлеана.

В ту пору было известно, что Джордж Мэттьюз регулярно доносит обо всем в Вашингтон. Американский Конгресс на секретном заседании обсуждал вопрос о необходимости занять Флориду, чтобы не дать англичанам захватить ее; были приняты все меры предосторожности, чтобы это не разгласилось. Стало быть, Мэттьюз отнюдь не был флибустьером или частным заговорщиком, действующим по корыстным мотивам. Скорее это был типичный жадный до земли американский приобретатель, секретный агент, не считавший никакую границу Соединенных Штатов окончательной, раз она не упирается в море, залив или океан. Поведение Мэттьюза, как правительственного комиссара, было непростительно; и нетрудно понять, почему его проект, осуществленный его приемником, не занимает видного места в летописи тех дней. Его игнорировали, как раньше — дезавуировали.

Все же Мэттьюз продолжал бы, вероятно, состоять на секретной службе Мадисона и Монро, если бы не взрыв национального возбуждения, вызванный обнаружением английского шпиона Джона Генри. Этот иностранный агент, действовавший в Новой Англии**, был разоблачен своими письмами, попавшими в руки президента в 1812 году. Из этих писем можно было установить, как он на средства английской разведки субсидировал прессу, разжигал междоусобные распри и энергично обрабатывал англофильские элементы, которые уже имелись среди федералистов*** Новой Англии.

Когда президент Мадисон сообщил Конгрессу о пись-

---

* Прозвище генерала, впоследствии президента, Эндру Джэксона. — Ред.

** Новая Англия — шесть северо-восточных штатов в соседстве с Канадой, омываемых Атлантическим океаном. — Ред.

*** Федералисты — сторонники Севера, т.е. единства Соединенных Штатов в гражданской войне 1861—1865 годов. Федералисты 1812 года — сторонники федеральной, центральной власти. — Ред.

мах Генри, над страной пронеслась буря негодования и ужаса. Агент английской секретной службы действует в Бостоне в мирное время! Первым пострадавшим оказался Джордж Мэттьюз, которого пришлось уволить в отставку из-за его сходства с Генри. Как бы ни были велики прегрешения Мэттьюза в области дипломатии, но как шпион и секретный агент он обнаружил такую предприимчивость и рвение, что смело мог бы занять видное место в тощих летописях секретной службы Северной Америки. Экс-губернатор Джорджии действительно мог сделаться военным шпионом исключительного масштаба. Подобно своему современнику Карлу Шульмейстеру, Мэттьюз опрокинул все обычные представления об ординарном шпионаже и сам нанес мастерский удар, который должен был лишь подготовить.

Политическое дезавуирование Мэттьюза, умерившее его пыл и натиск на Флориду летом 1814 года, вероятно, стало предметом всеобщих сожалений. Хотя у англичан были канадские и другие базы, главные британские операции на материке Северной Америки были организованы в расчете на поддержку Испании. Пенсакола должна была стать настоящим трамплином, с помощью которого свирепый британский лев смог бы сделать свой прыжок. И все же войне 1812 года не суждено было стать тем конфликтом, в ходе которого Англия должна была, как обычно, «проиграть все сражения, кроме последнего». Последнее сражение, закончившееся победой Джэксона под Нью-Орлеаном, было почти единственной сухопутной битвой, которую английские войска не выиграли. Джэксон занимал сильную позицию, притом он далеко не был чрезмерно самоуверен (это он предоставил своему испытанному противнику) и, как мы увидим, сумел наладить получение хорошей информации.

В мае 1814 года Джэксон был назначен генерал-майором регулярных войск и поставлен во главе их на далеком Юге.

Сокрушительная победа генерала Джэксона пришла через несколько месяцев, 8 января 1815 года. Пакенгем, его британский противник, либо был плохо обслужен разведкой, либо не сумел в точности оценить силу американских оборонительных сооружений. И он, и его войска были воспитаны в духе пренебрежительного отношения к плохо обученным «колониальным» войскам. Но сам

Пакенгем и 2 000 его солдат заплатили жизнью за то, что познакомились на деле с меткостью ружейного огня неотесанных лесорубов.

Во времена Эндру Джэксона существовала пиратская система разведки Жана Лафитта. О нем и его сотрудниках из Баратарии было известно, что они помогали Джэксону в качестве бойцов, разведчиков и шпионов защищать Нью-Орлеан от англичан. Речь идет о том самом Лафитте, которого его агенты из креолов известили, что губернатор Луизианы собирается оценить его голову в 5 000 долларов; он тотчас же начал состязание, предложив 50 000 долларов за голову губернатора. Сочинялись романтические повести, в которых Лафитт за сногшибательное вознаграждение готовился спасти Наполеона путем похищения с острова Св. Елены. Согласно этой легенде, тайная миссия действительно привела Лафитта на берега острова-тюрьмы; но организаторы заговора опоздали: император уже умирал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Балтиморские заговорщики

Сэмюэль Фелтон, директор железной дороги Филадельфия — Уилмингтон — Балтимора, вызвал из Чикаго сыщика-профессионала Аллана Пинкертона с группой его сотрудников и предложил им действовать в качестве контршпионов этой железнодорожной компании.

— У нас, — сказал Фелтон, — есть основания подозревать заговорщиков Мэриленда* в намерении произвести диверсии на нашей дороге с целью отрезать вашингтонское правительство от Северных Штатов. Особенной угрозе подвергаются паромы на Сасквихенне у Хавр-де-Грейса и мосты ниже Уилмингтона.

---

* Мэриленд — штат, крупнейшим городом которого является Балтимора, в ту пору столица мятежного Юга. — Р е д.

В ту пору в Вашингтоне не существовало ни сухопутной, ни морской военной разведки, ни даже разведывательных отделов министерства финансов или министерства юстиции.

По предложению Фелтона Аллан Пинкертон первым делом двинулся в Балтимору, бывшую тогда заведомым рассадником интриг рабовладельцев. Он начал с того что снял дом и, приняв вымышленное имя Э. Дж. Аллена, стал вращаться в фешенебельных кругах города, где вели свою агитацию заклятые враги будущих республиканцев. Под его командой находился, между прочим, Тимоти Уэбстер. Будучи уже признанной звездой разведывательной службы, он теперь почти случайно стал агентом Севера, воевавшего против Юга; на этом посту он проработал с большим мужеством и умением пятнадцать месяцев, после чего при трагических обстоятельствах сошел со сцены. Уроженец Принстауна, в штате Нью-Джерси, Уэбстер сумел прикинуться сторонником южан и вскоре ухитрился попасть в кавалерийский отряд, проходивший военную подготовку в Перримене и охранявший важную железнодорожную линию Филадельфия — Уилмингтон — Балтимора от того, что в ту пору, неопределенно именовалось «агрессией янки».

Другим пинкертоновским «асом» был молодой Гарри Дэвис. Прожив ряд лет в Нью-Орлеане и других городах Юга, он хорошо изучил повадки, обычаи, особенности и предрассудки тамошней мелкопоместной знати. Он был лично знаком со многими вожаками движения за отпадение Юга. Изящный, красивый, потомок старинной французской фамилии, он готовился стать иезуитом; убоившись дисциплины, царившей в этой среде, он обратился к секретной службе, которая была ему более по душе. Дэвис много путешествовал и владел тремя языками; по мнению Пинкертона, этот законченный шпион обладал и даром убеждения, столь свойственным иезуитам.

Ценой затраты некоторого времени и денег Фелтона Дэвису нетрудно было произвести впечатление на головорезов из отелей Барнума и Гая, которые, мешая аристократическую желчь со старым виски, подбадривали друг друга уверениями, что «ни один дерзкий янки-выскачка из лесорубов никогда не сядет в президентское

кресло»*. На одном из подобных головорезов Дэвис решил остановить внимание: это был бесноватый юнец по фамилии Хилл. Отпрыск знатного рода, офицер добровольческого отряда Хилл вполне серьезно заявил Дэвису:

— Если на меня падет выбор, я не побоюсь совершить убийство. Цезаря заколол Брут, а Брут был честный человек. Пусть Линкольн не ждет от меня пощады, хотя я не питаю к нему ненависти, как иные. Для меня тут главное — любовь к отечеству.

Итак, дело дошло уже до избрания убийцы. На жизнь Авраама Линкольна готовилось покушение. Сыщик, теперь именовавший себя «Джо Говард из Луизианы», использовал Хилла, чтобы проникнуть в круг заговорщиков. В угрожающей серьезности их намерений сомневаться не приходилось. Аллан Пинкертон, со своей стороны, убедился, что балтиморской полицией верховодит Джордж Кейн, ярый сецессионист**, воспитывающий рядовые кадры своего ведомства в радикально-бунтовщических понятиях. Кейн, который был видной фигурой среди балтиморских сторонников Юга, и пальцем не шевельнул бы в случае их мятежа или сделал бы это лишь для того, чтобы еще больше раздуть огонь.

Другим заправилой, тоже считавшимся «горячей головой» (так, по крайней мере, Хилл рекомендовал его «Говарду», а сыщик, в свою очередь, — своему начальнику Э. Дж. Аллену), был итальянский выходец, именовавший себя «капитаном» Фернандиной. Благодаря своему латинскому происхождению***, богатству и пылкости речей, а также демонстративной готовности пойти на все опасности мятежа, «капитан» был повсюду желанным гостем. Его выслушивали почтительно, с ним обращались запросто даже представители исключительно замкнутого высшего балтиморского общества. «Капитану» Фернандине не только присвоили воинский чин: его

---

* Намек на Авраама Линкольна, который в молодости был лесорубом. — Р е д.

** Сецессионисты — конфедераты или «южане» — сторонники отпадения южных, рабовладельческих штатов от северных. — Р е д.

*** Латинское происхождение — происхождение из страны Латинской Америки (Аргентины, Бразилии или другой страны Южной и Центральной Америки), которая населена помимо туземного населения — индейских племен или их потомков) испанцами или португальцами, язык которых развился из латыни, языка древнего Рима. — Р е д.

признали также организатором одной из добровольческих рот, формировавшихся ежедневно.

К своей роли агитатора Фернандина готовился, работая цирюльником при отеле Барнума. Сам он не владел рабами и даже понес ущерб от конкуренции чернокожих; и все же во время бритья и стрижки богатых клиентов-рабовладельцев он заразился непомерным усердием в защите рабовладения. Сыщики убедились, что очень многие видные граждане, которых когда-то намыливал, брил и пудрил этот человек, теперь считают его своим глашатаем и вожаком.

Дэвис, приятель Хилла, которого наряду с Хиллом считали сторонником крайних мер, был, наконец, приглашен Фернандиной на очень важное собрание заговорщиков.

Его, Хилла, и прочих — всего человек тридцать — привели к присяге, причем Дэвис сделал мысленную оговорку в интересах защиты своей родины. В собрании царилла какая-то благоговейная атмосфера, хотя, присмотревшись к своим соседям, Дэвис едва не рассмеялся. Он был окружен самыми болтливыми и нескромными крикунами Балтиморы! Как-то они выполняют взятые на себя тайные обязательства?

Пылкая декламация редко бывает чертой, свойственной человеку, готовому к рискованным действиям. Среди белых шаров, лежавших в ящике, был только один красный шар. Заговорщик, вынудивший его, не должен был выдать этого ни единым словом, а обязан был молча считать себя носителем почетного жребия и человеком, готовым на все.

Хилл узнал, однако, и не преминул сообщить об этом Дэвису, что в ящик положен не один, а восемь красных шаров. Это была необходимая мера предосторожности в отношении красноречивых, но нерешительных людей, которым трусость могла помешать пойти на убийство президента Линкольна!

Фернандина, как председатель, открыл собрание речью. Потом ящик пошел по рукам. Дэвис вынул белый шар. По лицу Хилла он увидел, что и тому не достался красный. Но восемь человек все же ушли каждый с убеждением, что на него одного легла ответственность за спа-

сение Юга. Отделавшись от Хилла под каким-то предлогом, Дэвис поспешил к Эллену. Записав рассказанное Дэвисом и сопоставив его рассказ с предостережениями, поступившими от Тимоти Уэбстера, Пинкертон с первым же поездом уехал в Филадельфию к Фелтону.

Убийство новоизбранного президента, когда он будет проезжать через Балтимору, должно было послужить сигналом к поджогу деревянных мостов на линии железных дорог Филадельфия — Уилмингтон — Балтимора, а также к разрушению паромов и подвижного состава во всем штате Мэриленд. В результате нация осталась бы без вождя, началось бы восстание рабовладельческих штатов и столица страны оказалась бы отрезанной от «презренных» аболиционистов* Севера.

Консервативные элементы Юга не имели никакого отношения к проектам Фернандины и ему подобных. Но глава балтиморской полиции Кейн, без сомнения, был в союзе с заговорщиками. Таким образом, президент Линкольн по прибытии в Балтимору фактически оказался бы беззащитным. В Вашингтон его сопровождало лишь несколько друзей и единомышленников. На вокзале в Балтиморе вокруг этой небольшой группы начали бы толпиться дружественно или враждебно настроенные люди либо попросту зеваки; тогда на некотором расстоянии от нее поднялся бы «шум», отвлекающий внимание немногочисленных полицейских, которых Кейн расставил бы здесь, чтобы иметь предлог самому направиться в другое место. Толпа сомкнулась бы вокруг небольшой группы «презренных янки»**, поближе к президенту Линкольну. Восемь обладателей красных шаров уже находились бы тут; и как раз в этот момент последовал бы роковой выстрел или удар кинжалом.

В Чизапикской бухте должен был дежурить быстроходный пароход, а у берега — лодка, чтобы доставить убийцу на пароход. Его тотчас же отвезли бы в какой-нибудь малоизвестный порт далекого Юга, где, конечно, стали бы чествовать как героя.

---

* А б о л и ц и о н и с т ы — федералисты, «северяне», сторонники упразднения рабовладения.— Р е д.

** Я н к и — прозвище северян в США, данное им южанами. Впоследствии это прозвище стало применяться в Европе к американцам вообще и приняло шуточный характер (см. Твен, «Янки при дворе короля Артура»).— Р е д.

Авраам Линкольн пробирался в Вашингтон окольными путями; этого требовали, по-видимому, соображения политического характера. 11 февраля 1862 года он покинул свой мирный дом в Спрингфилде, штат Иллинойс, в сопровождении Джона Никола, своего личного секретаря, судьи Давида Дэвиса, полковника Самнера, майора Хантера, капитана Попа, Уорда Ламона и Нормана Джадда из Чикаго. Аллан Пинкертон был хорошо знаком с Джаддом и уже послал ему две предостерегающие записки, из которых одна была вручена в Цинциннати, а другая — по прибытии президента со спутниками в Буффало.

Линкольн прибыл в Филадельфию 21 февраля; Джадд и Фелтон устроили встречу с сыщиком и дали ему возможность представить свои доказательства, относящиеся к балтиморскому заговору. Пинкертон подвергся перекрестному допросу, столь же придирчивому, как если бы он был свидетелем обвинения в уголовном процессе. Услышав о Фернандине, Линкольн сказал:

— Если я вас правильно понял, сударь, то моей жизни угрожает главным образом этот полупомешанный иноземец?

— Господин президент, один из моих лучших друзей глубоко проник в самый штаб заговорщиков и узнал, насколько тщательно подготовлен каждый их шаг. Способность Фернандины причинить вам вред не следует преуменьшать. Заговор в полном ходу!

Одновременно Сэмюэль Фелтон получил сведения об этом заговоре от одного своего друга-южанина, некоей мисс Дикс, известной своей благотворительностью. Она явилась к нему с частным сообщением, которое просила передать новоизбранному президенту.

— Эта женщина доказала свою преданность Югу бесчисленными актами великодушия, — объяснял Линкольну директор железных дорог, — но она не может допустить кровопролития и убийства. Она просит меня передать вам, сэр, что существует обширный, хорошо организованный заговор, охватывающий все рабовладельческие штаты. Вам не дадут вступить в должность, или же, как мне со слезами говорила мисс Дикс, вы лишитесь жизни при попытке вступить в должность президента.

В Нью-Йорке начальник полиции Джон Кеннеди также получил энергичные намеки на существование и

действия заговорщиков из демократических кругов, настроенных в пользу рабовладения. В ответ на это Кеннеди самовольно приказал капитану полиции Джорджу Вашингтону Уоллингу послать сыщиков в Балтимор и Вашингтон.

Аврааму Линкольну пришлось подчиниться. Слишком много серьезных опасностей грозило человеку, олицетворявшему федеральную власть. Президент должен был выступить вечером того же дня в Гаррисбурге на банкете, устроенном в его честь. Но ему предусмотрительно дали возможность рано покинуть банкетный зал и проехать к малоизвестному запасному пути, где уже стоял под парами специальный поезд, состоявший из одного вагона. Этой исторической поездкой распоряжались Фелтон и Пинкертон, которым помогали верные и преданные люди. Внезапный отъезд Линкольна был объяснен приступом сильной головной боли.

По железнодорожной линии, на которой всякое движение было заранее прекращено, в затемненном вагоне, прицепленном к мощному паровозу, Линкольн был доставлен в Филадельфию. Здесь он пересел в обычный ночной поезд дороги Филадельфия — Уилмингтон — Балтимора, задержанный якобы для принятия важного багажа, который должен был в ту же ночь попасть в Вашингтон. Формально сданный кондуктору Литценбургу, он заключал в себе лишь газеты 1859 года, адресованные Э. Дж. Аллену, отель Уилларда, Вашингтон.

По прибытии в Филадельфию президент сдержал свое обещание и подчинился всем мерам предосторожности, какие требовала охрана. Он позволил изобразить себя инвалидом, причем знаменитая миссис Кет Уорн из пинкертоновского штаба фигурировала в роли его сердобольной сестры¹. Оставив за собой три последних купе последнего спального вагона в поезде, вся группа — Линкольн, Уорд Ламон, миссис Уорн, Пинкертон и его грозный генерал-суперинтендант Джордж Бангс — могла сесть в поезд, не привлекая к себе внимания пассажиров. Три работника секретной службы были вооружены.

Решив узнать, что случилось с разведчиками Уоллинга, начальник нью-йоркской полиции Кеннеди сел в тот же поезд, абсолютно неузнанный частными сыщиками, кото-

рые в случае надобности должны были получить в его лице надежное подкрепление.

Но про себя Аллан Пинкертон решил не допускать никаких случайностей. По его предложению Фелтон послал бригады специально подобранных рабочих красить железнодорожные мосты. Нанося белый слой вещества, которое, как надеялись, сделает мосты несгораемыми, рабочие эти одновременно могли быть использованы в качестве физической силы в случае мятежа или других актов насилия. Помимо этого, на всех переездах, мостах и запасных путях были размещены сильно вооруженные агенты Пинкертона, снабженные сигнальными фонарями. Уэбстер и Дэвис находились в наиболее важных пунктах: первого вызвали из Перримена в Перривилл, где поезд перевозили на пароме через реку Сасквигенну.

Заключительное предупреждение получено было от Уэбстера; он сообщал, что отряды рабочих-железнодорожников проходят муштровку якобы для охраны имущества дороги Филадельфия — Уилмингтон — Балтимора. В действительности же они, по его мнению, намереваются не охранять имущество дороги, а разрушать его по сигналу о начале мятежа.

Таково было общее положение. Аллан Пинкертон поместился на задней площадке вагона, в котором спал новоизбранный президент; он изучал местность, по которой проезжал, и получал сигналы от людей, расставленных вдоль дороги.

Поезд мчался, все более углубляясь, на территорию врагов Линкольна. Но у каждого мостика и важного пункта вспыхивали успокоительные лучи фонаря — «все в порядке!» У Балтиморы ни малейших признаков тревоги — ничего не подозревавший город мирно спал. В те дни спальные вагоны, направлявшиеся в столицу, приходилось перетаскивать с помощью конной тяги по улицам Балтиморы на вокзал вашингтонской линии. Можно себе представить настроение, с которым небольшая группа спутников Линкольна, сидя в вагоне, проезжала через улицы города, полного заговорщиков. Все же переезд прошел без всяких осложнений. Но пришлось

два часа дожидаться поезда, который опаздывал прибытием.

Наконец, он прибыл. Пинкертон и его товарищи довели до конца знаменательный переезд, бдительно охраняя спокойствие Линкольна.

На другой день, когда известие об этой удаче контршпионажа взбудоражило всю нацию, фанатические приверженцы Юга подняли целую бурю. Они не жалели брани и насмешек, чтобы представить своих противников в невыгодном свете. Однако ни Аллану Пинкертону, ни его агентам нельзя было отказать в известных заслугах, когда выяснилось, что они уберегли Авраама Линкольна от угрозы покушения.

Ни облав, ни арестов производить в Балтиморе не предполагалось; обстановка и времена были весьма напряженные. Но Фернандина и главные заговорщики все же предусмотрительно покинули свои насиженные места и предпочли скрыться в неизвестном направлении.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Синие и серые агенты

Провал балтиморского заговора интересен и важен не только тем, что удалось сохранить жизнь Линкольна, которому суждено было спасти Американский Союз, но и тем, что он продемонстрировал отличную координацию действий секретной службы и контршпионажа. Пинкертон и его сотрудники вернулись в Чикаго; но их совместные операции в критические недели, предшествовавшие 4 марта* 1861 года, так зарекомендовали агентство Пинкертон в кругах нового республиканского правитель-

---

* До недавнего времени новый президент США, избранный в ноябре, вступал в должность лишь в марте следующего года. Теперь, в силу принятого Конгрессом изменения, новый президент вступает в должность с 20 января.— Р е д.

ства, что глава агентства и Тимоти Уэбстер были снова вызваны в Вашингтон.

Перед страной встала угроза неизбежной войны. Организованный мятеж охватил девять южных штатов, а у федерального правительства имелась лишь плохо организованная и морально неустойчивая армия. Каждый сколько-нибудь значительный штаб Севера кишел шпионами; секретной службы для борьбы с этими шпионами у федерального правительства не было и в помине.

В понедельник 15 апреля, после того как мятежные артиллеристы Чарлстона, в Южной Каролине, прекратили стрельбу по форту Самнер, президент Линкольн объявил первый призыв 75 000 волонтеров. 19 апреля 6-й Массачусетский пехотный полк высадился в Балтиморе, чтобы, промаршировав по городу, следовать в Вашингтон. И тогда оправдались самые худшие предсказания сыщиков: начались беспорядки и насилия. Агитация Фернандины и его последователей, нескрываемая враждебность местных чиновников, вроде полицейского маршала** Кейна, наконец-то нашли себе цель; и пехотинцам-«янки», осажденным огромной толпой, подстрекаемой к зверским насилиям, пришлось отстаивать свою жизнь штыками и боевыми патронами.

За этим кровавым бунтом последовала вторая демонстрация, о возможности которой еще за два месяца предупреждали пинкертоновские агенты. На заре 20 апреля были сожжены мосты у Мелвейла, Рили-Хауза и Коксвилла, на Гаррисбургской дороге, а также через реки Буш, Ганпаудер и Гаррис-Крик. Сообщение между столицей и Севером было прервано, телеграфные провода перерезаны. Правительство оказалось запертым в Вашингтоне, где находилось несколько батальонов солдат и двойное количество, хотя и недисциплинированных, но все же деятельных сторонников раскола.

Одним из первых эмиссаров Севера, посланных для обследования этого края, был Тимоти Уэбстер. В подкладку его жилета и в воротник пальто миссис Кет Уорн вшила дюжину мелко исписанных посланий от друзей президента. Этот пинкертоновский агент не только весьма быстро доставил их секретарю Линкольна,

---

* В США маршалом называется местный полицейский чин, часто наделенный судебными функциями.— Р е д.

но и привез с собой устные сообщения, в результате которых был арестован один из видных заговорщиков.

Арест этой крупной дичи являлся обнадеживающим началом; Линкольн послал за Уэбстером, желая лично поздравить его. За каких-нибудь три месяца Тимоти Уэбстер превратился из частного сыщика в секретного агента и шпиона-профессионала, в шпиона-двойника, в поездного наблюдателя, в правительственного курьера и, наконец, в контрразведчика — все это без предварительной подготовки, но с неизменным успехом. Так он исполнил все основные роли в системе секретной службы. Конечно, часть его успехов обуславливалась дезорганизацией, царившей в лагере южан.

Одно из писем Линкольна, спрятанное в выдолбленной трости Уэбстера, было адресовано его начальнику Пинкертону. Президент приглашал Аллана Пинкертона прибыть в столицу и обсудить с ним и членами кабинета вопрос об учреждении «отдела секретной службы» в Вашингтоне.

Пинкертон согласился. Тучи агентов Юга без устали следили за приготовлениями Севера к войне. Никто не угрожал им, никто не призывал их к порядку. Если бы существовали контршпионы, которые мешали бы им посылать донесения о приготовлениях Севера, южане мобилизовались бы не с таким явным ликованием.

Учреждение секретной службы в Соединенных Штатах

Главным руководителем вновь организованной и утвержденной свыше федеральной секретной службы США был назначен Пинкертон, прирожденный контрразведчик, осмотрительный, вдумчивый и осторожный. До этого своего назначения он не сидел сложа руки, а практиковался в искусстве военной разведки в качестве «майора Аллена», офицера при штабе генерала Джорджа Мак-Клеллана.

Федеральная секретная служба под руководством Пинкертона сняла для своего штаба дом на 1-й улице. После разгрома у Манассаса стало ясно, что перед правительством стоит серьезная проблема подавления шпионов Юга. Но генералу Мак-Клеллану хотелось, чтобы

Аллан Пинкертон сопровождал его в качестве штабного офицера и руководителя новой секретной службы. Вероятно, и штаб Мак-Клеллана притягивал к себе шпионов, как магнит. Однако Вашингтон оставался более опасной зоной, где обнаружить шпионов было еще труднее и где они могли принести наибольший вред; если не сам Пинкертон, то его главнокомандующий должен был понимать это.

Вскоре новая федеральная секретная служба показала все свои возможности в отношении одного весьма опасного агента Конфедерации*. Тогдашний помощник военного министра Скотт посетил Пинкертона, чтобы указать ему на зловредную деятельность миссис Розы Гринхау, проживавшей в столице на углу 13-й и 1-й улиц. Эта вдова, слышшая богатой женщиной, была агентом мятежников, причем даже не пыталась прикрыть свое сочувствие Югу хотя бы показным нейтралитетом.

В одном из многочисленных докладов генералу Мак-Клеллану Пинкертон говорил о подозрительных лицах, имеющих «доступ в золоченый салон аристократических предателей». Эта столь презрительно сформулированная привилегия принадлежала миссис Гринхау по естественному праву и базировалась на ее получившей широкую известность фразе, что она «не любит и не почитает старого звездно-полосатого флага», а видит в нем лишь символ «аболиционизма» — убийств, грабежа, угнетения и позора».

Свою шпионскую деятельность она начала в апреле 1861 года, а в ноябре того же года военное министерство и Аллан Пинкертон были сильно обеспокоены ее непрерывным пребыванием в столице. Помощник министра Скотт утверждал, что Роза Гринхау опаснейшая шпионка, легкомысленно пренебрегающая маскировкой своих откровенных высказываний. И как только Аллан Пинкертон и некоторые его агенты начали вести наблюдение за этой дамой, они обнаружили не только правильность этого утверждения, но и неопровержимые доказательства измены одного федерального чиновника, которого она открыто старалась завербовать.

---

* Конфедерация — объединение рабовладельческих штатов во время борьбы против Севера. — Ред.

Окна квартиры Гринхау были расположены слишком высоко, поэтому, чтобы что-нибудь увидеть с тротуара, сыщики Пинкертона обычно снимали обувь и становились на плечи друг другу. Слежка, проводимая по такому «гимнастическому» методу, принесла обильные плоды, и в скором времени миссис Гринхау была заключена в тюрьму Олд-Кэпитал.

Аллан Пинкертона попытался использовать фешенебельную квартиру миссис Гринхау как ловушку. К его большому удивлению, в день ареста миссис Гринхау на ее квартиру не пришел ни один человек, хотя бы сколько-нибудь замешанный в интригах Юга. Агенты секретной службы, находясь в засаде, тщетно дожидались их появления, ибо восьмилетняя дочь миссис Гринхау залезла на дерево и оттуда кричала всем знакомым ей лицам: «Маму арестовали!.. Мама арестована!..»

Благодаря давлению, оказанному ее многочисленными друзьями, Розе Гринхау не пришлось подвергнуться военному суду или даже длительному заточению. Наоборот, вскоре ей разрешили проехать в Ричмонд на пароходе, защищенном флагом перемирия.

Тем временем Тимоти Уэбстер состязался с Алланом Пинкертоном в подвигах контршпионажа: он еще глубже проник в ряды сторонников Юга в Мэриленде, которые чувствовали себя «отрезанными» от своего сецессионистского отечества. Разыгрывая из себя заядлого мятежника, Уэбстер изображал каждую из своих дерзких поездок в Виргинию как подвиг, совершенный в пользу Юга и его приверженцев. Когда рьяный федеральный сыщик Мак-Фейл добился ареста Уэбстера в Балтиморе, Пинкертона посетил и допросил этого «подозрительного субъекта». Во время этой встречи было условлено, что Уэбстера, как мятежника, препроводят в форт Мак-Генри; там ему дадут возможность бежать из-под стражи, а охраняющие его солдаты получат приказ стрелять в воздух. Так и произошло. Уэбстер вернулся в Балтимору глухой ночью, был встречен там ликованиями, оставался среди мятежников трое суток, а затем снова улизнул для доклада Аллану Пинкертоному.

В начале второго года гражданской войны Тимоти Уэбстер достиг уже полного расцвета своей карьеры. Когда молодой человек по фамилии Камилер, известный сторонник Юга в округе Леонардстаун, рискнул

пересечь Потомак*, он тотчас же был арестован по подозрению в шпионаже. Одного слова Уэбстера, сказанного начальнику тюрьмы, куда посадили Камилера, было вполне достаточно для его освобождения.

Здоровье Уэбстера к тому времени пошатнулось; одно время он болел ревматизмом, приступы которого долго мучили его.

Вскоре должен был начаться поход Мак-Клееллана на полуостров. Секретная служба бросила все свои силы для выяснения численности гарнизона и системы обороны Ричмонда. Уэбстер внезапно замолчал — от него не поступало никаких сведений, хотя срок получения очередного донесения уже давно миновал. И Аллан Пинкертон решил встать на путь, который привел к гибели Уэбстера. Два федеральных агента, Прайс Льюис и Джон Скалли, вызвались проникнуть в Ричмонд и попытаться наладить связь с Уэбстером.

В это время тяжело больной Уэбстер находился в Ричмонде; он страдал острым суставным ревматизмом и не мог даже встать с постели. Скалли и Льюис увиделись с ним в гостинице, где за ним нежно ухаживала миссис Лоутон и заботилось местное население. Новоприбывшие, как этого опасался и сам Уэбстер, были немедленно взяты под наблюдение сыщиками. Обоих агентов Аллана Пинкертона заподозрили в шпионаже, внезапно заключили под стражу и пригрозили им виселицей.

Под влиянием сильнейшего давления, а также необходимости сделать выбор между повешением и полным признанием Скалли сдал. После этого и Льюис решил быть откровенным с начальником полиции. Оба они явились главными свидетелями на процессе Уэбстера. Накидывая своими показаниями петлю на шею Уэбстера, они спасали себя от смертной казни. В итоге к повешению был приговорен только Уэбстер.

Генерал Мак-Клееллан сильно взволновался, когда было получено известие о судьбе, постигшей Уэбстера. По предложению Мак-Клееллана Аллан Пинкертон спешно выехал в Вашингтон, чтобы любым видом официального вмешательства побудить Ричмонд отсрочить казнь

---

* Потомак — река в Северной Америке, во время гражданской войны была на большом протяжении границей между северными и мятежными южными штатами. — Ред.

Уэбстера. Президент Линкольн согласился созвать заседание кабинета министров и попытаться что-нибудь сделать для человека, которому правительство было столь многим обязано. Военный министр Стэнтон заявил, что он использует все имеющиеся в его распоряжении средства для спасения Уэбстера; что касается Скалли и Льюиса, предавших Уэбстера ради спасения собственной шкуры, то они не заслуживают официального заступничества.

Решено было отправить по телеграфу и на специальном судне руководителям южан сообщение, в котором указывалось на снисходительное отношение федеральных властей к южанам и напоминалось, что многие из них, вроде миссис Розы Гринхау, после недолгого заключения были освобождены; что никто из обвинявшихся в шпионаже в пользу южан не был судим как за преступление, наказуемое смертной казнью, и не приговаривался к смерти. Южанам давалось понять, что если они казнят Уэбстера, то федеральное правительство отомстит за него.

В это время крепости и другие места заключения на Севере были переполнены сторонниками Юга; строгий военный режим в отношении мятежников дал бы президенту южан Дэвису Джефферсону представление о конкретных репрессивных мерах, которые правительство предпримет против мятежников, если Уэбстер, Скалли и Льюис будут повешены. Но сообщение военного министра было составлено в таких дипломатических выражениях, что политические руководители мятежников истолковали его как разрешение следовать по намеченному ими пути без особой опаски, в полном соответствии с тактикой их генералов. Так они и поступали до тех пор, пока смелые полководцы Грант и Шерман не возглавили борьбу против них.

Тем временем Мак-Клеллан медленно продвигался к Ричмонду и был всего в 4 милях от него, когда десант Гаррисона вынудил его отступить. Мак-Клеллан был американским наблюдателем в Крымской войне 1854—1855 годов. Эта война, по-видимому, и научила Клеллана осторожности в наступлении.

Решение Пинкертонa отправить Скалли и Льюиса на поиски Тимоти Уэбстера стоило американцам жизни этого даровитейшего работника секретной службы. Но

внезапная отставка Пинкертона с должности начальника секретной службы не имела никакого отношения к гибели Уэбстера. Дело в том, что после победы правительственных войск у Антитама командование армией было вверено Амброзу Бернсайдю. И Пинкертон резко осудил президента Линкольна, демонстративно отказавшись руководить шпионажем и контршпионажем для нового командующего, сменившего обожаемого им генерала Мак-Клеллана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лафайет Бэкер и красавица Бойд

В предыдущие месяцы, когда Пинкертон весьма отличался на посту, для которого, казалось, обладал всеми необходимыми данными, за исключением опыта и воображения, на небосводе федерального военного шпионажа, вообще небогатом первоклассными светилами, взошла новая звезда — Лафайет Бэкер. Он оказался способным чиновником, одним из немногих в Америке шпионов и руководителей шпионажа, карьера и методы которого заслужили уважение европейских специалистов. Хотя он получил чин бригадного генерала тотчас же после гражданской войны, свою карьеру он начал рядовым шпионом, не состоя в армии. Бэкер, как истый «янки», показывал образцы своего товара до того, как называл цену или требовал заключения договора. Он устроил себе возможность лично представиться главнокомандующему и произвел на него благоприятное впечатление.

Бравый ветеран Уинфилд Скотт сидел в своей палатке, размышляя о том, что намерены делать Дэвис, Борегар и другие конфедераты. Мак-Дауэлл командовал федеральной армией добровольцев и ополченцев, боевые качества которых еще не были испытаны, а у Уинфилда

Скотта были солдаты, прошедшие сквозь огонь мексиканской войны.

Представившись генералу, молодой Бэкер заявил, что он хочет пробраться в Ричмонд в качестве соглядатая Севера.

Подробно побеседовав с Бэкером, Скотт решил довериться ему. Бэкер намеревался замаскироваться странствующим фотографом. Мы привыкли считать фотографическую камеру отличительным признаком шпионажа: в мировую войну любой фотографический аппарат в руках штатского человека, даже если этот человек находился на расстоянии пушечного выстрела от линии фронта, считался столь же опасным, как нападение с воздуха. Но в войне 1861 года фотографическая камера была еще новинкой. Маскировка, выбранная Лафайетом Бэкером, оказалась идеальной.

С трудом пробрался он мимо пикетов федеральной армии; его окликали, за ним гнались, в него стреляли, и дважды он был задержан, как шпион южан. Спасся он тем, что сослался на Уинфилда Скотта. Наконец Бэкер вздохнул с облегчением, попав в руки кавалерийского разъезда южан; здесь он сразу проявил свой врожденный дар военного шпиона. Молодой фотограф имел при себе около двухсот долларов золотом, которые он получил от Уинфилда Скотта. Если бы южане его обыскали, эти деньги вызвали бы у них подозрение; но они не сделали этого, приняв его за бедняка. Бэкер таскал с собой поломанную камеру, негодную для снимков; но контрразведчики южан не догадались проверить ее содержимое.

После одно-двухдневного заключения и быстро проведенного следствия южане нашли Бэкера настолько занимательным типом, что стали передавать его из одной командной инстанции в другую, все более высокую; в Ричмонде с ним беседовали Джефферсон Дэвис, Александр Стивенс, вице-президент южных штатов, и все видные генералы южан, включая самого Пьера Борегара. По-видимому, Бэкер побывал во всех полках южан, находившихся тогда в Виргинии. Он беззастенчиво обещал превосходные карточки, «снимая» панораму каждого полка и во время обеда, и на спортивной площадке. Он общелкал своей разбитой камерой штаб бригады и заявил, что увековечил образы молодых генералов и офи-

церов штаба на групповом снимке, который так дорог всем военным, а в особенности молодым воинам, только что надевшим форму.

Ему на руку были аристократические предрассудки южан, смотревших на странствующего фотографа как на какого-нибудь торговца-мешочника, который не многим лучше, чем бродячий медник или сапожник, и во всяком случае стоит на одной доске со странствующим музыкантом, актером, книгопродавцом, коновалом и тому подобными клиентами мелких таверн. И все же Бэкер в сущности находился под арестом почти все время своей разведывательной работы и странствий южнее Потомака, он чаще сидел в тюрьмах или караульных помещениях, чем в тавернах. В Ричмонде сам начальник военной полиции охранял его и держал под замком. Он спасся от него только потому, что президент Дэвис приказал отправить его для допроса к генералу Борегару, тогдашнему главнокомандующему южан. Бэкер, не колеблясь, передавал южанам те сведения, которые он якобы собрал во время своего проезда через Вашингтон. Руководители южан были довольны его информацией о положении у северян, а он был доволен тем, что мог наблюдать за лихорадочными военными приготовлениями южан.

Постепенно он завоевал доверие военных кругов Виргинии и стал свободнее действовать как военный шпион. Но он все не выполнял своего обещания проявить и отдать снимки, на что и было, наконец, обращено внимание. Это случилось в Фредериксберге, где его прямо обвинили в том, что он шпион «янки». Для Лафайета Бэкера наступил критический момент; он очутился перед альтернативой: либо предстать перед судом, жаждавшим продемонстрировать силу военного закона, либо умудриться улизнуть домой, к генералу Скотту. Он решил израсходовать остаток своего золота на приобретение инструментов, которые помогли бы ему бежать. Здание тюрьмы, в которую Бэкер был заключен, оказалось очень ветхим, и он с такой же легкостью взломал дверь своей камеры, с какой бросил свое снаряжение бродячего фотографа.

Передвигаясь по ночам с величайшей осторожностью, Бэкер пробрался к линиям федералистов. Молодой часовой едва не пристрелил его. Сдавшись в плен, беглец

немедленно потребовал, чтобы его препроводили к генералу Скотту. В наши дни шпиону редко удается видеть главнокомандующего, разве что на парадах, после какой-либо победы. Но Бэкер умел убеждать, и вскоре Скотт и офицеры его штаба с изумлением слушали обстоятельный доклад, который сделал им бывший фотограф; память у него оказалась изумительной.

Генерал Скотт наградил Бэкера по его желанию: произвел в офицеры и открыл ему дорогу к быстрому повышению. Бэкер стал начальником военной полиции и единолично руководил большой группой агентов шпионажа и контршпионажа.

На Западе генерал Гренвилл Додж, впоследствии прославившийся как строитель Тихоокеанской железной дороги, был назначен начальником секретной службы и умело управлял деятельностью доброй сотни шпионов. Одним из его агентов был способный, но эксцентричный «полковник» Филипп Хенсон, который после войны приобрел некоторую известность и зарабатывал скудное пропитание чтением лекций о шпионаже. Хенсона отличала выращенная за десять лет борода длиной в 6 футов и 4 дюйма. Сам Хенсон был ростом 6 футов и 2 дюйма, и когда эта величественная борода была не подвязана, он мог подметать ею пол лица, ибо добрых несколько дюймов бороды волочилось по ковру. Как шпион, действующий за линией фронта мятежников, Хенсон проявил черты особого мужества. Генерал Натан Бедфорд Форрест, превосходный воин, называл Хенсона самым опасным шпионом федералистов, работавшим в расположении южан, и сожалел, что упустил удобный случай повесить его.

Это было, когда Хенсон решил поехать в Алабаму, чтобы повидаться с сестрой; там он был арестован и по приказу Форреста отправлен в Виргинию. Опасаясь испытать на себе безотказное действие многозарядной винтовки Энфильда, о которой острили, что она заряжается в воскресенье и стреляет все остальные дни недели, Хенсон предпочел, дождавшись наступления ночи, спрыгнуть на ходу со скорого поезда. Добыв документы на имя одного отставного солдата армии южан, он отправился в разведывательную экспедицию в Ричмонд.

Там он заболел острым ревматизмом, но настолько справился со своей болезнью, что при появлении отряда полицейских по соседству с домом, где он находился, сумел бежать и достигнуть берега реки; здесь его ждали спасители, высадившиеся с федеральной канонерки.

В гражданскую войну обе стороны предпочитали называть своих шпионов «разведчиками» (scouts). Термин «шпион» (spy) применялся к ограниченной категории штатских осведомителей, остававшихся за линией фронта и редко лично проносивших свои донесения через эту линию. Генерал Додж первый использовал своих разведчиков для проверки слухов о передвижении войск южан, которые постоянно поступали от лиц, сочувствовавших северянам; обычно для этого применялась кавалерийская разведка. А так как драгуны федералистов славились не только своим невежеством и беспечным отношением к лошадам, но и грабежом мирного населения под предлогом «рейдов» и «разведок», то любое ограничение этих «занятий» было благом, по мнению командующих северными войсками.

В период гражданской войны секретным агентам было очень нетрудно имитировать манеры, акцент и форму противника; это обстоятельство и сделало шпионаж и контршпионаж широко распространенным видом авантюры. Но Додж, по-видимому, умел с большой пользой и искусством подбирать штатских агентов, причем его наиболее умелыми разведчиками-связистами являлись женщины. Некоторые его агенты были настолько бесстрашны, что много месяцев подряд оставались в тылу врага. Для получения сведений Додж организовал неуловимую цепочку женщин-связисток. Эти сторонницы федералистов обманывали начальников военной полиции южан, умоляя разрешить им поездку в район правительственных войск — «чтобы повидать своих родных-беженцев»; и почти во всех случаях, когда требовалось передать срочные сообщения, эти женщины умели добиться пропуска от какого-нибудь чрезмерно любезного или слишком сентиментального южанина.

Самым одаренным и энергичным противником, с которым приходилось бороться агентам Доджа, был, по-видимому, офицер секретной службы южан Шоу, который

в этой подпольной войне предпочел фигурировать под именем капитана «Колмена».

«Колмен» был «звездой» секретной службы генерала Брэгга, который проявил большой талант в подборе разведчиков и руководстве ими. «Колмен» совершил много смелых подвигов, пока, наконец, счастье не изменило ему — так казалось в ту пору — и он не был взят в плен.

Джемс Хенсал из 7-го Канзасского полка был бдительный часовой, и ему генерал Додж доверил руководство шпионажем и контршпионажем в районе Теннесси. Однажды Хенсал и его сотрудники, сделав облаву, захватили врасплох группу штатских, на первый взгляд занимавшихся как будто законнейшей торговлей. Хенсал все же заподозрил их в контрабанде. Он не разоблачил ни одного из задержанных им лиц, хотя среди них находились «Колмен» и его бесстрашный курьер Сэм Дэвис.

У Сэма Дэвиса, на его беду, были найдены при допросе компрометирующие документы.

— Где ваш начальник Колмен? — спрашивали его в сотый раз.

Дэвис упорно твердил, что никакого Колмена не знает, что у него вообще нет начальника и что он уже много недель не разговаривал с офицерами южан.

Ему сурово напомнили, что он, как уличенный шпион, будет расстрелян или повешен, если он не скажет правды. Ни угрозы, ни обещания не привели к обнаружению «Колмена», находившегося тут же среди задержанных штатских и опасавшегося, что Дэвиса шантажем или угрозами заставить все же выдать его. Опасения эти были напрасны! ибо Дэвис не сдался и был казнен как рядовой шпион, не сообщив ничего из того, что он знал и что спасло бы ему жизнь. «Колмен» был обменен, как безобидный сторонник мятежников. Позднее генерал Додж узнал от нью-йоркского биржевика Джошуа Брауна о том, как безуспешно разыскиваемый федералистской разведкой «Колмен» ускользнул из ее рук благодаря самопожертвованию Дэвиса. Тронутый героизмом шпиона южан, генерал Додж впоследствии сделал взнос в фонд на сооружение памятника Сэму Дэвису, американскому герою.

В 1864 году молодой человек аристократической наружности предложил северянам работать на них в каче-

стве шпиона. Он объявил, что ему нужен только конь и пропуск через линию фронта; получив требуемое, он обязуется доставить сведения об армии мятежников в Северной Виргинии и об их правительстве в Ричмонде. Ему дали коня, пропуск и немного денег; он исчез, спустя две недели явился, как обещал, и представил письмо от президента южан Джефферсона Дэвиса на имя Климента Клэя, эmissара Конфедерации в Канаде, резиденция которого помещалась в Сент-Катерин, вблизи Ниагарского водопада. Шпион федералистов сказал, что в конверте имеется только рекомендательное письмо; оно было собственноручно написано Дэвисом и пропущено невскрытым. После этого шпион правительства стал постоянным курьером мятежников между Ричмондом и Канадой; и все письма, которые он проносил в обе стороны, вскрывались и прочитывались в Вашингтоне. При этом необходимо было пользоваться бумагой и печатями подлинных пакетов, и военное министерство федералистов ввозило из Англии бумагу, тождественную той, которой пользовался Клэй в Канаде.

Одна из перехваченных таким образом депеш раскрыла план весьма опасной диверсии. Агенты мятежников должны были вызвать пожары в Нью-Йорке и в Чикаго; подложив одновременно в крупных отелях и многолюдных местах развлечений адские машины. Это дезорганизовало бы работу пожарных команд, вынужденных метаться от одного очага пламени к другому. Генерал Дикс, комендант Нью-Йорка, и Джон Кеннеди, начальник полиции, отнеслись недоверчиво к сообщению об этом заговоре, подготовляемом Клэем. Несмотря на то, что полицейские и военные власти приняли необходимые меры, пожар все же начался в отеле Св. Николая в Нью-Йорке и в некоторых других местах города; но адские машины не взорвались одновременно, и ни одна из них не причинила серьезных повреждений и не вызвала паники.

В течение всего первого года войны через 24 часа после каждого заседания кабинета министров на Юг отправлялся доклад. Таким путем почти каждое сколько-нибудь важное решение северного правительства, представлявшее интерес для конфедератов, немедленно становилось известным в Ричмонде. Наладившая эту постоянную связь разведывательная организация состояла

в основном из начальников почтовых отделений Мэриленда, которые почти поголовно, кроме троих, состояли на службе у южан, хотя и были назначены на эти посты федеральным правительством.

После того как агенты федеральной секретной службы, находившейся тогда под руководством Лафайета Бэкера, разгромили эту организацию, нужно было ликвидировать секретных агентов иного масштаба. Шпионы Юга, вроде Джемса и Чарльза Милбернов, Джона Уэринга и Уолтера Боуи, конспирировали и долго боролись против превосходных сил, которые, наконец, одолели их. Боуи однажды ухитрился улизнуть от четырех федеральных сыщиков, выследивших его на плантации Уэринга, на реке Патюксент; он удрал от них, переодевшись негритяжкой, несущей на голове корыто для стирки белья. Его задержали и допросили, но он убедил федералистских агентов, что в самом деле является негритяжкой, служащей у Уэрингов, и сыщики пропустили его. Впоследствии Боуи, действия которого в партизанском отряде Мосби трудно назвать геройскими, был застрелен после ограбления лавки в Санди-Хилле. Его бывший хозяин, сообщник и защитник Уэринг был арестован как агент Конфедерации, и все его имущество было конфисковано.

Авраам Линкольн, неоднократно заступаясь за обвиненных шпионов и сторонников южан, спасал им жизнь. Знаменитой стороннице южан мисс Белл Бойд чуть ли не половина армии федералистов облегчала своей чрезмерной любезностью и снисходительностью шпионскую деятельность.

«Мисс Белл Бойд была поистине пленительна в кринолине», — писал об этой способной шпионке романист Джозеф Хергесхаймер. Признанная сторонница мятежников, застрелившая федерального унтер-офицера, когда ей не было еще восемнадцати лет, она проносила информацию через фронт федералистов не раз и не два, а десятки раз, и не только благодаря своему «романтическому очарованию». Ей удавалось это главным образом потому, что ни один правительственный офицер не хотел подвергнуться невыгодному сравнению с рыцарями Юга и проявить грубость к женщине. Сила ее обаяния и без-

ответственность офицерского корпуса федеральной армии, а вернее всего незнание приемов шпионской и контрразведывательной работы были таковы, что даже когда Белл Бойд была, наконец, арестована, ей ничем серьезным не пригрозили и даже не обыскали ее. В тюрьму ей позволили взять чемоданы, и она сумела укрыть от своих якобы бдительных стражей не менее 26 000 долларов.

Очаровательная Белл, дочь федерального чиновника, родилась в Мартинсберге, в штате Виргиния. Ей было 17 лет, когда Юг приступил к мобилизации, и только в июле 1861 года она начала привлекать внимание северян. Вторгшиеся солдаты Севера пытались водрузить федеральный флаг над домом семьи Бойд. Когда мать Белл, как лойяльная гражданка Виргинии, воспротивилась этому, один из ненавистных «янки» наговорил ей грубостей и с силой распахнул дверь, которую миссис Бойд пыталась захлопнуть перед его носом. Белл, по ее собственным словам, не выдержала: «Я вскипела негодованием, выхватила пистолет и выстрелила в него. Его унесли смертельно раненым, вскоре он умер».

В последующие месяцы федеральные войска не раз проходили мимо дома Бойдов в Мартинсберге, но никто из военных не пытался уже открыть силой дверь, которую миссис Бойд угодно было захлопнуть. Федеральные офицеры из штаба генералов Паттерсона и Кадуоладера произвели вежливое расследование случайного убийства; приняв во внимание возраст мисс Белл, они признали его неумышленным.

После победы он кратко написал:

«Мисс Белл Бойд!

Благодарю вас от имени моего и всей армии за огромную услугу, которую вы оказали сегодня вашей родине

Всегда ваш друг

Т. Д. Джэксон, командующий южной армией».

Белл Бойд продолжала оказывать свои тайные и почти всегда импровизированные услуги.

Война против этой красавицы-виргинки казалась почти проигранной. Но Белл сделала большой промах, доверив одно из своих писем в адрес генерала Джэксона секретному агенту северян, случайно облаченному в серый мундир Юга. Военный министр Стэнтон получил это письмо от генерала Сайгола и тотчас же отрядил Крид-

жа, сыщика федеральной разведки, для доставки мисс Бойд в Вашингтон.

Кридж, по словам его юной племянницы, был человек «малого роста, грубой наружности, с подлым выражением лица... и седоватой бородой. Все его черты были крайне отвратительны и выражали смесь трусости, жестокости и лукавства». Словом, Криджа нельзя было растрогать даже «особо романтическим обаянием», и дверь, которую он захлопнул, оказалась с надежным железным засовом.

Белл была арестантка не из покладистых. Через некоторое время ее обменяли и отправили в Ричмонд в сопровождении некоего майора Фитцхью. В Ричмонде солдаты сделали ей на караул, а вечером городской оркестр сыграл серенаду под ее окнами.

Позднее она совершила морское путешествие, посетила Англию и встретила с федеральным морским офицером Сэмом Уайлдом Хардингом; он был покорен первым же ее взглядом и вышел в отставку, чтобы сделать ее миссис Хардинг. Ей предстояли годы большой известности и ряд выгодных турне для чтения лекций, и она отнюдь не стыдилась своей славы «шпионки мятежников».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Безумная Бет» и другие дамы

Самым ценным из всех шпионов, боровшихся против южан, была уроженка Юга, мисс Элизабет Ван-Лью, из Ричмонда. С этой бесстрашной женщиной могут соперничать лишь немногие герои всемирной истории секретной службы. Она единственная американка, действовавшая во время войны в тылу противника.

Элизабет Ван-Лью, горячо ненавидя рабовладельчество, не гнушалась никакими средствами, если они были необходимы для успеха ее дела: она выдавала друзей, следила за соседями и интриговала против вооруженных

сил родного штата. Она не только ежечасно рисковала своей жизнью, но и подвергала опасности жизнь своей матери и брата; она растрачивала средства своей семьи и вела свою линию с неукротимым рвением, не раз рискуя стать жертвой самосуда разъяренной толпы.

Элизабет Ван-Лью жила в окружении знати, и все жители Ричмонда в той или иной мере подозревали ее. Некоторые считали ее ненормальной. И она не протестовала против этого, всячески маскируя свою тайную работу, которую легче было осуществить под маской «безумной Бет». Ее спасало то, что уму заядлого виргинца недоступна была самая мысль, чтобы виргинская аристократка могла выступать против дела южан иначе, как будучи совершенно безумной.

Виргинцы говорили, что она нелойяльна, что она желает победы Северу, что она выступает против отпадения южных штатов. Они были уверены и в том, что она яростная аболиционистка, ибо она дала вольную своим рабам-неграм и никогда не скрывала своего отвращения к рабовладельчеству. Ее подозревали еще и в том, что она помогает беглым неграм и содействует побегу «янки» из лагерей военнопленных.

Словом, в период между 1860 и 1865 годами Элизабет Ван-Лью подозревали в чем угодно, только не в том, что она является самым отчаянным и опасным преступником среди «изменников». Ни один офицер или контрразведчик Юга не заподозрил в Элизабет Ван-Лью умелой и изобретательной руководительницы целой шпионской сети.

Никто не подозревал истины; а истина заключалась в словах генерала Гранта, с которыми он обратился к ней от имени правительства и армии Севера: «Вы слали мне самые ценные сведения, какие только получались из Ричмонда за время войны».

Так как Ричмонд был во время войны столицей южных штатов, то эта похвала главнокомандующего войсками Севера сразу выдвигает Элизабет Ван-Лью в ряды виднейших шпионов-практиков главного штаба.

Она тратила свои личные средства на дело, которое считала защитой чести своей отчизны. Каждый ее шаг был импровизацией и осуществлялся не только в полном одиночестве, но и наперекор многочисленным препятствиям в столице, кишевшей врагами.

Убедительнейшим доказательством ее бесспорного права числиться в ряду лучших солдат передового отряда мировой секретной службы является то, что она, несмотря на выдающуюся роль, сыгранную ею на войне, все детали которой тщательнейшим образом изучены, не только достигла своих целей, но и сумела остаться малоизвестной, скромной женщиной, остаться в тени.

Для проведения самой опасной части своей деятельности — пересылки сведений — она создала пять секретных точек связи, конечным пунктом которой был штаб генерала Шарпа. Начальным пунктом этой цели был старинный особняк семьи Ван-Лью в Ричмонде, где она составляла свои шифрованные донесения и укрывала агентов Севера, пробравшихся в город по поручению верховного командования федералистов.

Бывали дни больших тревог и напряжения, когда ожидаемый федералист не являлся, а доносились лишь слухи об арестованных и расстреленных «проклятых шпионах-янки». Тогда она ухитрялась отправлять через фронт курьерами своих собственных слуг, но не прекращала доставки секретных сведений об обстановке в Ричмонде. О том, чтобы она лично пыталась пройти через фронт, данных не имеется.

Элизабет Ван-Лью родилась в Виргинии в 1818 году, но получила образование в Филадельфии, где жила раньше ее мать. Столица Пенсильвании никогда не вела яростной антирабовладельческой агитации. Сторонники южан насчитывались в ней сотнями, и все же Элизабет вернулась в Ричмонд убежденной и ярой аболиционисткой. Одним из проявлений ее новых убеждений явилось освобождение девяти невольников Ван-Лью. Она разыскала также несколько негров и выкупила их из неволи, чтобы воссоединить с родными, находившимися во владении семьи Ван-Лью.

Среди мелкопоместной знати Юга у нее были, конечно единомышленники, и потому на нее совсем безобидную эксцентричность Бетти Ван-Лью ее друзья и соседи смотрели сквозь пальцы или ограничивались мягким порицанием. Надо иметь в виду, что в работе Ван-Лью дружеские связи ее семьи играли выдающуюся роль. Главный судья южных штатов Джон Маршалл, пользовавшийся там непререкаемым авторитетом, был интимным другом семьи Ван-Лью. Дженни Линд пела в гости-

ной виргинского особняка Ван-Лью, где угощали и шведскую писательницу Фредерику Бремер, как и многих американских аристократов.

Ван-Лью, мать и дочь, были щедры, гостеприимны и обаятельны; им не ставилось в укор, что они держались «передовых» взглядов.

Элизабет минул 41 год, когда солдаты морской пехоты под командованием полковника Роберта Ли штурмовали паровозное депо у Харперс-Ферри и взяли в плен Джона Брауна. Казнь этого старика толкнула ее в лагерь «чудаков» и «фанатиков», поклявшихся уничтожить рабовладение. «С этого момента,— записала она в своем дневнике,— наш народ находится в явном состоянии войны».

И она немедленно взялась за дело, посылая федеральным властям письмо за письмом и информируя их об обстановке, складывавшейся «там, на Юге». Она послала эти письма почтой, и если кто в Вашингтоне и обратил внимание на ее письма, то это был незаметный чиновник, с которым не считалось правительство Бьюкенена. Природное влечение Элизабет к секретной службе избавило ее от разочарования, когда на первых порах ее старания не встретили достойной оценки. Она продолжала по-прежнему свои наблюдения, посылала донесения, в которых описывала деятельность, развиваемую на Юге врагами единства Соединенных Штатов. Энтузиаст своего дела, она была достаточно бесстрашна, чтобы на улицах Ричмонда выступать с речами, как ярая аболиционистка.

Современники описывали Элизабет Ван-Лью, как женщину слабого телосложения, невысокого роста, но представительную, как человека очень живого и решительного. Даже вожди Конфедерации были покорены ее кротостью и обаянием.

С презрением отвергнув возможность прикрыть свою секретную работу маской «лойяльной патриотки Юга», она отказалась шить рубашки для солдат Виргинии. Другие женщины Ричмонда шили или вязали, а когда «варвары-янки» приближались к городу, эти мягкосердые женщины откладывали в сторону иголки и вооружались пистолетами. Но миссис Ван-Лью не шила и не вязала, а Элизабет, не покладая рук, собирала материал для своих донесений, импровизируя собственную тактику

и сообщая Северу почти все, что она узнала о мобилизации мятежников.

Элизабет и ее мать вскоре после начала войны Севера с Югом занялись помощью раненым военнопленным, посаженным в военную тюрьму. В военном министерстве в Вашингтоне очень быстро заметили, что ценность и точность сведений, посылаемых мисс Ван-Лью, не только ничего не потеряли от этой новой заботы, которую она взвалила на свои плечи, но, наоборот, возросли от ежедневного общения с пленными офицерами и солдатами Севера. В числе этих пленных офицеров оказался полковник Поль Ревир из 20-го Массачусетского полка, который и после войны был ее преданным другом.

Комендантом омерзительной тюрьмы «Либби» был лейтенант Тодт. Она сумела создать впечатление, что ее благотворительность одинаково простирается как на северян, так и на южан, и когда получила доступ в тюрьму, то нашла в ней неиссякаемый источник военной информации, которую ей передавали шепотом военнопленные-северяне.

Сведения поступали к ней самыми разнообразными путями. Бумажки с вопросами и ответами были спрятаны в корзинах с продовольствием; в эти бумажки заворачивали склянки с лекарствами, пока передачи не были воспрещены из-за роста цен на продукты, вызванного блокадой северян. В книгах, которые она передавала для прочтения и последующего возврата, некоторые слова незаметно подчеркивались. Иногда, покуда другие арестанты следили за сторожами и часовыми, ей удавалось побеседовать со вновь прибывшими и в несколько минут получить ценные сведения.

Лишь немногие офицеры и солдаты Юга серьезно беспокоили ее своими подозрениями. Ее заботы о благополучии негров были настолько известны, что рядовому южанину она казалась просто «чудачкой». Своими «чуждечествами» она поддерживала в окружающих убеждение, что фанатизм ее взглядов — безобидное помешательство.

Нужно отметить, что ее мать, которую никто не считал безумной, вероятно, подвергалась большей опасности, чем Бетти. Жизнь обеих женщин не раз висела на волоске. Только непрерывные поражения, наносившиеся в течение первых двух лет войны совершавшим грубые

промахи генералам северян, спасли Ван-Лью от насилий толпы, в которой неудачи везде пробуждают яростный гнев.

В газетных статьях открыто клеймилось «позорное» поведение мисс Ван-Лью и ее матери. И несмотря на это громогласно и публично предъявленное общественным мнением тяжкое обвинение, офицеры и влиятельные чиновники Юга продолжали посещать гостиную Ван-Лью. Их послеобеденные беседы давали обильную пищу Элизабет; она, как видно, научилась уменью штабистов соединять в одно целое разрозненные сведения или присоединять их к информации, полученной из других источников.

Единственным официальным взысканием, которому подвергалась когда-либо «жалкая, безумная Бет», было лишение права посещать военную тюрьму. Когда это случалось, она наряжалась в свое лучшее платье, брала зонтик и отправлялась прямо к генералу Уиндеру — начальнику контрразведки южан — или в приемную Джуды Бенджамина, военного министра южан. Несколько минут хмурых взглядов и мягкого распеkania, несколько женских трогательных возгласов — и «безумная Бет» возвращалась домой с разрешением посещать военную тюрьму, подписанным Уиндером, полномочия которого давали ему право подписать ей смертный приговор.

угих случаях кринолин и зонтик являлись помехой и тогда «безумная Бет» переодевалась сельской батрачкой. Юбка, сшитая из цельного куска материи, ситцевая кофточка, поношенные гамаши из оленьей кожи и огромный коленкорový чепец — гардероб работницы фермы — были найдены среди ее вещей спустя целое поколение после битвы при Аппоматоксе*, как единственное вещественное напоминание о многочисленных ночных экспедициях.

Вильям Гилмор Беймер, которому мы обязаны исследованиями, приведшими к вторичному открытию жизни и деятельности Ван-Лью, прямо указывает, что ее спо-

---

* Аппоматокс — графство в южной части штата Виргиния. Битва при Аппоматоксе (или Аппоматокс Корт-Хаузе) произошла 9 апреля 1895 года. В ней войска южан, которыми командовал генерал Роберт Ли, были разбиты федеральной армией под командой генерала Гранта и капитулировали. Эта битва решила исход гражданской войны в пользу Севера. — Р е д.

соб подхода к президенту Джефферсону Дэвису в момент, когда он «меньше всего был начеку», свидетельствует, что она была «гениальная шпионка» и руководительница шпионажа. У нее была молодая негритянка-рабыня необычайного ума, которую она отпустила на свободу за несколько лет до войны. Она отправила эту девушку на Север и платила там за ее обучение; но когда выявилась угроза войны, миссис Ван-Лью письмом просил Мэри Баусер вернуться в Виргинию. Девушка немедленно приехала, после чего бывшая владелица начала готовить ее к трудной миссии. Обучив Мэри Баусер, Элизабет Ван-Лью при помощи подложных рекомендаций, о которых мы можем только догадываться, устроила ее на должность официантки в «Белый Дом»* Юга, в дом главы конфедератов.

О дальнейшем мы ничего не знаем, ибо ни один из живших когда-либо мастеров шпионажа не охранял так ревниво тайны своих подчиненных, как это делала Ван-Лью. Что слышала Мэри, когда обслуживала президентв Дэвиса и его гостей, и что из услышанного она передавала Элизабет? Как удалось ей, не будучи разоблаченной, передавать в салон Ван-Лью то, что она узнавала? И были ли ее донесения настолько ценны, насколько этого можно было ожидать, судя по ее местопребыванию? На все эти вопросы мы не имеем ответа. Очевидно одно: никто так и не догадался о шпионской роли негритянки.

Мисс Ван-Лью не переходила через линию фронта и не рисковала своей жизнью, попадая в окружение зорких врагов; она жила среди своих, в своем доме в Ричмонде, ставшем столицей отколовшихся южных штатов, где ее знал каждый и где ее общественное положение было для нее такой же защитой, как и личина «безумной Бет». Ее секретные донесения, зашифрованные личным кодом, часто бывали написаны рукой кого-нибудь из ее слуг. Преданные негры никогда и не подумали бы отказать в чем-либо «мисс Лизабет». Успех налаженной ею системой связи в немалой степени обуславливался кажущейся обыденностью действий ее чернокожих курьеров. Вероятно, никто из них не сознавал

---

* Белый Дом — резиденция президента США в Вашингтоне.— Ред.

вполне всей важности работы, маскируемой выполнением обыкновенных хозяйственных поручений.

Раздобыв военные пропуска для своих слуг и рабочих, дававшие им право беспрепятственно циркулировать между ее домом в городе и фермой Ван-Лью, находившейся в окрестностях Ричмонда, Элизабет поддерживала непрерывное движение посыльных с корзинами между обеими шпионскими станциями: в каждую корзину с яйцами вкладывалась, например, пустая яичная скорлупа со сложенной тонкой бумажкой. Разбитная молодая девушка, служившая швеей в доме Ван-Лью, сновала взад и вперед через линию фронта у Ричардсона, пронося шпионские донесения, зашитые в образчики ткани или в платье. Чтобы продемонстрировать эффективность своей системы, Элизабет Ван-Лью однажды после обеда нарвала в своем саду букет цветов, который на следующий день был доставлен к утреннему завтраку генерала Гранта.

Однажды мать и дочь Ван-Лью были предупреждены, что в «Либби» готовится побег. «Мы приспособили одну из наших гостиных,— писала Элизабет в своем дневнике,— темными одеялами занавесили в ней окна, и в этом помещении небольшой газовый рожок горел все время, днем и ночью, в течение почти трех недель»; для беглецов там были даже поставлены кровати.

Все это указывает на то, что дружественное отношение президента Дэвиса, генерала Уиндера и других вожakov южан в известной мере препятствовало проведению официального обыска в доме Ван-Лью и принятию эффективных мер контршпионажа. Женщины, которые в Бельгии или в оккупированных немцами департаментах Франции вздумали бы в 1914—1918 годах «занавесить свои окна темными одеялами», должны были бы самое большее в течение 48 часов объяснить немецкому фельдфебелю причины такого поступка!..

Упомянутая нами гостиная Ван-Лью, конечно, не была самым секретным помещением в этом виргинском особняке. И биограф мисс Ван-Лью полагает, что ее ссылка на гостиную с занавешенными окнами и необычайным расходом газа является вероятнее всего дымовой завесой, пущенной ею по причинам, известным ей одной. Даже в бережно хранимом от посторонних глаз дневнике мисс Ван-Лью ни одним словом не намекает на

существование подлинно секретной комнаты и не упоминает о двери с пружиной в стене, за старинным комодом.

Секретная комната Ван-Лью представляла собой длинную, низкую и узкую камеру, расположенную непосредственно позади того места, где скат крыши начинался от плоской кровли задней веранды. Чердак дома был квадратный, и между его западной стеной и скатом крыши находилась комната, в которой во время войны постоянно скрывался какой-нибудь агент или беглец-федералист.

Существование такого убежища подозревалось все время, но ищейки конфедератов не сумели его обнаружить. Маленькая девочка, племянница Элизабет Ван-Лью, обнаружила эту комнату весьма любопытным образом. Она пробралась ночью на чердак, чтобы посмотреть куда «тетя Бетти» отнесла блюдо с обильной едой. Загородив рукой свечу, мисс Ван-Лью стояла перед «темным отверстием в стене», из которого бледный мужчина в поношенном синем мундире, с нечесанными волосами и бородой, протягивал руку за пищей.

Если бы не это воспоминание племянницы Элизабет Ван-Лью, опубликованное после ее смерти, секретная комната осталась бы необнаруженной.

В доме этих бесстрашных сторонниц Севера имелась еще секретная ниша, служившая «почтовым ящиком» для шпионских донесений. В библиотеке был железный камин; на каждой стороне его решетки находилось по пилястру, накрытому фигурой лежащего льва. Одна из этих фигур не была наглухо приделана к основанию, и ее можно было поднять, как крышку коробки. Во впадину под этим львом Элизабет «опускала, как в почтовый ящик», свои военные донесения. Прислуга, начиная стирать пыль с мебели, приближалась к камину, украдкой вынимала донесение и через час относила его на ферму Ван-Лью, за город. Мисс Ван-Лью не давала своим чернокожим курьерам устных секретных поручений, и хотя она чувствовала себя в безопасности от подслушивания, эта необычайная, несколько театральная манера передачи донесений, предназначенных для командования федеральных армий, практиковалась неизменно.

Разоблачить Ван-Лью пытались много раз. Гостей

посещавших ее дом, просили следить за нею. На нее и ее мать — женщину, действительно, слабого здоровья, часто заболевшую от волнений,— доносили; говорили, что их нужно повесить, дом их сжечь, что их нужно «избегать, как прокаженных».

Военным комендантом заключенных военнопленных был одно время некий капитан Гибс. Каким-то образом Элизабет ухитрилась залучить этого офицера и его семью в свой дом в качестве постояльцев, и в течение всего времени их проживания у Ван-Лью Элизабет пользовалась этой «протекцией». Когда военное министерство южан, чтобы укрепить свою кавалерию, стало обшаривать конюшни Юга, Элизабет спрятала свою последнюю лошадь в кабинете, а чтобы заглушить стук копыт, обвязала их соломой.

В доме Ван-Лью встречались шпионы Юга со шпионами Севера, одновременно жили начальник военной тюрьмы и бежавшие из этой тюрьмы военнопленные, дезертиры и контрабандная породистая лошадь, под стойло которой был отведен кабинет ее хозяйки, служивший и штабом секретной службы, и центром продовольственной помощи военнопленным, и местом организации побегов тех же военнопленных.

На стороне федералистов действовали еще Эмма Эдмонде и Полина Кашмэн, два прославленных агента, рвение которых может быть сравнено лишь со рвением мисс Бойд или Элизабет Ван-Лью.

Эмма Эдмондс, уроженка Канады, была сестрой милосердия в Нью-Бранзуике и шпионкой генерала Мак-Клеллана. Мисс Эдмондс никому не уступала в горячей преданности делу борьбы против рабовладения. В битве у Хановер-Кортхауза она села на коня и в качестве ординарца генерала Керни гарцевала под огнем орудий. Говорят, она одиннадцать раз тайно пробиралась через фронт как секретный агент северян. Курьезнейшим эпизодом всей этой войны был случай, когда Эмма Эдмондс в Виргинии замаскировалась под негра. Неизбежным результатом этой маскировки было то, что ее отправляли на ночь в негритянские кварталы Йорктауна и в числе других негров гнали работать на укреплениях.

В другом эпизоде она фигурировала в качестве часового, в третьем она даже украла винтовку у конфедерата. Бесправие негров на Юге говорило против маски-

ровки «под негра», и Эмма, учтя свой неудачный опыт, в дальнейшем выдавала себя за ирландку, торгующую вразнос яблоками.

Полина Кашмэн — «Белл Бойд» камберлендской армии — странствовала в боевой зоне, которую мародеры, дезертиры, перебежчики и участники недисциплинированных партизанских отрядов делали далеко не безопасной. Она попала в плен, и генерал Брэкстон Брэгг, сам пользовавшийся услугами многочисленных шпионов, приказал расстрелять ее. Поданная ею просьба о помиловании не была переслана президенту Дэвису в Ричмонд. Спасла ее «апелляция» совсем иного рода. Федералистский генерал Розенкранс наступал так стремительно, нанося поражения войскам Брэгга, что никто из южан не рискнул замедлить свое отступление, чтобы расстрелять Полину Кашмэн; с другой стороны, не было ни времени, ни лишних транспортных средств, чтобы увезти ее с собой.

Так, находясь буквально на волосок от смерти, она, подобно Шульмейстеру в Вене, была спасена стремительным наступлением армии, которой она столь бесстрашно служила.

Элизабет Ван-Лью была в числе тех федералистов Ричмонда, чья настойчивость привела к злосчастному «рейду Дальгрена». Действуя на основании донесений, полученных от нее, отца и сына Филиппсов и других федералистских шпионов, работавших в Ричмонде, командование федеральных армий отправило генерала Хью Джадсона Килпатрика, более известного под именем Кия, вместе со столь же неустрашимым молодым Ульриком Дальгреном, в кавалерийский рейд. Они приблизились к Ричмонду на расстояние пяти миль, и рейд этот не удался только из-за предательства проводника-негра, сбившего отряд «янки» с пути.

Дальгрен, сын видного федералистского адмирала, был уже полковником, когда ему еще не было 22 лет, и остался на действительной военной службе даже после произведенной ему ампутации правой ноги ниже колена. Во время упомянутого рейда он во главе сотни кавалеристов отделился от главных сил и был убит вражеским патрулем.

Считая себя виновниками происшедшего, ричмондские шпионы приняли близко к сердцу это трагическое

событие и решили не допустить, чтобы труп Дальгрена затерялся среди 10 000 могил на Оквудском кладбище. Учитывая злобу и страх, которые вызывало у южан одно только имя Дальгрена, шпионы полагали, что южане намерены оставить в безвестности могилу кавалерийского полковника. Они вырыли труп Дальгрена из могилы, которую им указал некий негр; опознать тело полковника было нетрудно по отсутствию одной ноги. Убедившись в том, что перед ними действительно труп Дальгрена, они вторично похоронили его, но уже в другом месте и в металлическом гробу.

Вопреки предположению шпионов, вожди южан хотели оказать услугу адмиралу Дальгрену и начали разыскивать труп его сына, но до конца войны так и не смогли его обнаружить. Между тем Элизабет Ван-Лью через своих агентов доставила адмиралу локон с головы молодого полковника.

В феврале 1865 года, недель за шесть до заключения мира, один из секретных агентов федералистов привел с собой в Ричмонд, в качестве своего помощника по добыванию информации, англичанина, выдававшего себя за поляка. Годом раньше северяне извлекли много пользы из шпионской поездки в южные штаты профессионального солдата, который, сражаясь в рядах федералистов, был ранен под Геттисбергом*. Это был Ян Собесский, эмигрировавший из Польши правнук Яна III, польского короля. С 4 000 долларов, выданных ему федеральными властями, Собесский, именовавший себя графом Калесским, поехал в Мобил; он двинулся дальше на север, по пути осматривая лагеря и крепости южан. Он имел беседу с президентом Дэвисом, вице-президентом Стивенсом и другими представителями правительства и даже был приглашен на фронт, к генералу Ли. Когда Собесский через один из портов Мексиканского залива и Гаванну вернулся в Вашингтон, у него в кармане оставалось только 332 доллара, а в оправдание затрат он привез ценную информацию.

---

* Геттисберг — местечко в графстве Адамс штата Пенсильвания, где 1—3 июля 1863 года произошла битва между армией Конфедерации и войсками Севера. Эта битва стала поворотным пунктом в гражданской войне и знаменовала собой перелом кампании в пользу северян.— Р е д.

Очевидно, северяне задумали повторить этот удачный опыт с человеком, говорившим, что он прибыл из Англии, и называвшим себя поляком. Однако он немедленно по прибытии в Ричмонд выдал южанам своего проводника, федералиста Бабкока и приверженца Севера, называвшего себя Уайтом, с которым он должен был поселиться в одной квартире, а также всех лиц, оказавших ему и Бабкоку помощь в пути. Когда мисс Ван-Лью узнала об этих арестах, ее охватил страх. Поляк, однако, слишком торопился завоевать своим предательством расположение южан и потому прозевал возможность разоблачить ее и многих других секретных работников.

Убедившись, что падение Ричмонда вопрос дней, Ван-Лью просила генерала Бена Бутлера, с которым она поддерживала переписку, прислать ей в Ричмонд федеральный флаг. И через фронт южан ей тайно переправили большой флаг, пополнивший собой коллекцию разнообразных предметов, спрятанных в ее доме. Когда в Ричмонде произошел взрыв пороховых складов и военная эвакуация города была закончена, буйная толпа с факелами ринулась к особняку Ван-Лью, готовая осуществить непрекращавшиеся в течение четырех лет угрозы.

Элизабет Ван-Лью не растерялась, смело вышла навстречу толпе и, глядя прямо в лицо своим разъяренным соседям, сказала:

— Я вас знаю, Том... и вас, Билли... и вас... Генерал Грант будет здесь через час, и если вы причините хоть малейший вред этому дому или кому-нибудь из проживающих в нем, то ваши собственные дома запылают еще до обеда!

Это вразумило толпу, и последняя опасность насилия отпала. Вскоре передовой отряд наступающей армии, в запыленных синих мундирах, ворвался в столицу южан. Еще до его появления Элизабет Ван-Лью, еле мирившаяся с необходимостью хранить в глубокой тайне свою верность Северу, первая подняла над своим домом федеральный флаг, который олицетворял сдачу Ричмонда.

Последующие годы были для Элизабет Ван-Лью мрачными и безотрадными. Президент Грант назначил ее почтмейстером Ричмонда; на службе ее вынуждены были терпеть, но общество подвергло Ван-Лью ostracismу, не смягчившемуся до самой ее смерти.

Элизабет Ван-Лью не получила ни одного доллара за услуги, оказанные ею армии федералистов; и ей не возместили ни цента тех денег, которые она так щедро израсходовала из собственных средств для дела Соединенных Штатов. Мало того, после ухода президента Гранта со своего поста она была понижена в должности. Ее сделали мелким чиновником министерства почт, а потом лишили и этого скудного заработка.

Живя свои последние годы в нищете, она существовала на пенсию, назначенную ей друзьями и родственниками полковника Поля Ревира, которому она когда-то, помогла бежать из вражеского плена и предоставила убежище. И за нею преданно ухаживали верные ей стареющие негры, знамя освобождения которых она первая подняла в Ричмонде.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Перед всегерманским потопом

В 1829 году, когда во главе британского правительства стоял герцог Веллингтон, Роберт Пиль выступил с предложением реформировать полицию и расширить ее права. Однако поскольку этот проект был поддержан Веллингтоном, — реформа вызвала народное неудовольствие. Этот необычайно популярный полководец, которого благодарная нация вознаградила тем, что сделала самым дорого оплачиваемым бойцом из всех когда-либо живших на свете, был внезапно заподозрен в тайном намерении узурпировать верховную власть и захватить трон. Предполагалось, что полицейские агенты, наделенные непомерной властью, будут следить за каждым шагом почтенных граждан, совершать набеги на их дома, устраивать обыски и допросы по малейшему поводу и под вымышленными предлогами.

Разумеется, Веллингтон сохранил хладнокровие. Он ссылался на предметный урок — учреждение конных

патрулей, так много сделавших для очистки окрестностей Лондона от разбойников и грабителей. Он напомнил англичанам о первых годах XIX века, когда почти ни один экипаж не мог проехать без того, чтобы не подвергнуться нападению, а путникам приходилось в любой момент быть готовыми вступить в бой с вооруженными злоумышленниками. И все же Веллингтону приписывали низкие честолюбивые замыслы, якобы толкнувшие его на создание постоянной армии вымуштрованных и одетых в форменные мундиры полисменов, которые должны были подчиняться правительству и быть независимыми от контроля местных налогоплательщиков. Назначение главой полиции Чарльза Роуана боевого офицера и ветерана битвы при Ватерлоо, как будто еще более подчеркивало намерение «Железного герцога»* создать «настоящую жандармерию», которая как раз в ту пору существовала во многих абсолютных монархиях европейского континента. Нетерпимость англичан к новой, реформированной полиции в конце концов обнаружилась в тех презрительных кличках, какие были пущены по адресу полицейских «тиранов». Они стали «бобби»** и «пилерами», в честь Роберта Пиля, и «сырыми раками», в честь синего цвета своих мундиров. Им были даны и другие, еще более нелестные клички.

Но уже спустя несколько лет ни один подданный британской короны, исключая неисправимых жуликов и отъявленных негодяев, больше не протестовал против новых правил поддержания общественного порядка и спокойствия, обеспечивающих защиту личности и имущества.

Иначе обстояло дело у французов.

Принц Луи-Наполеон, племянник императора, стал кандидатом в президенты с помощью ловкой политической интриги. Как все политиканы, прокладываящие себе путь к власти интригами, он горячо ухватился за ту самую систему шпионажа и репрессий, которая так долго душила его самого. Провозгласив себя Наполео-

---

* «Железный герцог» — прозвище английского полководца герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо.— Ред.

** «Бобби» — уменьшительное от имени Роберт, шутовское прозвище полицейских в Англии (от Роберта Пиля).— Ред.

ном III, этот узурпатор завел целую орду тайной полиции для борьбы со всеми конституционными гарантиями. Наряду с «дворцовой полицией» Наполеон III использовал также армию частных шпионов; ею командовал граф д'Ирвуа, на обязанности которого лежала также организация слежки за полицией, что стоило около 14 миллионов франков.

У Наполеона III был свой отряд шпионов, как и у премьер-министра Руэра и префекта полиции Пьетри. Собственную секретную службу имела также императрица. Наконец, два отряда находились под наблюдением Нюсса и Лафаржа. Агенты эти не знали друг друга; но вся широкая шпионская сеть была столь распространена, что фактически одна половина Парижа усердно занималась доносами на другую половину.

Плодом всей этой системы явились так называемые досье. Это были особые папки, заводимые на каждого, кто бы он ни был: преступник или ни в чем неповинный человек, если только нужно было подвергнуть его постоянному наблюдению. В архивах префектуры хранились многие тысячи таких «досье», тщательно зарегистрированных и дававших возможность быстро навести любую справку. Они обычно заключали в себе клеветнические доносы агентов, основанные большей частью на самых лживых и нелепых сплетнях. В результате нередко совершенно безобидные люди обвинялись в «потрясении основ».

Как же политическая полиция Наполеона III действовала против подлинно опасных заговорщиков? Вечером 14 января 1858 года император, в сопровождении императрицы и генерала Роге, направлялся в Парижскую оперу. Шел «Вильгельм Телль», поставленный в бенефис популярной певицы, переходившей на пенсию. Наполеон и его спутники ехали в трех парадных каретах, эскортируемых отрядом гвардейских улан.

Карета императора следовала последней и несколько задержалась у арки в тот момент, когда из остальных карет высаживались обер-гофмейстер и другие члены императорской свиты. Внезапно раздался оглушительный взрыв, за ним — второй и третий, после чего наступила полная тьма. От взрывной волны погасли все газовые фонари. Недолгая тишина сменилась криками ране-

ных и умирающих, конским топотом, воплями перепуганных зрителей и звоном разбитых стекол.

Картина была ужасающая. Тремя бомбами, брошенными в толпу, окружившую Наполеона III, было убито и ранено 160 человек. Генерал Роге получил тяжелые ранения; один из осколков оцарапал висок императрице, другой пронзил треугольную шляпу императора. На наружных стенках кареты, в которой находился Наполеон III, были обнаружены следы 66 осколков. Однако Наполеон и его супруга, стремясь успокоить толпу, все же вошли в театр и заняли свои места.

Где же была и что делала в это время полиция, со всеми ее шпионами, столь рьяно следившими друг за другом? Она всполошилась и рыскала по Парижу, отыскивая убийц. Один из главных заговорщиков уже был задержан. Случилось это фактически еще до первого взрыва, когда жандармы арестовали иностранца по имени Пиери или Пьерэ, который бродил в районе Оперы.

За несколько дней до этого парижская полиция получила сведения о том, что в Бирмингэме изготавливаются бомбы. Лондон предупредил также о выезде некоего Орсини, неутомимого конспиратора. Брюссельская полиция, в свою очередь, предупреждала о подозрительных маневрах Пиери-Пьерэ. Но эта информация, своевременно полученная из Англии и Бельгии, не заставила французскую полицию принять необходимые меры предосторожности; в результате заговорщики спокойно прибыли в Париж и затем пробрались незамеченными на площадь Оперы. Министру внутренних дел Байяну и его подчиненному, начальнику полиции Пьетри, пришлось подать в отставку.

Первым допрашивал Пиери-Пьерэ полицейский чиновник Клод, который руководил его задержанием; после допроса Клод установил, что задержанный проживал в дешевом отеле под фамилией Андреас и что в одной с ним комнате жил некий де Сильва, выдававший себя за португальца.

Португальца арестовали и обыскали; он предъявил паспорт, выданный португальским консульством в Лондоне; это не помешало без труда опознать в нем де Рудио, находившегося в подозрении субъекта из Рио-

де Жанейро. При обыске у него в комнате были найдены револьвер, снаряды, кинжал с рукояткой из слоновой кости, письмо и бумаги, позволившие Клоду быстро установить личность арестованного. Оказалось, что де Рудио и Пиери были знакомы с неким бывшим военным Гомесом, он же Пьер Сюринэ, на которого указал полиции официант одного из ресторанов. Гомес имел неосторожность выдавать себя за англичанина и действовал в качестве «слуги» главного конспиратора Орсини. Вскоре после того как произошли взрывы, официант видел, как Гомес выглядывал из окна ресторана, находившегося наискосок против Оперы. Он казался сильно взволнованным и даже размахивал револьвером, чем и обратил на себя особенное внимание.

Сам Орсини энтузиаст, до такой степени безрассудный и легкомысленный, что Мадзини прозвал его даже «пустозвоном», — также вздумал выдавать себя за английского коммерсанта. Он действовал под фамилией Олсоп и построил свой шифр на терминах мануфактуры и пивоварения. Схваченный в ту же ночь, Орсини вместе с другими метальщиками бомб попал в расставленную для него полицейскую ловушку. Однако следует подчеркнуть, что полиция и разведка не проявили во всем этом деле никакой находчивости, а попросту использовали счастливый случай.

Всех задержанных по этому делу судили спустя пять недель; Орсини и Пиери были отправлены на гильотину, де Рудио и Гомеса приговорили к пожизненной каторге. Осколки бомб и пуль оставили следы не только на стенках кареты Наполеона III, но и на внешней политике Франции. Между недавними союзниками (по Крымской войне) начались трения; Сардинии был заявлен резкий протест «против экспорта итальянцев-бомбометателей»; еще большее озлобление вызвало то обстоятельство, что Орсини и прочие нашли себе приют в Англии и там вынашивали свои планы.

Парламентский либерализм во Франции разлетелся вдребезги, как фонари перед Оперой. Имперские власти были облечены чрезвычайными полномочиями и получили право арестовывать и ссылать своих противников без суда; генералу Эспинасу было поручено осуществление этой противоречившей закону процедуры. Около четырехсот человек подверглось аресту, причем все эти

лица не имели никакого отношения ни к Орсини, ни к его метальщикам. Эспинас придумал изумительное средство: он потребовал определенной «квоты» арестов для каждого департамента Франции!

Именно в это время де Морни, сводный брат императора, активно вмешался в деятельность тайной полиции. Авантюрист, дэнди, знаток предметов искусства и спекулянт, де Морни являл собой образец мастера шпионажа и разведывательной техники. Темное происхождение не мешало ему нисколько, официальную информацию он ловко использовал для своих личных спекулянтских делишек. Когда же этот авантюрист перекочевал на другое политическое поприще, императорская секретная служба фактически осталась без вожака. Она работала так же плохо, как и любая другая отрасль государственного управления.

И этой низкопробной и дурно организованной секретной службе Франции вскоре пришлось вступить в состязание с прусской разведкой, возглавляемой самим «королем шпионов» Вильгельмом Штибером. Надвигались крупные политические перемены, весьма важные и притом совершенно не предвиденные Наполеоном III и его режимом. Впервые после того как Шарнгорст и Штейн перехитрили Наполеона I, вообще впервые после Фридриха II, Пруссия приступила к организации секретной службы, достаточно сильной для того, чтобы начать тайное наступление против Франции. Государственный муж, сделавший это возможным, был Бисмарк. Орудием его был Штибер, этот патриарх секретной службы и самый умный помощник «Железного канцлера»* в области шпионажа мирового масштаба.

---

* «Железный канцлер» — прозвище Бисмарка. Возникло после его речей о «политике крови и железа». — Р е д.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Штибер — искусный мастер шпионажа

Вильгельм Штибер, знаменитый прусский мастер шпионажа,— доказательство того, что человек, даже начавший свою деятельность мелким доносчиком, может при настойчивости подняться до олимпийских высот международного негодяйства. Многие крупные мастера интриги и шпионажа, фигурирующие в наших очерках секретной службы, были почтенными людьми, которых обстоятельства или интересы национальной политики побудили работать в области шпионажа. Не то Штибер, который из мелкого, безвестного и малообещающего человека в начале своей деятельности превратился в талантливейшего шпиона своего времени. Его подпольная работа была хитроумно согласована с политическими планами Бисмарка, направленными на создание новой Германской империи, которая продержалась 47 лет.

После заточения Наполеона на остров св. Елены и ликвидации его армий Европа пережила длительный период торжествующей реакции, распространившейся по всему континенту. И 3 мая 1818 года родился тот, кому суждено было стать самым ловким из сторонников реакции.

Штибер родился в семье мелкого чиновника в Мерзебурге, небольшом городке Прусской Саксонии. Его появление на свет отмечено было одним замечательным обстоятельством: при крещении он получил имя Вильгельм-Иоганн-Карл-Эдуард на манер августейших младенцев императорской фамилии; возможно, кто-нибудь предчувствовал, что этот носитель четырех имен, возмужав, удостоится того, что величайший пруссак его века назовет его «мой король ищеек»¹.

В дни отрочества Вильгельма, Штиберы переехали в Берлин, где мальчика стали готовить в лютеранские пасторы. Из среды духовенства вышло немало мастеров шпионажа и секретной службы, но Штибер, по-видимому, сам изменил свой жизненный путь, променяв карьеру священника на профессию юриста. Он сразу заинтересовался уголовными процессами и неразрывно связанной с ними полицейской работой. В 1845 году он уже был

шпионом, ибо нам известно, что он выдал прусским властям некоего Шлеффеля, единственным преступлением которого были его либеральные взгляды и агитация среди рабочих. В этом деле сказался весь Штибер, ибо Шлеффель был дядей его жены и вполне доверял ему. После того как Штибер представил такое доказательство своей полной аморальности, его будущее в Пруссии казалось обеспеченным.

1848 год застал Европу в особенно смятенном состоянии. Маятник самодержавного режима, руководимого Меттернихом, качнулся так сильно вправо, что его равномерное движение влево казалось вообще невыносимым. Все политические сейсмографы регистрировали сильные вулканические толчки, и троны многих абсолютных монархов оказались чрезвычайно шаткими. Франция снова стала республикой.

Вильгельм Штибер нуждался в такой напряженной обстановке, которая могла выдвинуть его. На протяжении почти полувека он обогащал летописи европейских интриг и вероломства. У него хватило сообразительности поступить в прусскую полицию до того, как его противники получили в руки данные для предъявления ему серьезных обвинений.

Улики против Шлеффеля, представленные Штибером, оказались недостаточными для осуждения Шлеффеля, но Штибер ловко замаскировал свое участие в этом деле, чтобы не ухудшить своих связей как с правительством, так и с подозреваемыми радикалами. Штиберу пришлось, разумеется, выдавать себя за убежденного радикала, друга рабочих и сторонника социалистов. С этой целью он использовал свое адвокатское звание, и во всех случаях, когда под суд отдавали лиц, сочувствующих радикалам, он добровольно и безвозмездно предлагал им свою юридическую помощь. Своими красноречивыми и бесплатными «защитительными» речами он стяжал популярность, которая помогла ему добраться до той руководящей верхушки прусского либерализма, к которой столь безуспешно пытались примазаться его полицейские друзья.

Фридрих-Вильгельм Прусский был труслив, мелочен и легковверен. Он жил в вечном страхе покушения, и Штибер очень быстро сумел обратить эту царственную трусость себе на пользу. Как агенту-провокатору, ему

необходимо было постоянно демонстрировать свое партийное рвение и успокаивая радикальных вождей и массы. Однажды, находясь во главе колонны решительно настроенных демонстрантов, он сумел пробраться к встреченному ими и дрожавшему от страха королю и тут же шепнул на ухо Фридриху-Вильгельму, что он, Штибер, является секретным агентом полиции. Он внушил королю, что все устроится, ибо его величество находится под надежной охраной безгранично преданного ему, Штибера и его агентов. Этими немногими словами молодой адвокат накрепко связал себя с секретной службой трусливого монарха Пруссии.

Выступая одновременно в роли полицейского агента и «защитника угнетенных», шпиона и радикального заговорщика, он вместе с тем находил время и для доходной адвокатской практики. Есть данные о том, что за пять лет (1845—1850) Штибер обслужил не менее трех тысяч клиентов. Это была консервативная публика, которая больше всего ценит в специалистах возраст и опыт.

Основную часть его адвокатского портфеля составляли уголовные дела, и в защиту своих клиентов-уголовников он, действительно, вкладывал всю свою душу. Судя по числу его подзащитных, можно предположить, что Штибер был юрисконсультom едва ли не всего уголовного Берлина. Позднее, когда его успехи вызвали большую зависть и привлекли внимание, их тайна была разоблачена. Оказалось, что параллельно со своей адвокатской деятельностью Штибер еще редактировал полицейский журнал. Эта должность — материальное выражение королевской благодарности — была использована Штибером для ознакомления с данными, которые полиция собирала для предъявления в суде против какого-либо из его клиентов. Благодаря этому он никогда не оказывался застигнутым врасплох неожиданными свидетельскими показаниями и умел отвести их заранее подготовленными репликами и доказательствами.

Разоблачение секрета его адвокатских успехов вызвало неслыханный скандал. Но дело кончилось ничем, ибо в Потсдаме на троне сидел Фридрих-Вильгельм, не забывший страха, пережитого им в дни народного восстания. В 1850 году Штибер был назначен полицейским

комиссаром; эта должность настолько соответствовала его природным наклонностям, что он, не имея возможности предвидеть будущее с его головокружительными перспективами, был уверен, что теперь, к 32 годам, он достиг вершины своих возможностей.

В следующем году он поехал в Англию, посетил там всемирную выставку и энергично следил за Марксом и радикальными группами немцев-эмигрантов, избравших своим местопребыванием преимущественно Лондон. В донесениях начальству он жаловался на то, что британские власти не содействуют его планам преследования соплеменников. Он решил, что начальство недовольно им, и перебрался в Париж, где под видом «эмигранта» был дружески принят в кругах радикалов и социалистов. Получив от них список их единомышленников, оставшихся в Германии, Штибер поспешил домой, предвкушая массовые аресты. Вскоре по его милости сотни немцев были вынуждены покинуть страну.

С тех пор прусский трон стал его алтарем, а милость сидевшего на этом троне — его божеством. Немудрено, что он был в восторге, когда сторонники Луи-Наполеона совершили в 1852 году государственный переворот и превратили Францию в империю. Возникла возможность уничтожить убежище радикалов — все эти французские центры революционной пропаганды, расположенные в столь неприятной близости к Германии.

Прошло пять лет после социальных потрясений 1848 года. Штибер и ему подобные могли провозгласить себя «спасителями немецкого народа». В сотрудничестве с Вермутом, полицейским чиновником в Ганновере, Штибер написал книгу, в которой описал свою борьбу с носителями и проповедниками марксистской идеологии.

Характерно, что он включил в свою книгу перечень лиц, сочувствующих социалистам или коммунистам, о которых было известно, что они находятся на свободе. Ему хотелось, чтобы реакционные власти всего мира знали, кого надо остерегаться, чтобы они присоединились к нему и его тевтонским коллегам и отказали в праве убежища лицам, либеральные идеи которых были опаснее пушек или чумы.

Прошло еще пять лет — и верный оруженосец абсолютизма получил награду: он был уволен. Штибер мог

подпирать трон короля, но не его разум. Фридрих-Вильгельм был все тот же неограниченный самодержец, с той лишь разницей, что его периодическая невменяемость превратилась в постоянную. И когда прусский король был признан слабоумным, его сменил упрямый родич, впоследствии император Вильгельм I, который считал, что слабоумие его предшественника ни в чем не проявилось так сильно, как в передаче руководства полицией такому человеку, как Штибер.

Когда все поняли, что регент Пруссии считает неутомимого «полицейрата» дрянным и бесполезным чиновником, для Штибера началась полоса серьезных неприятностей. При всей своей ловкости он никогда не был популярен ни в одном из лагерей, даже когда позировал как общественный деятель и оказывал бесплатные адвокатские услуги бедным и угнетенным. Он пытался выставить свою кандидатуру (конечно, как либерал) на выборах в ландтаг и с треском провалился. Теперь все его враги, которых после тринадцати лет шпионской деятельности у него оказалось немало, объединили свои усилия и жалобы и добились отдачи его под суд.

Штибер, прижатый, наконец, к стене, не видел никакой возможности удержаться на каком-нибудь посту в государственном аппарате или в адвокатуре. И все же он недаром защищал в судах 3 000 людей сомнительной репутации: он изучил все уловки, необходимые для самооправдания. Протоколы показывают, что он справился и с выдвинутыми против него обвинениями, применив неожиданный тактический ход. Он утверждал на суде, что провоцировал, шпионил и выдавал, но делал это по прямому распоряжению бывшего короля; не отрицая правильности многочисленных предъявленных ему обвинений, он ссылаясь лишь на то, что не совершал ни одного из инкриминируемых ему деяний без ведома и санкции Фридрих-Вильгельма. Этим ходом он сбил своих противников с их позиций, ибо осуждение его было бы равносильно публичному осуждению моральных качеств жалкого представителя царствующей династии, заключенного в изолированный санаторий. В результате этого маневра Штибер был уволен со службы, но суд его оправдал.

Учитывая его позднейшую руководящую роль в развитии военного шпионажа, контршпионажа и техники секретной службы, интересно проследить, как он провел годы своих вынужденных каникул (1858—1863), когда регент Пруссии обрек его на жизнь частного лица. Штибер и в эти годы не сидел без дела, а приступил к реорганизации секретной полицейской службы русского царя. В свое время он безболезненно ликвидировал скандал, в котором была замешана жена русского атташе в Берлине. Об этом его умение действовать в обстоятельствах, требующих особой деликатности, вспомнили в России как раз тогда, когда он приветствовал бы службу за границей. Он не остался жить в Петербурге, но получил предложение разработать систему, которая дала бы возможность царским агентам выслеживать и арестовывать преступников, бежавших из России. Ему назначили жалование и выдали крупную сумму на расходы по выслеживанию уголовных, а также и главным образом политических преступников и вообще всех, находящихся в оппозиции к царскому правительству.

Следовательно Штибер фактически создал систему зарубежной слежки, которая существовала до 1917 года как иностранный отдел российской «охранки».

Но и в эти годы, находясь в немилости у себя в Пруссии, он все же не прекращал шпионажа в пользу своей страны. Он тщательно собирал сведения о России и других странах в течение всего времени своей работы по найму у русских властей.

Все это продолжалось до тех пор, пока в один знаменательный для Штибера день он не был представлен Отто фон Бисмарку.

Экс-комиссара полиции представил Бисмарку газетный магнат Брасс, основатель «Норддейче Альгемайне Цейтунг»; он рекомендовал Штибера, несмотря на его непопулярность у регента, ставшего королем. Так сошлись пути двух крупнейших конспираторов, взаимная связь которых прекратилась лишь после смерти одного из них и сдачи в архив другого.

В это время Бисмарк подготавливал свой первый большой ход на тевтонской шахматной доске. Он решил, что

разгром Австрии произвел бы эффект и послужил бы толчком для создания новой империи. Новая прусская армия была весьма боеспособна, находилась в состоянии полной готовности и, несомненно, превосходила австрийскую армию; но осторожность требовала тщательной проверки подготовленности Австрии к войне. Бисмарк предложил Штиберу взять на себя предварительное обследование военного потенциала Австрии, и шпион охотно принял такое поручение. Он заявил, что в состоянии сделать это единолично. Отправившись в Австрию под видом странствующего торговца, он обзавелся лошадью и бричкой, которую нагрузил легким товаром — дешевыми статуэтками угодников и порнографическими картинками.

Свою роль бродячего коммерсанта он играл бесподобно. Сам никому не доверял, он держал себя «рубашо-парнем» и легко завоевал доверие незнакомых людей. Австрийцам его поведение ни разу не показалось подозрительным², так он месяцами скромно вращался среди них, собирая сведения, которые обилием содержащихся в них точнейших деталей удивили даже фон Мольтке, начальника генерального штаба прусской армии.

1865 год принес Пруссии победу над Австрией. Благодаря сведениям, собранным главным шпионом Бисмарка, штаб прусской армии сумел заранее составить форменное расписание своего победоносного марша. Солдаты Пруссии и ее союзников были лучше обучены, лучше снаряжены и имели более искусных командиров, чем их противники, и без особых затруднений достигли целей, намеченных этим расписанием. Единственное серьезное сражение — при Садовой* — положило конец военным действиям, а заодно и влиянию Вены на политику Союза германских государств.

Во время войны с Австрией Вильгельм Штибер впервые за восемь лет играл видную роль руководителя нового отряда тайной полиции, созданной Бисмарком для обслуживания полевого штаба. Штибер, как видно, несколько неожиданно втерся в главный штаб. Аристо-

---

* В сражении при Садовой (или Садове) 3 июля 1866 года пруссаки разгромили австро-саксонские войска, решив исход австро-прусской войны в пользу Пруссии. Это сражение явилось предпосылкой для последующего (после франко-прусской войны) объединения Германии под главенством Пруссии. — Р е д .

кратическое штабное офицерство смотрело на эту помесь шпиона и полевого жандарма как на нечто, стоящее ниже лакея, и отказалось допустить Штибера в свою столовую. После этого Бисмарк пригласил Штибера к своему столу. Канцлер не удовлетворился этим афронтом чванному офицерству; он попросил Мольтке наградить шпиона орденом за его превосходную работу в Богемии.

Главнокомандующий пожаловал Штиберу медаль, но негласно извинился перед своими коллегами в том, что наградил презираемого ими человека. Бисмарк ответил на это назначением Штибера на пост губернатора Брюнна, столицы Моравии в период прусской оккупации.

С согласия и при поддержке Бисмарка Штибер впервые заложил основы организованной системы контршпионажа в Германии. По собственному почину он внес много улучшений во французскую систему, созданную первыми контрразведчиками Наполеона.

Именно Штибер ввел строгую военную цензуру всех телеграмм и писем, идущих с фронта. Это нововведение привело, прежде всего, к расширению его власти. Оно ничего не давало для выигрыша войны, который не вызывал сомнений. Австрийская армия была воспитана в духе обороны; личные наблюдения убедили Штибера, что по сравнению с новой прусской винтовкой вооружение австрийцев является устарелым. Эта пассивность и отсталость австрийцев подсказали Штиберу дальнейшее усовершенствование — организованную военную пропаганду.

Штибер убедил Бисмарка, что дух прусской армии и гражданского населения сильно поднимется, если в ежедневных сводках будет регулярно сообщаться о тяжелых потерях врага, о панике, царящей в его рядах, о болезнях, недостатке боеприпасов, о раздорах. С этой целью он добился у Бисмарка разрешения организовать Центральное информационное бюро. Под такой, как он сам выразился, «скромной вывеской» он начал наводнять Европу первыми образчиками тенденциозной военной информации³.

При публичном праздновании победы над Австрией заслуги этого мастера шпионажа не были забыты. Он снова снискал расположение в Потсдаме и был произведен в тайные советники. Король Вильгельм, вскоре

ставший императором, еще недавно гнушавшийся Штибером и относившийся с недоверием ко всей его деятельности, стал называть его своим «плохо понятым и недостаточно оцененным подданным» и тайным агентом, заслуживающим не только обычной денежной mzды, но и общественного почета и военных отличий.

В период между 1866 и 1868 годами Бисмарк и Штибер вынашивали планы войны против Франции. Наполеону III не терпелось ввязаться в войну с Пруссией, и канцлер Бисмарк с холодным спокойствием предоставил ему возможность шагнуть в эту ловушку. Наполеон, будучи весьма легковерным в области внешней политики и положившись на многочисленные, но случайные шпионские донесения, считал, что Австрия разобьет прусскую армию Мольтке и Роона. И когда Пруссия продиктовала свой мир Австрии, французский император решил либо атаковать победителя, либо вырвать у него часть захваченной добычи.

Бисмарк помнил о Садовой и смело принял вызов. Военачальники Наполеона советовали выждать; они указывали этому лукавому политику и неосторожному дипломату, что его войска нуждаются в оснащении более современным оружием. В Америке пехота была вооружена автоматическими винтовками Энфильда. Военные атташе сообщили об их качествах. Но в Европе прусское игольчатое ружье все еще являлось лучшим видом оружия пехоты, которому французы не могли противопоставить ничего равноценного. Чтобы исправить это упущение, изобрели митральезу; считалось, что она превосходит все бывшие тогда в употреблении винтовки и митральезы. В 1868 году Штибер посетил Францию, чтобы проверить эффективность этого нового оружия.

Но еще до того, как он пустился в эту пагубную для Франции поездку, произошло событие, которое, не являясь выдающимся шпионским делом, все же показывает, почему именно на Штибера пал выбор государственного деятеля такого масштаба, как Бисмарк. Сохранив некоторые связи с русскими, Штибер узнал о подготовляемом покушении на царя Александра II при посещении им Парижа. Как гость и возможный союзник Наполеона III, царь должен был присутствовать на ус-

строенном в его честь параде в Лоншане; там убийца-поляк готовился свершить террористический акт. Посоветовавшись с Бисмарком, Штибер умышленно задержал передачу французам этих сведений, почти до того самого часа, когда должен был начаться парад. Это поставило французскую полицию в крайне затруднительное и щекотливое положение. Обеспокоенные и перепуганные сыщики бросились спасать положение, причем второпях сделали это настолько неловко, что взволновали царя, растревожили его свиту и учинили серию сенсационных арестов. Однако покушение не состоялось; предостережение Штибера, по французским законам, не давало права и повода применять суровые наказания к лицам, только подозреваемым в намерении убить русского царя.

Царь, как того и ожидали в Берлине, не пожелал признать этих юридических тонкостей. «Этот бонапартистский выскочка,— неоднократно говорил он впоследствии,— так мало заботится о жизни настоящего императора, что даже не потрудился примерно наказать убийц, которые едва не преуспели в своем чудовищном намерении».

В отношениях между Александром II и Наполеоном III произошло охлаждение. А этого только и нужно было Бисмарку, стремившемуся изолировать Францию и заманить ее в ловушку.

Сделав так много для изоляции Франции в период подготовки к войне, Штибер в десять раз больше сделал для обеспечения победы Германии. Он и его главные подручные, Зерницкий и Кальтенбах, прожили полтора года во Франции, шпионя, выслеживая, отмечая все важное и в то же время устраивая на жительство во Франции множество своих агентов, которые должны были дожидаться вторжения германской армии. За это время шпионская тройка переслала в Берлин много зашифрованных донесений с описанием своих успехов; и когда шпионы, наконец, отправились на родину, то повезли с собой дополнительные материалы в трех чемоданах.

Король ищек

Шопенгауэр утверждал, что немцы отличаются абсолютным отсутствием того чувства, которое римляне называли «*verecundia*» — стыдливостью. Может быть, это обстоятельство огорчало философа и причиняло неудобства некоторым его соотечественникам; но оно объясняет многие разительные факты из деятельности секретной службы. Вильгельм Штибер, как молодой адвокат, агент-provocator, полицейский чиновник и военный шпион, хронически страдал тем же «абсолютным отсутствием стыдливости». Этот его моральный дефект весьма устраивал Бисмарка и династию Гогенцоллернов, не говоря уже о том, что он сильно улучшил его собственное положение в Пруссии.

Когда в 1870 году разразилась франко-прусская война, Штибер очутился в своей стихии. Впоследствии он хвастался тем, что имел во Франции, в зонах вторжения прусской армии, 40 000 шпионов.

Можно с уверенностью сказать, что цифра эта Штибером преувеличена. В его распоряжении имелось, вероятно, 10 000—15 000 человек, скомпрометировавших себя принятием платы за тайные услуги. Биограф Штибера д-р Леопольд Ауэрбах высказал мнение, что Штибер мог назвать не только 40 000 фамилий, но и адресов. Однако даже сеть всего лишь в 5 000 агентов предполагает наличие огромного аппарата для вербовки этих агентов, поддержания в их среде дисциплины, проверки их донесений и вознаграждения каждого по его действительным заслугам. Жаль, что никто не поймал Штибера на его слове и не предложил ему действительно представить списки, ибо легенда об этой организации секретной службы огромных масштабов, заповеднике в 40 000 шпионов, продолжала угрожающе гипнотизировать европейские умы вплоть до того дня, когда Германия зажгла в 1914 году пламя мировой войны.

Полковник барон Стоффель, французский военный аташе в Берлине в 1866—1870 годах, был как будто зорким наблюдателем. Он ничего не слышал об этих 40 000 шпионов, но сумел раскрыть многие из тайных

приготовлений, которые велись в знаменитом шпионском бюро Штибера. Так, он узнал многое о Штибере, о Зерницком, Кальтенбахе и их главных лазутчиках. Есть данные о том, что Стоффель доносил о своих подозрениях в Париж, но эти предостережения оставались без внимания, а сам он лишь заслужил репутацию паникера.

Французы все еще были самой боеспособной нацией Европы. Считалось, что французские войска храбры и на континенте в общем непобедимы. Одной лишь бездарностью Наполеона III и его окружения вряд ли можно объяснить последовавшую катастрофу. 6 августа — Ворт*, через каких-нибудь 25 дней — Седан**, и великая военная держава вышла из состязания побежденной. Очевидно, в похвальбе Штибера о том, что его армия «наполовину выиграла войну» уже в тот момент, когда война только началась, есть какая-то доля истины.

Помимо Зерницкого и Кальтенбаха Штибер в этот период имел в своем распоряжении 27 других офицеров и 157 агентов и подчиненных, усиленных полевой полицией. Бисмарк, надо думать, держал своего главного шпиона поближе к себе, часто советуясь с ним и пользуясь его услугами в каждой фазе войны, закончившейся разгромом Франции.

Отправляясь во Францию, чтобы на месте ознакомиться с митральезой, Штибер сознавал всю ответственность этой задачи. Если бы он сообщил, что новое французское оружие намного превосходит прусское, то Бисмарк отложил бы хитро рассчитанную провокацию против Франции до момента окончательного перевооружения немецкой пехоты. Неумеренное восхищение шпиона митральезами и винтовками новейшего образца смутило бы его начальника и затруднило выполнение Бисмарком его империалистских планов. С другой стороны, если бы Штибер недооценил военный потенциал и сопротивляе-

---

* Ворт или Верт [Worth] — город в Нижнем Эльзасе. В битве при Ворте 6 августа 1870 года немцы разбили французскую армию Мак-Магона. — Ред.

** Седан — город в северо-восточной Франции на реке Маас, близ бельгийской границы. Здесь немцы 1 сентября 1870 года принудили к сдаче стотысячную армию Наполеона III и взяли его самого в плен. — Ред.

мость Франции, это было бы убийственным для прусских лидеров.

В критическом 1869/70 году Штибер не промахнулся. Он принял в расчет и свои возможные ошибки. Оценив все донесения, он пришел к благоприятному для Пруссии прогнозу.

Донельзя самоуверенное военное министерство Наполеона ввело бы в заблуждения менее хладнокровного и методичного шпиона. Один из рупоров этого министерства Лебеф заверил, например, встревоженную палату депутатов, что французская армия подготовлена «вплоть до пуговиц на гетрах». Другой на месте Штибера, услышав это, протелеграфировал бы прусскому генеральному штабу приглашение войти возможно скорее в Париж или, по крайней мере, убеждал бы военачальников начать наступление до того, как французы спохватятся и заметят бездарных руководителей способными. Но Штибер, несомненно знавший, чего стоят эти «пуговицы на гетрах», только лишний раз сверил записи и усердно продолжал работу.

Штибер — первый шпион, когда-либо работавший так же методично, как счетчик переписи. Дороги, реки, мосты, арсеналы, запасные склады, укрепленные пункты и линии связи больше всего привлекали его внимание. Но он усиленно интересовался и населением, торговлей, сельским хозяйством, фермами, жилыми домами, гостиницами, местным устройством, политикой и моральным состоянием — всем, что, по его мнению, могло облегчить вторжение или пригодиться для наступающих войск.

Когда, наконец, пруссаки пришли с информацией Штибера в карманах, то реквизиции у гражданского населения и фуражировки были проведены без всякого труда. Деревенские «магнаты» — владельцы двухсот куриц — могли ожидать, что у них потребуют столько-то десятков яиц. Ближайший постоянный агент Штибера сообщал в своем донесении о максимальных возможностях снабжения армии за счет местных ресурсов. И если крестьянин сопротивлялся сдаче яиц или мяса или чего-нибудь другого, имевшегося у него, то его вызывали к начальнику военной полиции, который допрашивал его, держа на столе незаполненный приказ о повешении.

Не один скопидомный буржуа падал в обморок, когда предъявленное ему требование внести такую-то сумму

подкреплялось невероятно точным подсчетом всех его сбережений.

Штибер побуждал своих агентов безжалостно наказывать лиц, заподозренных хотя бы в отдаленной связи с французской секретной службой. Немцы не считались с тем, что война велась в чужой стране, с густым населением, враждебно настроенным к завоевателям. Вешали, пытали, казнили крестьян и рабочих только за то, что они осмеливались смотреть на немецкие поезда с боеприпасами или на кавалерийские колонны.

Маршал Базен и его лучшие войска были осаждены в крепости Мец, Париж был осажден вскоре после Седана и капитуляции Наполеона III с большой армией. Теперь французским секретным агентам не для кого было производить разведку, поскольку она уже не могла причинить вреда пруссакам. Несмотря на это, Штибер даже самые сомнительные случаи французского шпионажа преследовал с невероятной жестокостью.

В Версале обер-шпион и его помощник устроились в особняке герцога де Персины. С самого начала вторжения во Францию Штибер вел себя исключительно нагло; но в сентябре 1870 года он начал третировать и французов и немцев с отвратительной снисходительностью выскочки, власть которого получена им из темного, но высокопоставленного источника. Он всегда действовал, не советуясь со своими коллегами. Подчинялся он только Бисмарку и королю, и никто из генералов не осмеливался перечить ему или его агентам. Осаживаемый и оскорбляемый военачальниками, он противопоставил им невозмутимость своей моральной «толстокожести».

Теперь это был заносчивый мерзавец, познавший всю сладость возможности внушать страх порядочным людям. За пустяковое упущение он пригрозил виселицей десяти членам муниципального совета Версаля и с удовлетворением писал об этом своей жене.

Когда начались, наконец, переговоры о сдаче Парижа, он оказал услугу Бисмарку, замаскировавшись под лакея.

Жюль Фавр прибыл в Версаль в начале 1871 года для ведения переговоров с осаждавшими столицу пруссаками. Его провели в дом, где помещался секретный штаб Штибера, и за все время, пока Фавр находился

в тылу противника, его обслуживали так хорошо, что Фавр счел необходимым поблагодарить своих немецких хозяев за оказанное ему гостеприимство.

Штибер взял не себя роль слуги при делегате Парижа и исполнял свои лакейские обязанности с тайным наслаждением. Жюль Фавр поддался на эту удочку. Все секретные документы и шифры, которые он привез с собой, каждая телеграмма и каждое письмо, которые он получал и отправлял, проходили через контроль неотлучно находившегося при нем лакея. Можно не сомневаться в том, что Штибер использовал это свое положение до предела.

Когда Штибер наводнил Францию своими шпионами, он включил в их состав много женщин легкого поведения, — как он указал своим помощникам, «недурных собой, но не слишком брезгливых». Он предпочитал хорошо подобранных буфетчиц, горничных, служанок в маркитанских лавках, а также домашнюю прислугу французских политических деятелей, ученых и чиновников. Его агентами были большей частью фермеры или отставные унтер-офицеры, которым он помогал устроиться по коммерческой части. Впоследствии он признал, что эффективность мужчин как шпионов не могла идти ни в какое сравнение с работой женщин в той же области.

В 1875 году республиканская Франция начала поднимать голову: германская империя была еще слишком молода, и как в Париже, так и в Берлине серьезно считались с мыслью о возможности реванша. Французский генерал де Сиссэ был снова военным министром. Этот офицер, находясь в плену в Германии, познакомился и сблизился с прелестной молодой женщиной, баронессой фон Каулла, Штибер узнал об этом и сразу же повидался с баронессой. Найдя ее «не очень брезгливой», он сумел привлечь ее к секретной службе. Снабдив баронессу крупной суммой денег, он отправил ее в Париж, где она должна была зажечь в сердце военного министра чувства, с помощью которых нередко поддаются раскрытию и официальные тайны.

Баронессе не пришлось прилагать особенных стараний, ибо она застала генерала в разводе с женой и в полной готовности возобновить приятные отношения, в свое

время скрасившие суровые условия плена. Разыгравшийся затем скандал был результатом болтливости де Сиссэ. После секретного заседания палаты, длившегося всю ночь, генерал обычно спешил завтракать к своей любовнице, немецкие связи которой были раскрыты быстрее, чем предполагал ее прусский шеф. Де Сиссэ прогнали с поста, а баронессу из Франции; но баронесса успела выведать много секретных данных, которые отнюдь не предназначались для сведения Берлина.

Новый отряд шпионов-резидентов, которых Штибер начал размещать по всей Франции после того, как условия мирного договора были выполнены, в основном состоял не из немцев, как это было до 1870 года. Штибер чувствовал всю враждебность французов к немцам после войны и поэтому вербовал агентов среди швейцарцев, говорящих по-французски, и среди многих других национальностей европейского континента. Чуть не в каждом иностранце, проживающем во Франции, можно было заподозрить наемника Штибера.

Лишь спустя десятилетие французский контршпионаж стал достаточно хорошо организован и достаточно силен, чтобы начать борьбу со Штибером в равных условиях. Между тем Штибер нашел выход: он вербовал своих агентов среди прогерманской части населения в отторгнутых от Франции Эльзасе и Лотарингии. В 1880 году он осведомил императора Вильгельма I, что ему удалось сформировать из эльзас-лотарингцев отряд более чем в тысячу человек для организации диверсий во Франции. Он помог им устроиться на службу на французских железных дорогах и каждому выплачивал от себя 25% ставки. Штибер рассчитывал, что, когда вспыхнет война, достаточно будет одного его слова, чтобы эти агенты приступили к уничтожению или повреждению подвижного состава и другого железнодорожного имущества. Иначе говоря, Штибер полагал, что достаточно будет одного его распоряжения, и французская мобилизация в самый день ее объявления будет парализована или во всяком случае сильно заторможена.

Шпионы, которых он определял на французскую государственную службу, получали задание устроиться либо на заводах, либо в лавчонках, как это было с большинством женщин, либо служащими в отелях. Он ждал от своей агентуры в гостиницах не только сведений военно-

разведывательного характера, но и таких, которые можно было бы использовать для шантажирования частных лиц за границей. Он обучил свою агентуру похищать или «изымать» для фотографирования важные секретные документы из багажа или портфелей влиятельных гостей.

Далее Штибер старался расширить свою сеть путем финансирования банкирских и других международных учреждений, неизменно с целью еще большего разветвления своей и без того разросшейся системы разведки. В некоторых случаях он, несомненно, имел успех¹.

Штибер учитывал растущее влияние прессы и, уже приняв участие в создании полуофициального телеграфного агентства Вольфа, организовал специальный отдел в своем сложном ведомстве для изучения общественного мнения за границы и наблюдения за иностранной печатью. Он всегда старался узнать, какие мотивы или субсидии кроются за той или иной ярко антинемецкой статьей. Если ему казалось, что какой-нибудь издатель или журналист ненавидит Германию, он стремился узнать причины этой ненависти; и если деньги могли устранить или ослабить эту неприязнь, он готов был щедро заплатить за это. Говорят, он покупал газеты чуть не во всех соседних странах, чтобы пропагандировать германофильские настроения и таким образом ослаблять возможных противников Германии. Уже состарившись, Штибер не прекращал энергичной деятельности; он послал своего секретного агента Людвига Винделя во Францию, где тот устроился кучером к генералу Мерсье, новому военному министру. Мерсье приходилось не раз инспектировать укрепленные районы. Виндель, шпион Штибера, привозил французского военного министра в любую запрещенную зону или укрепленный район, который министр по своему положению и кругу обязанностей должен был посетить. Так Штибер продолжал свою прежнюю крупную игру, непрерывно ставя перед собой все новые задачи; он неизменно пользовался неограниченной поддержкой Бисмарка. И когда в 1892 году он слег в смертельном приступе подагры, он мог считать всю свою деятельность полезной и почетной. Полезной она, несомненно, была; но награды, которые он стяжал при жизни, были добыты нечистыми средствами.

Свидетельствуя его безграничную преданность и заслуги перед Германией, Пруссией и Гогенцоллернами,

личные представители императора и монархов других государств отдали ему последний долг. Его похороны, действительно, были многолюдны; присутствовавшие на похоронах были охвачены странной веселостью. Многие явились, пожалуй, только для того, чтобы лично убедиться в том, что старая ищейка действительно мертва.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Уроки суровой школы

Мы остановились так подробно на деятельности Штибера потому, что почти все, что он создал или за что является хотя отдаленно ответственным, оказалось стойким злокачественным наростом. Именно Штибер сообщил современной секретной службе характер последовательной, преднамеренной жестокости как в военное, так и в мирное время. Зверства вооруженного нашествия, попирающие все принципы гуманности, Штибер перенес в секретную службу, как официальный образец желательного поведения.

Это Штибер, заразивший своих современников культом секретной службы, ввел в состав агентов «отставного офицера и дворянина». Он исходил из теории, что человек хорошего воспитания, свихнувшийся и вынужденный подать в отставку, может восстановить «свою честь патриота», а может быть и списать часть своих долгов, обрушив свой дурной нрав на ближнего. Князь Отто Гохберг, отпрыск знатного рода, но сам нечистый игрок и шулер, стал одним из полезнейших агентов Штибера. Люди, подобные Гохбергу, в состоянии надуть даже своего благодетеля, хотя разведка штиберовского типа имеет средства для поддержания дисциплины. Гохберг применял в шпионаже и в международной интриге те же грязные приемы, какими он обирал офицерскую братию;

после 1871 года, Штибер часто пользовался услугами людей такого рода.

---

4 октября 1870 года Мольтке отдал в своей ставке в Феррьерере приказ: «Мы имеем доказательства, что между Парижем и Туром все еще поддерживается связь через гонцов. Мы знаем, что один из них пробрался в столицу 4-го сего месяца. Лицам, которые окажут содействие аресту курьеров, везущих правительственные депеши, должно выплачиваться вознаграждение в размере 100 талеров за каждого задержанного курьера».

Приказ этот возымел свое действие. Были задержаны курьеры, зашивавшие важные французские депеши в жилетную подкладку или прятавшие их в тросточках и палках. Документы прятали также в подошвах, в козырьках кепок, в искусственных зубах и даже в десятисантиметровых монетах, распиленных, выдолбленных и заново спаянных, причем шов заглаживался действием уксусной кислоты. Некоторые особо важные сообщения, обнаруженные немцами, были найдены в покрытых резиной пилюлях, которые их владельцы проглатывали в случае опасности. Французов, заподозренных в том, что они являются агентами связи, немцы обыскивали, раздевали догола, давали им сильно действующее слабительное и держали под постоянным наблюдением. И если в течение недели не обнаруживалось ничего подозрительного, задержанного отпускали, напутствуя все же советом — впредь не попадаться. Уличенных расстреливали на месте¹.

Но расстрелы не могли остановить храбрецов, когда французский народ, наконец, поднялся не на защиту гнусного императорского режима, а для отпора иноземному нашествию². Агенты и курьеры, столь доблестно помогавшие секретной службе, были в большинстве крестьяне, лавочники, лесные объездчики, таможенные или акцизные чиновники, т. е. люди, благодаря самой своей профессии хорошо изучившие оккупированные районы Франции. Жандармы, солдаты и матросы тоже занимались шпионажем в пользу Республики. Многие из этих агентов выдавали себя за бельгийских подданных, и подчиненным Штибера приходилось тратить мно-

го времени и энергии на проверку фальшивых паспортов. В течение всей кампании начальники французской секретной службы делали одну и ту же серьезную ошибку: они скупно оплачивали тех, кто добровольно брал на себя опасную миссию, обещали больше, чем могли дать, или обещали слишком мало. Обычная плата за доставку донесения через фронт колебалась между 50 и 200 франков; однако часто платили не больше 10—20 франков, особенно крестьянам.

Немало находилось горячих патриотов, с риском для жизни проскальзывавших сквозь сеть Штибера, не думая о каком-либо вознаграждении. Один из этих отважных людей предложил нарядить его прусским уланом, а так как он не говорил по-немецки, то просил отрезать ему язык. Другой, разносчик, по фамилии Машере, поклявшийся отомстить пруссакам за сожжение села Жюсси, доставил важное сообщение из французской ставки коменданту Вердена, а затем пробрался в Мец; он отказался взять предложенные ему 1 000 франков, заявив, что считает себя достаточно вознагражденным уже тем, что ему удалось перехитрить врага.

Чувство патриотизма и национальной гордости, поднятая кампания в защиту Франции — все это значительно повысило осенью 1870 и зимой 1871 года уровень рядового агента секретной службы. Только теперь, через много лет, мы понимаем, насколько Вильгельм Штибер, помимо своей воли, содействовал этому улучшению французской секретной службы. Как ни сильны были удары, нанесенные им во время войны, именно они в основном обусловили ответное оживление французской секретной службы после заключения мира. Так родилось Второе бюро французского генерального штаба, усвоившее и сохранившее в действии некоторые из худших приемов работы секретной полиции, введенных в свое время Штибером.

Все же следует подчеркнуть, что самые основы секретной службы, возродившейся во Французской республике после победы Германии, унаследованы были не столько от Штибера, сколько от Фуше и даже де Сартина, забытого роялиста.

Подручные Тьера сожгли множество полицейских досье. Уголовный мир был весьма этим обрадован, но радость его оказалась непродолжительной, ибо одним из

первых мероприятий правительства Тьера после захвата Парижа было распоряжение о восстановлении весьма ценных досье. Это была огромная работа, требовавшая наведения справок во всех тюремных, судебных и газетных архивах и вообще хранилищах публичных документов. И в два года удалось восстановить пять миллионов новых досье, заключенных в восьми тысячах ящиков.

Французская республика, несмотря на контрибуцию, которую из нее выколачивали пруссаки, нашли средства поддерживать полицейский шпионаж. Майор Артур Гриффитс, полицейский авторитет Англии, был обескуражен, обнаружив в Париже шпионов «среди всех классов общества... в гостиных, в людских, в театрах, среди журналистов, в армии и среди людей виднейших профессий».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Контрразведка преступного мира

В нашей книге мы не можем обойти молчанием системы частной разведки — «контрполицейские» системы, существовавшие во всех частях земного шара для борьбы опаснейших преступников с полицией.

Среди этих мастеров борьбы с полицией одно из первых мест занимает Доминик Картуш. Его внушительные авантюры представляют собой своего рода секретную службу, построенную на военный лад, снабженную всеми видами оружия, исключая разве артиллерию. Эта организация, действовавшая с преступными целями, состояла из уголовников, объединенных в целую разбойничью бригаду. «Непобедимый» Картуш обладал качествами крупного вожака. Имя его, однако, связано только с удачными уголовными преступлениями большого масштаба.

В октябре 1693 года шорник по имени Франсуа-Луи Картуш, живущий в Париже, зарегистрировал рождение сына Луи-Доминика. После казни этого сына отец признался в том, что неизвестный дворянин и видный представитель влиятельных кругов принесли ему будущего жоака преступников еще в пеленках и платили крупные деньги за воспитание ребенка и сокрытие от него тайны его действительного происхождения.

В четырнадцать лет Доминика отправили в знаменитую иезуитскую школу, куда был отдан и юный Франсуа-Мари Аруэ, впоследствии обессмертивший себя под именем Вольтера. Большинство учеников грубо и пренебрежительно третировало сына шорника. Озлобленный несправедливостью и подозрениями, которыми он был окружен в школе, Картуш вступил в труппу бродячих акробатов. Тогда это был малорослый, но крепкий, мускулистый юноша, с веселым открытым лицом, и первые его соратники называли его «Дитя». Подобно многим видным преступникам, он был атлетически сложен и имел природные актерские способности. Легкость, с которой он изменял свою внешность, была поразительна. Картуш появлялся то в образе молодого дворянчика, солдата или аббата, то в виде игрока или маклера, расталкивающего толпу у биржи, то под маской остроумца, бездельничающего в только что открытом кафе «Прокоп».

Это была для него хорошая реклама, ибо Картуш стремился удвоить и учетверить ежедневно пополняющуюся свиту своих удалцов. Стремясь расставить своих агентов повсюду, он получал от них шпионские донесения или помощь, как от соучастников. Именно ему пришла в голову мысль — вербовать честных людей в осведомители и соучастники без подрыва их доброй репутации или положения в обществе; это делало их особенно ценными для его организации. Так, в ней оказалось на службе немало полицейских. Жандарм, стоявший у дверей Королевского банка в Париже, был агентом Картуша, этого мастера уголовщины; много писцы этого и других финансовых учреждений были тайными «картушевцами». Шайка Картуша в пору своего расцвета насчитывала свыше 2 000 человек. С каждого из них было взято обязательство исполнять все приказания жоака. С другой стороны, он никогда не растрачивал сил на невыгодные или мало обдуманные, показательные задания; он многократно

доказывал своим подчиненным, что отождествляет их интересы со своими собственными.

Могущество Картуша обуславливалось многочисленностью и преданностью его сотрудников, умелой тактикой, готовностью всегда быть впереди в минуту опасности и удивительным пониманием всей важности хорошо поставленной разведки.

Огромные деружные суммы и дорогие изделия из золота и драгоценных камней становились добычей Картуша и его шайки. Королевских стрелков, тюремных смотрителей, даже высоких придворных чиновников легко было подкупить и вовлечь в шпионскую организацию этого короля разбойников. Даже видные врачи, пациенты которых принадлежали к сливкам парижского общества, сопровождали по ночам Картуша в его налетах, в случае необходимости отдавая все свое искусство уходу за ранеными бандитами.

Столь дерзкий разбой ставил полицию в тяжелое положение, и она делала вид, что никакого преступника, именуемого Картушем, нет и в помине, что само имя «Картуш» есть лишь условное название, придуманное для себя сборищем воров и грабителей для устрашения честных людей. В ответ на это Картуш бросил вызов властям и начал появляться в публике, сопровождаемый одним из своих подручных, «Огнешерстным» или «Сангладом», и еще несколькими товарищами. Он, бывало, внезапно появлялся в какой-нибудь веселящейся компании. «Я Картуш», объявлял он, обнажая оружие, и либо обращал всю компанию в бегство, либо увлекал ее с собой для участия в грабеже. Человек двадцать из его свиты, одетых и загримированных под Картуша, неоднократно появлялись в разных кварталах Парижа в один и тот же час.

Полиция была бессильна поймать настоящего Картуша, как не умела справиться и с его разбойничьей армией, действовавшей отрядами в полсотни и больше человек. Картуш и его молодцы утащили из дворца посуду, украшенную драгоценными камнями, рукоятку шпаги принца-регента, а в дальнейшем украли огромные серебряные канделябры. Возмущенный бездарностью полиции, регент Гастон Орлеанский вызвал представителя военных властей, облек их неограниченными полномочиями и назначил огромную награду за поимку главного

разбойника и доставку его живым или мертвым. На всех окнах и стенах Парижа появились железные решетки с заостренными кольями. Полк королевских гвардейцев постоянно находился под ружьем. Хотя Картуша охраняли только его проворство и превосходная система шпионажа, все эти мероприятия правительства не привели ни к чему.

Однако то, чего не могли сделать все силы полиции, сделал в конце концов мешок с золотом. Один из картушевцев, некий Дюшатле, польстился на деньги, и король парижских уголовников очутился в тюрьме. «Вы меня не удержите», — сказал от тем, кто схватил его; и многие поверили этой похвальбе. У Картуша были шпионы в каждой тюрьме, и он надеялся бежать из камеры, где его приковали цепью к стене и держали в часы, свободные от пыток и допросов, под неусыпным наблюдением четырех сторожей.

Однажды, после неудачной попытки побега, его перевели в фактически неприступную тюрьму Консьержери. Наконец, после того как палачи истощили на нем всю свою изобретательность, он был отвезен на Гревскую площадь, где огромная толпа собралась смотреть, как его будут колесовать. Говорят, он и тогда надеялся на спасение; но лишь только Картуш заметил, что в толпе нет никакого движения, он понял, что помощи ждать неоткуда. Тогда он нарушил свое упорное молчание и стал исповедываться тут же, возле орудия казни. Он продиктовал отчет о своих преступлениях и сообщниках, «заполнивший 36 листов мелко исписанной бумаги».

Перед тем как он погиб страшной смертью, отряды солдат и полиции рыскали по всему Парижу, вылавливая его сообщников. Было произведено около четырехсот арестов. Признания Картуша, из мстительных побуждений назвавшего всех, кого он презирал за то, что они его покинули, равно как и признания его подручных, раскрыли в подробностях всю обширную шпионскую систему уголовников. Больше половины торговцев Парижа скупали краденое добро, причем некоторые, несомненно, делали это поневоле, ибо Картуш любил роскошь и обычно настаивал на погашении своих долгов натурой. Большинство городских трактирщиков также оказались агентами или осведомителями, связанными с секретной службой, организованной Картушем.

Перенесемся из века Людовика XV в 1870 год и из Парижа в Австралию, в Новый Южный Уэльс, в «Край Келли»; ибо знаменитый Нед Келли и его шайка были ограждены системой разведчиков и осведомителей, которые в своем умении сопротивляться закону уступали разве лишь «секретной службе» Картуша.

Братья Келли были настолько уверены в своих силах, что не искали содействия тысяч активных приверженцев, которыми так дорожил французский уголовник; и они сумели завоевать абсолютную власть над территорией в 11 000 квадратных миль. Нед Келли, его брат Дан и их главные помощники Стив Харт и Джо Берн имели десятки друзей и сочувствующих, которые регулярно осведомляли их о действиях полиции, а также заблаговременно извещали о погрузке золота, о поступлении и перевозках в банки звонкой наличности и других портативных сокровищ. А те жители, которые не оказывали прямой помощи этим бандитам, боялись давать показания против них, ибо Келли опирались на большее число приверженцев, чем слуги короны. За выдачу преступников назначались крупные награды. Первоначально во всех районах действий Келли дежурило не больше полусотни констеблей; но после стычки у Вомбата, где разбойники застрелили и убили сержанта Кеннеди и двух-трех его подчиненных, полиция мобилизовала значительные подкрепления.

Секретным агентам полиции помогали знаменитые австрийские «черные следопыты», при участии которых власти надеялись взорвать твердыню разбойников в этом северо-восточном углу Нового Южного Уэльса. Несколько друзей Келли было арестовано; но так как от них почти ничего не удалось узнать, а улики против них не нашлось, то они были отпущены на свободу. Когда общая сумма назначенных наград поднялась до 4 000 фунтов стерлингов, бывший сообщник Келли, Ларон Шерритт, донес, что Нед Келли с товарищами замышляют налет на банк в Джерилдери на реке Биллабонг. Но разбойникам удалось сделать свое дело и скрыться с добычей до того, как власти собрали достаточные силы, чтобы помешать им переправиться через реку Муррей.

Старая миссис Берн, мать безрассудного Джо, была одним из самых энергичнейших разведчиков разбойничьей шайки. Она обнаружила констеблей, скрывавшихся в хижине Шерритта, и поспешила уведомить раз-

бойников об измене их бывшего союзника. После этого один из сообщников Дана Келли и Берна хитростью выманил ночью Шерритта из его хижины, и его застрелили, хотя в нескольких шагах стояли отряженные для охраны Шерритта четыре констебля. Это убийство вызвало в колонии сильное возбуждение; ему предшествовал ряд других преступлений, как, например, захват разбойниками Юроа — городка, находящегося менее чем в ста милях от Мельбурна. Там они обобрали дочиста местный банк, расположенный рядом с полицейским участком.

Нужно отметить, что самое совершенство келлиевского шпионажа в конце концов привело к гибели Келли, ибо донесения шпионов толкнули разбойников на одно из самых необычных и опрометчивых в истории уголовного покушений. Братьям Келли стало известно, что против них будет выслан весь наличный состав полиции и что в Бичуэрт, по соседству с которым (как власти узнали от своих шпионов) скрывались разбойники, будет отправлен экстренный поезд. Поезд предполагалось отправить в воскресенье, когда обычное движение прекращалось; и разбойники решили устроить крушение этого поезда, взорвав рельсы близ Гленрауана. Таким образом, констебли, сыщики и «черные следопыты» были бы ликвидированы сразу и одним ударом. Те же, кому удалось бы уцелеть, были бы пристрелены, как только выбрались бы из-под обломков поезда. После этого Келли предполагал ограбить Беналлу и соседние городки до того, как власти соберут новый отряд полиции, забрать добычу и покинуть край.

Таким отчаянным ходом разбойники надеялись терроризовать всю Австралию. План был поистине наполеоновский, если учесть, что его придумали и должны были выполнить всего четверо бандитов; но счастье уже отвернулось от них; и их последние кровавые замыслы вызвали роковой для них отпор. На гленрауанскую общину они напали в субботу вечером, захватили гостиницу близ железной дороги и превратили ее в тюрьму, куда затащили всех жителей этой округи.

В числе этих узников оказался серьезный и умный человек, местный учитель Керноу, у которого были свои представления о секретной службе. Он втерся в доверие к разбойникам, проводившим целые часы в увеселениях вместе со своими пленниками, пьянствовавшим и играв-

шим в карты, чтобы убить время до полуночи, когда полицейский поезд должен был дойти до Гленрауана и потерпеть крушение. Как раз в полночь Керноу уговорил одного из Келли отпустить его и тотчас же поспешил раздобыть фонарь и красный плащ.

Поезд опаздывал на два часа, и Керноу удалось выставить свой сигнал об опасности несколько впереди длинного отрезка исковерканного пути, на котором разбойники в это утро заставили двух железнодорожных рабочих разобрать рельсы.

Полицейский поезд и следовавший за ним другой, с подкреплениями, были вовремя остановлены. В последовавшей затем «битве у Гленрауана» вооруженные разбойники, несмотря на неравенство сил, четыре часа выдерживали осаду. Но битва могла иметь лишь один исход. Берн, говорят, был убит в самом начале сражения. Дан Келли и Харт покончили самоубийством. Не участвовавшие в схватке узники бежали из гостиницы; а Нед Келли, хотя и тяжело раненный, чуть не удрал на верховой лошади. Когда его нагнали, он понял, что ему пришел конец; на помост виселицы он взошел с бесспорным мужеством и видимым раскаянием.

Другие вожаки бандитских шаяк преподали властям не один урок действиями своих корпусов разведки и шпионажа. Корсиканские бандиты Романетти, Спада и их многочисленные предшественники заставляли чуть не все население острова наблюдать за жандармами и защиточными людьми. Шпионаж поддерживал власть Раги, малайского «принца пиратов», который семнадцать лет господствовал в Макассарском проливе, между Борнео и Целебесом. Этот морской разбойник, отличавшийся хитростью, умом и варварством, размахом и смелостью своих предприятий и полным пренебрежением к человеческой жизни, имевший своих шпионов повсюду, дал клятву не брать европейцев в плен и сдержал ее. Он любил собственноручно рубить мечом головы капитанам захваченных кораблей; но после того как его пираты захватили в плен и перебили большую часть экипажа шхуны «Дружба», правительство Соединенных Штатов отправило комендора Даунса на фрегате «Потомак», и

принц Рага вместе с его вороватыми вассалами были уничтожены, а малайские форты взяты штурмом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Бловиц в Берлине

Вокруг Берлинского конгресса 1878 года* витал целый легион шпионов и осведомителей во главе со Штибером. Здесь были представлены и прочие великие державы, пославшие в Берлин агентов своих разведок. Однако одержать победу в этом состязании секретных служб довелось человеку, в сущности постороннему, и это явилось одной из ярчайших демонстраций разведывательной техники XIX века.

Штибер, работавший на Бисмарка, доказал превосходство своего искусства над Францией, Австрией и другими противниками. Но Анри де Бловиц оказался искуснее всех, не исключая Штибера и его «железного канцлера». Анри де Бловица, представителя лондонского «Таймс», многие тогда именовали величайшим газетным корреспондентом своего времени. А ведь это был героический период мировой репортерской деятельности. И Бловиц явился на конгресс с твердым намерением показать его читателям не только с парадного, но и, так сказать, с черного хода.

Берлинский конгресс вообще должен был быть окружен глубокой тайной. Вопросы высокой политики всегда решаются сугубо конфиденциально. Бисмарк предложил перекроить карту Европы, что задевало жизненные инте-

---

* Берлинский конгресс 1878 года был созван по инициативе Бисмарка для разрешения так называемого «Восточного вопроса» после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Россия лишилась значительной части результатов своей победы вследствие противодействия Англии и Австрии, а также посредничества Бисмарка, именовавшего себя «честным маклером», а на деле содействовавшего дипломатическому поражению России. Без сомнения, Дизраэли и Бисмарк очень умело использовали против России мировую печать, в том числе «Таймс» и его корреспондента Бловица. — Р е д.

ресы миллионов людей; он приказал Штиберу облегчить проведение своих замыслов, а затем начал требовать от участников конгресса полного сохранения в тайне всего, что касалось его работ.

Во всех этих планах не было учтено только одно — существование Бловица. Он регулярно посылал своей газете ежедневные отчеты обо всем, что происходило на заседаниях конгресса, и, увенчал свою деятельность тем, что «Таймс» получил возможность опубликовать текст Берлинского трактата* в тот самый час, когда его подписывали в Берлине.

Бловиц не только перехитрил Бисмарка, но и посрамил Штибера. Ему удалось найти друга и сообщника в лице одного атташе, прикомандированного к конгрессу. С помощью этого друга он и узнавал содержание принимавшихся статей и другие данные каждый день по окончании заседания; вооружившись столь важными фактами, Бловиц получил возможность составлять довольно полные отчеты о ходе совещаний.

Чтобы сбить со следа Бисмарка и его агентов, Бловиц прибег к простой уловке. Он никогда не обменивался документами со своим сообщником, никогда не встречался с ним, никогда не показывал, что он вообще знаком с ним; точно так же бумаги, предназначавшиеся для Бловица, никогда не передавались посреднику или самому Бловицу в каком-нибудь условленном месте. Оба просто приходили ежедневно обедать в один и тот же ресторан. У обоих были шляпы одного и того же покроя и приблизительно одинакового размера; уходя, они обменивались шляпами. В той, которую брал Бловиц, был обычно спрятан за подкладкой отчет о последнем заседании конгресса.

Умелый репортаж и профессиональная ловкость Бловица дали возможность широкой публике, несмотря на все препятствия, быть в курсе дел, обсуждавшихся дипломатами. Однажды тот же Бловиц помог самому конгрессу сделать удачный ход и предотвратить крупный биржевой крах.

Утром 22 июня 1878 года «Таймс» опубликовал согла-

---

*Берлинский трактат, воплотивший в себе решения Берлинского конгресса, был подписан 13 июля 1878 года представителями шести держав: Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России и Франции. — Р е д.

шение, заключенное накануне вечером между Великобританией и Россией по болгарскому вопросу. Этот вопрос вызвал столько затруднений, что заседания конгресса пришлось отсрочить, и Дизраэли, то ли всерьез, то ли в виде демонстрации, заказал экстренный поезд, с которым он должен был 24-го выехать из Берлина.

Этот отъезд был бы равносителен катастрофе; весь Европейский континент, затаив дыхание, ждал сообщений; и посол «Таймс» не обманул этих ожиданий своей публики.

Соглашение было получено в пятницу, в полночь 21-го числа, и стало известно в Лондоне в 6 часов утра следующего дня, а в остальной Европе — между 8 и 9 часами. Если бы Бловиц не снесся столь быстро со своей редакцией, биржу охватила бы в субботу настоящая паника. Но быстрота, с которой он сумел выведать сокровеннейшие тайны Берлина и сообщить их по телеграфу в Лондон, предотвратила эту угрозу.

Говорят, знаменитый журналист нажил себе немало врагов среди английских джентльменов, рассчитывавших на возможный разрыв между Англией и Россией. Но все эти события были лишь прелюдией к кульминационному пункту его карьеры, посвященной главным образом тому, чтобы бить дипломатов их собственным оружием.

Конгресс вскоре должен был закрыться. Бловиц добыл и опубликовал Берлинский трактат за несколько часов до того, как этот документ был милостиво представлен вниманию публики.

— Если бы мне предложили выбор между орденами всего мира и трактатом, я выбрал бы последний,— сказал он как-то одному из делегатов конгресса.

— Но как вы рассчитываете получить этот документ?

— Мне стало известно, что князь Бисмарк весьма доволен опубликованным в печати текстом нашей последней беседы. Я намерен просить его отблагодарить меня сообщением текста трактата.

Дружественно настроенный к Бловицу делегат подумал и сказал ему:

— Не просите Бисмарка до тех пор, пока, не увидите со мной. Завтра между часом и двумя я буду гулять по Вильгельмштрассе.

На другой день в назначенный час тот же делегат подошел к Бловицу и торопливо бросил ему на ходу:

— Приходите за день до закрытия конгресса. Обещаю вам вручить интересующий вас документ.

Слово свое он сдержал. Бловиц, со свойственным ему лукавством, продолжал осаждать Бисмарка просьбами выдать заблаговременно экземпляр трактата; ему отказывали на том основании, что такая льгота привела бы в бешенство прессу Германии. Таким образом, он убедился в том, что трактат будет роздан всем представителям печати одновременно.

Накануне закрытия конгресса, вечером, располагая уже полным текстом, но не имея вступления к трактату, Бловиц уговорил некоторых делегатов конгресса прочесть ему только что отредактированное вступление. Прослушав вступление один только раз, он запомнил его наизусть. После этого Бловиц покинул Берлин, не дожидаясь заключительного заседания конгресса. Чтобы усыпить своих подозрительных собратьев по перу, он показал им письмо Бисмарка с отказом и внезапный и неприличный отъезд объяснил не в меру чувствительным и оскорбленным самолюбием.

Полный текст все еще хранимого втайне договора уже сходил с печатных машин «Таймса» в Лондоне, когда Бловиц, торжествуя, пересекал германскую границу. Бисмарк мог теперь сколько угодно рвать и метать, а агенты Штибера — нашептывать свои подозрения насчет предателя-делегата (которого, впрочем, так и не раскрыли). Анри де Бловиц блестяще выполнил свою задачу, эффектно разыграв последний эпизод своей разведывательной эпопеи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Разжалование Альфреда Дрейфуса

Дело капитана Дрейфуса было своеобразным антисемитским походом, организованным французским генеральным штабом. Его участники были не столько заговорщиками, сколько людьми, лишенными стыда и чести.

Свою предательскую аферу они смогли осуществить только с помощью фальшивок.

В 9 часов утра 15 октября 1894 года, в роковой понедельник, сожалеть о котором имело все основания целое поколение французов, Дрейфус явился в управление генерального штаба в Париже, по улице Сен-Доминик, № 10—14. Согласно приказу, он был в штатском и думал, что его вызывают по служебному делу. К удивлению Дрейфуса, майор Жорж Пикар, сказав несколько мало-вразумительных слов, провел его в кабинет начальника генерального штаба.

Там не оказалось ни начальника штаба Буадефра, ни его заместителя, генерала Гонза; зато, к возрастающему изумлению Дрейфуса, там находилась группа чиновников, включавшая в себя директора французской охраны Кошфера и некоего майора генерального штаба маркиза дю Пати-дю Клама. Этот весьма недалекий офицер и напыщенный дворянин не мог быть ни в коем случае причислен к лицам, украшающим штаб. Эстет, писавший неудачные романы, любитель оккультизма и друг иезуитов, он имел сомнительное счастье быть первым обвинителем злополучного капитана.

В то утро 15-го числа дю Пати-дю Клам сказал Дрейфусу:

— Генерал Буадефр будет здесь через минуту. Тем временем окажите мне услугу. Мне нужно написать письмо, но у меня болит палец. Не напишите ли вы его за меня?

В соседней комнате находилось полдюжину военных писарей, но Дрейфус, как человек корректный и услужливый, взял перо. Продиктовав на память две фразы, касавшиеся как раз той самой измены, которую намеревались приписать капитану, дю Пати-дю Клам воскликнул:

— Что с вами? Вы дрожите!

На этой «улике» в дальнейшем было построено многое. Дю Пати-дю Клам показал в военном суде, как свидетель, что Дрейфус вначале, действительно, задрожал, но потом не проявлял беспокойства. Военные судьи признали важными обе детали. Если обвиняемый задрожал — значит, совесть у него была нечиста; перестал же он дрожать потому, что понял, в чем дело, и как законенный предатель, лишь умело скрыл свое волнение.

Дю Пати-дю Клам считал этот факт неотразимой «психологической уликой» против Дрейфуса. Он встал и торжественно произнес:

— Капитан Дрейфус, я арестую вас именем закона. Вы обвиняетесь в государственной измене!

Дрейфус удивленно взглянул на своего обвинителя и не произнес ни слова. Он не оказал сопротивления, когда Кошфер с помощником подошли, чтобы обыскать его. Ошеломленный всем происходящим, он, заикаясь, начал протестовать, уверяя в полной своей невинности. Наконец, он крикнул:

— Вот мои ключи! Идите ко мне и общите все! Я невинен!

Дю Пати-дю Клам держал наготове, под папкой, револьвер. Он показал его Дрейфусу, и тот возмущенно крикнул:

— Ну, что ж, стреляйте!

Маркиз отвернулся и многозначительно проговорил:

— Не наше дело убивать вас.

Тогда Дрейфус с минуту глядел на оружие и как будто начал приходить к страшному выводу. Рука его уже поползла к револьверу, но внезапно он отдернул ее, словно его обожгло.

— Нет! Я буду жить и докажу свою невинность!

Все это время некий майор Анри из разведки прятался за портьерой. Когда отказ капитана Дрейфуса покончить жизнь самоубийством стал окончательно ясен, он появился на сцену, чтобы взять обвиняемого под стражу. Дрейфуса отправили в военную тюрьму на улице Шерш-Миди.

Арест и заточение артиллерийского офицера произведены были по плану антисемитски настроенных членов генерального штаба и «обоснованы» были ничем не подтвержденной догадкой Альфонса Бертильона, уже прославившегося изобретателя антропометрического метода. Догадка эта заключалась в том, что некий документ из 700 слов, не имеющий ни подписи, ни адреса, был написан рукой Дрейфуса. Этот документ, впоследствии получивший широкую известность под наименованием «бордеро», был чем-то вроде энциклопедии измен: в нем были перечислены пять планов, имеющих важное стратегичес-

кое значение, которые автор письма предлагал продать за большую сумму.

Дрейфус сидел в одиночке до 5 декабря, когда ему, наконец, разрешили пригласить к себе защитника и написать жене. Офицеры генерального штаба предупредили ее и других членов семьи Дрейфуса, что они лучше всего обеспечат интересы арестованного, если не будут предпринимать ничего и согласятся хранить полное молчание. Они в точности последовали этому совету, хотя им не сообщили даже, в чем обвиняют капитана Дрейфуса.

Дрейфуса подвергали все новым допросам. В доме его был произведен тщательный обыск, но число весьма хрупких улик отнюдь не возросло. Он был настолько поражен и ошеломлен всем происшедшим, что почти не защищался. Он только отрицал свою вину, вновь и вновь утверждая, что никогда и в мыслях не имел торговать военными тайнами.

Однако все данные, говорившие в пользу обвиняемого, старательно игнорировались; с точки зрения инициаторов всего дела это было особенно необходимо, поскольку никаких улик, действительно заслуживающих внимания, ни разу приведено не было и вообще не существовало. Согласно германской версии этого печальной памяти судебного фарса, способ, каким злополучное «бордеро» попало в руки французов, в течение последовавших дипломатических переговоров описывался двояко. В одном случае указывалось, что документ был получен обычным путем, что означало: был извлечен из сорной корзинки германского военного атташе во Франции полковника Макса фон Шварцкоппена. Это была ложь. Хотя уборщицу атташе подкупили и заставили регулярно передавать французскому секретному агенту содержимое корзины, она не могла получить таким способом «бордеро» хотя бы уже потому, что этот документ никогда не находился в руках Шварцкоппена. Истине соответствовало, очевидно, другое объяснение: документ был сначала украден и лишь после этого попал в руки атташе.

За германским атташе следили; слежка была поручена эльзасскому агенту Брукеру. Он так усердно занимался этим делом, что сумел даже вступить в близкие отношения с женой консьержа того дома, где жил полковник Шварцкоппен. В результате слежки и адюльтера

частная переписка полковника тщательно просматривалась.

Однажды Брукер натолкнулся на роковое «бордеро» и сразу сообразил, чего стоит такая находка. Захватив ее, он немедленно направился к майору Анри и потребовал крупного вознаграждения. Анри, вероятно, предпочел бы вовсе избавиться от столь взрывчатого документа, но Брукер в этом случае почувствовал бы себя обманутым. Кроме того, Анри в тот момент не решился уничтожить «бордеро», поскольку Брукеру было известно его содержание. Таково первое звено той цепи, которой впоследствии с такой невероятной злобностью был опутан невинный человек.

Действительным, но так и не разоблаченным автором «бордеро» был член генерального штаба, майор Фердинанд Вальсин Эстергази. Этот авантюрист был доверчиво встречен высшим французским офицерством, ему давали важные поручения. В 1881 году, например, этот человек был послан за границу. Его миссия, как почти все с ним связанное, носила темный характер; его подозревали в шпионаже. Несмотря на это, он в 1894 году, тринадцать лет спустя, считался «звездой» французской разведки.

Майор часто говаривал, что он младший член известной венгерской фамилии Эстергази, но доказательств этому не представил. Его родство и прошлое могли быть лишь предметом догадок; в будущем его ждали позор и нужда. Но во времена принесения Дрейфуса в жертву он жил весьма недурно, ибо полковник Шварцкоппен частным образом выплачивал ему по 12 000 марок в месяц. До того момента как Ив Гюйо разоблачил его в своей газете «Сьекль», Эстергази сумел передать своему германскому хозяину в копиях 162 важных документа. Но понадобились годы, чтобы французские военные власти позволили довести до своего сведения факты, бесспорно свидетельствующие о предательской деятельности этого предприимчивого негодяя.

«Бордеро», открытое Брукером, было написано на особой бумаге. Она была очень тонка и легка и в парижских лавках не продавалась. Только один офицер пользовался ею как почтовой бумагой, и это был Эстергази. И только один офицер знал об этом — его коллега по разведке майор Анри. Но Анри хранил молчание.

Гобер, эксперт-графолог генерального штаба и Французского банка, исследовал «бордеро» и сравнил его с многочисленными образцами почерка Дрейфуса.

— Они не тождественны,— утверждал он.

Когда Бертильон начал возражать ему, генеральный штаб поспешно отказался от своего эксперта в пользу Бертильона.

— Что вы нашли, обыскав квартиру Дрейфуса?— спросил начальник генерального штаба.

— Дрейфус успел замести все следы,— уныло ответил маркиз дю Пари-дю Клам.

— Как вел себя Дрейфус, когда вы в первый раз предъявили ему обвинение?

— Еврей побледнел.

— Сознался ли он?

— Он продолжает отпираться, но, сударь, в словах его не слышно правды.

Клика генерального штаба, избрав себе жертву, всеми силами старалась не выпустить ее из когтей, даже в обмен на действительного изменника.

Генерал Буадефр запросил Форзинетти, директора военной тюрьмы на улице Шерш-Миди.

— Поскольку ко мне обратились,— заявил Форзинетти, — я должен вам сказать, что, по моему мнению, вы на ложном пути. Дрейфус так же невинен, как я.

Но эта точка зрения осталась неизвестной широкой публике.

В это же время германский посол граф Мюнстер старался довести до сведения различных государственных деятелей Франции, что «никто в посольстве, даже полковник фон Шварцкоппен, никогда ничего не знал и не слышал о капитане Дрейфусе».

Разумеется, и это заявление оглашено во французской печати не было.

Обвинительный акт по этому делу был состряпан по анонимным полицейским донесениям. И военный суд начался 19 декабря, продолжался четыре дня и шел все время при наглухо закрытых дверях¹.

Следующий эпизод хорошо показывает всю грубость процедуры. Один из свидетелей показал, что некое «уважаемое лицо», назвать которое от него не потребовали, сообщило ему, будто Альфред Дрейфус изменник². Это показание было торжественно занесено в протокол и про-

извело глубокое впечатление на всех семерых членов военного суда, из которых ни один не был, подобно обвиняемому, артиллерийским офицером.

Майору Анри, как специалисту по контршпионажу, разрешили дать показание в отсутствие обвиняемого и защитника, так что ни Дрейфус, ни адвокат Деманж не могли знать, какая новая «улика» была выставлена против офицера, сидящего на скамье подсудимых.

После того как суд удалился для вынесения приговора, военный министр генерал Мерсье приказал представить восемь документов и одно письмо. Из этих документов только один имел отношение к Дрейфусу. Он представлял собой перехваченную зашифрованную телеграмму, вероятно от Шварцкопфена к его начальнику в Берлин. Если бы французская расшифровка оказалась точной, невиновность Дрейфуса была бы полностью установлена. Не разрешив защите подробно ознакомиться с этой «уликой», судьи нарушили 101-ю статью кодекса военного судопроизводства. Но они намерены были осудить Дрейфуса, и, следовательно, это нарушение оказалось им на руку.

Суд признал капитана Дрейфуса виновным в том, что он «выдал иностранной державе или ее агентам некоторое число секретных или доверительных документов, касающихся национальной обороны», и приговорил его к пожизненному заключению в крепости. Не считая эту кару достаточно суровой, суд постановил разжаловать Дрейфуса в присутствии всего парижского гарнизона.

Эта церемония состоялась утром 5 января 1895 года на плацу военной школы, на виду у построенных четырехугольником войск и, как писал иностранный наблюдатель, «с обычной французской театральностью. Знаки различия были сорваны с мундира Дрейфуса, шпага его переломлена пополам и брошена наземь. За этим последовал унижительный марш вокруг всего плаца, причем Дрейфус чуть не на каждом шагу кричал: «Я невинен!», на что толпа отвечала воем, полным злобы и издевательства».

Самый драматический отчет об этом деле был напечатан «Оторите», газетой, необычайно враждебной к Дрейфусу. Ирония судьбы: именно этот отчет, злобный и предубежденный, первым пробудил сочувствие к Дрей-

фусу за пределами Франции и даже вызвал тревожные сомнения в его виновности.

Задним числом был проведен закон, превративший каторжную колонию Кайенну во Французской Гвиане — так называемую «сухую гильотину» — в «крепость», в место пожизненного заточения Дрейфуса. Жене его, вопреки действовавшему во Франции законодательству, не позволили переселиться к мужу.

Дрейфус прибыл в эту колонию 15 марта; с месяц его держали в каторжной тюрьме, пока для него и его сторожей строились лачуги на одном из мелких островов залива. Это был приснопамятный Чортвов остров, название которого, после дрейфусова мученичества, перешло на всю каторжную колонию. В сенях его лачуги днем и ночью дежурил часовой. Узнику приходилось самому варить себе пищу, стирать белье, убирать, и спички ему выдавали только по предъявлении пустой коробки.

В сентябре 1896 года был пущен слух, что он пытался бежать. Его на несколько недель заковали в двойные кандалы, а на острове усилили охрану.

С самого возникновения дела Дрейфуса и вплоть до дня объявления приговора его дело считалось относительно мелким и якобы интересующим лишь армейские круги. Но после ссылки «изменника» дело всколыхнуло широкую общественность и даже получило международный резонанс. Дрейфусары, т.е. сторонники капитана Дрейфуса, стали могущественным лагерем. Армейские заговорщики не хотели сдаваться. Франции угрожал пожар.

---

1 июля 1895 года Жорж Пикар, тогда уже подполковник, был назначен главой разведки. Это был блестящий штабной офицер, самый молодой подполковник французской армии, подававший большие надежды в смысле продвижения по служебной лестнице.

Он получил в свои руки знаменитое «пти-бле» — почто-телеграмму, т.е. письмо, посланное по пневматической почте. По-видимому, письмо это было адресовано какому-то шпиону полковником Шварцкоппеном, который, по невыясненным причинам, порвал его, не отправив. Именно поэтому письмо, находившееся в руках у Пикара, было склеено из мелких обрывков, что весьма затрудняло

не только проникновение в смысле написанного, но и самый процесс расшифровки.

Пикар вчитывался в строки:

«Милостивый государь!

По затронутому вопросу я бы хотел сперва получить больше подробностей. Не сообщите ли вы мне письменно? Тогда я решу, могу ли я продолжать отношения с фирмой Р, или нет»

Подписанное заглавным «С», о котором уже было известно, что это значок личного шифра Шварцкоппена, письмо было адресовано:

«Коменданту Эстергази
27, улица Бьенфезанс,
Париж».

Пикар был поражен. Но его ожидала еще большая неожиданность: начальники то и дело предостерегали его от дальнейшего расследования этой улики, поскольку она могла обелить Альфреда Дрейфуса.

Однако Пикар был не только штабным офицером, но и честным, упрямым и не думающим о своей безопасности солдатом. Он не обращал внимания на предупреждения и продолжал гнуть свою линию. 16 ноября 1896 года его удалили из штаба и сослали в Тунис. Беспощадная война между невольными сторонниками Дрейфуса и его заклятыми противниками не только продолжалась, но и усиливалась.

В 1896 году произошли два события, которым суждено было оказать большое влияние на судьбу одинокого узника Чортова острова и его сторонника, сосланного в Тунис. Во-первых, в парижской газете «Эклер» 14 сентября появилась статья о необходимости пересмотреть дело Дрейфуса, поскольку он был осужден с нарушением 101-й статьи кодекса военного судопроизводства. Во-вторых, 10 ноября газета «Матен» опубликовала факсимиле «бордеро» с пояснением редакции. В этом пояснении подчеркивалось, что отныне все, располагающие образцом почерка Дрейфуса, должны раз и навсегда признать его автором «бордеро». Но разоблачение привело к довольно неожиданным для редакции результатам.

Брат осужденного капитана Матьё Дрейфус распространил ответные листовки и плакаты с фотографическим снимком «бордеро», и Париж подошел ко второй

главе этой судебной драмы: к обвинению Эстергази и Анри.

Порывистый ветерок, разметавший листовки Матье Дрейфуса по Парижу, превратился в шторм. Некий банкир Кастро, ведший спекулянтские дела Эстергази, увидел факсимиле «бордеро» и узнал почерк своего клиента. Пикару также удалось сообщить одному дрейфусару о фактах, возбуждивших его подозрение против этого майора-авантюриста.

Обо всем этом было частным образом доведено до сведения вице-председателя французского сената Шёер-Кестнера. Пожилой и почтенный ученый, никогда не выдавший ни Альфреда Дрейфуса, ни членов его семьи, Шёер-Кестнер заволновался: не была ли здесь допущена судебная ошибка? Он тайно занялся этим делом и потратил на него несколько месяцев.

30 сентября 1897 года Шёер-Кестнер посетил генерала Бильо, который сменил Мерсье на посту военного министра, и представил ему документальные доказательства предательских действий майора Эстергази. Такой ход сразу втянул в схватку французское правительство. Генерал Бильо досадливо отмахнулся от доводов Шёер-Кестнера. В ответ на это Матье Дрейфус направил 15 ноября военному министру открытое письмо, в котором называл Эстергази автором «бордеро» и, следовательно, изменником. 18-го числа «Фигаро» подбавил жару, опубликовав несколько изменнических писем, которые Эстергази написал некоей мадам Буланси.

Майор Эстергази с наглостью, присущей такого рода людям, потребовал расследования, а затем и военного суда. Армия судила его 10—11 января 1898 года и отвергла все обвинения; председатель суда заявил, что с делом Дрейфуса покончено навсегда и что в данном случае решался лишь вопрос о том, виновен ли Эстергази. Торжественно оправданный, этот авантюрист опять вернулся к своей роли избалованного любимца клерикальной и светской реакции.

Что касается генерального штаба, то он на этот раз избрал своей жертвой не Эстергази, а Пикара. В ноябре Пикара вызвали обратно, в Париж; но он твердо отказался свидетельствовать в пользу Эстергази, так как это было против его убеждений. Поэтому 13 января его судили, признали виновным в разглашении официаль-

ных документов и приговорили к двум месяцам строгого заключения.

Но в этот день на арену выступил другой сторонник Дрейфуса, знаменитый романист Эмиль Золя, опубликовавший свое «J'accuse» («Я обвиняю!»). Золя громил преступную военную клику, в том числе и Мерсье, и судей Дрейфуса, и Эстергази, и «экспертов»-графологов; он требовал их привлечения к ответственности за клеветнические действия.

В ответ Золя был сам привлечен к суду, и его постигла такая же участь, как Дрейфуса и Пикара. Он был приговорен к годичному тюремному заключению и уплате штрафа. Золя подал апелляцию в верховный суд республики, и там, несмотря на давление властей, приговор был отменен. После этого правительство и клерикальная пресса начали разнузданнейшую кампанию. Газеты называли судей, оправдавших Золя, подхалимами, развращенными трусами. Власть отдала распоряжение о новом пересмотре дела Золя. Золя вторично подал апелляцию и после этого, полагая, что усилия его ни к чему не приведут, покинул Францию и выехал в Англию. Приговор был вынесен заочно. Но дальнейшие события вскоре показали, что жертвы, принесенные им, были далеко не напрасны. Сенсационный характер его процессов, добровольное изгнание и торжественное заявление Пикара: «Я могу доказать виновность Эстергази и полную невиновность Дрейфуса» толкнули Анри на решающий промах, который оказался весьма на руку дрейфусарам.

Став во главе разведки, Анри решил, что его долг — окончательно подтвердить «вину» Дрейфуса. По его распоряжению была изготовлена фальшивка, которую он и вложил в «досье» Дрейфуса. Речь идет о прославившемся впоследствии документе, известном под названием «фальшивый Паницарди».

Полковник Паницарди был итальянским военным атташе. По его безобидным старым письмам и составили «документ», уличающий Дрейфуса. Этот итальянский офицер якобы уславливался со своими германскими коллегами о том, что ни он, Паницарди, ни Шварцкоппен ничего не должны говорить в Берлине или Риме об их сношениях с осужденным капитаном Дрейфусом.

Эту фальшивку можно было использовать и против Жоржа Пикара, которого реакция считала еще недоста-

точно наказанным за то, что он осмелился обвинить Эстергази. Пикара уволили из французской армии 26 февраля 1898 года. 13 июля его вновь арестовали, обвинили в подлоге и посадили в одиночку. Военный министр поручил капитану Кюинье (отнюдь не стороннику Дрейфуса) систематизировать все документы, относящиеся к этому делу. До тех пор они были известны только по фотокопиям, изготовленным Анри; что касается оригиналов, то к ним почти не прибегали.

Работая при лампе, Кюинье натолкнулся на главную улику, которую впоследствии назвали «фальшивым Паницарди». Он поднес бумагу к свету и был поражен. Этот «документ» оказался грубой подделкой, состряпанной на бумаге двух разных сортов. Верх и низ письма, с подлинным обращением «Дорогой друг» и подлинной подписью Паницарди, были на голубоватой бумаге; но середина листа, где находилась уличающая часть письма, против лампы отсвечивала красным⁴.

Кюинье поспешил к военному министру, и тот дал ход делу, которому суждено было вызвать министерский кризис и его собственный уход в отставку.

Майор Анри был тотчас же вызван из отпуска. Орган Ива Гюйо «Сьекль» уже опубликовал сногшибательные доказательства сношений Эстергази с Шварцкоппеном, а затем клятвенные показания как германского атташе, так и Паницарди, уличающие Эстергази в составлении «бордеро».

Анри призвал к себе на помощь всю свою изворотливость, все свои связи, чтобы задержать лавину, катившуюся на него. Но 30 августа 1898 года игра была проиграна. Обвинителем его выступил сам военный министр.

Анри пытался отпереться от всего, свалить вину на Жоржа Пикара, но не выдержал и внезапно сознался в том, что был инициатором подделки письма Паницарди.

На следующий день этот безнадежно запятнавший себя негодяй был найден в своей камере мертвым: он перерезал себе бритвой горло⁵.

Эстергази бежал в Англию. Однако следствие против Пикара не было прекращено; 21 сентября ему предъявили обвинение в подлоге. Он не питал никаких иллюзий насчет намерений своих противников. В суде он заявил:

— Вероятно я в последний раз имею возможность говорить перед публикой. Пусть знает мир, что если в

моей камере найдут бритву Анри, то это значит, что меня умертвили!

Суд не решился вынести Пикару обвинительный приговор, но освобожден он был лишь 12 июня 1899 года.

К этому времени Дрейфуса вернули из Гвианы — и каких усилий стоило даже это скромное достижение! Как только вина Анри была установлена, а Эстергази разоблачил себя своим бегством, посыпались требования отменить приговор Дрейфусу. Как это ни невероятно, но стена могущественных предрассудков и тут дала себя знать. Дело о пересмотре, начатое в уголовной палате, провалилось; все же объединенная палата распорядилась о возвращении узника во Францию. И 3 июня 1899 года кассационный суд, высшая инстанция по пересмотру и апелляции, отменил приговор 1894 года и высказал мнение, что «бордеро» было написано Эстергази.

Дрейфуса судил военный суд в Ренне, чтобы военная иерархия могла «исправить свою ошибку».

Но у противников пересмотра оставалась в запасе еще одна отравленная стрела — другая фальшивка, нелепое «аннотированное бордеро Вильгельма», документ, на полях которого якобы имелись пометки германского императора. На этом основании военный суд вторично признал Дрейфуса виновным со смягчающими обстоятельствами и приговорил его к десяти годам тюрьмы. Через десять дней, 19 сентября 1899 года, он был помилован президентом Лубе. «Министерство защиты республики» Вальдека-Руссо опасалось революционных волнений в случае утверждения приговора; Дрейфус согласился принять помилование под условием, что за ним сохранено будет право доказывать свою невиновность.

В 1903 году он подал ходатайство о пересмотре своего дела; и, наконец, в январе 1906 года, через одиннадцать лет после первого осуждения, кассационный суд отменил приговор 1899 года и полностью реабилитировал Дрейфуса. Его вернули в армию с чином майора, наградили крестом Почетного легиона. В окончательном тексте приговора верховный трибунал Франции счел достойным отметить тот факт, что Дрейфус «изъявил намерение воздержаться от требования материального возмещения, на которое, по статье 446-й процессуального кодекса, он имел право».

Тот факт, что Дрейфус вначале был не оправдан, а амнистирован, избавил государственные власти от необходимости возбудить преследование против преступных свидетелей и судей, но те, кто подвергся преследованию за попытки установить невиновность Дрейфуса, были формально оправданы и реабилитированы. Пикар, пострадавший даже больше Золя за разоблачение интриг генерального штаба, был восстановлен на службе в чине генерала. Когда Клемансо формировал свой первый кабинет, он сделал этого честного солдата военным министром.

Но на этом еще нельзя поставить точку. Эмиль Золя умер в 1902 году, и французская палата, оказав ему заповздалую честь, постановила перенести его останки в Пантеон*. Эта церемония происходила 4 июля 1908 года; и когда министр просвещения Думерг произносил свою речь, какой-то неуравновешенный субъект из толпы выхватил револьвер и в упор выстрелил в Дрейфуса, который отделался, к счастью, легкими ранениями.

На допросе покушавшийся, назвавший себя Григори, заявил, что он стрелял не в Дрейфуса, а в «систему». В какую «систему»? Дрейфус, добровольно вышедший в отставку в 1909 году, спустя три года после своей реабилитации, никого не представлял и не делал никаких попыток спекулировать на своем всему миру известном мученичестве или своим полным оправданием.

Скорее уж Григори, оказавшийся плохим стрелком, представлял поистине систему неистребимых предубеждений, ибо когда дело дошло до суда, французская юстиция вспомнила недавнее прошлое и быстро оправдала его.

Родные Дрейфуса в годы его осуждения подвергались форменному бойкоту. Особенно это сказалось на молодом поколении. В 1894 году два старших сына его брата Жака, готовившиеся в Париже к поступлению в Политехническое и Сен-Сирское военные училища, вынуждены были отказаться от военного поприща. Других двух сыновей буквально затравили в Бельфорском лицее и вынудили покинуть его.

---

* Пантеон — здание в Париже, посвященное памяти великих людей Франции. До июльской революции 1830 года здесь была церковь св. Женевиевы. Пантеон является усыпальницей, в нем покоятся прах Вольтера, Руссо и др. — Р е д.

И все же два года спустя, когда почти всякий во Франции, имевший несчастье носить фамилию Дрейфуса, менял ее в законном порядке, этот решительный человек вызвал к себе двух остальных своих сыновей, достигших призывного возраста, и сказал им: «Вы покинете отчий дом и больше в него не вернетесь. Вы поедете во Францию, где вашу фамилию презирают, но вы сохраните ее. В этом ваш долг. Ступайте!»

Когда разразилась мировая война 1914—1918 годов, Альфред Дрейфус тотчас же вернулся в армию, был произведен в бригадные генералы и назначен командующим одним из парижских фортов в предместье Сен-Дени. К концу войны его произвели в следующий чин и сделали командором ордена Почетного легиона⁶.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Дело Лажу

Дело Дрейфуса и все связанные с ним события привели ко многим радикальным переменам в военных учреждениях Франции. Это относится, в первую очередь, к реформам еще до мировой войны 1914—1918 годов в генеральном штабе и в разведке. Но пока существовал лагерь антидрейфусаров, с реформами не торопились. Дело секретного агента Лажу не удостоилось того внимания, которого оно заслуживало. Это произошло главным образом потому, что одновременно с ним разворачивалось дело Дрейфуса, приковавшее к себе все внимание широкой публики. Впрочем, Лажу не имел ничего общего с Дрейфусом. Это был ловкий интриган типа Анри — Эстергази.

Лажу прослужил десять лет во французской армии, принимал участие в трудной тунисской кампании и дослужился до унтер-офицерского чина. В 90-х годах прошлого века он находился в почетной отставке и жил в Брюсселе без дела и без денег. В ту пору в бельгийской

столице проживал Рихард Кюрс, глава «экспедиции», посланной германской секретной службой. Сведя в кафе случайное знакомство с Лажу, он стал льстить ему, желая завербовать французского экс-унтер-офицера в германские шпионы. Лажу не стал скрывать, что он очень нуждается в деньгах, и намекнул на свою готовность быть полезным. Кюрс сделал ему выгодное предложение, и француз выразил согласие принять его. В тот же день он послал французскому военному министру письмо, в котором изложил сказанное ему Кюрсом и добавил: «Если вы это одобрите, я буду поддерживать контакт с этим лицом и напоминать все, что он будет говорить или спрашивать; может быть, вы сможете использовать мои сведения».

Разумеется, это значило сделаться «двойным шпионом», что влекло за собой и двойной оклад. Если все пойдет хорошо, можно жить припеваючи. Но ему нужно было угодить Рихарду Кюрсу, являвшемуся лучшим заместителем Вильгельма Штибера, какого только сумела отыскать германская разведка, — чиновники французской разведки, с которыми он сотрудничал, впоследствии отдали должное его проницательности.

Когда начальник генерального штаба дал свое согласие, Лажу записали в «отдел статистики»; на той же неделе он стал аккредитованным работником французского и германского шпионажа, иначе говоря — «двойным шпионом». Кюрс платил щедро, но требовал дела за свои деньги. На французского «предателя» градом сыпались анкеты, заключающие в себе весьма опасные вопросы. Они касались французских укреплений, мобилизационных планов, вооружения, проверенного, но еще не введенного в армии, и многих других секретов. И Лажу оставалось либо давать правдоподобные ответы, либо потерять руководителя германских шпионов.

Ответы, которые он давал в Брюсселе, составлялись членами штаба французской разведки и неизменно представлялись на одобрение начальника генерального штаба и его заместителя. Так как при этом приходилось выдавать Кюрсу немало верных сведений, чтобы он не раскрыл всей этой махинации, то игра, которую вели французские офицеры была в известной мере изменой. На основании французского закона, карающего за выдачу «иностранный державе или ее агентам секретных или конфиденциальных документов, касающихся националь-

ной обороны» — то самое обвинение, которое было выдвинуто против Дрейфуса, — любой из этих «игроков» мог быть отправлен в Кайенну.

Три года выдерживал Лажу этот маскарад. Чуть ли не каждую неделю получал он список вопросов и быстро отвечал на них. Таким образом, германская разведка как будто могла поздравить себя с получением самой свежей информации; а работники французской контрразведки посмеивались, уверенные, что они водят противника за нос.

«По мере того как вопросы становились все более определенными по форме, давать на них ответы, которые поддерживали бы обман и не вызывали подозрений, становилось все труднее», — признавалось впоследствии Второе бюро французского генерального штаба. «Лажу, как доверенный агент иностранной державы, собрал массу ценных данных о военном деле и шпионской системе этого государства (Германии), которые и сообщил нам. Когда противная сторона заметила, что ответы становятся все более туманными, а одновременно несколько ее агентов во Франции были арестованы, Лажу перестали доверять».

Несмотря на почти шестилетнюю преданную службу и отличные аттестации, Лажу пришлось уйти, потому что он знал слишком много. Вдобавок, существовало всегда опасение, что он двойной шпион, решивший работать не на французов, а на ловкого и щедрого Кюрса.

Лажу предложили поэтому подготовиться ко второму почетному увольнению из французской армии. Он мог рассчитывать на единовременную выдачу в размере трехмесячного оклада, но в дальнейшем должен был устраиваться сам, причем его бывшие начальники выразили горячее желание, чтобы он ничего не рассказывал, ничего не писал и вообще ступежался. Ему грубо дали понять, что возвращении его в секретную службу не может быть и речи. Никто не подумал устроить Лажу куда-нибудь в канцелярию или уволить хотя бы с пенсией.

Пикар как раз в это время был отправлен в Тунис (это было 16 ноября 1896 года), и Вторым бюро заведывал майор Анри. Ему не давало покоя то, что Лажу известно кое-что, могущее причинить неприятности ему самому и другим высоким чинам разведки. А когда Анри

беспокоился, он был способен, как мы видели, на самые безрассудные и злобные поступки. Руководимый им отдел, столь многим обязанный Лажу, занялся гнуснейшим шантажем и клеветой. Лажу изображали лгуном, пьянчугой и жадным вымогателем. В Брюсселе в его квартиру, пользуясь отсутствием хозяина, проник французский агент и выкрал его личные бумаги. Это было сделано для того, чтобы, изъяв некоторые подлинные документы, лишить Лажу возможности писать разоблачающие мемуары. После этого Лажу арестовали, применив хитрость. Два полицейский агента явились к нему якобы для сопровождения на свидание с генералом Буадефром, с которым он как раз перед тем говорил по телефону. Лажу согласился и был препровожден в учреждение, оказавшееся приютом для умалишенных. Здесь Лажу продержали неделю, но отпустили, поскольку врачи признали его совершенно нормальным. Тогда он бежал в Геную; но французы постарались сделать его пребывание в Италии невыносимым.

Наконец, после переговоров, в которых крупную роль сыграли угрозы с одной и страх с другой стороны, Лажу убедился, что самое лучшее для него — взять предлагаемый билет третьего класса на проезд в Южную Америку. Майор Анри, у которого на совести было разорение Дрейфуса, травля Пикара и ряд подлогов для спасения изменника Эстергази, не сумел найти предлога для ссылки Лажу в Кайенну. Но когда в конце 1897 года бывший шпион был посажен в Антверпене на пароход, шедший в Бразилию, начальник французской разведки и его клеветы знали, что они делают.

Аккредитованные шпионы

Под именем «аккредитованных шпионов» в истории мировой секретной службы имеются в виду главным образом военные атташе. Мы уже писали об интригах и преступлениях Шварцкоппена и Эстергази, столь трагически отозвавшихся на судьбе Дрейфуса. Усердно занимались шпионажем и военные атташе царской России. Полковник Занкевич, русский военный атташе в Вене, был популярный офицер и любимец общества, но его изобличили в подкупах и шпионстве. Прямого по-

вода к аресту полковника найти, однако, не удалось. Тогда на одном из придворных балов австрийский император Франц-Иосиф намеренно оскорбил его обидной неучтивостью. Занкевич понял это как намек на то, что он разоблачен, и в течение недели устроил так, что его отозвали.

Полковник Базаров, военный атташе царя в Берлине, в 1911 году подкупил столь много чиновников в картографическом отделе германского военного министерства, что ему предложили в шестичасовой срок покинуть Германию под угрозой ареста. Его предшественник полковник Михельсен был удален таким же образом и по той же самой причине.

Военные атташе других европейских держав также были «аккредитованными шпионами». В 1906 году итальянец майор Дельмастро сильно скомпрометировал себя и вынужден был покинуть Вену. Прикомандированный к турецкой армии лорд Китченер — тогда еще майор — тайно чертил «великолепные карты» Сирии и Палестины, которые впоследствии принесли большую пользу в походах генерала Алленби. Британские офицеры, кажется, заразились штиберовской склонностью к шпионажу. Трое из них — Тренч, Брандон и Бертрам Стюарт — были пойманы и осуждены в Германии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Посланцы к Гарсии и Агинальдо

Война с Испанией* была для американцев, которые желали этой войны и выиграли ее, циклом четырех сражений: двух сухопутных и двух морских. Операции разведки, или военной секретной службы, были во всем подстать этой войне... Правительство США понимало, что вооруженное столкновение неизбежно, сколько бы Мадрид ни извинялся за таинственную трагедию с амери-

---

* Испано-американская война 1898 года длилась с апреля по декабрь. Театром военных действий были острова Куба, Порто-Рико и Филиппинские. В результате войны Куба получила независимость, Порто-Рико и Филиппинские острова фактически были присоединены к США. — Р е д.

канским броненосцем «Мэн», на котором произошел загадочный взрыв во время стоянки в порту Гаванны. Полковник Артур Вагнер вызвал к себе подчиненного, первого лейнанта 9-го пехотного полка и питомца военной академии в Уэст-Пойнте, Эндру Саммерса Роуана, и сказал ему, что военное министерство желает вступить в контакт с генералом Гарсией (Каликсто Гарсия-и-Инигес), вождем кубинских повстанцев. Роуан написал книгу «Остров Куба», весьма искусно составленную по подлинным источникам, ибо из нее не видно было, что сам он и не бывал на Кубе. На него возложили трудную задачу. Он должен был разыскать Гарсию, установить численность повстанческих отрядов, узнать, в каких припасах они нуждаются, каков план кампании у Гарсии, каковы настроения его сообщников намерен ли он сотрудничать с американской армией вторжения. Встреча состоялась 13 апреля 1898 года, за двенадцать дней до фактического объявления войны.

Миссия Роуана была исключительно опасна. Мало того, что он должен был забраться в дебри тропиков,— он должен был также узнать все, что возможно, о силах испанцев. Облачившись в штатское платье, он первым делом проехал в Кингстон, на Ямайке, где установил ценнейшие и тайные связи с некоторыми изгнанными кубинскими патриотами. Тридцать шесть часов отнял у него переезд с Ямайки на Кубу на рыболовном суденышке некоего Сервасио Сабио. Дозорная испанская лодка остановила Сабио, но он спрятал Роуана и умело прикинулся одиноким рыбаком, которому не повезло в ловле. Пока дело шло хорошо; и 21 апреля — в тот самый день, когда Соединенные Штаты объявили войну,— Роуан начал вторжение своей тайной высадкой в одном пункте бухты Ориенте. Здесь его ждали кубинцы-проводники. Поход в джунгли отнял шесть суток — гнилая вода, страшный зной, насекомые, многочисленные испанские патрули сильно осложнили путь. Но лейтенант Роуан, не имевший при себе никакого «послания к Гарсии», кроме устных инструкций старшего офицера, добрался до лагеря генерала Рио, получил коня и кавалерийский эскорт и отправился на свидание с Гарсией, который осаждал город Баямо.

Когда американский офицер убедил вождя инсургентов в том, что он не самозванец, Гарсия сказал ему, что

его войско нуждается в артиллерии, снарядах и современных винтовках. Потребность в этом была столь велика, что Гарсия заставил измученного американского офицера уже через шесть часов отправиться в обратный путь; теперь Роуан ехал с тремя членами штаба Гарсии, направляясь к северному побережью Кубы. Путешествие сквозь лесные дебри отняло пять суток и было весьма тяжелым; испанские дозоры шныряли повсюду, и передвигаться приходилось главным образом ночью. Наконец, они добрались до берега и разыскали припрятанную лодку; она была так мала, что одному из кубинцев пришлось вернуться. Вместо парусов были наставлены мешки, но все же тройке удалось ускользнуть от патрульных судов и выдержать сильный шторм. Они доплыли до Нассау, два дня пробыли в карантине ввиду угрозы желтой лихорадки, а затем, благодаря вмешательству американского консула, с большими удобствами переправились в Ки-Уэст.

За эту необычайно хорошо выполненную секретную миссию Роуан был произведен в капитаны. В дальнейшем он с отличием отбывал военную службу на Филиппинах и получил орден за доблесть, проявленную при атаке горы Судлон. Из Ки-Уэста он поспешил в Вашингтон, где его подвиг был отмечен публичной похвалой. Но так как он был офицером регулярных войск, участвовавших в войне, носившей главным образом морской характер, то его заслуги как секретного агента были оставлены без должного внимания. Лишь двадцать четыре года спустя, в 1922 году, благодарное отечество наградило этого офицера «Крестом за выдающуюся службу».

Когда Фицхью Ли, американский генеральный консул в Гаванне, и капитан американского корабля «Мэн» Чарльз Сигсби давали показания перед комиссией Конгресса, каждый подчеркнул, что, по его мнению, за взрыв на американском броненосце ответственны испанские чиновники. После этого морской атташе испанской миссии лейтенант Рамон Карранса вызвал обоих на дуэль, которая, впрочем, не была разрешена. После этого испанскому посланнику вручили паспорта, и он

выехал в Мадрид через Канаду; Карранса же был оставлен якобы для ликвидации дел миссии. В действительности ему было поручено заняться шпионажем.

Американские власти, впрочем, сразу об этом догадались. Агенты секретной службы министерства финансов оставили на время преследование фальшивомонетчиков, чтобы заняться контршпионажем. Их первой целью был дом на Таппер-стрит в Монреале, снятый Каррансой. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из агентов — под видом монтера газовой сети, инкассатора, коммивояжера, страхового агента — не проникал в этот дом и не перекидывался словом с испанским лейтенантом.

Натурализовавшийся в Америке англичанин, некий Джордж Даунинг, он же Генри Ролингс, первый поддался денежным «чарам» Каррансы. Американский агент снял комнату в отеле, смежную с той, которую в Торонто занимал испанец; и ему удалось подслушать разговор, сводившийся к вербовке Даунинга, бывшего писаря на американском броненосном крейсере «Бруклин». За этим шпионом следили от Торонто до самого Вашингтона. Агенты секретной службы знакомились с ним в поездах; они добыли образцы его почерка. Даунинг, теперь именовавший себя Александром Кри, явился в морское министерство вскоре по прибытии в столицу Америки, побыв там недолгое время, затем вернулся в свой пансион и оставался в нем около часа. Выйдя оттуда, он сдал на почту письмо, которое было прочитано контрразведчиками, как только инспектора почты были введены в курс дела. Письмо было датировано 7 мая 1898 года, адресовано Фредерику Диксону, 1248 Дорчестер-стрит, Канада, Монреаль; оно не было зашифровано, но содержало в себе сообщение о том, что управление флота «шифрованной депешей» приказало крейсеру «Чарлстон» следовать из Сан-Франциско в Манилу с 500 матросами и всем необходимым для производства ремонта в эскадре командора Джорджа Дьюи. Далее указывалось, что в 3 часа 30 минут от Дьюи получена ответная депеша, которая расшифровывается.

Ввиду столь неопровержимых доказательств шпионажа был выдан ордер и последовал арест Даунинга. Бывший писарь отнесся к своему положению со всей серьезностью, какой оно заслуживало, отказывался говорить с кем бы то ни было и три дня провел в глубокой задумчи-

вости; улучив минуту, он повесился в своей камере.

Таким образом, энергичный морской атташе Испании пока что не получил сколько-нибудь важных сведений; но денег у него еще было достаточно, и он готов был щедро вознаграждать «нейтральных» помощников. Он собирался нанять канадцев или англичан с военным опытом, перебросить их в Соединенные Штаты под видом безрассудных авантюристов, с тем чтобы они записались добровольцами в американскую армию, а затем передавали сведения Диксону или по какому-нибудь другому «явочному» адресу. Ежедневные донесения о численности, снаряжении, подготовке и духе американских войск стоили, конечно, обещанных им наград. По прибытии с войсковыми соединениями на Кубу или Филиппины его агенты должны были бежать. Каждому из этих потенциальных дезертиров было выдано простенькое золотое кольцо с надписью по внутреннему краю: «Конфиенса Августина»; стоило лишь предъявить такое кольцо местному испанскому командиру— и радушный прием был обеспечен.

Когда и эта попытка вербовки агентов не удалась, Карранса, ненавидевший Америку, решил прибегнуть к типично американскому средству: он обратился в частное сыскное агентство. Здесь ему удалось заполучить двух молодых англичан, известных под именами Йорк и Элмхерст. Оба они сидели без работы и без денег. Представители агентства накормили их до отвала, напоили допьяна, а затем с гордостью представили испанцу. Протрезвившись, они имели возможность, несколько неожиданно для себя, убедиться в том, что обязались работать в качестве шпионов. «Йорк» тотчас же поспешил доложить о случившейся беде бывшему командиру; он вообще не хотел шпионить. Агенты Каррансы, поняв, что «Йорк» отлынивает от своих новых обязанностей, стали следить за ним и даже, на всякий случай, хорошенько поколотили его. Тогда он уехал из Канады на первом же пароходе, перевозившем скот, но перед этим отдал своему приятелю железнодорожный билет для возврата в кассу, а также кольцо с условной надписью. А приятель все это сдал американскому консулу, который немедленно известил Вашингтон.

После этого контрразведка стала особенно зорко следить за молодыми англичанами-рекрутами, носящими но-

венькие перстни. Было отдано также распоряжение следить за всеми телеграммами, посылаемыми из Торонто и Монреаля или получающимися там из телеграфных контор, расположенных близ военной базы или лагеря новобранцев. В Тампе пожелал записаться в армию некий «Миллер». Его заявление задержали, а тем временем секретная служба узнала, что он посылал телеграмму в Монреаль. Ответ на нее был перехвачен. Он гласил:

«Сегодня перевести денег по телеграфу не могу. Переезжайте в какое-нибудь другое место и оттуда телеграфируйте. Немедленно и подробно сообщите об акциях. По получении вышлю телеграфом деньги и инструкции».

Телеграмма была подписана: «Сиддолл».

Американские агенты вскоре нашли канадского бумажника Сиддолла, который сознался, что он «ссудил» свою фамилию за плату частным сыщикам, работающим по заданию Каррансы. «Миллера» взяли по стражу; из найденных при нем документов выяснилось, что его фамилия Меллор. Приблизительно в то же время в Тампу явился молодой «Элмхерст», которому удалось записаться в один из американских полков. Но «Йорк», которого убедили вернуться в Англию, скомпрометировал его, дав показания об их совместных похождениях в Канаде, благодаря чему будущий шпион был переведен из малярийного лагеря Тампы в более здоровые, хотя и тесные пределы форта Макферсон. Здесь он сидел до конца войны, когда его выпустили и выслали. Меллор же, никогда по-настоящему не действовавший в качестве шпиона, поплатился жизнью; он сунулся во Флориду и там умер от тифа в тюрьме.

Письмо, адресованное ему Каррансой, было перехвачено агентом Рольфом Редферном (впоследствии видным работником секретной службы, заведывавшим ее бостонским бюро). Карранса упрямо продолжал борьбу, смахивавшую на единоборство. Без сомнения, некоторые из его наемников кое-что смыслили в шпионаже; все же ничего или почти ничего существенного к нему в руки не попало, ничего важного он не сумел передать через Мадрид испанскому командованию. В конце концов по настоянию канадских властей, Карранса вынужден был выехать в Европу.

Единственный американский агент, которому поручено было попытаться счастья в Испании, был техасец испанского происхождения, кончивший военную академию в Уэст-Пойнте. Он прибыл в Мадрид в мае 1898 года под именем «Фернандес дель-Кампо», разыгрывая богатого мексиканца, открыто сочувствующего испанцам.

Остановившись в лучшем отеле испанской столицы, он не предпринимал ничего и не показывал рекомендательных писем, но просто выражал свою неприязнь к «янки» и давал понять, что его визит в Мадрид будет непродолжительным. Члены модных клубов, военные, чиновники встречались с ним, принимали его приглашения; он устраивал им пышные угощения и проигрывал в карты со спокойствием хорошо воспитанного и богатого человека.

Его интересовал Кадикс; но он отказался от рекомендательных писем к губернатору этого порта и к адмиралу Камаре. Между тем целью его миссии было наблюдение за медленно снаряжавшимся флотом Камары. Тактика сдержанной сердечности, подкупившая Мадрид, была по достоинству оценена и сливками кадикского общества. Наконец, он встретился с губернатором; ему оставалось сделать еще один шаг: получить приглашение на обед от Камары. Чтобы отобедать у адмирала, надо было попасть на быстроходный корабль, который испанское правительство совсем недавно купило у «Северогерманского Ллойда». И он сделал этот шаг. Находясь на борту, американский шпион подслушал разговоры офицеров, жаловавшихся на дурное состояние корабля. Германская компания сбывла судно, которому следовало бы дать название «*Caveat Emptor!*» («Берегись, покупатель!»).

— Когда же вы отплываете, чтобы задать взбучку проклятым «янки»? — спросил мексиканец.

— Увы, отплыть мы сможем только через шесть недель. Дела еще много.

Секретный агент держал себя так, что его волнение было истолковано, как знак сочувствия испанцам. Ему пришлось объяснить, почему в данном положении отсрочка была неизбежна. Его повели по кораблю, ранее принадлежавшему немцам, и он постепенно составил себе представление о степени вооруженности всего флота, о количестве боеприпасов и состоянии снабжения со складов. В дальнейшем ему удалось обследовать доки и

арсенал Кадикса. Он узнал даже и то, что хотя при отплытии Камара получит запечатанный приказ, но ему поставлена вполне определенная задача: нападение на Филиппины и уничтожение крейсерской эскадры Дьюи.

Это и были те самые важные сведения, за получением которых он прибыл в Испанию. Города Америки, от Бостона до Саванны, все еще трепетали в ожидании испанского рейда и бомбардировок. Но страхи эти были неосновательны. Куба была блокирована гораздо более сильным американским флотом, крейсера адмирала Серверы были заперты в порту Сант-Яго; а Камара начал свой рейд, находясь на расстоянии нескольких тысяч миль от Северной Атлантики.

Говорят, американского шпиона пригласили в шлюпку испанского адмиралтейства, чтобы сделать его свидетелем отплытия испанской «армады». Дружески расположенный к нему морской офицер показывал ему устройство новейших орудий и усовершенствованных торпедных аппаратов, поставленных на реконструированных судах. Вскоре после этого «мексиканец» неосмотрительно ослабил конспирацию и неосторожными действиями навлек на себя подозрения полиции. Он ежедневно посылал телеграфные донесения в Вашингтон — вероятно, через Париж или Лондон, — и его могли поймать на этом. Обнаружив, что полицейские агенты следят за его отелом, он уложил свои вещи, отослал их на пароход, уходивший в Танжер, уплатил по счетам, вышел по черному ходу и благополучно достиг порта.

Благодаря предприимчивости этого агента американское морское министерство получило полную информацию о флоте Камары, вплоть до количества угля в бункерах каждого из его судов. Этого шпиона, по его благополучном возвращении в Вашингтон, негласным образом почтили за успешно выполненную миссию.

Когда Соединенные Штаты помирились, наконец, с испанским правительством, все 7 083 филиппинских острова были уступлены победителю. Мадриду уплатили около 20 миллионов долларов за улучшения, проведенные на архипелаге в течение трех веков летаргического состояния этой территории, но в придачу американцы бесплатно получили восстание туземцев.

Этот печальный эпилог «гуманной интервенции» мог длиться до тех пор, пока у восставших было отважное и умелое руководство. Генерал Эмилио Агинальдо являлся душой восстания и большим мастером партизанской тактики. Обуздать его можно было только умелыми действиями военной разведки; решающий ловкий ход в этом направлении сделал молодой американский офицер, числившийся в полку канзасских волонтеров.

Фредерик Фанстон не получил военного образования в Уэст-Пойнте, но у него было нечто такое, чего не может дать никакая учеба: изобретательный ум, любовь к приключениям, умение командовать и... рыжие волосы. Несмотря на цвет своих волос (филиппинцы сплошь брюнеты), этот солдат сумел замаскироваться под туземца и с несколькими товарищами, также замаскированными, отправился в путь по бездорожью лесных дебрей Лусона. Он поставил себе целью совершить внезапный набег на ставку Агинальдо, расположенную в глубине острова, и захватить его в плен. Это смелое предприятие увенчалось полным успехом.

Началось обратное путешествие, полное нескончаемых опасностей. Спасаясь от преследователей, которым был знаком каждый шаг на пути отступления смельчаков, переходя вброд или переплывая реки, находясь под угрозой пуль и отравленных стрел, ядовитых змей и насекомых, Фанстон и его спутники благополучно доставили своего пленника в ставку американской армии. Пленение Эмилио Агинальдо, действительно, решило судьбу восстания и привело к тому, чего едва ли могли бы добиться десять генералов и сорок полков за год кровавой и дорогостоящей войны с партизанами.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Южноафриканская война

В период завоевания бурских республик Южной Африки организация британской разведки и секретной службы ничем не походила на современную. И все же британская разведка многим обязана южноафриканской кампании и еще большим — опыту работы в Индии и других странах Востока.

Хотя и буры и англичане предвидели возможность возникновения войны, но открытие военных действий застало неподготовленными имперское правительство и его вооруженные силы как в отношении разведки, так и в других отношениях. С началом англо-бурской войны деятельность разведки постепенно расширялась. В августе 1900 года английский лейтенант артиллерии был захвачен в плен разведчиками буров, судим и расстрелян за шпионаж. Другие аресты носили столь же случайный характер. Воспоминания Уинстона Черчилля и покойного Ричарда Хардинга Дэвиса, участвовавших в этой войне в качестве военных корреспондентов, показывают, что ни характер страны, ни темперамент буров не способствовали развитию широкого или систематического контршпионажа.

Туземцы Африки оказывали обеим сторонам ценнейшие услуги в разведке и организации шпионажа. Англичане нанимали кафров и зулусов, главным образом специалистов по угону скота в пограничных районах, которые умели ловко и незаметно просачиваться через линии буров. Донесения, доставлявшиеся этими туземными гонцами, часто писались своеобразным и новым шифром: на языке индустани, но латинскими буквами. Они писались на крохотных клочках бумаги, скатывавшихся в миниатюрный шарик, который вдавливался в ямку, высверленную в палке, причем отверстие заделывалось глиной. Другие африканцы, шпионившие для англичан, вечно курили и носили с собой запасную трубку, в чашечке которой, под табаком, пряталось донесение. Если им угрожал плен, они быстро закуривали запасную трубку и уничтожали улику.

Туземцы германской юго-западной Африки, состоявшие на службе у разведки, прибегали к другому методу. Смяв бумажку в крохотную пилюлю, они завертывали ее в свинцовую фольгу, употребляемую для упаковки чая; полдюжины таких самодельных блестящих бусинок болталось на шнурке, обвивавшем шею. В случае опасности гонцу стоило только уронить это ожерелье наземь, где оно могло лежать незамеченным среди камней. Хорошо запомнив место, он мог вернуться и поднять ожерелье после того, как опасность миновала.

Сигнализируя огнем и дымом костров — прием, давно известный и североамериканским индейцам, — африканские туземцы держали англичан в курсе передвижений и численности отрядов противника. Роберт Баден-Пауэлл, защитник Мэфекинга, воздал должное талантам зулуса Яна Гротбома, оказавшего большую помощь английской секретной службе. Знаменитый проводник и охотник, он постоянно находился в связи с европейцами, носил европейское платье и бегло говорил по-английски. Это был вполне надежный человек, обладавший мужеством и лукавством. Английский начальник Гротбома использовал его неистощимую изобретательность в самых сложных и опасных операциях.

Организованная система секретной службы неизвестна была ни в Трансваале, ни вообще в Южной Африке, пока министром иностранных дел республики буров не сделался д-р Лейдс. Служба, возникшая под его покровительством, представляла собой любопытное подражание многим европейским разведкам. И через несколько лет она стала не только самой сложной и дорогостоящей из всех разведок мира, но, кажется, и наихудшим образом управляемой. Агенты, приглашавшиеся на работу, располагали лишь весьма скромным опытом полицейских осведомителей; ни умения профессионала, ни энтузиазма любителя в их среде искать не приходилось.

Д-р Лейдс не только сам не брался за руководство секретной службой, но и не выдвинул вместо себя какого-нибудь компетентного работника. Одно время в республике буров насчитывалось не менее одиннадцати отдельных организаций, причем каждая номинально имела свое главное бюро разведки, шпионажа и пропаганды и управлялась своим особым начальником. Хищения и взятки были неизбежны. В результате междуведомствен-

ных интриг и мелкой мстительности на одно расследование была затрачена сумма в 5 000 фунтов стерлингов, т. е. около трети тех средств, какие Германия ассигновала в том же году (1896) на свою знаменитую военную разведку.

До 1899 года Лейдс многому научился на опыте и на своих ошибках. Деньги растрачивались по-прежнему, но получаемые результаты были уже не столь малозначительны.

Первым агентом, которого Лейдс послал в Лондон, был Реджинальд Стэтхем, англичанин, долго живший в Трансваале и Натале. Его высокооплачиваемые обязанности заключались в том, чтобы «следить» за британской прессой. И когда он стал известен в Англии как сполна оплачиваемый сторонник буров, всякой полезности его пришел конец.

Сумев завербовать более искусных разведчиков, чем Стэтхем, Лейдс в конце концов обзавелся частным корреспондентом в каждом большом городе Европы. Жалованье всем им уплачивалось через один из европейских банков, а сообщения, посылавшиеся Лейдсом из Трансвааля, были составлены в такой невинной форме, что могли усыпить любую бдительность. Он научился руководить своими агентами; обращаясь с каждым агентом так, как если бы он был незаменимым, д-р Лейдс в конце концов создал эффективную секретную службу.

Но и это не могло предотвратить конфликта, который стоил бурам их независимости.

В десятилетия, следовавшие за Южноафриканской войной, хорошо организованная секретная служба осуществляла строгий, хотя и тайный надзор за прославленными алмазными приисками и в меньшей степени за золотопромышленностью Витватерсранда и смежных округов. Защищая интересы грандиозной алмазной монополии, эта служба издавна мобилизовала свои признанные таланты для ведения неумолимой войны с разношерстной ордой шпионов, агентов, контрабандистов и завязтых авантюристов братства НПА — «Независимых покупателей алмазов».

Африка — черный континент, если не в географическом, то в расовом отношении; вот почему уместно отметить, что лучшими шпионами и агентами разведки в ту пору были (а в некоторых районах и сейчас являются)

туземные знахари. Этим лукавым чернокожих кудесников широко использовали и англичане и буры. Успех предсказаний знахаря всецело зависит от его наблюдательности, пытливости и умения незаметно выуживать нужные сведения. Окруженный почетом, соединяя в себе обязанности и прерогативы врача, юриста и жреца, африканский знахарь знает множество сплетен, слухов и вообще разнороднейших сведений. Репутация его зависит от его умения запоминать все это и использовать в нужный момент. А это почти все, что нужно для военной разведки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Шпионы Страны восходящего солнца

С беспримерным рвением и быстротой навели японцы западный лоск на свою азиатскую цивилизацию; но ни в чем они не проявили столько рвения и способностей подражания, как в организации вполне современной системы политической полиции и военной секретной службы. Разведывательные отделы армии и флота народились задолго до тайной полиции¹.

В сентябре 1904 года русская охранка арестовала двух японцев, служивших в коммерческих предприятиях Петербурга. Они много лет прожили в России, и оба оказались офицерами японского флота. Они глубоко вошли в жизнь русского общества, завязали много знакомств и связей в торговых кругах, а через их посредство вступили в контакт и с личным составом русского флота. Один из этих шпионов, чтобы укрепить свое положение, решил жениться на русской и даже, приняв православие, добросовестно выполнял все религиозные обряды.

В 1904 году, всего за несколько недель до начала войны между Россией и Японией, агент русской охраны Манасевич-Мануйлов² сумел раздобыть экземпляр шифра, которым пользовалось японское посольство в Гааге. Японские шифры особенно сложны и трудны благодаря сложности языка, который большинству европейцев сам кажется каким-то шифром. Благодаря этому шифру русские получили возможность читать всю дипломатическую корреспонденцию враждебной страны в период быстро нараставших осложнений. Японцы, однако, в конце концов заподозрили неладное и перешли на другой, еще более трудный шифр.

Опытный чиновник иностранного отдела русской политической полиции генерал Гартинт был командирован в Маньчжурию для организации контршпионажа на театре войны. Его щедро снабдили деньгами. И хотя ему удалось изловить нескольких японских шпионов, превосходство японского шпионажа на Дальнем Востоке осталось непоколебленным до конца войны. В области контршпионажа Россия тоже явно отставала. Агенты охраны шныряли вокруг каждого японского дипломата или чиновника в Европе; но в военной зоне — от Порт-Артура и до сибирской границы — хозяйничали японские разведчики.

Осенью 1904 года русский солдат, переодевшийся китайцем, был обнаружен вблизи японского лагеря и предан суду по обвинению в шпионаже. Он не оправдывался. Военный суд приговорил его к смерти. Но его мужество, достойное поведение и явная преданность родине произвели глубокое впечатление на всех допрашивавших его офицеров. После того как приговор был приведен в исполнение, японская разведка отправила в ставку русского главнокомандующего генерала Куропаткина полный отчет о процессе. В нем откровенно восхвалялись мужество и патриотизм солдата-шпиона. Спустя много месяцев царское правительство опубликовало этот хвалебный некролог.

Для успешного ведения шпионажа японцы охотно нанимались официантами на кораблях, цирюльниками, поварами, поденщиками или домашней прислугой; это помогало им надежнее маскироваться. Задолго до войны Порт-Артур кишел японскими шпионами, выдававшими

себя за китайцев или маньчжур*. По утверждению китайцев, каждый десятый или двенадцатый кули был японец. Китайская прислуга некоторых полков порт-артурского гарнизона — 1-го Томского, 25-го и 26-го Сибирских стрелковых полков — была завербована японцами. Японскими агентами были и носильщики Ляотяшаньской железной дороги. Всего охотнее японцы — в том числе и крупные офицеры — поступали на тяжелую работу по строительству русских укреплений.

Расположение электросиловых станций и главных линий передачи, «скрытое» расположение прожекторов между укрепленными высотами, расположение минных полей, преграждающих доступ в порт, — все это становилось известным японскому командованию через агентов разведки.

В первые месяцы 1904 года русские задержали двух человек в монгольской одежде, которые оказались японскими офицерами. Они пробрались в Маньчжурию, где намеревались повредить важную телеграфную линию, а также взорвать железнодорожное полотно и причинить возможно больший ущерб расположенным поблизости ремонтным мастерским.

Военный суд приговорил обоих шпионов к лишению воинского звания и к смертной казни через повешение; повешение было заменено расстрелом по приказу генерала Куропаткина, который принял во внимание высокое звание осужденных.

В дальнейшем руководители японского шпионажа посылали с опасными поручениями китайцев, и это оказалось выгодным по многим причинам; в первую очередь потому, что китайцы, как коренные местные жители, вызвали сравнительно мало подозрений.

Организация японского военного шпионажа носила печать систематичности, характерной для японской политики в течение долгого времени. Вдоль всего фронта были созданы бюро, руководимые офицерами разведки, контролировавшими всю службу на отведенных им участ-

---

* О шпионаже в Порт-Артуре см. А. Степанов, Порт-Артур, Гослитиздат, 1944. — Р е д.

ках; они выплачивали жалованье, получали и отбирали сообщения и подводили для вышестоящих инстанций итог всему тому, что узнавали. В русском тылу эти бюро располагали своей агентурой, разумеется китайской, которая вела работу в городах, на железных дорогах и во всех местах сосредоточения армии Куропаткина.

Каждый такой шпион, со своей стороны, работал еще с двумя-тремя лицами, на обязанности которых лежала доставка японцам собранных им сведений. Эта шпионская организация казалась неуклюжей, но на практике она действовала быстрее какой бы то ни было другой из числа созданных в тылу у противника. Глубина русского фронта никогда не превышала 60 верст. И шпион, используя трех гонцов, мог получать срочные запросы и отвечать на них в течение трех-четырех суток, почти непрерывно посылая информацию.

Китайцы, доставлявшие эти опасные сведения, были разносчиками или кули из беднейшего слоя городского населения. За доставку сообщения им платили всего пять рублей, и они были весьма довольны этой платой, не сознавая, какому страшному риску они себя подвергают.

Японцы создали и другой вид шпионажа: группы в три-четыре человека, действовавшие из центральной базы. Каждой такой группе давалось вполне определенное задание — разведать какую-нибудь оборонительную позицию или дислокацию армейского корпуса, а также проследить за движением войск на ограниченном участке фронта. О предстоящей внезапной атаке квалерийского корпуса Мищенко, предпринятой на Инкоу и железнодорожные коммуникации японцев, ставка фельдмаршала Оямы знала за несколько дней до того, как этот план был сообщен частям, которым было поручено его осуществить.

Эти шпионские группы щедро снабжались средствами, ибо каждая такая группа должна была иметь свой особый центр. Для этой цели обычно избиралась какая-нибудь лавчонка, например булочная, посещаемая всякого рода публикой, в том числе солдатами и офицерами, из разговоров которых можно было почерпнуть немало полезного и где можно было задавать незначительные вопросы, не возбуждая подозрения. Такого рода

шпионажем обычно занимался лишь страшный агент группы; прочие же агенты исполняли обязанности конторщиков, официантов, а вне лавки попрошайничали или занимались торговлей вразнос.

Русский контршпионаж, возглавлявшийся генералом Гартингом и ежемесячно расходовавший небольшое состояние, начал добиваться кое-каких результатов. Главное затруднение заключалось в передаче сведений. Пришлось прибегнуть к новым уловкам и хитростям; наиболее остроумная из них состояла в том, что шифрованное сообщение вплетали в косу китайского гонца. Венецуэльский авантюрист Рафаэль де Ногалес одно время был агентом японской разведки и конспирировал в Порт-Артуре вместе со старым китайцем, которого он называл Вау-Лин. У этого шпиона было несколько полых золотых зубов.

«Каждую ночь,— вспоминает Ногалес.— Лип вычерчивал при свече на грязном полу нашей комнаты план линий окопов, которые он наблюдал в течение дня. После этого он заносил с помощью лупы наши заметки и рисунки на крохотный кусочек чрезвычайно тонкой бумаги, толщиной приблизительно в одну треть папиросной. После прочтения и одобрения мною записанного Лин сворачивал бумажку, вынимал из рта один из трех или четырех своих золотых зубов, клал туда шарик, заклеивал зуб кусочком воска и вставлял его на место».

Эти зубные хранилища хитроумного китайца иногда бывали битком набиты; в конце концов их все же обнаружили.

Это научило японских шпионов не передавать очень важных сведений в письменной форме. Шпиону предлагалось заучить донесение наизусть и передать его на словах только японскому офицеру, заведующему бюро, в котором он служил. Шпион, изображавший из себя кули или разносчика, если он не имел при себе никаких письменных сообщений, был достаточно осторожен, обладал искусством теряться в китайской толпе, вечно снующей с места на место, «проваливался» лишь в редких случаях.

Излюбленной уловкой таких «разносчиков» была следующая. Замаскировавшийся шпион носил в своей корзине товары разного цвета — черного, коричневого, красного, серого или белого; цвета эти условно обозначали

те или иные войсковые соединения. Определенный вид товара мог соответствовать тому или иному виду оружия. Так, трубочный табак мог обозначать тяжелые батареи, папиросы — полевые пушки. Чтобы запутать дело, разносчик торговал, например, трубками или мундштуками. На этих предметах незаметно наносились надписи китайскими буквами. Взятые отдельно, эти надписи не имели никакого смысла, но, будучи расположены в известном порядке, они заключали в себе обстоятельные донесения.

По словам де Ногалеса, на японскую службу его завербовал «исполняющий должность министра Корейской империи» авантюрист по фамилии Эванс; он послал его в Порт-Артур продавать вразнос подешевке швейцарские часы. Очевидно, этот корейский «советник» и являлся ответственным главой японского шпионажа в Корее, Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове перед началом русско-японской войны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Поимка архипредателя

Альфред Редль был мастер шпионажа, мот, развратник и беззастенчивый предатель, производивший, однако, на своих коллег-офицеров такое благоприятное впечатление, что они считали его вероятным кандидатом на пост начальника австро-венгерского генерального штаба. Редль происходил из довольно бедной и некультурной семьи, но получил назначение в штаб, а вскоре и повышение в одном из самых кастовых и недоступных военных учреждений Европы тех дней. Чтобы подняться на такую высоту без протекции, нужен был ум, бесконечное

трудолюбие и непоколебимый апломб. Редль с лихвой был наделен всеми этими качествами. Он был превосходный лингвист и хорошо знал главные страны Европы. Военная история и техника разведки были его коньком.

В 1900 году, когда начальником секретной службы был генерал барон фон Гисль, он назначил Редля начальником отдела шпионажа и контролшпионажа осведомительной службы, «Кундшафтсстелле» [Kundschaftsstelle], или сокращенно «КС» («KS»). До 1905 года Редль был директором австро-венгерской разведки, и успешная работа его отдела снискала ему полное признание руководителей армии. Он разоблачил и задержал нескольких из наиболее ловких шпионов европейского континента; он сумел разузнать немало тащательно охраняемых тайн соседних держав; говорили, что он не знал неудач. Но больше половины своего времени Редль в действительности отдавал службе на пользу России.

Австрийскую «КС» он превратил в секретный музей контршпионажа. Если возникал интерес к какому-нибудь посетителю, его могли сфотографировать анфас и в профиль, а также снять пальцевой отпечаток, причем каждое слово, сказанное им, записывалось на специальной пластинке — и все это без ведома посетителя. Где бы этот посетитель ни сидел, на него всегда можно было направить две фотокамеры в наивыгоднейшем освещении. Во время беседы с посетителем вдруг начинал звонить телефон — это дежурный офицер сам «вызывал» себя к телефону, незаметно нажимая ногой под столом кнопку, электрического звонка. В течение этого многого разговора офицер знаком указывал на закрытый портсигар, лежащий на столе, приглашая гостя взять папиросу. Металлическая крышка портсигара была соответствующим образом обработана и сохраняла отпечатки пальцев того, кто к нему прикасался.

Если гость был некурящий, офицер по телефону «вызывал» себя из комнаты; извинившись, он второпях забирал с собой портфель. Под ним оставалась папка, помеченная подписью «секретно». И мало кто из приходивших в центральное бюро «КС» отказывал себе в удовольствии заглянуть в папку с такой заманчивой надписью. Разумеется, поверхность этой папки также была обработана. А если посетитель не поддавался искушению, применялась новая хитрость, и так далее, пока

какая-нибудь из них не удавалась. И все это время скрытый прибор запечатлевал каждый звук на граммафонной пластинке, находившейся в смежной комнате.

Когда Гисля перевели в 1905 году в Прагу — это был один из важнейших постов в империи, — он настоял на том, чтобы Редль переехал с ним в качестве начальника его штаба. «КС» так успешно работала под началом майора Редля, что его вскоре произвели в полковники. Он стал помощником Гисля в Праге, передав в Вене дела и штат сотрудников своему преемнику, капитану Максимилиану Ронге. По иронии судьбы, наследие искусного контршпиона, оставленное Редлем после себя, через восемь лет привело к катастрофическому разоблачению его самого.

В 1908 году произошла аннексия Боснии и Герцеговины. Ронге находился под влиянием своего нового начальника генерала Августа Урбанского фон-Остромеч, сменившего Гисля на посту главы имперской секретной службы. Кроме того, Ронге хотелось перещеголять Редля. Ронге изобрел новый вид слежки — тайную почтовую цензуру. Подлинные мотивы этого нововведения были известны только трем лицам — Ронге, его начальнику и чиновнику, которого он поставил во главе венского «черного кабинета». Всему остальному штату сказали, что это делается для преследования таможенных жуликов, и обязали хранить сообщенное в тайне. Благодаря такой уловке работники бюро цензуры обращали особенное внимание на письма, получающиеся из пограничных пунктов.

2 марта 1913 года в «черном кабинете» были вскрыты два конверта. Оба были адресованы: «Опера, Балл 13, до востребования, главный почтамт, Вена». Судя по почтовым штемпелям, они прибыли из Эйдкунена в Восточной Пруссии, пункта на русско-германской границе. В одном конверте лежали кредитки на сумму 6 000 австрийских крон, в другом — на 8 000. Ни в том, ни в другом не было сопроводительного письма, и это, естественно, показалось цензорам подозрительным. Вдобавок, Эйдкунен был маленькой пограничной станцией, хорошо известной шпионам всех наций. «КС» вернула оба письма в отдел писем «до востребования» и решила посмотреть, кто явится за ними.

Позади венского главного почтамта на Флейшмаркте (Мясном рынке) приютился небольшой полицейский участок. Ронге распорядился соединить этот участок специальным телефонным проводом с почтовым отделом «до востребования». Дежурному чиновнику достаточно было нажать кнопку, чтобы в одной из комнат полицейского участка раздался звонок; он должен был сделать это, как только придут за обоими письмами, и возможно дольше задерживать при этом выдачу их. В полицейском участке постоянно находились наготове два сыщика, которые должны были поспешить по звонку на почту и выяснить, кто явился за письмами.

Прошла неделя, все было «на взводе», но звонка не было. Прошел март, апрель, но никто не являлся за письмами; 14 000 крон оставались невостребованными. Но на 83-й день ожидания, в субботу вечером 24 мая, раздался звонок с почты. Одного из сыщиков не было в этот момент в комнате; другой мыл руки. Спустя две минуты, однако, они уже мчались на почту.

Почтовый чиновник сказал, что они опоздали, что получатель только что вышел «налево». Выбежав на улицу, они увидели удалявшееся такси. И ничего более. Сыщики простояли на месте двадцать минут и чувствовали себя провинившимися школьниками; им очень не хотелось сообщать о своей неудаче и выслушать упреки начальства. Но, по иронии судьбы, как раз неудача сыщиков и их бестолковое стояние на месте перед почтой дали превосходную нить для следствия. Возвратилось такси, на котором уехал получатель двух злополучных писем. Сыщики немедленно расспросили шофера и установили, что его недавний пассажир направился в кафе «Кайзергоф».

— Поедем и мы туда,— сказал один из сыщиков.

По дороге они тщательно обследовали сиденье в автомобиле. Был найден футляр от перочинного ножа из серой замши, и ничего больше. В эту пору дня в кафе «Кайзергоф» было почти пусто; пассажира не оказалось. По-видимому, он пересел на другой автомобиль, чтобы запутать след. Неподалеку была стоянка машин, и здесь сыщики узнали, что какой-то мужчина за полчаса до этого взял автомобиль и приказал ехать к отелю «Кломзер».

Явившись в этот отель, они спросили у портье, приезжал ли кто-нибудь в такси за последние полчаса. Да, приезжали несколько человек; в номер 4-й, в номер 11-й, а также в 21-й и 1-й. В 1-м номере находится полковник Редль.

Сыщики показали портье футляр от перочинного ножа:

— Возьмите это и при случае спрашивайте гостей, не потерял ли кто-нибудь из них.

Портье, верный своей профессии, рад был услужить полиции.

Один из сыщиков отошел в сторону и стал читать газету. Хорошо причесанный господин в щегольском штатском костюме спустился по лестнице и отдал свой ключ. Это был номер 1-й.

— Виноват,— сказал портье,— не потеряли ли вы случайно, господин полковник, футляр от вашего перочинного ножа?

И он протянул находку.

— О да,— сказал Редль,— конечно, это мой футляр! Благодарю вас.

Но тут он заколебался. Где он пользовался перочинным ножом в последний раз? В первом такси, вынимая деньги из конвертов! Он поглядел на портье — тот вешал ключи на место. Неподалеку стоял другой человек, видимо поглощенный чтением газеты. Редль положил футляр в карман и направился к выходу.

Сыщик, читавший газеты, кинулся в телефонную будку и потребовал: «1 = 23 = 48» — секретный номер штаба политической полиции в Вене. И главным чином «КС» стало известно, что случилось в последний волнующий час. Письма, адресованные «Опера, Балл 13», были, наконец получены адресатом: их получатель использовал два таксомотора, чтобы запутать возможных преследователей, но имел неосторожность потерять футляр от своего перочинного ножа. Установлено, что этот футляр принадлежит Альфреду Редлю, известному полковнику Редлю, начальнику штаба 8-го армейского корпуса, расквартированного в Праге.

Можно представить себе изумление чинов австрийской разведки. Их бывший руководитель, их ревностный наставник, их вдохновитель! Капитан Ронге поспешил на почту за справками. В отделе венского почтамта

«до востребования» все получающие письма должны были заполнять краткий формуляр:

Род вложения:

Адрес на пакете:

Укажите (по возможности), откуда ожидаете:

Ронге увез с собой бланк, заполненный человеком, получавшим письма на адрес «Опера, Балл 13». С тайной полки в своем кабинете он достал небольшой, изящно переплетенный томик. Это была рукопись, документ на 40 страничках, писанный Редлем — он считал его слишком конфиденциальным, чтобы отдавать в перепечатку. Это были советы его преемнику по «КС»; это было его «завещание», сделанное перед повышением и переводом в Прагу.

Помимо многочисленных тонкостей шпионажа и секретной службы, в этом документе был суммирован опыт пяти лет слежки за шпионами; и теперь этот же документ должен был помочь разоблачению самого мастера шпионажа, полковника Редля!

Ронге сличил почтовый формуляр с рукописью. Сомнений быть не могло — это почерк Редля. Именно он получил подозрительные почтовые пакеты, содержавшие в себе крупные денежные суммы. Это еще не доказывало, что Редль предатель: он мог действовать по чьему-либо поручению и вести какое-либо дело в частном порядке. Но Эйдкунен, этот пограничный центр секретной службы, это гнездо международного шпионажа — вот что было подозрительно!

Раздумье капитана Ронге было нарушено появлением одного из сыщиков, следивших за Редлем. Он привез несколько клочков рваной бумаги. Ронге нетерпеливо склонился над этими бумажками и стал их складывать — одну к другой.

Спустя полчаса загадка была разгадана. Сомнений быть не могло: Редль — шпион и предатель.

Клочки бумаги попали к сыщику при любопытных обстоятельствах. За Редлем следили, когда он уходил из отеля «Кломзер». Оглянувшись и поняв, что за человек стоял в вестибюле гостиницы и читал газету, Редль ускорил шаг и сумел уйти от сыщика.

Но уже через несколько минут Редль увидел, что сыщики вновь его настигли и следуют за ним. Он шел

теперь по длинному Тифенграбену и, не видя возможности оторваться от преследователей, прибег к другой тактике. Вынув из кармана какие-то бумаги, он изорвал их и бросил наземь, не разглядывая. Полковник, по-видимому, понимал, что если за ним так настойчиво следят, то это может означать только одно: его серьезно подозревают в измене. Следовательно, главное сейчас в том, чтобы улизнуть от этих людей, уединиться куда-нибудь, найти выход из положения.

Редль надеялся, что сыщики остановятся, чтобы подобрать бумажки, но ни один из них не сделал этого. Они шли за ним, пока на Конкордияплац не приблизились к стоянке таксомоторов. Редль не взял машины, ибо его преследователи могли сделать то же самое. Он продолжал идти пешком. Но один из сыщиков вскочил в машину и быстро умчался. Редль продолжал свою настроженную прогулку по Вене, прошел Гейнрихгассе до набережной Франца-Иосифа, затем дальше по Шоттенрингу, свернул на Шоттенгассе и попал опять в свой отель.

Куда же девался второй сыщик? Он помчался туда, где оброненные Редлем бумажки валялись на мостовой, собрал все, что нашлось, и поспешил с ними к капитану Ронге. Так в «КС» узнали, что Редль носил с собой квитанцию, под которую были посланы деньги некоему офицеру-улану, лейтенанту Говора, а также три квитанции на заказные письма, отправленные в Брюссель, Варшаву и Лозанну. Прочитав последние три адреса, Ронге горько усмехнулся. В его архиве имелся «черный список» известных разведочных бюро иностранных держав, и в нем значились эти три адреса¹. Ронге сообщил о своих открытиях начальнику австро-венгерской секретной службы генералу Августу Урбанскому фон Остромеч, который был так потрясен сообщенным, что поспешил донести обо всем своему начальнику, генералу Конраду фон Гетцендорфу.

В отеле Редля ждал д-р Виктор Поллак. «Альфред, мы обедаем в Ридгофе», — напомнил он ему, и полковник согласился, но пошел переодеться во фрачную пару. Поллак был один из виднейших юристов Австрии, он часто сотрудничал с Редлем в судебных процессах по шпионским делам. Сыщик подслушал разговор, протеле-

фонировал своему начальству, а затем отправился в Ридгоф предупредить директора ресторана.

Когда Поллак и Редль сели за стол в отдельном кабинете, им прислуживал в качестве официанта агент тайной полиции. Но услышал он мало, ибо Редль был угрюм и почти ни о чем не говорил со своим приятелем. Во время ужина Поллак, покинув на минуту кабинет, подошел к телефону и, к изумлению официанта-сыщика, вызвал Гайера, начальника венской полиции.

— Друг мой, вы поздно работаете! — сказал Поллак.

— Я жду данных по одному важному делу, — сказал Гайер и стал слушать Поллака, который рассказал ему о затруднениях Редля.

Полковник весь вечер казался не в духе, был чем-то взволнован, признался своему приятелю в каких-то нравственных терзаниях, дурных поступках, но, конечно, ни слова не сказал о шпионаже или измене.

— Вероятно, переутомление, — закончил Поллак свой рассказ. — Он просит меня устроить так, чтобы он мог немедленно уехать обратно в Прагу с наибольшими удобствами. Не можете ли вы оказать ему содействие?

Гейер ответил, что устроить дело в этот же вечер немыслимо, и добавил:

— Успокойте полковника, пусть он придет ко мне завтра утром. Я сделаю для него все возможное.

Поллак вернулся в отдельный кабинет.

— Пойдемте, — сказал он Редлю в присутствии «официанта». — Я уверен, что нам удастся устроить вас.

Поллак оставил официанта-сыщика в растерянности и недоумении. Адвокат телефоновал начальнику полиции, а потом сказал шпиону и предателю, что ему кое-что устроят. Неужели дело хотят замять?

Начальник разведки фон Остромеч и начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф ужинали в Гранд-Отеле, когда им по секрету сообщили об измене.

— Мы должны из его же уст узнать о масштабах измены, — сказал Конрад Остромечу, — и только после этого он должен умереть... Важно, чтобы никто ничего не знал о причине его смерти. Соберите четырех офицеров — вы, Ронге, Хефер и Венцель Форличек. Все должно быть сделано сегодня же вечером.

В 11 часов 30 минут Редль попрощался с Поллаком и вернулся в свой отель. В полночь четыре офицера

в полной форме вошли к нему. Редль в это время сидел за столом и писал. Он поднялся и поклонился.

— Я знаю, зачем вы пришли,— сказал он.— Я погубил свою жизнь. Я пишу прощальные письма.

— Мы должны узнать масштаб и продолжительность вашей... деятельности.

— Все, что вы хотите знать, отыщется в моем доме в Праге,— сказал Редль.

Потом он попросил револьвер.

Ни у кого из офицеров не было оружия; но через четверть часа один из них вернулся с браунингом и протянул его полковнику.

Оставшись один, Редль твердо и четко написал на полулистке почтовой бумаги:

«Легкомыслие и страсти погубили меня. Молитесь за меня. За свои грехи я расплачиваюсь жизнью.

Альфред.

1 час 15 минут ночи. Сейчас я умру. Пожалуйста, не делайте вскрытия моего тела. Молитесь за меня».

Он оставил два запечатанных письма: одно было адресовано его брату, другое генералу Гислю, который доверял ему и рекомендовал его в Прагу. По иронии судьбы это доверие и это повышение привели Редля к гибели. Если бы его дарования не пленили его начальника, он, по всей вероятности, оставался бы в Вене; занимая свой пост в «КС», Редль мог еще много лет маскировать свою измену разнообразными уловками, которые стали недоступны для него как для начальника штаба армейского корпуса в Праге.

Офицеры, которым начальник австрийского генерального штаба поручил допросить Редля и обеспечить его немедленную «казнь», отправились в кафе «Централь», заказали кофе и стали в напряженном молчании ждать. Одному из них поручено было следить за входом в отель «Клозер»; каждые полчаса дежуривший на этом посту сменялся. Только в 5 часов утра они приступили к дальнейшим действиям. Вызвав в кафе одного из сыщиков, выследивших Редля, они дали ему конверт, адресованный изменнику, с приказом вручить ему лично. Сыщика предупредили о том, какую картину он может застать. Ему велели вернуться, не поднимая тревоги, если полковник окажется мертвым.

Прибыв в отель, сыщик рассказал о данном ему поручении сонному портье, поднялся наверх и постучался в дверь номера 1-го. Не получив ответа, он попробовал открыть дверь. Она оказалась незапертой. Он вошел в ярко освещенную комнату и нашел Редля лежащим в положении, которое говорило о том, что полковник пустил себе пулю в висок, стоя перед зеркалом. Полицейский агент тотчас же вышел, закрыл за собой дверь и на цыпочках прошел мимо сонного портье.

Через несколько минут портье был разбужен телефонным звонком. Полковника Редля требовали к телефону. Портье отправился наверх и обнаружил тело — ровно через тринадцать часов после того, как два письма с адресом «Опера, Балл 13» были получены на центральном почтамте.

Дирекция отеля тотчас же дала знать городской полиции; ее начальник Гайер и врач поспешили в отель «Кломзер». Дальнейшего вмешательства военных властей не последовало. Но преданный Редлю лакей чех Иозеф Сладек пытался заинтересовать Гайера найденной им вещью. Обнаруженный браунинг не принадлежал его хозяину! В полночь к нему приходили четыре офицера. Может быть, это убийство? Но Гайер отвел лакея в сторону и внушительно поговорил с ним, так что явившиеся на другой день репортеры не могли выудить у Сладека ни одного слова.

Как только Конраду фон-Гетцендорфу донесли, что Редль застрелился, он отправил специальным поездом в Прагу комиссию. Обследование квартиры Редля производилось в присутствии генерала фон Гисля, и результаты этого обследования оказались сногшибательными. Квартира Редля была обставлена роскошно — документы показали, что в 1910 году он купил себе дорогое поместье, а в Вене являлся собственником большого дома. За последние пять лет он приобрел по меньшей мере четыре автомобиля самых дорогих марок.

Военные коллеги Редля считали его человеком со средствами, но жил он как настоящий миллионер. В его винном погребе нашли 160 дюжин бутылок шампанского самых высших марок. Обнаружилось, что из России он только за девять месяцев получил около 60 000 крон. Это в десять раз превышало жалование полковника, но роскошный образ жизни заставляет думать, что это

была далеко не полная цифра его «заработков». Царская секретная служба издавна славилась своей щедростью: и Редль получал, вероятно, в пять-шесть раз больше названной суммы — минимально 60 000 долларов на американские деньги.

Для сохранения измены Редля в тайне были приняты чрезвычайные меры предосторожности. Во всей Австрии только десять человек знали об этом факте — начальник Генерального штаба, высшие чины секретной службы и военного министерства и главные чины венской полиции; и каждый из них дал особую подписку о том, что он не проронит ни слова. Даже сам император Франц-Иосиф и его наследник эрцгерцог Франц-Фердинанд не должны были знать правды. И все эти меры предосторожности пошли прахом только потому, что лучший слесарь Праги был одновременно первоклассным футболистом.

Некий слесарь Вагнер не мог играть в своей команде, называвшейся «Шторм I», в воскресенье 25 мая 1913 года; и главным образом по этой причине, как сообщала на другой день «Прагер Тагблат», команда проиграла матч со счетом 7:5. Капитан «Шторм I» был помощником редактора «Прагер Тагблат», и когда он в понедельник наведился к Вагнеру, чтобы осведомиться о причинах его неявки на матч, то узнал, что Вагнеру пришлось вломиться в дом Альфреда Редля и там подбирать ключи к замкам или взламывать замки всех комодов, шкафчиков, гардеробов, сундуков, столов и буфетов. В них оказалось огромное множество бумаг, фотографий, немало денег, карт и планов. Некоторые бумаги, как он слышал, были на русском языке. Офицеры, как видно, были очень сконфужены и все восклицали: «Неужели это возможно!», «Кто бы мог подумать!».

Капитан футбольной команды, журналист и друг спортсмена-слесаря Вагнера, начал действовать. Как помощник редактора, он в номере этого дня поместил сообщение официального венского «Корреспондентбюро». В нем «с прискорбием» говорилось о самоубийстве полковника Альфреда Редля, начальника штаба 8-го корпуса — «весьма одаренного офицера, который мог дослужиться до самых высоких постов». Этот полковник, прибыв в Вену «по служебному делу, застрелился в припадке депрессии, вызванной многонедельной бессонницей».

А русские документы, фотографии и планы, комиссия офицеров, присланная для производства обыска на квартире у Редля через несколько часов после его самоубийства? Это пахло шпионажем, это походило на измену!

Капитан «Шторм I» открыл сенсационную тайну. Но, заполучив ее в свои руки, он не решился огласить ее. Цензура в Праге даже в 1913 году была так сурова, что самое осторожное изложение в печати «дела Редля» неизбежно вызвало бы полицейский налет на редакцию, закрытие газеты и арест сотрудников. Однако чешская и немецкая публика умела читать между строк. Стремясь дать своим читателям понять, что Редль был шпион и предатель, капитан «Шторм I» и редактор газеты состряпали для номера «Прагер Тагблат» от вторника следующее «опровержение»:

«Высокая инстанция просит нас опровергнуть слухи, распространяемые, особенно в армейских кругах, о начальнике штаба пражского армейского корпуса полковника А. Редле, который, как уже сообщалось, покончил самоубийством в Вене, в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковник будто бы выдавал военные тайны иностранной державе, предположительно России. В действительности же комиссия высших чинов, явившаяся для производства обыска в доме покойного полковника, расследовала совсем другое дело».

Но капитан футбольной команды был также пражским корреспондентом одной берлинской газеты; и в среду вся Европа прочла о предательстве Редля и его самоубийстве. Австрийские офицеры, когда их спрашивали, старались умалить значение Редля как шпиона. Лишь после 1918 года оказалось возможным оценить весь невероятный размах и весь вред десятилетней предательской деятельности полковника Редля.

Он начал в 1902 году и в течение десяти лет был крупнейшим иностранным шпионом России. Он выдал русским десятки людей, действовавших в России в качестве австро-венгерских шпионов. Некоторые из них были его личными друзьями и преданными подчиненными по «КС». И он пожертвовал ими, чтобы упрочить свое собственное положение агента русской секретной службы. Он не только выдавал своих работников, находившихся на службе за границей, но и умудрялся помогать русским шпионам, засылавшимся в Австро-Венгрию. Он был неоценим, когда нужно было поймать в ловушку и выдать русским кого-нибудь из их собственных «Редлей», дававших понять Вене, что у них есть что продать.

Какие же австро-венгерские военные тайны продал он, не считая документов «КС»? Предварительный и поверхностный обыск на квартире в Праге раскрыл картину беспримерного предательства. Огромная масса скопированных документов, кодов, шифров, писем, карт, чертежей, фотографий, секретных приказов по армии, мобилизационных планов, донесений о состоянии железнодорожных и грунтовых путей — все это слишком ясно показывало, что непроданным осталось очень немного.

Ознакомление с бумагами Редля пролило свет на уйму омерзительных дел, как, например, на подлую выдачу собрата-офицера — русского полковника. Эрцгерцог Франц-Фердинанд при своем посещении Петербурга был так радушно принят царем и его двором, что, покидая страну, просил австро-венгерского военного атташе сократить шпионаж в России настолько, чтобы это больше не беспокоило русских. Атташе сошел с царского поезда в Варшаве и пробыл там два дня. В эти дни к нему явился русский полковник с предложением продать полный план русского наступления на Германию и Австро-Венгрию. Несмотря на недавние инструкции эрцгерцога, это была слишком выгодная сделка, чтобы упустить ее, и австрийский атташе договорился с русским офицером.

Редль прослышал об этой сделке и тотчас же начал действовать в качестве царского агента. Как начальник военной секретной службы, он первый получил в свои руки русские планы. Получил и сразу подменил их ловко составленными фальшивками, чтобы показать, что петербургский атташе Австрии не только ослушался распоряжения эрцгерцога, но и дал себя одурачить. Атташе сделали выговор и отозвали. Тогда Редль вернул в Россию подлинные планы. И, наконец, Редль известил царскую разведку об измене полковника, который предложил купить планы, а этот офицер, узнав, что его выдали, покончил с собой. За всю эту операцию Редль получил 100 000 крон.

В пражском доме Редля найдены были также документы, показывавшие, как близок был Редль к саморазоблачению в первые месяцы своей двурушнической работы. Только мастерство, с которым он играл свою роль, спасло его от опасного осложнения. В 1903 году, вскоре после того как Редль начал получать деньги от России,

молодой человек по фамилии Гекайло, конторщик армейского склада во Львове, был арестован по обвинению в присвоении денег. По расследовании дела он был освобожден, но тотчас же бежал из Австрии. Два месяца спустя Редль явился к д-ру Хабердицу, известному венскому юристу, часто выступавшему по военным делам. Хаберлиц вел дело Гекайло и был изумлен заявлением Редля, что этот конторщик занимался шпионажем в пользу России, что он выдал планы совместных действий Австро-Венгрии и Германии по нападению на Россию через район Торна. Редль сообщил, что он узнал местопребывание Гекайло из перехваченного письма: беглец написал из Куритибы, в Бразилии, своему львовскому приятелю, что он теперь «Карл Вебер». Так как шпионов не выдают, то Редль просил Хабердица потребовать выдачи Гекайло на том основании, что он совершил ряд крупных краж; и это было сделано.

В конце концов Гекайло судили в Вене, и Редль представил против него серьезные улики. На глазах своих восхищенных начальников Редль как бы по волшебству извлек ряд фотографий, писем, набросков и различных документов, посланных на адрес гувернантки семейства одного из видных офицеров русского штаба в Варшаве. Своему начальству Редль сказал, что получение этих улик обошлось ему в 30 000 крон.

Редль и Хабердиц поочередно старались вырвать у Гекайло признание, но безрезультатно. На вопрос, заданный ему Редлем, Гекайло однажды ответил: «Сударь, как мог бы я добыть такие планы? Только человек из генерального штаба здесь, в Вене, мог достать их для продажи русским». И это было верное решение задачи, хотя обвиненный конторщик не знал этого. Под сильным давлением Гекайло назвал одного из своих сообщников, майора Риттер фон-Венцковского, жившего в Станиславе. На другой день Редль и Хабердиц отправились туда и добились ареста майора. Было захвачено полторы документа и привлечено к ответственности третье лицо — главная пружина, капитан Ахт, личный адъютант генерала, командовавшего Львовским округом. Вскоре все трое очутились на скамье подсудимых, и процесс их произвел в Европе сенсацию². Но внезапно Редль самым странным образом изменил свою позицию: в отношении Венцковского и Ахта он стал держать себя ско-

рее как защитник, чем как эксперт, свидетельствующий против обвиняемых.

Хабердиц протестовал против этой странной перемены, и отношения между ним и Редлем стали настолько натянутыми, что он открыто обратился к ближайшему начальнику Редля. Высказав свои подозрения в том, что Редль подкуплен, он потребовал, чтобы в помощь ему командировали другого офицера разведки. Но от этого подозрения отмахнулись: Редль, неумолимый преследователь врагов Австро-Венгрии,— и вдруг предатель?! Какая чушь! А через две недели Редль вновь бесстыдно переметнулся и снова стал беспощадным преследователем; процесс кончился тем, что Ахта и Венцковского приговорили к 12 годам тюрьмы, а Гекайло к 8 годам.

Зачем Редль проделывал все эти эквилибристические эволюции на глазах у военного суда? Объяснение этому нашлось в его бумагах в Праге. Во-первых, планы австро-германского наступления через Торн продал русским он. Но вдобавок к денежному вознаграждению он потребовал от своих иностранных хозяев, чтобы они укрепили его положение, дав ему возможность обратиться на себя внимание Вены каким-нибудь разительным шпионским разоблачением. Гекайло, бежавший в Южную Бразилию, уже не представлял собой ценности для русской разведки, так что русские пожертвовали им в угоду Редлю, сообщили, где можно найти беглеца, как добиться выдачи его, и все судебное «дело» повернули против него.

Редль заявил, будто на раскрытие виновных он лично истратил 30 000 крон; в действительности эти превосходные улики не стоили ему ничего. Но не все шло так гладко. Когда Гекайло втянул Венцковского, после ареста которого в сети Редля попал и Ахт, русская разведка взволновалась. Эти два австрийских офицера считались лучшими шпионами русской разведки. Военный атташе царя нашел случай побывать в кабинете у Редля и приказал ему добиться оправдания обоих, иначе...

Надо думать, что запись граммофона Редля в «КС» в это утро была оборвана в тот момент, когда атташе произносил указанные слова. Редль понимал, что от русских не приходится ждать пощады. Они щедрой рукой платили своим шпионам, но тяжелой рукой карали

их. И ему пришлось рискнуть ссорой с Хабердицом, но постараться воздействовать на суд в пользу Ахта и Венцковского.

Очутившись в конце концов между двух огней, Редль мог найти выход только в торговле, в сделке. И он прибег к ней со свойственным ему хладнокровием. Русские согласились простить ему осуждение двух офицеров — за плату. На суде, когда следствие уже кончалось, Редль упомянул об одном документе, который, по его словам, он раздобыл за крупную сумму. Этот документ доставил ему русский офицер, прикомандированный к генеральному штабу в Варшаве. Редль доверительно сообщил суду, что этот офицер — человек, оказавший Австро-Венгрии, которой он действительно предан, самые ценные услуги, — погиб при выполнении данного поручения, так как о похищении документа узнали и агента повесили. Одно упоминание об этой трагедии глубоко взволновало Редля — так признателен был он русскому за его помощь. Правда же заключалась в следующем. Стремясь спасти себя, раз уже нельзя было спасти Ахта и Венцковского, Редль выдал в виде компенсации варшавским чинам одного из лучших шпионов, обслуживавших «КС». Русский офицер был тот секретный агент, которого Редль выдал палачу во исполнение своего обязательства по невыразимо гнусной сделке.

«Легкомыслие и страсти погубили меня», — писал он перед тем, как нажать гашетку браунинга, вложенного ему в руки. Он мог добавить: «Погубили меня, как я хладнокровно и бессовестно погубил многих других, как я, даже из могилы, еще погублю десятки тысяч».

Потери Австро-Венгрии в четырех сербских кампаниях исчислялись в полмиллиона убитых и раненых. Редль, прямо или косвенно, явился причиной значительного процента этих потерь. Невозможно подсчитать, сколько солдат Австро-Венгрии было убито или ранено на русском фронте в боях или катастрофических событиях, обусловленных его шпионством и предательством.

Преемники Штибера в овечьей шкуре

Все военные разведки Европы считали себя вполне подготовленными к событиям любого рода и масштаба. Большая часть их, однако, показала, что они действительно подготовлены ко всему, за исключением того, чему они всей своей деятельностью помогали,— мы имеем в виду всеобщую войну. Это неожиданное и более чем чувствительное «открытие» привело к тому, что все воюющие державы в отношении разведки оказались совершенно безоружными. Сразу стало нехватать шпионских кадров, поскольку любой мало-мальски пригодный, обученный и надежный офицер уже работал в разведке мирного состава. А пополнения черпать было некуда.

Этой судьбы не миновала и Германия, несмотря на всю громкую репутацию ее разведки и несмотря на весь размах, с которым эта агрессивная держава готовилась к мировой войне. Мы привыкли считать германские приготовления к этому крупнейшему европейскому конфликту чуть ли не самым совершенным примером военной основательности и предусмотрительности. Тем любопытнее читать теперь откровения полковника Вальтера Николаи, офицера генерального штаба, управлявшего военной разведкой Германии во время мировой войны 1914—1918 гг.:

«На войну смотрели, как на чисто военное дело, и потому ее готовил и обслуживал отдел военной разведки. Лишь постепенно генеральный штаб понял, как плохо была поставлена на деле разведка гражданских властей. Однажды утром в Шарлевиле мне нужно было передать сообщение начальника генерального штаба генерала фон Фалькенгайна рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу. Он попросил меня присесть на минуту и сказал:

— Расскажите, каково положение у противника Я решительно ничего об этом не знаю.

Картина совсем не та, какую представляла, я думаю, разведывательная служба при Бисмарке!»

Картина, действительно, была не та, и этого, кажется, не понимал угодливый полковник генерального штаба.

Необычайно эффективная «разведка при Бисмарке» была лично создана и деспотически управлялась Вильгельмом Штибером, талантливейшим учеником самого Бисмарка, а не каким-нибудь бездарным чиновником, вроде Николаи, предававшим и презиравшим всех штатских.

Но в германской армии считалось неприличным вспоминать о деятельности Штибера или даже просто упоминать его имя. Однако именно с помощью его мощной секретной службы были одержаны громкие победы и создана империя. Отрицать ее достижения и пренебрегать преимуществами и возможностями такого шпионажа значило оказывать пангерманской мечте не очень ценную услугу.

Вот как объяснял это полковник Николаи:

«С незапамятных времен офицеры штабного корпуса предпочитали практическую службу в полковых штабах жизни в Берлине и тамошней теоретической работе. И когда разразилась война, лучшие из них оказались на штабных постах на фронте...

Это обстоятельство отразилось на секретной службе. Ее центральная организация также была переведена на фронт. Из немногих офицеров, обученных этому роду деятельности, лучшие вознаграждены были освобождением от работы в полковых штабах, а остальные были распределены между командирами армий в качестве офицеров разведывательной службы. По общему представлению, секретная служба, шпионаж должны были найти себе применение главным образом на театрах войны. Но ввиду быстрого продвижения... на Западе, где в первую очередь мы искали военного решения, в армейском командовании господствовал сильный скептицизм насчет возможностей и пользы шпионажа. Это заходило так далеко, что командование одной армии во время наступления через Бельгию оставила офицера разведки в Льеже как ненужный балласт».

Такова была мнимо грандиозная довоенная германская секретная служба, офицеры которой после подготовки «награждались» освобождением от работы в полковых штабах!

Николаи продолжает:

«Не осталось без влияния на армию, в которой сильно развито было чувство субординации, и то, что начальником разведывательной службы был самый младший по стажу начальник отдела в высшем командовании, притом гораздо более молодой годами, чем начальники отделов генерального штаба на фронте и начальники отделов в военном министерстве. Гражданские власти также привыкли к более высоким, чем майор, чинам в генеральном штабе¹. Я должен подчеркнуть эти личные соображения, ибо они позволяют объяснить затруднения, с которыми встретилась в своей работе наша разведывательная служба. Эти же соображения объясняют, почему она так отставала от того,

чего враг добился долгой довоенной учебой и поддержкой государственных деятелей, решивших воевать и победить.

Сознавая недостаточную подготовленность секретной службы, власти, конечно, и до войны пытались выяснить посредством крупных стратегических маневров, какие требования предъявит к этой службе война, если она начнется. Но эти теоретические изыскания носили чисто военный тактический и стратегический характер. В ходе их никто не пытался выяснить ни хозяйственного и политического состояния вражеских государств, ни системы их пропаганды. Широкая, в мировом масштабе, разведка никогда не была предметом хотя бы теоретического рассмотрения. Действительность оставляла в тени всякую концепцию прошлого».

Всякую концепцию прошлого, кроме концепции Бисмарка — Штибера, которая была исключительно немецкой и процветала всего лишь в прошлом поколении!

На эту устаревшую армейскую платформу неспособности гражданской власти и становится Николай. «Задачи, возлагаемые на военную разведку в мирное время, расширились с началом войны», — благодушно утверждает он. В действительности он виляет; предоставим, однако слово ему.

«В мирное время эта служба была единственным источником получения сведений о военном потенциале вражеских государств».

Николай столь непримиримо разносил слабость и трусость гражданских властей, особенно из числа тех, кто уже умер и, следовательно, не мог оправдываться, что это в конце концов принесло ему награду. С явным чувством иронии описывает Николай полицейских чиновников, которые прибыли по назначению в его полевой штаб, облаченные

«в бриджи, длинные чулки и фетровые шляпы с пучками волос серны, и с уверенностью, что в такой экипировке они способны совершить чудеса в секретной армейской полиции».

Взгляды, высказанные Николаем, характерны не для одной только Германии. Агент-любитель во всех странах является либо комической фигурой, либо чудовищным невеждой в области шпионажа и контршпионажа, либо и тем и другим одновременно. Не только персонал был повсюду некомпетентен, но и средства, отпускаемые на разведку, были недостаточны, за исключением двух воюющих стран: Великобритания имела их достаточно; России же еще нужно было научиться расходовать их с пользой. Николай, однако, с горечью жалуется на то,

что вечно скарредный рейхстаг отпустил германской разведке 50-процентную прибавку, повысив ассигнования до 450 000 марок вместо 300 000.

Возможно, что донесения шпионов о расточительности царя были доведены до сведения изумленного германского рейхстага. Кроме того, «смета армии на 1912 год составлялась под личным воздействием Людендорфа», а он никогда не отступал, если нужно было посостязаться с русскими.

Из этой увеличенной субсидии 50 000 марок было «отложено в 1913 году на случай необычайных политических трений». Нетрудно сообразить, что «чрезвычайные политические трения» были заметны руководителям разведки в 1913 году. Ведь даже такая ничтожная сумма, как девятая часть всей германской субсидии, могла быть истрачена на смягчение австро-балканских трений и тем самым на предотвращение военного взрыва. Но современным отделам разведки и секретной службы платят не за защиту страны от себя самой или ее правящего класса. Не управляют они и историческими событиями, хотя и изучают их в процессе развития. В теории разведка не провоцирует и не предотвращает военных действий, но собирает информацию о силах, открыто, тайно или потенциально враждебных, стараясь помешать деятельности их агентов, интриганов и шпионов.

Полководец не может быть вполне уверен в том, что он действительно полководец, пока он не начнет командовать войсками в сражении. Государственный деятель также должен вдохновлять и укреплять свое отечество, иначе он умрет, не зная, достоин ли он в истории хотя бы примечания. Но начальник секретной службы должен из года в год работать, как бы ни были продолжительны мирные интервалы. Никакому руководителю шпионов нет надобности толкать их на разжигание войны, чтобы узнать, как они будут работать; ибо он заранее знает, как они работают и насколько мало могут совершить даже лучшие его агенты, если речь идет о чем-нибудь действительно важном и могущем быть поставленным в заслугу.

И основной дефект германской разведки состоял не в фактическом сговоре с Берхтольдами и Конрадами, с военной партией Вены и потсдамскими бряцателями ору-

жем, а в редком во всей истории Пруссии отсутствии бдительности, зоркости и должной подготовки. Поскольку в Германии не было нового Бисмарка, постольку и надежды на появление нового Штибера также были весьма нереальны. Германский шпионаж — и на театрах войны, и в других местах — не мог преодолеть своей отсталости, сколько бы Николай ни старался его обелить и оправдать. С другой стороны, и германский контршпионаж с самого начала страдал от малочисленности штата; но он овладевал своим делом, становился все сильнее и остался до конца войны грозным для противника.

Немецкая разведка в Англии

В Германии многие, включая придворных, офицеров, журналистов и политиков, по-видимому, были совершенно не подготовлены к тому, что после объявления войны Англия присоединится к Франции, России, Бельгии и Сербии. Английские офицеры, как капитан Тренч, капитан Брандон и Бертрам Стюарт, были арестованы, осуждены за шпионаж и заключены в германские тюрьмы. Все указывало на солидарность Англии с блоком враждебных Германии держав; но впечатление, произведенное тем, что Англия объявила войну Германии, было самым ошеломительным из событий августа 1914 года.

И настал день, когда германскому морскому министерству и генеральному штабу пришлось испытать последствия этого на деле, день, когда контршпионы Антанты узнали все о немецкой «шпионской цепочке», ибо англичане спокойно «свернули» ее и поместили в «сухое, прохладное место».

За несколько лет до войны кайзер Вильгельм был с визитом в Лондоне, и английские секретные агенты, на которых возложили ответственность за его безопасность, обратили внимание на странное поведение одного из членов свиты кайзера. Они знали, что этот офицер заместитель начальника германской морской разведки. С безрассудством, столь часто отличавшим публичные выступления самого Вильгельма, этот флотский капитан зашел в скромное заведение цирюльника Карла-Густава

Эрнста, по улице Каледониан-Род. Сразу же британские контрразведчики стали наблюдать за этим безвестным лондонцем. Эрнст, родившийся в Германии, формально являлся британским подданным. Шестнадцать лет он содержал одну и ту же скромную лавчонку и в течение неуставленного периода времени дополнительно зарабатывал фунт в месяц тем, что служил «почтовым ящиком» для разведки.

Плату он получал небольшую, но риск и хлопоты были велики. Письма с инструкциями для шпионов из германской разведки прибывали пачками. Так как на них уже были наклеены английские почтовые марки, то Эрнст попросту относил их в ближайшее почтовое отделение. Получавшиеся же на его имя ответы он тотчас же переправлял своим хозяевам в Шарлоттенбург или по какому-нибудь «явочному» адресу в нейтральную страну. За исключением фамилий и адресов, редко менявшихся он мало что знал о центральной инстанции, управлявшей всеми его операциями. Эрнст не был технически обученным агентом или человеком, проникнутым корпоративным духом, столь характерным для прусского офицерства. Эти достоинства достались в удел его начальнику, который провалил дело.

Получив эту тонкую нить, британские контрразведчики начали вскрывать и читать всю корреспонденцию, получавшуюся на имя Эрнста, откуда бы она ни шла. В течение многих месяцев, предшествовавших военному взрыву, за германской разведкой в Англии велось незаметное, но систематическое наблюдения.

Упомянутым нескромным «начальником» был не Густав Штейнхауэр. Но его собственный рассказ о контакте с германским шпионажем в Англии показывает, до какой степени и он повинен был в полном и фатальном провале Германии. Бывший частный детектив, служивший в американском агентстве Пинкертона приобретший там некоторый опыт, Штейнхауэр обнаруживал вкус к переодеваниям и коммивояжерскую тягу к сорению деньгами. Он страдал, по-видимому, и болезнью, занесенной Алланом Пинкертоном в федеральную секретную службу в период американской граждан-

ской войны: он ничего не смыслил в военном или морском шпионаже, если только дело не шло о расследовании уголовного преступления.

Штейнхауэр без всякого стеснения называл себя «маэстро шпионов кайзера», что не только подчеркивает его собственную полную посредственность, но и довольно ярко характеризует весь довоенный уровень германской секретной службы. По сравнению с талантливыми работниками военных лет — Генрихсеном, Максом Вильдом, Зильбером, Генрихом Штаубом или Бартельсом, которые пошли на огромный риск служения Германии во вражеских странах, «маэстро» Штейнхауэр вообще вряд ли был шпионом. Служа за границей, он отдавал все свое время, свободное от жалоб на скупость своих хозяев, почтительным заботам о собственной безопасности. Ни один из первоклассных авторитетов германской военной разведки не считает его услуг настолько серьезными, чтобы вообще упоминать о нем; но как агент политической полиции, служивший при Муле и фон-Тауше, он стяжал себе репутацию сносного сыщика. Несмотря на свое тщеславие и страсть к переодеваниям, он был природный контршпион, настойчивый, подвижный и беззастенчивый. Англия и ее союзники должны быть благодарны тому германскому начальнику, который отвлек его в сторону шпионажа...

За десять дней до начала военных действий, в последнюю неделю июля 1914 года, в Англии находилось 26 агентов германской разведки. Среди них был их хозяин Штейнхауэр, руководитель шпионажа. Он прибыл из Бельгии, из Остенде, ибо его «концепция» секретной службы влекла его в это время года на самые приятные курорты Континента, и он разъезжал, встречаясь и дискутируя со своими шпионами, которые не принимали всерьез его предсказаний о неизбежности войны. Они слишком долго жили в Англии, чтобы поверить в воинственность английского народа. Короче говоря, они совершенно не годились в секретные военные агенты в случае войны. И англичане не намерены были дать им усовершенствоваться.

Штейнхауэр отправился в Уолтемстоу повидаться с Кронауэром, который в течение многих лет помогал развитию германского шпионажа в Англии. Однако англичане уже «накрыли» Кронауэра. Штейнхауэр,

всегда искусный в контршпионаже, легко обнаружил полицейскую засаду. Он со смешной наивностью сообщает, что «в Берлине с некоторых пор известно было, что корреспонденция Кронауэра вскрывается». Штейнхауэр полагал, что агенты, следящие за парикмахерской, главным образом готовят «грубую ловушку» для него самого. Он избежал этого, выворотив наизнанку свое «двойное пальто» и соблюдая другие приемы маскировочного ритуала. Но так как он спешил в другое место, то облегчил свою совесть тем, что послал Кронауэру и другим своим корреспондентам — цырюльникам, булочникам, главным официантам и мелким торговцам — шифрованное распоряжение приготовиться к военным действиям.

Война надвигалась; но Штейнхауэру нужно было еще съездить на север и обследовать возможные военные базы английского Большого флота. Переодевшись рыбаком и обманув приятеля, шотландского удильщика рыбы, Штейнхауэр пробрался в Скапа-Флоу. Ловя здесь рыбу при помощи лески, имевшей узелки, он сделал промеры глубины и смог утвердительно ответить на вопрос германского морского министерства: могут ли крупные броненосцы британского флота базироваться на Скапа-Флоу?

Самым странным в этой миссии Штейнхауэра представляется то, что германское морское министерство так недопустимо долго медлило с обследованием бухты Скапа-Флоу. Еще в 1909 году германский и английский флоты начали готовиться к смертной схватке. Каждый пояс брони, накладывавшийся на новый германский военный корабль, каждая пушка, устанавливавшаяся на борту, означали подготовку к битве с англичанами. Но германская разведка ждала почему-то наступления «настоящего дня» — иначе говоря, того дня, когда война в Северном море станет почти совершившимся фактом, чтобы отправить Штейнхауэра обследовать естественную и почти неприступную базу Большого флота, который как раз тогда был мобилизован в ответ на сухопутные и морские приготовления Германии.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Драма начинается: уберите занавес

Настало время прекратить полировку и смазку огромной и прекрасно оснащенной машины европейского милитаризма и приступить к наполнению ее резервуаров человеческой кровью. Большие дороги Континента задрожали от топота подкованных железом сапог. Больше не было нужды в парадах и осенних маневрах — Сербия вооружается, не жалая дать уничтожить себя; Австро-Венгрия мобилизуется. Мобилизуется Россия.

Утром 31 июля 1914 года генерал фон Мольтке, начальник германского генерального штаба, подписал приказ об объявлении с полудня состояния военной угрозы.

Так была окончательно развязана война. Германия тотчас же начала мобилизацию, и за ней последовала союзница России — Франция. Немцы нарушили нейтралитет маленькой Бельгии, стремясь вторгнуться во Францию на широком фронте, и Британская империя вступила в войну против Германии, не желая допустить появления германских полчищ у Ламанша. В течение одной недели все великие цивилизованные державы, не исключая самых отдаленных и нейтральных, оказались потрясенными до основания.

Один из офицеров британского штаба, говорят, как-то заметил, что его родина, по всей вероятности, повторит опыт наполеоновских войн: начнет войну с наихудшей в Европе разведкой и кончит ее с наилучшей. Но если сопоставить британскую разведку с разведками других европейских стран, то получится впечатление, что британская «худшая» разведка работала все же довольно недурно. И уж, конечно, лучше всех действовала контрразведка Англии; правда, главным образом благодаря промахам ее врагов.

Персонал контрразведывательного отдела состоял всего из четырех офицеров, трех следователей и семи канцелярских служащих. Но в случае надобности в преследовании шпионов неприятеля принимали участие

особый сыскной дивизион нового Скотленд-Ярда* и все полицейские силы британских островов.

Густав Штейнхауэр несколько отложил срок своего бегства, чтобы предупредить своего эдинбургского агента, пианиста мюзик-холла Джоржа Кинера. Этот шпион был убежден, что будущая война его не коснется, ибо из великих держав в войну будут вовлечены только Англия и Россия. Отто Вейгельс, германский агент в Гулле, посмеялся над предостережением Штейнхауэра; и теперь, когда англичане замкнули круг вокруг «цепочки Эрнста», Вейгельс оказался в числе немногих, сумевших ускользнуть из расставленной сети. Штейнхауэр просто написал Шапману, своему экситерскому агенту, чтобы он передал предупреждение Эрнсту в Лондон. Шапман удрал, Штейнхауэр благополучно и не торопясь добрался до Гамбурга. Эрнст и 21 других германских агента были арестованы 5 августа, на другой день после объявления войны.

Жившие в Лондоне агенты были захвачены при облаве, устроенной сыщиками; телеграммы, вовремя посланные начальникам полиции в провинцию, дали возможность арестовать остальных. И вот завеса, погуще лондонских туманов, окружила Великобританию, ослепив германскую разведку. Прусский генерал фон Клок не скрыл своего изумления, когда его 1-я армия, атаковав левый фланг союзников, армию Ланрезака, наткнулась на британскую регулярную армию.

Акт о защите государства — «Дора»** — еще не действовал, когда Эрнст и его «цепочка» были уже взяты под стражу. Многие из его сообщников по секретной службе были подданными кайзера, и их можно было арестовать только на время войны — наказание немалое. Цирюльник, зарабатывавший фунт стерлингов в месяц, которого Штейнхауэр пытался спасти при помощи открытки, в конце концов поплатился семью годами каторжных работ.

Эта успешная ликвидация всей сети германского шпионажа в Англии, положившая вообще начало ан-

---

* Скотленд-Ярд — помещение штаба английской полиции в Лондоне; нарицательное обозначение английской полиции или сыска.— Р е д.

** Сокращение английских слов «Defence of the Realm Act» («Акт о защите государства»). — Р е д.

глийским удачам, быстро принесла ощутительные плоды. Британская экспедиционная армия пересекла Ламанш без препятствий и незаметно для врага. И если бы численность регулярных войск была вдвое больше, их нажим, который почувствовал один только фон Клуке, остановил бы вторгшиеся армии фон Бюлова и Хаузена и мог бы изменить весь ход войны на Западном фронте. Одно только неожиданное для немцев присутствие этих войск, не говоря уж об их численности, оказывало существенное воздействие на отступательный маневр, известный под названием «битва на Марне»: армия Френча и 5-я французская армия Ланрезака спаслись от сокрушительной катастрофы.

Эти две армии, состоявшие из тринадцати французских и четырех английских дивизий, к 23 августа, находясь под командой Жоффра, едва не попали в германскую ловушку. 1-я и 2-я армии фон Клуке обходили их с севера, а 3-я армия Хаузена — с востока. Своевременный отход этих двух армий военные писатели объясняют тремя причинами: осторожностью Ланрезака, преждевременной атакой 2-й германской армии и непредусмотренным германской разведкой прибытием англичан на левый фланг.

— Что за олухи меня окружают? Почему мне не сказали, что в Англии у нас нет шпионов? — якобы сказал взбешенный кайзер, узнав о том, с какой быстротой армия Френча прибыла на передовые позиции.

Мрачно настроенные чины генерального штаба согласились с Вильгельмом, что теперь придется пересмотреть все германские планы.

— Необходимо немедленно отправить в Англию первоклассного шпиона, — распорядился Вильгельм, — а главное, такого немца, на патриотизм которого можно было бы вполне надеяться.

Германская морская разведка была тем более встревожена, что британская армия все еще считалась слишком малочисленной и «презренной»*, чтобы беспокоить кого-либо в Германии. Очевидно, не имея под рукой «первоклассного шпиона», морская разведка спешно отправила в Шотландию злополучного лейтенанта за-

---

* Намек на крылатый отзыв Вильгельма об английских войсках: «презренная маленькая армия Френча». Англичане первые начали цитировать с насмешкой этот самоуверенный и глупый отзыв недалевого кайзера. — Р е д.

паса Карла-Ганса Лоди. Так как он согласился действовать в качестве временного «эрзац-шпиона», то на его неопытность посмотрели сквозь пальцы.

Лоди хорошо знал Англию, так как служил на пароходной линии «Гамбург — Америка» гидом для туристов. Он бегло говорил по-английски «с американским акцентом» — мелочь, которую обычно упускали из виду другие германские шпионы, пытавшиеся выдавать себя за американцев. В сентября 1914 года он очутился в Эдинбурге с паспортом американского туриста Чарльза Инглиса, на котором наклеена была, однако, его фотография, ловко подмененная. Подлинный мистер Инглис незадолго до того был в Берлине, просил завизировать его паспорт и дожидался, покуда Вильгельмштрассе* разыщет его «затерявшийся» документ, с которым Лоди как раз и явился к британским портовым властям. По требованию американского посольства, Инглису выдали другой паспорт и извинились перед ним. Лоди тем временем успел отправить телеграмму в Стокгольм, незаметно перебрался из гостиницы на частную квартиру и, взяв напрокат велосипед, начал обследовать окрестности.

Как новичок в секретной службе, он страдал чрезмерным усердием в заметании следов. Он задавал слишком много вопросов, проявляя чрезмерный интерес к гавани в Росайте, и вообще проявлял отнюдь не туристское любопытство к английскому флоту. Уже при отправлении своей первой телеграммы Лоди обратил на себя внимание. Она была адресована в Стокгольм Адольфу Бурхарду, когда еще не занесенному британской морской разведкой в обширный список подозрительных лиц, и в ней Лоди неосторожно выразил враждебные Германии чувства. Даже в начале войны цензоры были не так уж легковверны; лицо, чересчур прозрачно пишущее для цензуры, явно заслуживало в ее глазах усиленной слежки. Шпионы, работавшие после Лоди, прибегали к этой прозрачной уловке в почтовой переписке, и их письма неизменно задерживались для испытания на симпатические чернила. То, что Лоди в телеграмме столь

---

* Вильгельмштрассе — улица в Берлине, на которой находилось министерство иностранных дел. Иносказательно — Германия в ее внешних сношениях. — Р е д.

бурно и откровенно радовался неудачам немцев, обращаясь к нейтральному адресату, не соответствовало ни американской, ни нейтральной позиции.

Пять раз писал он Бурхарду. Только одно из этих писем пропущено было в Швецию, да и то потому, что оно помогло подтвердить циркулировавший в первые месяцы войны слух о том, будто русская армия высадилась в Шотландии и перевезена оттуда во Францию для участия в сражении на Эне. То, что Лоди подхватил и передал это лживое сообщение, не свидетельствует о его уме, ибо в то время военные обозреватели и корреспонденты только и писали, что об этой армии русских¹. Такой многообещающий молодой человек, как Карл Лоди, при достаточной тренировке в области секретной службы, мог бы сделаться весьма хорошим разведчиком; вместо этого он зря погубил себя. Чтобы успокоить кайзера и заменить порвавшуюся «цепочку» Эрнста, Лоди бросили в неприятельскую страну, не посвятив даже в тайны шифров, кодов или пользования симпатическими чернилами.

Британской контрразведке продолжало везти. За Лоди следили от Эдинбурга до Лондона, затем снова до Эдинбурга, оттуда на протяжении всего пути до Ливерпуля, до Холихеда, Дублина и Килларни. Он направлялся в морскую базу Квинстауна; но его последнее письмо к Бурхарду, перехваченное, как и прежние его письма, оказалось достаточно убедительным, и ирландская полиция арестовала его по просьбе Скотленд-Ярда.

После того как в Германии стало известно о провале Лоди, секретная служба и военные круги упоминали о Лоди лишь затем, чтобы отозваться о нем презрительно. Он сделал промах и, возбуждив подозрительность англичан, является виновником обнаружения и гибели многих других шпионов,— так говорили о Лоди². В действительности же он ни в чем не проявил отсутствия инициативы или хладнокровия, и почти все, что он делал, разоблачает спешку и бездарность германской секретной службы, которая и не обучила его как следует шпионскому делу, и не сумела руководить им как шпионом.

30 октября 1914 года его судил в Лондоне военный суд. Председателем суда был генерал-майор лорд Чейлсмор, а безнадежное дело защиты германского

агента было поручено видному члену английской адвокатуры Джорджу Эллиотту. Лоди в первую очередь обвиняли в том, что он 27 и 30 сентября отправил два письма Карлу Штаммеру в Берлин и письма эти содержали в себе сведения о последних военных приготовлениях Англии и ее оборонительных мероприятиях. В багаже Лоди, помимо фальшивого паспорта, была найдена записная книжка с данными о флоте и гамбургскими, берлинскими и стокгольмскими адресами. Найдены были также копии телеграмм и четырех писем, посланных Бурхарду.

Донесения его были признаны на суде лучшими из всех, какие только когда-либо попадали в руки британских контрразведчиков. Особенно подчеркивалась перед девятью членами суда их «поразительная точность и ясность изложения». Лоди был расстрелян в лондонском Тоузере в ноябре 1914 года.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Разведка и секретная служба

Для противников Германии и даже для нейтральных наблюдателей этот неожиданный и почти неправдоподобный провал германского шпионажа явился полной неожиданностью. На протяжении целого поколения правительства и народы Европы страшились нового колоссального нашествия немецких армий, поддержанных тевтонскими шпионами*. Но куда же девались эти тайные спутники армий? И не является ли этот провал только подвохом с их стороны?

Сейчас уже совершенно ясны причины, в результате которых германская секретная служба оказалась несо-

---

* Автор имеет в виду ужас, который навела на Францию Пруссия в 1870—1871 годы, и полагает, что после франко-прусской войны вся Европа готовилась к новой германской агрессии.— Р е д.

стоятельной в начале войны. И лишь в отдельных эпизодах подпольной борьбы она сумела добиться некоторых успехов. Германское командование умело подкреплять силу своих армий террором. Террор, устрашение, Schrecklichkeit — такова была их сознательная стратегия с первого дня войны¹. Пытаясь сорвать союзную блокаду, германский флот, став на путь ничем не ограниченной подводной войны, по существу начал применять особую форму морского террора, вполне достойную каких-нибудь варваров-пиратов Караибского моря. Но ни первоначальная организация разведывательной службы — Nachrichtendienst, ни тренировка ее первых работников не гарантировали успеха этому новому виду войны. Позднее, с развитием диверсий, контршпионажа и других агрессивных приемов секретной службы, германские агенты начали заимствовать у своих товарищей по армии или подводному флоту их теорию неограниченного террора. Без террора даже тайный немецкий боец чувствовал себя слабым.

Это не сразу обнаружили специалисты разведки в странах Антанты, что оказало немалое влияние на ход борьбы секретных служб. Если немцы не совершают исторической ошибки, то какую новую уловку стараются они замаскировать? Или они в самом деле достигли крупных успехов, пока еще не обнаруженных?

Вскоре для держав Антанты стало ясно, что немцы, несмотря на все свои старания, добиваются своей секретной службой столь жалких результатов, что их поневоле приходится скрывать.

Было бы, например, крайне опасно и неразумно открыто сообщить английской публике, что в Соединенном королевстве нет ни одного германского агента, который находился бы на свободе. К счастью, уже в то время специалисты по военной пропаганде умели представить неприятеля, во-первых, демонически свирепым; во-вторых, могущественным и грозным и, в-третьих, временно преуспевающим. С первого же дня войны необходимо было всячески умалять успехи врага и в то же время преувеличивать его возможности.

На всем протяжении войны германскую секретную службу представляли в неправильном свете. Немцы почти непрерывно побеждали на суше и становились все опас-

нее на море. Что из того, что их наступательный шпионаж часто делал промахи, ошибался, неправильно бывал информирован и часто попадал в нелепое положение и на Западе, и на Востоке? Тем легче и безопаснее было выдавать секретную службу кайзеровской армии за страшилище и изображать ее перед всеми в грозном виде.

Французы сорок лет бредили реваншем, мечтали о возвращении Эльзас-Лотарингии, о расплате за Седан и за сдачу Парижа. Что же так долго готовила эта первоклассная военная держава к «неизбежному» конфликту? Если не упомянуть о легкой 75-миллиметровой полевой пушке, то можно сказать, что Франция оказалась неподготовленной к войне и могла считаться жертвой неожиданного и внезапного нападения. Французская разведка, маниакальная сосредоточенность которой на тевтонской угрозе разорила Дрейфуса, отправила Пикара в тюрьму, а Лажу в изгнание и погубила или испортила тысячи тайных карьер,— эта разведка начала мировую войну с того, что принесла победу Германии. В августе 1914 года на полях сражений оказалось вдвое больше немецких солдат, чем ожидал французский генеральный штаб. Его агенты и эксперты из разведки, оценивая численность германской армии, «учитывали только действующие дивизии», хотя раньше французская разведка «считалась с возможностью, что немцы с самого начала пустят в ход запасные соединения». Когда же началась война, то французские власти растерянно подчеркивали, что основной изъян французского плана заключался в том, что немцы располагали вдвое большим числом войск, чем ожидала французская разведка, и притом достаточным для широко охватывающего маневра.

После 1906 года, когда фон Мольтке сменил знаменитого графа Шлиффена на посту начальника германского генерального штаба, к общему числу германских дивизий прибавилось девять новых. Но хотя специалистам из французской разведки дан был восьмилетний срок на исправление прежних ошибок и на обследование роста германской армии, они упорствовали в своем заблуждении и даже склонили на свою сторону генерала Жоффра. Его внушительный «план XVII», построенный на принципе «наступление до конца», базировался на не-

правильном расчете; в этом одна из причин провала «плана XVII», который пришлось менять буквально на ходу.

Это крупнейшее заблуждение свело на нет и данные некоторых ценных шпионских донесений, полученных бельгийской разведкой. До 1912 года Бельгия тратила очень мало средств на военный шпионаж: поскольку, однако, напряжение в Европе не уменьшалось, брюссельские власти обратились к услугам нескольких секретных агентов: бельгийских генералов главным образом смущали слухи о новой германской осадной артиллерии.

Укрепления Антверпена, Льежа и Намюра оптимистически считались «сильными» и даже «неприступными». Они могли выдержать огонь германских 21-сантиметровых или французских 22-сантиметровых орудий; между тем, уже японцы применяли 28-сантиметровые орудия при бомбардировке высоты 202 и других главных укреплений Порт-Артура. Поэтому бельгийские шпионы направились в Австрию и Германию и узнали все, что только можно было узнать о последних моделях крупновских пушек и гаубиц Шкоды. Австро-германские союзники располагали орудиями, калибр которых в полтора раза превышал 11-дюймовые осадные гаубицы Японии!

Говорят, что один из шпионов привез будто бы с собой подробное и точное описание огромной 42-сантиметровой пушки Шкоды. Однако он не получил за это благодарности. Все считали, что принимать какие-либо меры уже «слишком поздно» и «слишком накладно», а перестраивать бельгийские крепости с тем, чтобы они могли выдержать огонь новых осадных орудий, невозможно. Кроме того, бельгийский генеральный штаб чувствовал, что если по-настоящему прислушаться к столь дурным вестям, то это может обеспокоить главнокомандующего, которым был не кто иной, как сам бельгийский король.

Бельгийские крепости были оставлены на произвол судьбы, и это оказалось огромным промахом. Льеж, например, защищал «бутылочное горлышко», сквозь которое должны были пройти две германские армии — генерала фон Клука и генерала фон Бюлова; лишь после этого они получали возможность развернуться и ри-

нуться на юг, против французов и англичан. Крепость Льеж прикрывала не менее четырех железнодорожных линий, по которым только и могли снабжаться германские захватчики. Чтобы овладеть этим жизненно важным выходом у Мааса на бельгийскую равнину севернее Арденн, германский генеральный штаб подготовил группу в шесть пехотных бригад с массой артиллерии, самокатчиков и автомобилей, которую и держал наготове у бельгийской границы в течение нескольких лет. Шпионы своевременно донесли в Брюссель о сокрушительной силе этого тарана; но ничего не могло уже изменить судьбу недостаточно укрепленного Льежа.

Авангардом германского вторжения в 1914 году командовал генерал фон Эммих. Мобилизация даже превосходно организованной германской армии должна была потребовать несколько недель; но взятие Льежа было для Эммиха делом нескольких дней. Шесть бригад Эммиха должны были атаковать ключевую позицию Бельгии приблизительно за три недели до того, как мог последовать главный удар колоссальных вражеских армий. Все это происходило по стратегической программе Шлиффена, согласно изменениям, которые произвел в этом плане Мольтке.

В соответствии с планом германское командование бросило Эммиха и его шесть бригад через бельгийскую границу в ночь на 6 августа 1914 года, нагло нарушив нейтралитет Бельгии и послав дерзкий вызов Англии; Эммих должен был захватить важнейшую оборонительную позицию. Однако внезапная атака не удалась; даже хорошо вымуштрованные германские войска наделали ошибок. Кольцо льежских фортов не сдалось; нащупывая дорогу между фортами в темноте и сумятице, германские колонны потеряли направление и были на краю катастрофы. Но тут выступил прусский офицер, которому суждено было вскоре получить мировую известность и предполагаемые таланты которого — неважно, имел он их в действительности или нет, — поддержали дух германского фронта и тыла в самые мрачные для Германии часы. Это был Эрих фон Людендорф; начальство уже узнало его как блестящего члена генерального штаба, хотя он и был человеком, столь энергично отстаивавшим за год до войны свои особые взгляды, что было признано необходимым удалить его из Берлина и направить в бригаду.

И эта бригада при штурме Льежа была смята и находилась на краю гибели. Вся германская атака оказалась под угрозой срыва. Тогда Людендорф «вдруг вынырнул из мрака», вступил в командование колонной, сбившей с толку своего генерала, и присоединил к ней все прочие оказавшиеся поблизости и дезорганизованные части. На заре Людендорф потребовал капитуляции Льежа. Он уверил коменданта крепости, будто сильная внезапная атака смяла внешнее кольцо фортов, которые в тот момент, действительно, не вели стрельбы (что разоблачило бы его обман), поскольку не были атакованы, и добился сдачи цитадели со всем ее гарнизоном. Захват города позволил немцам осадить форты со всех сторон, но они упорно сопротивлялись и пали один за другим, когда огромные гаубицы были подвезены ближе и стали бить прямой наводкой.

Видный военный обозреватель писал, что разрушительная сила этих гаубиц «явилась первым тактическим сюрпризом мировой войны». Действительно, взрывная мощь 42-сантиметровых снарядов широко разрекламировала по всему миру могущество и военные возможности Германии. И все же у нас есть все основания полагать, что враги Германии не были захвачены врасплох; они знали о выпуске гаубиц большого калибра, а позднее были осведомлены о сооружении дальнобойных крупновских орудий, бомбардировавших Париж. Что касается германского «тактического сюрприза» у Льежа, то он в основном явился результатом бездействия разведки Антанты и ее генеральных штабов, чьи самодовольство и летаргия не были нарушены даже лихорадочной тревогой секретной службы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Диверсии

В 1915 году война вступила в самую страшную фазу — борьбу на истощение, первой жертвой которой пала маневренная стратегия и конечным результатом которой

была гибель лишних миллионов жизней. Антанта, имея на Западе численное превосходство, пребывала в блаженной уверенности, что на каждых четырех убитых французов или англичан должно прийти по меньшей мере три мертвых немца: следовательно, в каком-то неопределенно близком будущем останется лишь обширная страна покойников, именуемая Германией, на территорию которой уцелевшие солдаты Антанты войдут победителями. Но эта программа методического уничтожения людских ресурсов врага не учитывала такой проблемы, как саботаж или уничтожение существеннейших материальных ресурсов врага.

Слово «саботаж»* происходит от французского слова «сабо», означающего — деревянные башмаки. Французские ткачи XIX века бросали эти башмаки в свои станки, чтобы испортить их, так как думали, что появление машин лишит их навсегда работы. Но мировая война внесла в это слово весьма существенные поправки и даже истолковала его по-новому. Способный начальник «саботажников» эпохи мировой войны 1914—1918 годов, иначе говоря диверсантов, должен был иметь несколько пар лакированных «сабо», ибо бывал он в каком-нибудь плутократическом клубе, регулярно ходил в свой «офис» (контору) в Нью-Йорке, подобно адвокату или коммерсанту, совещался там со своими агентами, словно это были клиенты или продавцы, а не шпионы и бомбометатели, и часто принимал приглашения отобедать в шикарном отеле Ритц-Карлтон.

Такого рода техника диверсии была весьма распространена в ту пору в Европе, и особенно там, где шла война. В самом деле, кто мог найти причину «катастрофы», организованной любительской рукой или профессиональным агентом-диверсантом, в месте, где взрываются бесчисленные снаряды, бомбы, падающие с воздуха, и где пылают пожары?

---

* С а б о т а ж — действия, направленные к нанесению ущерба промышленному предприятию или военной организации и исходящие от лиц, которые состоят на работе в данном предприятии или организации. Саботаж стал формой политической и социальной борьбы в конце XIX и начале XX века; был широко применен врагами советской власти в начале Октябрьской революции. У англичан и американцев словом «саботаж» часто обозначается и военная диверсия.—Р е д.

Французский авторитет, генерал Б. Э. Пала, высказывает убеждение, что в жуткие месяцы 1916 года Верден спасли два счастливых обстоятельства: удачное уничтожение всех германских 42-сантиметровых гаубиц точным огнем французских дальнобойных орудий и взрыв большого артиллерийского парка близ Спенкура, где немцы заготовили и держали 450 000 тяжелых снарядов с запалами. Такая небрежность уже сама по себе является свего рода «диверсией», обычной в боевых зонах,— беспечность подчиненного или глупость начальника. Но что же, независимо от незащищенности этих тысяч немецких снарядов, взорвало первых из них? Антанта никогда не изображала спенкурскую катастрофу как мастерский ход своей секретной службы, обнаружившей парк в качестве цели для бомбежки с воздуха, или как прямой взрыв в результате диверсии. И генерал Пала почти одинок в признании огромного влияния этого взрыва на возможность удержания французами в своих руках ключевой позиции Западного фронта.

Союзники, видимо, несколько стеснялись диверсий и предоставили главные достижения в этой области Германии; впрочем, Комптон Макензи в неизъятном томе своих военных мемуаров рассказал о своем коллеге из британской разведки, который разработал план взрыва одного моста близ Константинополя. Этот офицер добыл образцы разных сортов угля, которым пользовались в этой части Турции, отобрал несколько крупных кусков и отослал в Англию, где они должны были послужить моделью оболочек для бомб; бомбы эти обещал доставить на место один наемный левантинец-диверсант.

Диверсия осталась изолированным приемом нападения, но она с неизбежностью породила агента контрдиверсии. В 1915 году германский военный атташе в Берне познакомился с одним русским, который как будто готов был принять любое поручение, направленное против царя. Он хорошо знал Россию. Не попытать ли счастья на Сибирской железной дороге? Этот потенциальный шпион и агент-диверсант говорил, что ему знакома каждая верста Сибирской железной дороги. Когда ему растолковали, в чем дело, он даже согласился тайно вернуться в Россию и пробраться в Сибирь до Енисея, где он взорвал был железнодорожный мост. Уничтожение этого моста на месяцы остановило бы приток

боеприпасов из Владивостока на Западный фронт в России против Германии. Русский, по фамилии Долин, получил исчерпывающие инструкции, деньги на дорогу и щедрое вознаграждение, причем ему была обещана двойная награда в случае, если он взорвет мост и сумеет бежать. Долин смело отправился в Россию и явился к руководителям охраны и генералу Батюшину. Что же, Долин был попросту плутом, обманщиком, который трусил? Нисколько: его можно было бы назвать обманщиком, но в широком патриотическом плане секретной службы, ибо Долин дурачил немцев с самого начала. Он был ответственный агент русской разведки.

Единственная организованная кампания диверсии во время мировой войны 1914—1918 годов была проведена в Северной Америке. Она началась за много месяцев до того, как Соединенные Штаты объявили Германии войну, и стихала по мере того, как вашингтонское правительство все больше и больше втягивалось в войну. Мы имеем в виду знаменитую диверсионную атаку Германии, бывшую единственным достижением ее секретной службы и поддержавшую ее преувеличенную довоенную репутацию. Это была настоящая война, удары которой падали на американских граждан, полагавших, что они вольны торговать с англичанами, французами или русскими. В первую очередь это было нападение на торговлю оружием и боеприпасами, на суда любой национальности, груз которых более или менее прямо предназначался для военных целей. Все это нам известно из повествования о своих подвигах начальника группы немецких диверсантов, флотского капитана Франца Ринтелена фон Клейста*.

Американские наблюдатели в Германии рассказывали впоследствии, как немцы со свойственной им безжалостностью реагировали на потопление «Лузитании» и гибель при этом множества людей. «Подделом им,— говорили они об утонувших американцах.— Плыть на пароходе с боеприпасами! Зачем им плыть на пароходе с боеприпасами. Люди, плавающие на кораблях с боеприпасами, должны ожидать, что их взорвут»¹.

---

* Более подробно о действиях немецких диверсантов в США во время первой мировой войны см. Ф. Ринтелен, Секретная война. Записи немецкого шпиона. Воениздат, 1943.— Р е д.

Гораздо больше раздражали немцев торговые суда из Америки, не столь быстроходные и не столь знаменитые, как «Лузитания». Этим как-то удавалось ускользать от взора командиров германских субмарин. Перепробовав все лучшие типы торпед, немцы выработали программу диверсий, руководимых с американского берега Атлантики. При этом они удачно остановили свой выбор на капитане Ринтелене. Его энергия, умелое руководство, корректные и вкрадчивые манеры несколько смягчали впечатление от грубых провокаций таких аташе в Соединенных Штатах, как фон-Папен и Бой-Эд, таких дипломатов, как Думба, и их бесчисленных раздражителей. Ринтелен вел в Америке «малую войну» и все же обозлил меньше американцев, чем германские дипломатические Торы и Вотаны*, притворявшиеся миротворцами.

Диверсия на ринтеленевский манер, на первый взгляд, была действительно «игрой». Можно не сомневаться, что грядущие войны будут насчитывать полки Ринтеленев: противники будут взрывать, жечь и уничтожать друг друга. Прибыв в Америку, Ринтелен легко завербовал большой штат пылких, остервенело патриотичных и грозных тевтонов. Ринтелен снабжал этих диверсантов свинцовыми трубками, серной кислотой, бертолетовой солью и сахаром. Адская машина в виде сигары вызывала пожар в бункерах судна, груженного боеприпасами, после его выхода в море. Вначале было совсем нетрудно закладывать эти небольшие трубки в бункеры или трюмы грузовых пароходов, отправляемых в Европу.

Вскоре эпидемия пожаров распространилась на атлантических пароходных линиях, как ветряная оспа в детских садах. Эти пожары приходилось тушить, заливая трюмы морской водой и портя уцелевшие боеприпасы. В результате на фронт во многих случаях попадали партии снарядов, спасенных и «освеженных». Неудивительно, что американские снаряды снискали себе дурную репутацию слишком часто не взрывающихся. Германские диверсанты, таким образом, помогали разжигать и антагонизм между американцами и их недоверчивыми покупателями в странах Антанты.

---

* Тор и Вотан — боги древнегерманской и скандинавской мифологии. Тор — бог грома и покровитель земледелия; Вотан — главный бог, владыка неба и земли. — Р е д.

Кроме этих, с виду невинных, трубок, зажигательных бомб простого устройства, рассчитанных на определенный срок действия, Ринтелен и его агенты пользовались другими адскими машинами, замаскированными под консервные банки, детские игрушки или обыкновенные куски жирного каменного угля. Однако самую страшную бомбу довелось изобрести одному из главных сообщников Ринтелена, лейтенанту Фэю; бомбу эту можно было приладить к рулю стоящего на якоре судна, после чего движение руля автоматически вызывало взрыв.

При поддержке Ринтелена Фэй разрабатывал в тиши свое адское изобретение. Он построил корму парохода и приделал к ней заправский руль. К этому рулю он прикрепил детонатор, оканчивавшийся железным болтиком, который в нижнем конце заострялся иглой. Болтик соединен был с валом руля, и когда вал вращался, с ним вместе вращался и болтик, постепенно высверливая себе путь в детонатор. В конце концов игла пронизывала взрывной капсюль, происходил взрыв, и руль отваливался от корабля.

Германский диверсант получил ранения, испытывая свое изобретение, но он не оставлял своего дела, пока не добился от модели четкой работы, а затем приступил к сооружению портативной бомбы. Вскоре после этого, наняв однажды вечером моторную лодку, он пробрался в нью-йоркский порт, где под предлогом аварии двигателя подплыл к рулю одного из крупнейших военных транспортов и приладил свою адскую машину, после чего благополучно улизнул. На той же «неисправной» моторной лодке он повторил эту операцию. Результаты сказались весьма быстро и очень убедительно. Суда вышли в море — и на каждом произошла поразительная, таинственная катастрофа; руль исчезал, а корма оказывалась разрушенной взрывом. Команде одного парохода пришлось покинуть его и бросить на волю волн; другой пароход успел подать сигнал бедствия, и его отбуксировали в ближайший порт.

Эта победа над грузами причинила Фэю немало хлопот. Теперь он уже не решался показываться в гавани на испорченной моторной лодке. Вздумай он подобраться к рулю какого-нибудь парохода, его тотчас же заподозрили бы и арестовали. Тогда он стал мастерить из пробки своеобразные плоты и устанавливал на них адскую

машину. В темноте, толкая перед собой плот, он подплывал к пароходу, местоположение которого было им заранее разведано, и прилаживал адскую машину к рулю. Эти ночные вылазки он предпринимал в течение многих недель не только в Нью-Йорке, но и в Балтиморе и других портах Атлантического океана.

Но число транспортов, предназначенных для перевозки боеприпасов, возрастало так быстро, что вскоре все американские гавани оказались забиты ими; для защиты их от вражеских агентов-диверсантов, кроме полиции, выставили также крепкий заслон из неофициального контршпионажа. Весь штаб заговорщиков Ринтелена оказался недостаточно силен, чтобы помешать регулярному отплытию и хорошо замаскированному движению этих транспортов. Даже старания Фэя вскоре были полностью парализованы. Тогда немецкие диверсанты стали наносить удары в другом направлении. Они занялись финансированием враждебных Англии ирландских агитаторов для устройства забастовок на снарядных заводах и в доках главнейших портов Атлантического побережья.

Деятельности Ринтелена был положен бесславный конец природной или намеренной глупостью капитана фон Папена², германского военного атташе в Вашингтоне. Неуклюжие депеши, которые англичане легко перехватывали и расшифровывали, сообщали о предстоящем возвращении Ринтелена на родину под «нейтральной» личиной. Разумеется, диверсанта опознали и сняли с парохода голландско-американской линии «Нордам»; после свидания с начальником английской морской разведки адмиралом сэром Реджинальдом Холлом и его помощником лордом Хершеллем в штабе британской морской разведки немецкий капитан был засажен в тюрьму в Донингтоне. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, они потребовали выдачи Ринтелена не как военнопленного, боровшегося против американцев, а как преступника, совершившего уголовные деяния. Ринтелец был выдан, судим федеральным судом и приговорен к четырем годам заключения в каторжной тюрьме Атланты. Как и многие его сообщники, Ринтелен протестовал против столь «грубого обращения» американцев с морским офицером и дворянином. Но не подлежит сом-

нению, что в большинстве стран европейского континента его бы осудили за шпионаж и расстреляли.

В период осуждения Ринтелена были раскрыты еще не все преступления этого диверсанта; некоторые из них оставались неизвестными до самого конца войны. Были пароходы, которым изумительно везло. Быший германский океанский пароход «Де-Кальб» беспрепятственно совершал многочисленные рейсы во Францию под видом американского военного транспорта, и лишь впоследствии оказалось, что его коленчатый вал на $\frac{1}{5}$ пропилен германскими диверсантами. Точно так же норвежский грузовой пароход «Гюльдемприс», начавший свой рейс в Нью-Йорке в январе 1917 года, перевозил разные грузы до конца июля, последний раз в Неаполь, где подвергся чистке его задний кормовой отсек. И там были обнаружены две динамитные бомбы страшной силы.

Особенно загадочным было исчезновение американского парохода «Циклоп». Этот огромный угольщик в последний раз видели у одного из вест-индских островов 4 марта 1918 года; он шел с грузом марганца из Бразилии. «Циклоп» был оборудован самой современной радиоустановкой, что не помешало ему исчезнуть бесследно.

Американский генеральный консул в Рио-де-Жанейро, А.-Л.-М. Готшалк, бывший в числе пятнадцати пассажиров этого судна получил, говорят, какое-то странное «предупреждение» об опасности плавания на «Циклопе». Он тотчас же сообщил об этом капитану «Циклопа» Дж. Уорли, так что от офицеров и экипажа парохода можно было бы ожидать величайшей бдительности. Но ни позывных сигналов, ни сигнала о помощи со стороны команды не последовало за все время рейса. Надо полагать, что немецкие диверсанты, скрывавшиеся в населенных немцами центрах Бразилии или Аргентины, изобрели какой-нибудь быстрый и радикальный способ топления. Иначе трудно себе представить, чтобы большой, хорошо построенный корабль мог затонуть невдалеке от берегов Америки, не послав в эфир хоть какого-нибудь сигнала³.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Специальные миссии

Америка как будто отстала от Европы в смысле развития военной секретной службы. Все же с одним важным нововведением в области шпионажа в период мировой войны 1914—1918 годов навсегда связано как раз имя американца. Это нововведение — использование самолета для ночной переброски шпионов в тыл врага. Впервые к нему прибегли в балканских войнах 1912—1913 годов, затем тот же молодой американский искатель приключений появился на Западном фронте, где использование «воздушных шпионов» и «специальных миссий» шло рука об руку с усовершенствованием техники военной авиации.

Лейтенант Берт Холл начал свою карьеру военного летчика в 1912 году в рядах турецких войск, выступивших против Болгарии. Уроженец штата Кентукки, он провел свое детство в горах Озарка, сделался шофером гоночных автомобилей, а позднее — пионером летного спорта. На Балканах он летал на французском моноплане; турки наняли его для руководства их воздушной разведкой за 100 долларов золотом в день. Армии султана, которым противостояли сербы, греки и болгары, вынуждены были обороняться. Они потерпели поражения у Кирк-Килиссе и Люле-Бургаса 24 и 29 октября 1912 года; главный город и крепость турецкой Фракии Адрианополь, издревле прикрывавший пути к Константинополю, был осажден сербо-болгарскими войсками.

Когда турки поняли, что проигрывают войну, их главной заботой стало благополучное отступление в Малую Азию. Холл хорошо и честно вел разведку, но занимался только разведкой и упорно игнорировал турецкие намеки на то, что он мог бы сбрасывать бомбы на их победоносных врагов. И когда ему перестали платить, он перелетел на своем моноплане вместе со своим энергичным механиком-французом на сторону болгар, пригласивших его работать на них за тот же суточный гонорар. Служа султану, он хорошо ознакомился с новыми оборонительными позициями перед Константинополем; ему предложили приземлиться за фронтом у Чаталджи и

заняться шпионажем. Американец подчеркнул разницу между разведкой, которую он обязался вести, и шпионажем. За добавочное вознаграждение он согласился рискнуть и высадить болгарского секретного агента за турецкими линиями; это ему удалось, несмотря на примитивное состояние тогдашней авиации.

Когда же болгары спустя месяц задержали причитавшиеся ему платежи, летчик решил, что он сделал ошибку, перейдя к ним на службу; он уже собирался улететь, когда был арестован как неприятельский шпион. Арест поставил американского летчика в довольно затруднительное положение. Его лишили права обратиться к дипломатическому представителю Соединенных Штатов, и так как он не отрицал, что раньше работал по заданиям турецких генералов, то ему трудно было доказать, что он перестал работать на них.

Преданный военному суду, он открыто заговорил о деньгах, которых ему не заплатили, и его приговорили к расстрелу. К счастью, его механик француз Андре Пьерс, никогда не питал особенной веры в болгарскую честность; оставшись на свободе, он отнес свою часть заработка в золоте некоему представителю власти. За несколько часов до назначенного на рассвете расстрела «шпиона» француз заплатил большую взятку кому следует, и американца выпустили на свободу.

В августе 1914 года Холл начал выплачивать свой долг находчивому французскому хладнокровию. На второй же день войны он записался в иностранный легион. После трех месяцев войны на его умение обращаться с самолетом обратили внимание, и он был переведен в летный корпус. Он стал членом эскадрильи Лафайетта и в конце мировой войны оказался одним из двух оставшихся в живых участников этой прославленной группы «воздушных чертей». Еще до формирования этой эскадрильи Холлу, как бывалому военному летчику, собирались давать опасные специальные поручения. Это значило, что ему предстояло перебрасывать шпионов в германские военные зоны. Для этого требовалось, во-первых, умение летать ночью, ибо рассвет считался единственно подходящим временем суток для высадки шпиона, и, во-вторых, умение приземляться на незнакомых и неподготовленных площадках. Едва ли менее рискованным был и обратный полет. Этот подвиг надо было повторять

каждые несколько дней, каждую неделю, каждые две недели, как только почтовый голубь приносил от шпиона записочку с сообщением, что он готов вернуться на французскую сторону.

Разрабатывая свое нововведение в шпионаже, Холлу приходилось импровизировать все новые и новые приемы. Благодаря своему хладнокровию и летному мастерству он высадил нескольких шпионов и каждого из них доставил затем домой без малейших инцидентов. Но в одном случае его, кажется, выдали. От шпиона поступило требование на «транспорт», и Холл вылетел перед рассветом, чтобы подобрать своего пассажира на поле близ Рокруа. Агенты германского контршпионажа знали в точности и час и место его приземления. Его ждали пулеметы и стрелки; но, к счастью Холла, западня захлопнулась секундой раньше, чем следовало. От долгой настороженности и душевного напряжения его враги занервничали, и их первый пулеметный залп послужил американцу сигналом об опасности. Он стремительно стал набирать высоту и вышел из поля обстрела. Инстинктивно верным и смелым маневром он спас себя и машину; лишь крылья ее оказались простреленными, и сам он получил легкое ранение. Вскоре после этого его, как искусного летчика, наградили военной медалью.

Переброска шпионов по воздуху стала обычным делом в летных частях воюющих держав. Многочисленные улучшения облегчили положение и пассажиров, и летчика. Самолет обычно приземлялся по возможности не подалеку от местожительства постоянного агента, который разводил яркий огонь в своем камине, видный только с самолета, находящегося прямо над домом; огонь этот зажигался лишь в том случае, если агент убеждался, что приземление безопасно. Сигнализация помогла летчику и тогда, когда он прилетал, чтобы отвезти шпиона домой. Если агент почему-либо не мог приготовиться к условленному часу, сигналы постоянного агента избавляли летчика от опасной и напрасной посадки.

Положение летчика, взятого в плен вместе со шпионом или непосредственно после произведенной им посадки шпиона на вражеской территории и преданного затем военному суду, в юридическом отношении было неопре-

деленным. В Гаагских конвенциях* вообще не было указаний, относящихся к такого рода действиям летного состава армий.

В этом смысле представляет интерес дело двух летчиков — Баха, американца, служившего во французском летном корпусе, и сержанта Манго. Каждому из этих летчиков удалось высадить своего шпиона; но оба потерпели аварию при обратном взлете. Они пытались пробраться до какой-нибудь нейтральной границы, но не имели возможности переодеться; когда разбившиеся самолеты были обнаружены, летчиков быстро выследили и арестовали. Затем обоих отвезли в Лан и предали суду по обвинению в шпионаже. Этой злополучной паре летчиков выпала на долю незавидная честь: способствовать установлению международного прецедента. Но Джимми Бах был добродушный молодой авантюрист и человек со средствами; он мог позволить себе роскошь и пригласил видного адвоката, который прибыл из Берлина, чтобы защищать его и его товарища-француза. На первом судебном заседании, состоявшемся 20 октября 1915 года, судьи не пришли ни к какому решению; второе заседание, состоявшееся 30-го, кончилось тем, что обвинение в шпионаже было снято с обоих подсудимых. Бах и Манго, как военнопленные, провели три тяжелых года в плену в Нюрнберге.

После этого случая агентов, посылаемых со специальной миссией, стали одевать в военную форму, прикрывавшую штатское платье. Приземлившись, такой агент прятал мундир и к своим шпионским обязанностям приступал в штатском костюме. Но в ту ночь, когда летчик должен был, согласно расчетам, явиться за шпионом, последний снова надевал военную форму, которая должна была в случае поимки избавить их обоих от военного суда.

Союзникам было весьма выгодно засылать своих шпионов по воздуху. Бельгия и тринадцать оккупированных департаментов Франции были открыты для французской или английской секретной службы, поскольку там имелись десятки более или менее укромных посадочных

---

* Гаагские конвенции — ряд общепризнанных, но не соблюдавшихся Германией международных соглашений о ведении войны. — Ред.

площадок и сотни патриотов обоего пола, готовых помочь союзникам. За небольшую плату в 700 франков — по тогдашнему курсу 130 долларов — можно было завербовать бельгийца и высадить его возле своего бывшего жилья, где ему отлично была знакома вся местность.

Что касается прифронтовых зон союзников, то здесь немцам для той же цели приходилось подкупать французского или бельгийского ренегата, в лучшем случае какого-нибудь негодяя, выпущенного из тюрьмы на оккупированной территории. Такой агент мог хорошо знать местность, но ему мешала его репутация, а также опасность быть узнанным местными властями. Убедившись на многих примерах, что эта дуэль шпионов воздуха всегда оборачивается против них, немцы попросту усилили свою оборонительную бдительность. Они установили микрофоны для уловления вибраций авиационного мотора в тех отдаленных районах, где можно было ждать высадки вражеского агента.

На это союзники ответили тем, что ограничили работу летчика однократным приземлением. Шпиона спускали с парашютом совершенно бесшумно и притом в местности, где оседло жил постоянный агент. Эта система действовала в течение целых четырех лет. Секретные агенты спускались с темного неба на врага, который мог предположить это, но не был в состоянии держать под постоянным наблюдением бескрайние просторы французских или фландрских полей, где могли приземлиться шпионы и где их радушно встречали и прятали местные патриоты.

Шпионы воздуха в большинстве своем были люди слишком пожилые для несения службы на фронте. Обученные обращению с почтовыми голубями, они брали их с собой в количестве до шести штук и затем по одному посылали со срочными донесениями. Каждого шпиона снабжали подробными инструкциями и достаточным запасом французских и немецких денег; приземлившись, каждый шпион первым делом разыскивал ближайшую линию коммуникаций, а затем начинал пробираться к фронту. Иногда к этой работе в пользу союзников привлекали и немцев, главным образом эльзасцев и лотарингцев, живших во Франции с начала войны и стремившихся таким путем избавиться от военной службы: вербовали также солдат, дезертировавших и

службы; вербовали также солдат, дезертировавших и взятых в плен.

По мере того как война разгоралась, самолеты постепенно становились все более ценным видом оружия: и французы все чаще отправляли шпионов, предоставляя многим из них изворачиваться на свой страх и риск после отправки последнего голубя с донесениями. Покинутые, таким образом, на произвол судьбы воздушные шпионы либо попадали в руки к немцам, либо окольными путями пробирались в Голландию. Тамашние французские консулы заботились об отправке их во Францию. Многим из шпионов рекомендовалось на случай, если им не удастся выбраться на самолете, использовать свое пешее странствие для разрушения железнодорожных путей, мостов и подвижного состава в тылу вражеских войск.

Спустя некоторое время шпионов начали перебрасывать на воздушных шарах. Такой способ совершенно избавлял от предательского шума авиадвигателя, но других преимуществ не давал. Средний воздушный шар имел в диаметре 8,5 метра и вмещал 310 кубических метров газа. Он поднимал только одного человека, а радиус действия его был равен 24—36 милям. К такому полету шпионов готовили в Англии четыре недели; в продолжение этого срока устраивалось минимально шесть пробных полетов, из них два ночью. В корзину воздушного шара брались и голуби.

Война требует мужества в различных его проявлениях; было немало людей, готовых заняться шпионажем, но не желавших летать, проноситься над зенитками, приземляться в потемках с парашютом, спрыгнув с военного самолета или спустившись на воздушном шаре. Для неустойчивых субъектов, готовых согласиться на полет, но могущих оказаться несостоятельными в критический момент, был даже придуман самолет специальной конструкции. Под фюзеляжем, между колесами, подвешивалась алюминиевая кабинка для шпиона и его парашюта. Дно этой кабинки мог откинуть только летчик, что он в нужный момент и делал: пассажир падал вниз со своим парашютом.

Специальные миссии давали ценные для разведки результаты. Масштабы их с течением времени все более расширялись. Теперь уже не довольствовались времен-

ной деятельностью одиночного шпиона; главной целью становилась организация, создание регулярной разведывательной службы, которую должны были нести местные агенты, нанятые и обученные тайно. В 1917 году нашлись люди, серьезно подумывавшие об учреждении «заочной» школы для бельгийцев или французов, готовых заняться рискованным делом шпионажа.

Самолеты сбрасывали в большом количестве почтовых голубей, а также листовки и брошюры, содержавшие призывы к жителям оккупированных районов собирать и передавать сведения. Для этого пользовались небольшими корзинками, вмещавшими пару голубей; прикрепленные к шелковым парашютикам, они медленно спускались на землю. В каждую корзинку, помимо корма для голубей, клали письменные указания, как обращаться с голубями, вопросники для заполнения, образчики существенно важных сведений, французские деньги, и всегда — пламенный печатный призыв к патриотизму людей, уже в течение трех лет испытывавших голод, нищету и унижения в результате оккупации.

В местах, весьма отдаленных от линии фронта, германские контршпионы нашли немало корзинок с мертвыми голубями². Это разумеется, была лишь ничтожная часть общего числа корзинок, сброшенных союзниками. Голуби непрерывно летали над фронтом; и хотя попасть в летящего голубя из винтовки может лишь исключительно меткий стрелок, все же сделать это удавалось не раз. И во всех этих случаях, по уверениям немцев, голуби несли донесения большой военной ценности.

Эту систему собирания любой информации, как бы она ни была отрывочна и случайна, союзники продолжали расширять вплоть до дня перемирия. Голубей сбрасывали не только с самолетов (иногда это было слишком заметно), но и в небольших воздушных шарах, снабженных остроумным механизмом для отстеживания клетки с голубями. К такому воздушному шару был прикреплен деревянный крест, на четырех концах которого висело по клетке с голубями. В центре креста находился ящик с простейшим часовым механизмом. В назначенное время механизм автоматически начинал действовать: парашюты с прикрепленными к ним кор-

зинками отстегивались, после чего из оболочки шара выходил газ. На каждом таком шаре красовалась довольно наивная надпись: «Это немецкий шар; его можно уничтожить». Позднее вместо часового механизма стали применять медленно горящий фитиль; он поджигал шар после того, как клетки с голубями отделялись от шара.

Почтовый голубь — птица очень нежная, она очень быстро гибнет. Поэтому секретная служба союзников применяла еще один вид воздушных шаров. Шары эти, диаметром всего 60 сантиметров, делались из голубоватой папиросной бумаги и были почти невидимы в воздухе. Их можно было наполнять из простого газового рожка. Летчики сбрасывали пакеты, заключавшие в себе три таких шара в сложенном виде, с подробнейшими наставлениями о способе пользования. Иногда в пакет вкладывалась химическая смесь, которая давала возможность тому, кто нашел шар, наполнить его газом. Но так как подобный воздушный шар с донесением можно было отправить к союзникам лишь при попутном ветре, то конкурировать с почтовыми голубями эти шары, конечно, не могли.

Жители местностей, расположенных за германской линией фронта всего больше интересовали союзную разведку, и всевозможные листовки сыпались на них дождем³. Зимой 1918 года специальные летчики союзников сбрасывали клетки с голубями и воздушные шары даже в самых отдаленных пунктах Эльзаса и Лотарингии⁴. Последним их достижением была переброска по воздуху радиопередатчиков новейшей модели Маркони: с четырьмя аккумуляторами, сухими элементами на 400 вольт и 30-метровыми антеннами. С помощью таких аппаратов можно было передавать сообщения на расстояние до 30 миль (48 километров). Они сослужили большую службу крестьянам и одиноким жителям пораженных войной районов, которые не только настойчиво вели рискованную разведывательную работу, но и пытались передавать по радио шифрованные донесения.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Гений Ближнего Востока»

Никакой список шпионов-любителей не будет полон, если не включить в него имени полковника Т. Э. Лоуренса — «Лоуренса Аравийского». Этот молодой англичанин, наделенный бесспорными дарованиями, оригинальным нравом и серьезной эрудицией, был отличным агентом разведки и шпионом до того, как показал себя одним из наиболее способных командиров иррегулярных войск в современной истории. Как партизанский вождь, Лоуренс организовал военную кампанию в пустыне, и его «верблюжий корпус» арабских племен имел большое значение, совершенно непропорциональное своей малой численности, вооружению и характеру театра военных действий. Пробравшись через турецко-германский фронт, Лоуренс порой с несколькими сторонниками из туземцев взрывал мосты и воинские поезда и совершал другие акты диверсии. Маскировался он в совершенстве; он не только был похож на арабского шейха, но и научился мыслить как араб, отлично усваивал племенные различия между отдельными группами арабов и вел себя совершенно так же, как они.

Лоуренс был и искусным шпионом, и умелым руководителем, всегда хорошо знавшим, что ему в том или ином случае может противопоставить враг. Результаты его шпионской системы и партизанских вылазок в высшей степени пригодились генералу Алленби в палестинской кампании. Но полковник Лоуренс так хорошо описал свои подвиги в секретной службе и других областях военного дела, что нам остается отослать читателя к этим любопытным повествованиям*.

В Малой Азии и на Ближнем Востоке англичане столкнулись с несколькими агентами германской разведки, из которых каждый был в известной мере и на свой лад наделен талантами Лоуренса. Чины разведки генерала Алленби считали, например, самыми предприим-

---

* О Лоуренсе см. Лиддель-Гарт, Полковник Лоуренс, Воениздат, 1939. Воспоминания самого Лоуренса, изданы в сокращенном русском переводе: Лоуренс, Восстание в пустыне, М., 1929.— Р е д.

чивыми своими противниками Прейсера и Франкса. Прейсер, наиболее ловкий из них, подобно Лоуренсу, исключительно хорошо знал Ближний Восток и столь же хорошо владел искусством маскировки. Турки называли этого германского агента «бедуином»; говорят, он по меньшей мере трижды, в критические моменты, пробирался в Египет и посещал английскую ставку в Каире. В стратегически крайне беспокойном районе между Суэцом и Константинополем, где очень трудно приходилось путешественникам и еще труднее — агентам секретной службы, Прейсер орудовал совершенно свободно, занимаясь шпионажем либо собирая сведения у подчиненных агентов, туземных жителей и местных разведчиков, состоявших на содержании у турок или немцев.

Вольфганг Франкс провел много лет в разнообразных колониях Британской империи то в качестве овцевода в Австралии, то в качестве коммерсанта в Бомбее, то как журналист в Кэптауне — и все безуспешно. Он не переставал быть немцем, хотя внешне был очень похож на уроженца британской колонии. Пришла война, и Франкс поспешил на родину и записался добровольцем. Он получил заурядный пост в тяжелой артиллерии, а затем предложил свои услуги военной разведке, прося направить его на фронт в районе Яффа-Иерусалим. Франкс убедил своих начальников, что он хорошо знает край, что он умеет ругаться, как заправский австралийский овцевод, и может даже сойти за британского штабного офицера. По редкому стечению обстоятельств, ему действительно удалось получить назначение, для которого он был исключительно пригоден.

Франкс прибыл в Палестину как раз в тот момент, когда турки начали испытывать на себе всю мощь наступления Алленби*. В совершенстве владея не только английским языком, но и некоторыми его диалектами и располагая обмундированием различных родов войск, он начал действовать в роли то английского, то колониального офицера. Пробраться в лагерь англичан ему было сравнительно нетрудно. Английские и турецкие линии тянулись параллельно одна другой в ограниченной зоне,

---

* Наступление Алленби из Египта по побережью в турецкие владения на Аравийском полуострове ознаменовалось занятием Палестины и Сирии и было одной из важнейших причин разгрома Турции в 1918 году.— Р е д.

почти как на Западе, с той лишь разницей, что вместо грязи и воронок Пикардии здесь были пески, безводная пустыня. Отъехав достаточно далеко от переднего края, Франкс огибал его и попадал во вражеский лагерь. В экстренных случаях он перелетал фронт на самолете и спускался с парашютом.

Облачался он при этом в английскую военную форму. Обладая отличной выправкой, прекрасными манерами, технической осведомленностью почти во всех отраслях военного дела, он щеголял штабным мундиром, нашивками, всеми деталями формы и ни в ком не возбуждал подозрений. Он успешно выдавал себя за офицера какой-нибудь дивизии, расположенной в том или ином отдаленном пункте яфско-иерусалимского фронта, иногда же за артиллерийского офицера. При этом ему удавалось включать в телефонные провода свой миниатюрный аппарат. Это давало ему возможность подслушивать официальные разговоры; и он так хорошо подражал голосам англичан, что однажды ему удалось даже передать по телефону нужный ему приказ.

Англичане не раз воздавали ему должное. В сущности все, что известно об этом германском мастере шпионажа, исходит от его бывших врагов, отдавших справедливую дань его отваге. Когда война кончилась, Франкс, подобно многим даровитым собратьям по профессии, исчез бесследно, не оставив ни воспоминаний, ни каких-либо записок. Но до конца палестинской кампании он исчезал лишь для того, чтобы вновь появиться в каком-нибудь другом секторе фронта под новой личиной. Не раз случалось, что по его милости англичанам приходилось спешно менять свои планы. Его всячески преследовали, и зачастую многие английские офицеры, хоть чем-нибудь на него похожие, арестовывались и вынуждены были бесплодно терять время, пока не выяснялось, что они никакого отношения к грозному майору Франксу не имеют.

Брат и сестра из Яффы

Англичанам очень досаждал «майор Франкс»; но и на их стороне было немало офицеров разведки, хорошо знавших Восток. Джордж Астон, который был свя-

зан с одним из филиалов британской разведки, рассказал о том, как некоторым из его коллег удалось ликвидировать одного из лучших турецких шпионов. Секретные агенты, служившие в египетском экспедиционном корпусе Алленби, напали на след опасного шпиона, мастерство и рвение которого угрожали британским планам и жизни многих британских солдат. Этого шпиона надо было обезвредить, и это обошлось всего лишь в 30 фунтов стерлингов. Приблизительно такая сумма английскими банкнотами была вложена в письмо, адресованное шпиону и заключавшее в себе благодарность за услуги, оказанные им англичанам. Письмо это было перехвачено, на что и рассчитывали инициаторы этой уловки; и хрупкой улики в виде посланных на авось денег оказалось достаточно, чтобы турецко-германские власти, не производя основательного расследования дела, расстреляли своего агента, сочтя его за двойного шпиона.

На том же театре войны, во время палестинской кампании, девятнадцатилетний юноша, принадлежавший к зажиточной еврейской семье в Яффе, оказал смелую помощь наступлению англичан, которые, как он надеялся, несли освобождение его народу. Патриотический пыл молодого Аронсона и его ненависть к туркам разделяла его сестра; оба они решили стать шпионами, считая это делом нетрудным: на квартире их родителей жил влиятельный немецкий штабной офицер. Каждый день они находили случай просмотреть его бумаги или задавать ему наивные и льстившие его самолюбию вопросы. У этого брата и сестры были вдобавок друзья с неменьшими возможностями для ведения шпионажа.

Вскоре они накопили немало ценных сведений; оставалось только придумать способ сношения с британской ставкой. На своей лодке Аронсон отправлялся в открытое море и плыл на веслах до тех пор, пока не добирался, следуя вдоль берега, до турецко-германского правого фланга. Затем он с величайшей осторожностью плыл дальше, мимо британского левого фланга; здесь он высаживался на берег и требовал допроса его чинами разведки. Они хвалили инициативу и мужество юноши и с благодарностью пользовались его донесениями. После нескольких прогулок такого рода Аронсон был признан лучшим британским шпионом в этом районе.

База его разведки была перенесена в расположение англичан. Он как бы пропал из дому, но продолжал пользоваться своей лодкой, всесторонне обследуя систему турецких укреплений. Сестра его собирала сведения у товарищей и любителей, а по ночам встречалась с братом для передачи всего, что ей удавалось узнать в течение дня.

Яффу англичане и их союзники захватили 17 ноября 1917 года. Иерусалим сдался 22 днями позже. Но перед окончательным своим изгнанием из Палестины турецко-германские власти и полиция развили бешеную деятельность. В конце октября военная полиция арестовала сестру Аронсона. Так как в их доме проживал германский штабной офицер, то она боялась запутать брата, шпионивших для него друзей и ни в чем неповинных членов всех этих семейств. Палачи из турецкой полиции подвергли девушку всевозможным пыткам, секли ее, жгли, вырывали ногти, требуя, чтобы она назвала своих сообщников, но она не проронила ни слова. В конце концов ее убили. Брат, узнав о постигшей ее трагической участи, сколотил небольшой партизанский отряд и стал жестоко мстить за смерть этой девушки-героини.

Васмус Персидский

Британская разведка два раза в месяц печатала и распространяла большую карту с обозначением дислокации вражеских сил на восточных театрах войны. Почти четыре года кряду на этой карте большой кусок Персии был отмечен напечатанным красной краской и заключенным в овал словом: «Васмус». Площадь, покрытая этим единственным словом, была больше Англии и Франции, вместе взятых. В сущности, вся Южная Персия находилась под влиянием этого германского консула, молодого и изобретательного (в начале войны ему было лишь лет тридцать с небольшим), который стал к востоку от Суэца почти такой же известной фигурой, как сам Лоуренс.

Для генерального штаба британской армии за этой фамилией стоял человек, стоивший добрых двух армейских корпусов. До войны Васмус представлял Германию

в Бушире, где германское консульство было самым импозантным зданием среди других построек такого же рода. Кайзер Вильгельм II, провозгласивший себя «защитником корана», прослышал о молодом и предприимчивом консуле в Персии. После этого Васмус стал получать повышенный оклад и добавочные суммы на пропаганду и представительство. Положение Персии в августе 1914 года было довольно запутанным; там уже велась своеобразная «местная война», хотя официально ее никто не замечал. Дело шло о нефтяных месторождениях, которых немцы домогались не менее усиленно, чем англичане. По международному соглашению, для поддержания порядка в нефтеносном районе была учреждена нейтральная жандармерия; войска здесь были шведские, но не успели еще загреметь пушки на Марне, как агенты Антанты в Персии убедились в том, что вся «нейтральная» полиция находится в кармане у Васмуса.

Англичанам это было в известной мере на руку. А поскольку нейтралитет Персии оказался столь грубо попраным, сказали они, то он попросту перестал существовать.

— Хорошо,— ответил Васмус, обращаясь к горстке своих подчиненных.— Хотя мы, друзья мои, и находимся вдалеке от «большой войны», все же мы не дадим изгнать себя из этой страны, ибо и здесь можно добиться немало.

Германские дипломатические и консульские чины забирали свои паспорта и уезжали в Берлин везде, где англичане расширяли сферу своего влияния при помощи орудий и штыков. Васмус предпочел остаться на месте и принять бой. Но предварительно ему нужно было прорваться через английский кордон. Для этого он прибег к весьма обыкновенной, но эффективной уловке. Однажды ночью он тайно уехал на своем любимом пони, захватив тот из своих опечатанных мешков, который был ему особенно нужен. В нем находилось около 140 000 марок золотом¹.

Васмус добрался вскачь до гор, где сразу перестал вести себя как беглец. Среди туземцев у него были могущественные друзья — давнишние, воинственные, почтительные и хорошо оплачиваемые. Он немедленно использовал свое знание местных наречий и знакомство с характером и наклонностями персидских племен. Вас-

мус действовал как главный агент германской секретной службы, как руководитель военного и политического шпионажа по всему Персидскому заливу. Но ему хотелось держать всю Южную Персию под германским влиянием, срывать британские нефтяные сделки, а горные племена поддерживать в состоянии такого брожения, чтобы каждое передвижение британских вооруженных сил в этом углу земного шара толкало горцев на враждебные действия.

Наметив свою кампанию шпионажа и подстрекательства, германский консул решил ни перед чем не останавливаться. Он чувствовал, что необходима решительная демонстрация дружбы Германии с Персией. Для этого он женился на дочери одного из влиятельнейших персидских вождей. Религиозные различия были как-то сглажены, и союз «двух великих рас» заключен со всеми формальностями, каких только требовали обычаи Востока и дипломатическая щепетильность Европы. В противовес всем обычаям, счастливый жених настоял на том, чтобы из своего кармана покрыть все свадебные издержки; отцу невесты, уже получавшему крупную субсидию от немца, поручено было пригласить на свадьбу всех видных членов общества, с которыми он не находился в личной вражде. Васмус со своей стороны также пригласил немало гостей. За ним стояло и его поддерживало берлинское министерство иностранных дел; само собой подразумевалось, что стоимость грандиозного празднества будет покрыта из фондов секретной службы. Кроме орды родичей и друзей из семейства невесты, на свадьбу явилась огромная толпа крестьян и простолюдинов, символизируя единение кайзера и шаха, Вильгельмштрассе и нефтяных промыслов.

Тут были ремесленники, земледельцы и рыбаки, пастухи, носильщики, грузчики и матросы. Но на этом гостеприимство не кончилось: Бругман, немец, усердный помощник Васмуса, расхаживал среди гостей с большим запасом звонкой наличности и с переводчиком. Шпионов вербовали тут же, на месте. Впоследствии британская разведка подсчитала, что половина туземцев, участвовавших в этом свадебном пиршестве Васмуса, была завербована в шпионскую сеть, которую он искусно раскинул между Индией, Суэцом и берегами Тигра и Евфрата.

Персия, несмотря на свою отдаленность, оказалась очень выгодным плацдармом для работы германского шпиона. Из Бомбея и других портов Индии непрерывным потоком шли суда в Красное и Средиземное моря и в Персидский залив. Васмусу удалось зафрахтовать множество мелких судов, которые то и дело пересекали пути судоходства, занимаясь делами, якобы не имеющими никакого отношения к войне. Предстояли или уже начинались бои в Месопотамии, в Дарданеллах, в Палестине, в Германской Восточной Африке, а в Армении русская армия наступала на Эрзерум и Трапезунд. Шпионы, рассылавшиеся Васмусом из его горного убежища, пробирались к коммуникационным линиям каждой экспедиционной армии союзников.

Под градом сведений, сыпавшихся к нему со всех сторон, дрогнул и смешался бы любой менее способный и решительный человек. Помимо Бругмана, ему помогали еще один немец и швейцарец-канцелярист. В сущности все его опытные агенты были местные персы, от высших до низших сословий. Вначале одним из способнейших его сотрудников был швед, д-р Линдберг, которого английские контршпионы захватили в плен в 1915 году. «Ставка» Васмуса завалена была донесениями; но более трудным делом оказалась организация системы связи. Тщательно проверенные и сведенные воедино донесения его корпуса туземных шпионов нужно было поскорее доставить генералу Лиман фон Сандерсу, главнокомандующему на Ближнем Востоке, или какой-нибудь другой важной инстанции. Бои шли от Галлиполи до Ктезифона, и немцы везде отступали. И все же Васмус поддерживал с ними контакт; к фон Сандерсу и его помощникам непрерывно поступали ценные донесения об английских и вообще союзных транспортах, о подкреплениях, потерях и снабжении.

Считается установленным, что зоркая слежка Васмуса за английским наступлением в Месопотамии весьма способствовала затяжке этой печальной и дорогостоящей кампании. Но задолго до того, как об этом стали хотя бы догадываться, англичане, всячески стремясь выжить Васмуса из Персии, сделали ему комплимент. Они назначили награду в 3 000 фунтов стерлингов за доставку его живым или мертвым. Постепенно эта сумма награды возрастала, и в 1917 году за поимку Васмуса предлага-

лась уже сумма, почти впятеро большая. И все это — за безвестного германского консула, имя которого, напечатанное красным, тянется через всю карту: «Васмус»!

Некоторые из его затей обратились против него. Вздумав поднять мятеж среди туземцев Афганистана, он только растратил свою все уменьшающуюся наличность и не поднял ничего, кроме... тучи пыли. Но «морской дивизион» его продолжал действовать. Большие парусники доходили до Сингапура, откуда привозили ему ценные сведения; мелкие «рыбачьи» суда доставляли данные обо всех военных транспортах, шедших из Индии, Австралии или Новой Зеландии, заходивших в Аден или проплывавших в Ормузский пролив. В 1916 году он не только сковывал деятельность тысяч британских солдат, но и дерзко вооружал и снаряжал германофильские племена. Пришлось в Персидский залив послать четыре военных корабля для несения специальной дозорной службы и проведения блокады; здесь этот «васмусовский флот» и остался, чтобы перехватывать парусники, доставлявшие Васмусу военные материалы наряду с данными морской разведки.

Вряд ли полковник Лоуренс на вершине своих успехов в Аравии эффективнее досаждал своим врагам. Не имея возможности похвастать своими победами, Васмус кормил свою туземную аудиторию ложью. И какой ложью! Когда генерал Хэйг сконцентрировал свои новые армии для «кровавой бани» на Сомме, общественное мнение Персии как-то сразу потеряло веру в то, что мир будет продиктован Берлином. На это германский конспиратор ответил тем, что сочинил изумительную «победу». Армии кайзера будто бы наводнили Англию, а короля Георга... публично казнили! Как это ни странно, но в Персии такие сообщения «от собственного корреспондента» в ту пору давали желаемый эффект.

Такого рода наглая стряпня помогла Васмусу продержаться еще целый год. Незаменимый Бругман был тайно послан в Индию, чтобы надавать опрометчивых обещаний всем туземным правителям, в отношении которых можно было предполагать, что они недовольны британским господством. Но бдительные агенты контршпионажа выследили судно, на котором отплыл шпион Васмуса, и сумели сократить его пребывание в Индии до нескольких дней. Арестовав Бругмана, англичане уважили в нем

смелого и настойчивого противника и не расстреляли, хотя имели на это право. Они ограничились тем, что посадили его в тюрьму «на время войны», зная, что теперь энергичный Васмус остался в сущности один среди племен, начинающих относиться к нему враждебно. Наступил 1918 год. Фош начал свое июльское контрнаступление; вести о последовательных поражениях Германии дошли даже до горных областей Ирана. Персидские вожди, понимая, что гиганты борются не на жизнь, а на смерть, лично склонны были пристать к побеждающей стороне. И они пришли в ярость, когда выяснилось, что Васмус обманывал их.

Больше всего возмущало их то, что денежные средства интригана приходили к концу; в быстро скудевшей берлинской казне уже нельзя было добыть золота. Васмус не скупился на бумажные обещания. По мере того как его положение становилось все более отчаянным, туземцы открыто начинали поговаривать об обращении к «правосудию» — это значило, что немец должен был заплатить жизнью за то, что больше не мог расточать взятки. И все-таки никому, кажется, не пришло в голову выдать его англичанам и получить обещанную награду. Послевоенные исследования выяснили, в чем здесь было дело. Англичане в азарте преследования назначили слишком крупную сумму за одного немца! И скупые персы не могли поверить, что один человек — кто бы он ни был — мог стоять таких денег!

В конце концов жилище Васмуса было окружено шумной толпой кредиторов, домогавшихся уплаты долгов и мести за обман. И в этот момент одинокий авантюрист, так ловко эксплуатировавший свою клиентуру, еще раз сумел ее околпачить. Не обращая внимания на толпу, напиравшую на него, он протиснулся на открытое место, неся с собой шест с проволокой и другими принадлежностями. Это был его беспроволочный телефон. Он вколотил шест в землю и смело «позвонил» калифу. При первых серьезных неудачах австро-германского оружия он принял мусульманство и облачился в восточное платье; теперь, как «последователь пророка», он стал громко жаловаться калифу на дурное «гостеприимство», оказанное ему в Персии. Эти некогда столь дружественные персы теперь потрясали ножами и копьями, собираясь

стрелять в него пулями, которые были изготовлены в Германии и которые он сам роздал им!

И калиф ответил,— правда, неразборчиво, но на том же местном наречии. Он заверял немца в своей дружбе и могущественном покровительстве. Пусть только осмелится кто-либо причинить Васмусу хоть малейшую обиду — и полкрая ответит за это!

— Благодарю тебя, калиф,— сказал новоиспеченный мусульманин.

Он выдернул шест из земли, не обращая внимания на толпу, возбуждение которой улеглось. Она почтительно расступилась перед ним, и он удалился. На время Васмус был спасен. Но через несколько недель, когда пришло известие о перемирии, его тесть Ахрам согласился, что Васмусу лучше всего бежать, не полагаясь больше на божью помощь; и германский агент бесследно скрылся из горной страны, где он бросил вызов Британской империи и где держал себя как некоронованный царек.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Шпионаж с приключениями

Мировая война 1914—1918 годов вовлекла в свой круговорот тысячи авантюристов от шпионажа, причем одних умертвила, других обогатила или разорила, а некоторых разрекламировала и даже прославила. Мата Хари, например,— имя известное людям, которые затруднились бы назвать генерала, завоевавшего Иерусалим или Багдад. Но если даже оставить в стороне эту «яванскую» танцовщицу, все же придется отметить, что мировая война выдвинула добрый десяток шпионов, имеющих право на прочную репутацию наряду с военными героями и государственными деятелями.

В воспоминаниях Фердинанда Тохая «Кратер Марса» есть интересная глава, где этот опытный военный корреспондент пишет о героях шпионажа в эпоху мировой

войны. В этом списке фигурируют имена сестры милосердия Эдит Кавелль, Мата Хари и «К. из Адмиралтейства» — капитана Мансфилда Камминга. В последующих главах мы расскажем о некоторых «светилах разведки» времен мировой войны. Французы обрели талантливую разведчицу в лице Марты Рише, немцы — в лице авантюристки Марии Соррель. Последняя сделалась любовницей русского генерала Ренненкампа и погибла на виселице, когда враги этого генерала изловили ее. Прсмахи Ренненкампа в мировой войне, приведшие к катастрофе в Восточной Пруссии, сейчас всем известны; но никому и никогда не удастся установить, в какой мере вина за эту катастрофу падает на генерала, а в какой — на коварную шпионку Марию.

Марта Рише, еще до войны выступившая пионером женского лётного спорта (летчики-мужчины, для которых она была конкуренткой, прозвали ее *I, Alouette* — «Жаворонок»), в июне 1916 года вызвалась отправиться в Испанию в качестве французского секретного агента. Она была вдовой убитого французского офицера и поставила себе целью обворожить фон Крона, начальника германского шпионажа. И она действительно обворожила его: не только выведала кое-что в разговорах, но и добралась до его документов и кодов, а также до ключа от его личного сейфа. Она получила еще и крупную сумму денег, которую добросовестно сдала капитану Ладу, своему начальнику по заброшенному и обедневшему Пятому отделу (службе контрразведки). Эту исключительную мастерицу шпионажа наградили лишь в 1933 году, несмотря на все вопли чрезмерных моралистов, давно заслуженным ею орденом Почетного легиона.

Прежде чем перейти к истории жизни и мученичества одной из знаменитейших военных героинь Бельгии, мы коснемся подвига отважной молодой женщины, который никак нельзя вычеркнуть из летописей подлинной секретной службы. Она была уже известна в брюссельском полусвете* и в августе 1914 года не проявила к германским захватчикам заметного отвращения. Но

---

* Полусвет — термин, введенный в литературу французским писателем Александром Дюма, означает мир кафешантанов и кабаре, мюзик-холлов и других увеселительных заведений, где встречаются представители буржуазной «золотой молодежи» с женщинами легкого поведения. — Р е д.

она обратила на себя внимание тем, что вступила в близкие отношения с фон-Биссингом, германским военным губернатором, имя которого навсегда осталось ненавистным для бельгийских патриотов. Фон Биссинг умер еще до конца войны. А пережившая его любовница была цветущей демимонденкой* в 1919 году, когда бельгийцы решили арестовать ее. Ей предъявили весьма серьезное обвинение: она публично проявила симпатии к оккупанту.

Мадемуазель Анжель — назовем ее так — готова была дать отчет своим обвинителям. Она, по ее словам, заставила фон Биссинга вести такую жизнь, что это ускорило процесс его старческого угасания и, следовательно, его смерть, которой угнетенное население рукоплескало настолько открыто, насколько это было возможно. Этим радостным событием Бельгия обязана ей, утверждала эта женщина. Кроме того, она оказала немало услуг бельгийской секретной службе — и этого нельзя было отрицать. И, наконец, если бы ее предали суду, — напомнила она своим обвинителям, — то пришлось бы назвать имена всех тех видных лиц обоого пола, которые за четыре года иноземного ига обращались к ней и при ее содействии получали от германских властей бесчисленные мелкие льготы, пропуска и т. п. Дело против Анжели не было прекращено, но отложено в долгий ящик и фактически похоронено навсегда.

Казнь Эдит Кавелль

Мисс Кавелль — седовласая англичанка, больничная надзирательница с безупречным послужным списком и внешностью, свидетельствовавшей о незаурядном уме, — не имела даже самого отдаленного касательства к шпионажу. Ее и обвиняли не в шпионаже, а в том, что она «перебрасывала солдат к неприятелю», что предусмотрено 58-й статьей германского военного кодекса. В 1914 году германская армия, быстро одержав ряд побед — от захвата Льежа до занятия Антверпена, — принялась за беспощадную расправу с семьей миллиона-

---

* Демимондека — женщина из полусвета (фр.) — Ред.

ми бельгийцев. Однако молодые люди призывного возраста вскоре начали в большом числе исчезать из оккупированной страны, чтобы присоединиться к остаткам армии короля Альберта*, прорвавшейся у Антверпена и пробиравшейся вдоль берега к позициям на крайнем левом фланге союзных линий. В этой лишь на первый взгляд покоренной стране скрывалось также немало английских и французских солдат, раненых и отставших в августе, когда их части были отброшены во Францию напором превосходных сил фон Клука и фон Бюлова. Они не хотели сдаться. По свету и при помощи подполковника Гибса из Уэст-Райдингского полка, раненного в сражении под Монсом, была создана гражданская организация для переброски их из Бельгии. Мисс Кавелль была казнена за участие в этом патриотическом деле.

С течением времени оно разрослось в искусно руководимый и крепко сколоченный заговор; но вначале «заговорщики» руководились лишь чисто гуманитарными побуждениями. У них и в мыслях не было воевать против Германии на стороне союзников. Небольшой английской экспедиционной армии, отступавшей от Монса, пришлось оставить немало раненых. Их подбирали местные санитарные отряды, организованные бельгийскими врачами, потом укрывали в гражданских больницах и на частных квартирах в Ла-Бувери, Ваме, Фрамери, Визри, Патюраже, Кьеврене и других пунктах по соседству с Монсом.

Некоторые из этих раненых англичан были обнаружены. Тогда немцы расклеили объявления, в которых жителям приказывалось доносить о всех таких случаях; но это лишь пробудило дух борьбы у честных бельгийских граждан. Никто не стал выдавать калек и ослабевших людей ненавистному врагу, который так жестоко обращался с военнопленными в своих обнесенных колючей проволокой лагерях. В клинике д-ра ван Хасселля в Патюраже оккупанты, слишком занятые другими делами, не заметили нескольких раненых солдат. Это обстоятельство сильно способствовало появлению разнооб-

---

* Бельгийский король Альберт I пробился со своими войсками на соединение с английскими экспедиционными войсками и французской армией во Фландрии в конце августа 1914 года.— Р е д.

разных планов переброски выздоравливающих англичан, французов и бельгийцев за пределы боевой зоны.

Подполковник Гибс, лечившийся от своей раны в Ваме, выздоровел и еще до того, как марнская битва остановила германскую лавину, начал переводить группы солдат по суше в Остенде. Их снабжали деньгами, пайками и бельгийскими удостоверениями личности, которые в то смутное время доставать было нетрудно; местные патриоты с радостью служили им проводниками в ночное время. 8 октября 1914 года генерал Ролинсон находился вблизи Гента со смешанным отрядом британских регулярных войск, французских территориальных войск и бригадой морских стрелков. Но падение Антверпена привело к полной эвакуации Бельгии. По настояниям англичан бельгийцы открыли шлюзы, и море залило равнину, остановив продвижение правого германского крыла. Такой пункт, как Остенде, уже не годился для замысленных Гибсом операций, нужно было искать других возможностей — на голландской границе.

Тогда возникла еще одна проблема. Беглецов переправляли в Голландию группами; но как прятать их на пути к границе, где им приходилось дожидаться захода луны и прибытия товарищей? Проводники — в большинстве опытные контрабандисты — переводили через границу по 10—20 человек сразу. Д-р ван Хасселль отправился в Брюссель искать помощи. С мисс Кавелль у него было профессиональное знакомство — он знал ее, как надзирательницу школы сестер милосердия на улице Культуры, и обратился к ней. Так как она ухаживала за ранеными с самого начала войны, то охотно, надо думать, откликнулась на его призыв. Первым английским солдатом, направленным к ней, был сержант Мичин из Чеширского полка. В дальнейшем их прибывало все больше; ей пришлось обратиться к помощи своих друзей, из которых многие соглашались спрятать одного или нескольких беглецов в своей квартире. Так возникла так называемая кавеллевская организация, которую немцы признали столь опасной.

Военные пропагандисты много занимались «последними словами» Эдит Кавелль, сказанными в тот момент, когда ее поставили перед взводом немецких солдат для расстрела: «Стоя здесь, перед лицом вечности, я нахожу,

что одного патриотизма недостаточно»*. Весьма вероятно, что эти слова были выдуманы после ее казни каким-нибудь взволнованным журналистом. Но эта приписываемая ей фраза могла спасти мисс Кавелль и ее коллег от постигшей их катастрофы, если бы они пытались оправдать ее содержание на деле.

Члены кавеллевской организации, крепко спаянные общими представлениями о патриотическом долге, едва ли вообще были организованы. У них никогда не было капитана, ответственного лица, который управлял бы рулем или держал руку на предохранительном клапане; не было настоящего разделения труда, и еще меньше — согласованной работы. Слабо связанные между собой группы были объединены общим стремлением перехитрить опытных работников контршпионажа, находившихся в распоряжении германского правительства. Как правильно заметил один из послевоенных историков этой организации, удивляться надо было тому, как она могла продержаться почти год в окружении целого сонма ренегатов-осведомителей.

Д-р Толлимак Булл, член английской колонии в Брюсселе, арестованный в 1916 году после усердной работы по оказанию помощи военнопленным и молодым бельгийцам призывного возраста, желавшим бежать в Голландию, рассказал о затруднениях Эдит Кавелль. Он рассказал о ее неустанных стараниях оградить интересы школы сестер милосердия, которой она руководила, и в то же время не отказываться ни от какой патриотической задачи, возглавлявшейся на нее. Эксплуатируя ее самопожертвование, менее мужественные люди перекладывали на нее свою работу. Она жаловалась д-ру Буллу, что однажды к ней привели из Боринажа, из округа Монс, не меньше 34 солдат одновременно. Он думает, что она ясно предвидела участь, ожидавшую ее.

В районе Монса важным делом собирания людей и отправки их в Брюссель ведал Капио, с самого начала героически разыскивавший и устраивавший на лечение раненых союзников. Ему удалось заручиться активным сотрудничеством князя Реджинальда Де-Круа и его сестры княжны Марии, и эти отпрыски старинного вла-

---

* Эти слова высечены на памятнике, воздвигнутом в честь Эдит Кавелль в Лондоне.— Р е д.

детельного рода скрывали некоторых беглецов в своем замке Беллиньи. Отважная француженка мадемуазель Луиза Тюлье разыскивала солдат, прятавшихся в лесах Мормалья, и забиралась даже в окрестности Камбрэ. Помимо добывания бельгийских удостоверений личности, Капио занимался вербовкой надежных людей для сопровождения беглецов в Брюссель. Графиня Жанна де Бельвиль предложила свой замок в Монтиньи-сюр-Рок в качестве убежища для выздоравливающих английских раненых.

Распространение этой деятельности на перевозку десятков бельгийцев и французов, желавших вернуться в свои национальные войска, явилось результатом скорее добровольной готовности, чем какого-либо полуофициального задания. Другие гражданские комитеты целиком посвящали себя именно этому виду тайной работы, и так как люди, которых они переправляли, были здоровы и говорили на местном языке, то их легко было перевозить; с отставшими от своих частей или ранеными англичанами было труднее. Эти комитеты любителей работали настолько успешно и смело, что один из них, например, успел переправить через границу за четыре месяца не менее 3 000 человек; другой за тот же период перебросил 800 человек по более длинному и опасному маршруту.

Когда импровизированные заговорщики поняли, какому риску они себя подвергают, кой-кого из них уже нетрудно было вовлечь в шпионаж или другой вид секретной службы. Хотя ни одному из главных участников кавеллевской группы не предъявлялось серьезного обвинения в шпионаже, все же совершенно очевидно, что кое-кто из них принимал участие в печатании и распространении пропагандистского материала, Филипп Бокк, один из самых даровитых и энергичных коллег мисс Кавелль, был тесно связан с выпуском «La Libre Belgique» — «Свободной Бельгии», которая раздражала даже издавшего виды Морица фон Биссинга, германского генерал-губернатора оккупированной Бельгии. По-видимому, германские контршпионы следили за Бокком, чтобы выяснить местонахождение типографии, в которой печаталась патриотическая газета; и он невольно привел их к самому центру кавеллевской организации.

Говорят, что англичанку и ее товарищей выдали агенты-ренегаты — Гастон Кьен, Луи Бриль и Морис Нель. Гнуснейший Арман Жанн похвалялся перед некоей мадам Верр из Льежа тем, что он способствовал осуждению 126 бельгийцев, французов и англичан, и Эдит Кавелль в том числе. Но скорей всего германские шпики, по пятам ходившие за Бокком в поисках типографии «La Libre Belgique», по несчастливой случайности набрали на цепочку Кавелль — Круа — Тюлье — Капио — де Бельвиль. Следя за Бокком, они узнали о его привычке каждый вечер выпускать на улицу любимого террьерера; и они арестовали Бокка на улице в ночь на 11 августа 1915 года, не дав возможности известить домашних. Внезапно окружив его дом, германские агенты вломились в квартиру. Тем самым немцы напали на самое слабое звено кавеллевской цепочки, которая повралась, как только по ней ударили.

Случилось так, что Луиза Тюлье прибыла из Монса несколькими часами раньше, чем предполагалось. Когда ее допрашивали в квартире Бокка, она назвала себя «Лежен»; но она имела неосторожность носить с собой записную книжку с фамилиями и адресами многих своих сотрудников. Фальшивое удостоверение личности, скрепленное патюражским комиссаром Туссенем, дало немцам первую нить к обнаружению центра, находившегося вне Брюсселя.

Спустя четыре дня, 15 августа, агенты секретной службы уже стучались в дверь школы сестер милосердия, и Эдит Кавелль была арестована. Был арестован Капио. Еще 31 человек были посажены в одиночные камеры, за исключением князя Реджинальда де Круа, который успел скрыться. Немцы, с их тупой и дерзкой хитростью, говорили каждому арестованному, что все остальные сознались, чтобы избежать высшей меры наказания, и ему (или ей) лучше всего поступить так же. Некоторые поддались на эту удочку, так что Штобер, германский военный прокурор, явился в суд со множеством улик.

Многочисленных обвиняемых защищали два немецких и три бельгийских адвоката: Браун, Браффор и Садир-Киршен. Они разделили между собой защиту тридцати пяти обвиняемых, причем мисс Кавелль попала в группу Киршена. Штобер приступил к работе, а остальное яви-

лось уже простой формальностью. Свидетелями обвинения выступали немецкие агенты Берган и Пинкхофф. Восемь обвиняемых были оправданы. Двадцать два других были приговорены к каторжным работам на разные сроки, от трех до десяти лет. Мадмуазель Тюлье, Луи Северен, графиня де Бельвиль, Бокк и Эдит Кавелль были приговорены к смерти. Впоследствии первым трем из этой пятерки смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

К американскому посланнику Бранду Уитлоку, который в то время представлял в Бельгии интересы английского правительства, обратились с просьбой о заступничестве. Узнав об этом, немцы вынесли приговор в 5 часов вечера и назначили казнь на рассвете следующего дня. Но Уитлока каким-то образом известили об этой жестокой и невероятной торопливости; и хотя он лежал в постели серьезно больной, все же им было направлено германским властям срочное ходатайство о помиловании; первому секретарю миссии Хью Гибсону было поручено подать это ходатайство лично. Гибсон действовал заодно с испанским послом, маркизом де Вильялобар. После некоторых затруднений им удалось добраться до главы германского политического департамента в Брюсселе барона фон дер Ланкена. Этот ветеран европейской школы официальной дипломатии уверил своих гостей, что он сочувствует им и сделает все возможное; но потом заявил, что не сможет ничего сделать. Смягчение приговора, помилование и все другие виды милосердия исходят только от фон Биссинга, наместника кайзера, которого немецкие пропагандисты в ту пору именовали «наместником бога». Испанский посол и Гибсон поспешили обратиться к генерал-губернатору. Но фон-Биссинг не чувствовал себя милосердным в этот вечер, и на рассвете Эдит Кавелль и Филипп Бокк были расстреляны.

В составе секретной службы союзников находились умные люди, мысль которых упорно работала над тем, как бы нанести немцам эффективный ответный удар. Французская шпионская служба, организованная в Роттердаме Жозефом Крозье, необычайно успешно доби-

валась освобождения своих сообщников из бельгийских тюрем. Эдит Кавелль и ее товарищи посажены были в брюссельскую тюрьму Сен-Жиль, и агентам Крозье удалось выволить из тюрьмы одного из членов этой группы. По словам Крозье, некий «аббат де-Л.», сотрудничавший с ним и с мисс Кавелль, предложил помочь ей бежать из тюрьмы до суда. Крозье согласился сделать попытку, но предупредил аббата, что какой бы то ни было шум, поднятый вокруг ее дела, окажется роковым для осуществления побега. Осторожный подкуп нужных лиц и ведение яростной пропаганды союзниками в данном случае были несовместимы.

День или два все шло хорошо. И вдруг английская разведка наотрез отказалась стать на этот путь. Крозье, которого потихоньку отговорил от этого дела его начальник полковник Вальнер, заключил из этого, что «заинтересованные инстанции в лице людей, постоянно ведущих работу, уже располагают средствами, необходимыми для успешного выполнения плана, и чья-либо дополнительная помощь является излишней».

Крозье полагал, что ему придется потратить не меньше тысячи фунтов стерлингов. Английская разведка нашла эту цену чрезмерной, хотя имела в своем распоряжении неограниченные кредиты и готова была, например, израсходовать две тысячи фунтов на одну поездку в Германию некоего «нейтрального» дельца. Крозье реалистически смотрел на секретную службу и не боялся сознаться, что ему случалось «казнить» осведомителей и опасных противников. Он без стеснений или притворного ужаса выражает свое мнение, что англичане не столько боялись высокой стоимости подкупа персонала Сен-Жильской тюрьмы, сколько учитывали действительную цену спасения мисс Кавелль — утрату сильнейшего аргумента в пользу союзников в войне, и эту-то цену считали чрезмерной, т. е. недопустимой. Это, пожалуй, объясняет, почему после казни Кавелль многие британские офицеры не переставали уверять, что ее казнили в строгом соответствии с законами военного времени.

Последнее письмо, написанное мисс Кавелль, было адресовано, по-видимому, «аббату де-Л.». Отчаявшись спасти своего друга, аббат кинулся с этим письмом к представителям высшей британской власти в Нидерландах. Аббату предложили расстаться с этим драго-

ценным письмом «на несколько дней», но так и не вернули его. Аббат читал это письмо Крозье, и Крозье дает понять, что по его личному убеждению, англичане просто отдали мисс Кавелль на растерзание ее палачам. Представления посланника Уитлока и испанского посла, хотя и были горячими и искренними и даже поощрялись из Лондона, все же представляли собой всего лишь дипломатическую формальность. В тот период войны протесты нейтральных стран не могли, конечно, изменить решения германских военных властей.

Итак, генерал-губернатор фон-Биссинг был не одинок в своем отказе спасти мисс Кавелль. И если главные выгоды от ее казни достались англичанам, то это явилось не столько следствием дипломатической небрежности, сколько результатом мастерского ведения пропаганды.

До решения президента Вильсона объявить войну Германии англичане старались на каждый пароход, отправлявшийся в опасную зону действия немецких подводных лодок, сажать хотя бы одного матроса американской национальности. Пропаганда была таким же средством борьбы, как отравляющие газы. И раз англичане проливали свою кровь в Галлиполи, у Лооса и на Сомме, то жизнь сестры милосердия или палубного матроса была лишь добавочным оружием, которое пускалось в ход, если в том была надобность.

Французы, например, до конца войны безжалостно казнили женщин-шпионок. Мата Хари была расстреляна после суда над ней. Было казнено так же немало других шпионок, действовавших из чисто патриотических побуждений.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Подлинная «фрейлейн Доктор»

Из женщин, работавших на немцев, самой незаурядной является сотрудница секретной службы, которую французы и бельгийцы прозвали «фрейлейн Доктор».

Так как она, в отличие от Мата Хари, ни разу не была арестована, не подвергалась допросам и фотографированию и не была расстреляна, то о ней распространялось много небылиц¹. В действительности жизнь этой авантюристки протекла настолько «нормально», насколько это было возможно для ее профессии в военное время.

В начале августа 1914 года эта молодая студентка Фрейбургского университета бросила свою исследовательскую работу и начала писать письма по одному и тому же адресу: «Верховному командованию армии», т. е. в германскую ставку. Когда немцы вступали в Брюссель, она еще не имела ответа.

Это и была «фрейлейн Доктор», Эльзбет Шрагмюллер. Она происходила из очень старинной вестфальской семьи и в детстве часто ездила со своей бабушкой на заграничные курорты. Она владела английским, французским и итальянским языками и во Фрейбургском университете получила степень доктора философии. В 1914 году была издана в Карлсруэ ее диссертация о старинных немецких цехах, в университете ее считали исключительно одаренной. В это время ей было 26 лет; с войной она была знакома только по книгам, но уже слыла человеком настойчивым, изобретательным и полным решимости. Поставив себе новую цель, она узнала фамилии офицеров, тесно связанных с разведательным бюро генерального штаба — «Нахрихтендинст». Письмо свое она адресовала майору Карлу фон-Лауэнштейну, но он был слишком поглощен интригами на Востоке и даже не ответил ей. Тогда она обратилась к подполковнику Вальтеру Николаи с настойчивой просьбой дать ей работу на фронте.

Ей и в голову и не приходило пойти в сестры милосердия или заняться какой-либо иной женской работой. Ей хотелось принять участие в военных действиях. Наконец, пришло письмо с печатью генерального штаба: в нем был пропуск в военную зону и приказ немедленно явиться в Брюссель. Здесь ей дали заурядный пост в ведомстве гражданской цензуры. Работа была скучная, но нужная: ее «испытывали», на что ушло немного больше двух недель. Она «обрабатывала» больше корреспонденций, чем кто бы то ни было из ее коллег-цензоров, и из сотен банальнейших писем умела извлекать мате-

риал военного значения. Кое-что она направляла прямо к генералу фон Безелеру, командовавшему армейским корпусом, который в то время осаждал Антверпен.

Однажды, в конце сентября, генерал Безелер вызвал к себе капитана Рефера, офицера разведки, состоявшего в его штабе.

— Что это за лейтенант Шрагмюллер?— спросил он.— Я получаю от него донесения, и все сведения, посылаемые им, оказываются точными. Кто он такой?

Капитану пришлось сознаться в том, что он не знает лейтенанта Шрагмюллера.

— Разыщите его и пришлите ко мне!

«Лейтенанта» не нашли; но на другой день фрейлейн Шрагмюллер прибыла из Брюсселя в канцелярию фон Безелера. Это была худошавая блондинка с задумчивым выражением лица и острым, пронизательным взглядом. Все в ней говорило об уме и зоркости. Генерал и его адъютанты не сразу пришли в себя от изумления. Она же не проявляла никакого смущения и откровенно отвечала на вопросы; на посту цензора она хотела принести как можно больше пользы.

— Ваши донесения, фрейлейн,— сказал ей фон Безелер,— обнаруживают незаурядное понимание военной стратегии и тактики.

Он рекомендовал ей продолжать внимательное чтение неприятельской почты и обещал ей повышение.

— Как только мы возьмем город и вытесним бельгийскую армию из Бельгии, я порекомендую вас в наш особый разведывательный корпус. В течение некоторого времени вы будете обучаться в школе и сможете там многое узнать. Я думаю, что у вас большие способности к секретной службе.

Антверпен сдался 9 октября 1914 года, и Безелер сдержал свое слово. «Фрейлейн Доктор» Шрагмюллер была освобождена от работы в цензуре и бесследно исчезла. Германская разведка содержала уже три школы для обучения шпионажу и контршпионажу. Одна из них находилась в Лёррахе, близ Фрейбурга, где обершпион Фридрих Грюбер имел свой частный семинар и бюро шпионажа. Другая находилась в Везеле, ее

опекали такие конспираторы, как подполковник Остертаг, консул Гнейст и агенты Вангенгейм, ван-дер-Колк и Флорес. Третьей, в Баден-Бадене, заведывал майор Йозеф Салонек; это была школа, обслуживавшая одновременно и германскую и австро-венгерскую разведку.

Возможно, что фрейлейн Шрагмюллер посещала все эти школы. Режим в них был суровый. Эльзбет Шрагмюллер как таковая перестала существовать. Она получила номер, жилье и известную сумму на покрытие скромных еженедельных расходов. Каждое утро она должна была являться к восьми часам утра на частную квартиру и весь день проводила здесь, слушая лекции, составляя письменные доклады или сдавая трудные экзамены, устные и письменные.

Порядки там были типично прусские. Всячески внушалось, что профессия шпиона почетна и важна; но ее трудности и опасности не замазывались апелляцией к патриотическим чувствам или ссылок на романтику ремесла. Обучали обращению с секретными чернилами, чтению и составлению карт и планов. Приходилось твердо запоминать форму всех армий, с которыми воевали немцы, названия войсковых частей и соединений, знаки различия и отличия.

Учащиеся этих школ, независимо от пола, подчинены были суровой дисциплине. Они не вправе были знакомиться друг с другом — необходимая мера предосторожности против возможных в будущем предательств. В Баден-Бадене, например, во время лекций или общих занятий каждый «студент» сидел отдельно за своим столиком в маске, закрывавшей верхнюю половину лица. В передней, где эти маски снимались или надевались, будущие шпионы проделывали это, повернувшись лицом к стене. Им не позволялось задерживаться у выходной двери или дожидаться кого-нибудь на улице. Из школы по окончании учебного дня их выпускали через каждые 3 минуты поодиночке. Вернувшись домой после трудового дня, «студент» не мог считать себя свободным от надзора. Прикомандированные к школе офицеры-сыщики рыскали по городу, ведя тщательное наблюдение за каждым домом. По докладам «студента» определялись его характер и личные склонности. Всё бралось на заметку: привычка или склонность переглядываться или перемигиваться с хорошенькой барышней, привычка

выпивать больше двух, трех или четырех кружек пива и даже такое скромное излишество, как чрезмерное курение.

— Вы подготовлены к действительной службе,— сказали фрейлейн Шрагмюллер по окончании учебы.— Но мы пошлем вас в Англию, Францию или в нейтральную страну. Вашими способностями мы можем рискнуть только для очень важных поручений.

— Что же мне делать в настоящее время?— спросила она.

— Оставайтесь в Антверпене. Там вы будете преподавать и сможете получить повышение. Мы решили устроить там нашу главную школу шпионажа, где в состав преподавателей будут приняты лишь очень способные агенты разведки.

До войны из всех «экспедиций» германской секретной службы самым ценным считалось бюро в Брюсселе, находившееся в умелых руках Рихарда Кюрса. Его преемники, вроде Петера Тейзена, старались подражать ему; но после завоевания Бельгии Брюссель стал всего лишь столицей одной из областей Германской империи; поэтому и было признано необходимым перенести шпионский центр в другое место. Секретная служба должна была сосредоточить свои усилия на Великобритании, на французских портах Ламанша, а также на нейтральной Голландии, где могли прочно обосноваться агенты вражеской разведки.

Для подготовки нужных кадров Антверпен представлял особые преимущества, и выбор пал на этот город. Для своей новой школы шпионов немцы отвели прекрасный старый особняк в центре одного из лучших жилых кварталов города, на улице Пепиньер, 10; этот дом представлял еще и то удобство, что имел боковой выход на соседнюю улицу.

Дом этот уже пользовался известностью, когда Эльзбет Шрагмюллер прибыла к месту своей новой службы. Бельгийцы, которым случалось здесь проходить, редко останавливались, чтобы взглянуть на него. Они благоразумно предпочитали скрывать свое любопытство. Стоявшие здесь на посту жандармы грубо набрасывались на каждого, кто норовил задержаться около входа в дом, и даже арестовывали прохожих по самым ничтожным поводам.

Комендантом Антверпена назначен был майор Грос, ветеран разведывательной службы; он и привез с собой полный штат лучших инструкторов, какими только располагала германская секретная служба. Нужна была большая смелость, чтобы поместить этот шпионский центр в таком кипящем ненавистью городе, как Антверпен; и можно считать, что только ум и рвение «фрейлейн Доктор» отодвинули срок неизбежного провала.

Суровая дисциплина, установившаяся в антверпенской школе разведчиков, несомненно, была введена по ее инициативе. Как цензор почты, она имела случай измерить всю глубину ненависти, которую бельгийцы питали к своим завоевателям. Надо думать, что она решительно возложила на себя всю ответственность за введение этой дисциплины. Спустя несколько месяцев она уже была известна, как «страшная доктор Эльзбет», «прекрасная блондинка Антверпена» и даже под кличкой «Тигровые глаза». Она пользовалась всем этим как своего рода защитной окраской, дающей возможность держать в повиновении и страхе подчиненных и весь разношерстный сброд, направлявшийся к ней в Антверпен для обучения. Бывали дни, когда контршпионы Антанты посылали до шести противоречивых донесений, согласно которым она одновременно присутствовала в шести разных местах. Когда в Соединенных Штатах, с благословения правительства, расплодился полуофициальные осведомители, то и в Америке была обнаружена своя «антверпенская блондинка». В любой подозрительной блондинке видели неуловимую «колдунью с Шельды». Гертруда Вюрц, способствовавшая выдаче одного из агентов Жозефа Крозье и впоследствии исчезнувшая навсегда, прослыла также одним из воплощений «фрейлейн Доктор». Фелиса Шмидт, мечтавшая скомпрометировать лорда Китченера, также признана была за «фрейлейн Доктор», когда попалась. Даровитая питомица антверпенской школы Анна-Мария Лессер, во время войны бывшая шпионкой, выдавала себя за «известную фрейлейн Доктор».

Для смертельной схватки гигантов, породившей такие «взаимные любезности» противников, как торпедирование без предупреждения безоружных торговых судов, нарывные и удушливые газы, воздушные налеты на неукрепленные города и отвратительные формы диверсии,

неизбежно было внесение насилия и в шпионаж, и в секретную службу. Молодой начальнице школы секретных агентов поручено было ввести в обиход жестокое новшество: «шпиона-олуха», т. е. трусливого, не пользующегося доверием или явно ненадежного шпиона, которого хладнокровно «выводят в расход».

Антверпенский центр не раз организовывал такое «увольнение» шпионов-олухов. Так, например, голландского путешественника Хугнагела отправили из Антверпена и принесли в жертву французам для маскировки деятельности таких опытных шпионов, как Генрихсен и греческий агент Кудиянис в Париже. Хугнагел не годился ни для какой секретной службы. Однако, раз уж агенты по вербовке доставили голландца «Докторше», она использовала его, как могла. На его учетной карточке следовало поставить: «Хугнагел непригоден ни для шпионажа, ни для контршпионажа; вероятно, полезен для одурачивания». И его поздка в Париж была устроена лишь для того, чтобы отделаться от него. Ничего не подозревавший Хугнагел, прибыв в Париж, вздумал пустить в ход сообщенный ему код, который уже был хорошо известен французской контрразведке. Он писал на полях газеты, и это было тотчас же раскрыто; его арестовали, осудили и расстреляли. Между тем он никогда не работал против французов во Франции. Что касается более ценных агентов, то они успели благополучно улизнуть.

Бельгийской военной разведке пришлось, подобно королю Альберту и остаткам армии, искать приюта в соседней стране. Но и в самой Бельгии после ее оккупации работала импровизированная организация контршпионажа, поставившая себе целью освобождение родины. Это быстро налаженная секретная служба начала использовать детей для наблюдения за домом № 10 по улице Пепиньер вскоре после того, как там появилась фрейлен Шрагмюллер. В Лондоне, Париже и других центрах чины разведки, на которых лежала обязанность обнаруживать и искоренять германский шпионаж, нуждались в приметах каждого лица, входившего в Антверпенскую школу. Мальчишки, затевавшие как будто невинные игры на улицах, прилегающих к угловому дому в Антверпене, были глазами и ушами союзной разведки.

Каждый, кого посылали в Антверпен для обучения секретной службе, приезжал обычно на автомобиле или по железной дороге; его встречали на станции и привозили в школу в закрытом автомобиле со спущенными занавесками. Автомобили почти всегда останавливались у бокового входа. Как только машина замедляла ход, парадная дверь распахивалась. Когда же автомобиль останавливался, пассажира с бесцеремонной поспешностью выталкивали из машины и увлекали в дом. Прохожие могли видеть его всего лишь в продолжение одной-двух секунд, не больше. Но мальчишки смотрели в оба.

Гостя ждала сдержанная встреча, и попадал он в суровую обстановку. Темными коридорами, мимо закрытых дверей, его вводили в отведенную ему комнату с постелью и запирали в ней. Окна, выходящие на улицу, были закрыты ставнями и загорожены решетками; для вентиляции служило окно, выходящее во двор. Это было устроено после того, как Эльзбет Шратмюллер побывала в других шпионских школах. Она убедительно доказала своим коллегам, что маски, носимые учащимися в качестве гарантии против измены или против угрозы появления в школе двойных шпионов, являются недостаточной мерой.

Антверпенским неофитам приходилось, таким образом, жить и работать в комнатах-одиночках, отличавшихся от тюремных камер лишь несколькими большими удобствами. Никому не позволялось селиться за пределами школы. Имена упразднились. К дверям комнаты «учащегося» прибавалась белая карточка с обозначением его клички по коду. Через определенные промежутки времени солдат стучался в дверь, отпирал ее и вносил поднос с вкусной и обильной едой. Преподаватели приходили давать уроки. В течение трех недель учащийся должен был сам убирать свою комнату и в ней же совершать «прогулку» или делать гимнастику. Лишь по установлении степени одаренности и усердия кандидату предоставлялись кое-какие льготы, но только в пределах самой школы; и так — до конца курса.

Заслужив, наконец, право свободно выходить из своей комнаты в другие, учащийся получал возможность ознакомиться и с оборудованием современной школы шпионов. В Антверпене имелись отличные коллекции

моделей и карт, диаграмм и фотографий. С их помощью изучались города, моря, порты и страны всего мира, равно как и военные суда всех типов, подводные лодки, транспорты и торговые суда, воздушный флот, осадная и полевая артиллерия, береговые батареи и укрепления — вообще все, что имело отношение к военному делу. Этот познавательный материал постоянно обновлялся и перебрасывался, в зависимости от хода и развития военных действий. Школа могла также похвастать превосходной библиотекой технической и научной литературы, в том числе цветными альбомами мундиров и полевого оборудования всех борющихся армий, полковых и дивизионных обозначений и знаков различия — от капрала до фельдмаршала.

Постепенно усвоив все эти сведения, учащийся посвящался, наконец, в сокровенные тайны своей профессии и обычно поступал в обучение к самой «фрейлен Доктор». Заключительными номерами этой обширной программы были коды, шифры и другие уловки. Наряду с этим проходил курс «невидимых» чернил, изучались способы их применения и изготовления и все прочие приемы и трюки, составляющие оборонительную и наступательную тактику секретной службы военного времени.

На подготовку шпиона уходило 10—15 недель. В конце учебы «фрейлейн Доктор» обращалась к учащимся с увещанием: она взывала к патриотизму одних, к спортивному инстинкту других, к жажде приключений третьих. Вот одно из ее поучений:

«Скрывайте свое знание языков, побуждайте других к свободному высказыванию в вашем присутствии; и помните: ни один агент не говорит и не пишет по-немецки, когда находится за границей. Это даже в том случае, если немецкий явно не родной язык».

Или еще:

«Получая сведения путем прямой покупки их, вы должны заставить осведомителя удалиться как можно дальше от своего дома, а также от ближайшего района ваших операций. Старайтесь заставить его проделать свой путь по длинной дороге, лучше всего — ночью. Усталый осведомитель не так осторожен и подозрителен, он мягче и экспансивнее, менее склонен ко лжи или к торговле с вами, таким образом, все преимущества сделки окажутся на вашей стороне».

Ничего нового она в данном случае не изобрела; но ее подход к делу носил весьма своеобразный, необыч-

ный, новый характер². Знаменательно, что единственными последователями «Докторши» были ее противники. В дижонской французской школе шпионов, откуда агенты направлялись в Германию через Швейцарию, проходил основательный курс наук которому мог бы позавидовать какой-нибудь Шульмейстер. Но методы вербовки, принятые в этом учреждении, никуда не годились. За вербовку будущего шпиона назначалась крупная награда. А так как вопрос о честности и природных наклонностях «курсантов» решался главным образом теми, кто получал материальную выгоду от привлечения этих кандидатов, то выбор их не всегда отличался беспристрастием.

В Лондоне была учреждена англо-французская школа, в основном под наблюдением англичан, придававших большое значение подготовке шпионов. Особенно это касалось агентов, которые должны были работать в морской разведке, в отделе, руководимом Реджинальдом Холлом и Альфредом Юнгом, либо в прославленном отделе секретной службы вдохновляющим гением которого был капитан Мансфильд Кэмминг.

«Фрейлейн Доктор» была первой женщиной, которой поручено было руководство и заведывание школой, где процветала армейская дисциплина. Эта школа была ее гордостью, и она жила ее интересами. Слава этой школы, ее успехи и даже ее конечный провал прочно связаны с именем «фрейлейн Доктор». Но очень многое из того, что приписывалось ей, — чистый вымысел.

Война велась без пощады, и антверпенский центр в конце концов увидел перед собой сильных противников. Союзники — англичане, французы, бельгийцы, а под конец и американцы — соединили все свои ресурсы и мобилизовали всю свою бдительность, чтобы парализовать вражескую систему, которую противопоставила им «фрейлейн Доктор».

Когда Германия была побеждена и заключила перемирие, толпы бельгийцев кинулись во все дома, использованные немцами для своей полиции или разведки. Но еще до того, как дом в Антверпене подвергся налету, «фрейлейн Доктор» и ее постоянный штат (сильно поре-

девший, по сообщениям наблюдателей) уже перебрались за Рейн.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Шпионская «школа» Алисы Дюбуа

У союзников не было молодой женщины, занятой шпионажем или обучением шпионов, которая по квалификации или известности могла бы соперничать с «фрейлейн Доктор». Но все же была патриотка, героически служившая французам и англичанам и создавшая для них грандиозную систему шпионажа, которую она организовала почти единолично в тылу у врага.

Шпионской «школой» Алисы Дюбуа была сама война и суровый режим оккупации. Она вела свою работу с величайшим риском и опасностью, в то время как Эльзбет Шрагмюллер находилась под защитой армии.

Когда войска генерала фон Клука в августе 1914 года шли на правом фланге наступающих германских армий, они гнали перед собой почти полмиллиона беженцев. Тысячам этих ошеломленных мирных жителей удалось переправиться морем в Англию. Одних перевезли военные корабли, других — траулеры, буксиры и частные яхты. Многие высаживались на английском побережье с барж, рыболовных судов, моторных и даже весельных лодок. Эти толпы наводнили британские порты. Властям пришлось принимать их, давать им кров и пищу. Власти опасались, что при такой всеобщей панике в Англию могут проникнуть и шпионы германской разведки. Однако среди переправлявшихся было немало и таких беженцев, которые сообщали интересные военные сведения. На основании их рассказов нетрудно было составить объемистый доклад для передачи в ставку экспедиционных войск во Франции.

Офицеры разведки терпеливо взялись за работу и начали расспрашивать многих бельгийских беженцев.

Одному из этих офицеров повезло: он встретился с молодой француженкой, которая назвала себя Луизой де-Беттиньи. Откуда она? Из Лилля. Занятие? Гувернантка. Толковая и обладавшая привлекательной внешностью, она производила впечатление хорошо образованной женщины из аристократической, но обедневшей семьи. По-английски она говорила без акцента, откровенно отвечала на все вопросы и сообщила много интересного. Кроме того, оказалось, что она безукоризненно владеет немецким и итальянским языками.

Было ясно, что в ее лице можно иметь необычайно полезного агента секретной службы. Луизу Беттиньи пригласили в Лондон, где майор Эдуард Камерон, побеседовав с нею, предложил ей принять участие в патриотической борьбе.

Она подумала и просто ответила: «Я готова взяться за это». Ее завербовали и тут же переименовали в «Алису Дюбуа». Это имя проставлено было в фальшивом удостоверении личности, выданном ей особым разведывательным отделом британского военного министерства. В нем обозначена была ее профессия: «кружевница». С таким документом она могла разъезжать, не вызывая подозрений.

Алиса Дюбуа тотчас же приступила к работе и в течение пятнадцати месяцев 1914—1915 годов была столь же опасным противником для немцев, как и многие командиры союзных войск на поле боя. В то же время она была гораздо менее опасна для союзников, чем многие из их генералов, безрассудно тративших человеческие жизни на такие авантюры, как французское наступление в Шампани в сентябре — ноябре 1915 года, где продвижение вперед менее чем на пять миль обошлось в 400 000 человек убитыми и ранеными.

Алиса надеялась повидать свою мать в Сент-Омере. Но майор Камерон приказал ей вернуться в Лилль. Добравшись туда без помех, она первым делом решила, что ей нужен не слишком многочисленный, но толковый и абсолютно надежный штат конспираторов. Обладая связями в богатых семействах, где у нее было немало друзей, она вскоре нашла среди них желающих работать против общего врага.

Так были завербованы ею некий химик де Гейтер и его жена. Вскоре из его частной лаборатории начали

поступать невидимые чернила и подправленные или поддельные паспорта, которые до того можно было получать — и то с большим риском — лишь из Лондона. Затем она завербовала фабриканта Луи Сиона и его сына Этьенна, который нередко помогал ей, а главное предоставлял свой автомобиль, пока немцы не конфисковали его. Она нашла скромного картографа Поля Бернара, предложившего свои услуги. Он ухитрился, работая чертежным пером и лупой, написать кодированное стенографическое донесение в тысячу шестьсот слов под почтовой маркой, наклеенной на открытку.

Наконец, в лавчонке старинного города Рубэ Алиса открыла девушку, из которой выработался шпион, едва ли уступавший ей самой в мужестве и способностях. Это была Мария-Леони Ванутт, превратившаяся в «Шарлотту», разносчицу сыров. Мария-Леони отлично умела принимать весьма спокойный, невинный и развязный вид; можно было даже подумать, что она ничего общего не имеет с войной. Нагрузившись сырами и кружевами, Шарлотта и Алиса странствовали по территории, оккупированной немцами; они бойко торговали, и это оправдывало их постоянные передвижения. Число сообщников Дюбуа все время росло: их было вначале шесть, затем стало двенадцать, двадцать четыре, тридцать шесть. Они предоставили в ее распоряжение свое мастерство и мужество, свои квартиры и все свое имущество. Военные сведения, тщательно проверенные и отобранные из массы слухов, сплетен и ложных донесений, превратились в непрерывный поток информации. И настало время, когда Алисе, всегда бравшей на себя выполнение самых рискованных дел, пришлось раз в неделю пробираться в Голландию для передачи своих донесений в Лондон.

Германский контроль на границе становился все более придирчивым и бдительным. Даже самые хитрые уловки уже не гарантировали полной безопасности перехода через границу в дневное время; а по ночам Алисе и ее подруге приходилось преодолевать бесчисленные затруднения. Несколько раз она вынуждена была перебираться вплавь через пограничный канал. Для этого она завела специальный костюм, состоявший из шаровар, блузы и юбки темного цвета, сделанных из очень легкой материи. Будучи хорошим пловцом, она не боя-

лась ледяной воды канала; но Шарлотте, не умевшей плавать, приходилось садиться, скрючившись, в большое корыто, которое Алиса подталкивала впереди себя.

Смекалка и изобретательность Алисы были неистощимы. Рассказывают, что она завела сигнализацию при помощи церковных колоколов; написанные мелким почерком донесения она прятала в плитках шоколада, в игрушках, в зонтиках и даже в деревянной ноге старого калеки. Она умудрилась переслать в Англию миниатюрную карту, спрятанную в ободке очков. На ней было показано расположение четырнадцати германских тяжелых батарей и складов боеприпасов в окрестностях Лилля. Некоторые ее помощники жаловались, что в то время как они рискуют жизнью, собирая важные сведения, их донесения редко ценятся союзниками и не вызывают необходимых ответных мероприятий. И когда вскоре после этого все четырнадцать батарей и склады были уничтожены союзными бомбами и артиллерийским огнем, Алиса могла с удовлетворением указать друзьям на результаты их работы и тем самым поднять их дух.

Лично она никогда не теряла бодрости и даже чувства юмора. Она смело предложила однажды кусок колбасы одному контрразведчику, который отказался от угощения, убежденный, что разыскиваемые им документы никак не могут находиться в колбасе, которую ела эта бойкая девушка. Она спокойно стояла и смотрела, как мрачный прусский офицер припечатывал имперским орлом фотографию на ее новеньком удостоверении личности. Фотография была не только очень схожей, но и имела необычайно глянцевитую поверхность. Если бы немец догадался поскрести ногтем этот глянец, то обнаружил бы пленку прозрачной бумаги, на которой Поль Бернар вывел невидимыми чернилами шпионский отчет в 3 000 слов о передвижениях запасных соединений противника.

Лишь спустя несколько месяцев эта деятельность Алисы начала возбуждать в немцах подозрение. Ее подвергли слежке, задерживали, обыскивали и допрашивали. Но ей помогало знание языков и озорной характер. Она часто выдавала себя за немку, за немецкую аристократку. Из всех военных пруссаки были всего сильнее заражены кастовым духом; многих офицеров, расспросы которых принимали угрожающий характер, Алиса уме-

ла оборвать своим надменным, холодным видом и мекленбургским акцентом.

Германские контршпионы в районах деятельности Алисы и ее сообщницы с самого начала знали, что здесь орудует какой-то ловкий разведчик. Немцы усилили наблюдение за мирными жителями, еще больше ограничили свободу передвижения. Однажды поезд, в котором ехали Алиса с Шарлоттой, был остановлен в пути дозором германской полевой жандармерии. Начался обыск и допрос всех пассажиров. Что было делать шпионкам? К счастью, они сидели в последнем вагоне, а сыщики в мундирах, держась все вместе, с непоколебимой немецкой тупостью начали обыск с первого вагона и постепенно продвигались в конец поезда.

Тогда Алиса и Шарлотта вышли из поезда и подлезли под вагон. Девушки начали опасное и медленное продвижение вперед под составом. В переднем вагоне обыск окончился еще до того, как они очутились под ним.

Разведчицы хладнокровно вошли в вагон и заняли места. Через четвердь часа поезд снова тронулся. Алиса и ее сообщница избежали ареста.

С женщинами-контрразведчицами девушкам было, однако, труднее справиться. Матроны из немецкой полиции, посланные в Бельгию для борьбы с ее мятежным населением, были очень грубы. Одна из таких полицианток, прозванная бельгийцами «Лягушкой», при первой встрече с Алисой раздела ее догoла и смазала ей кожу вредным химическим препаратом, пытаясь проявить невидимые чернила. Алиса же все это время держала под языком смятый в шарик клочок рисовой бумаги, на котором мельчайшим почерком Бернара было написано очередное донесение. У конспираторов всегда оставался дубликат; чувствуя, что ее накроют, Алиса проглотила шарик.

— Стоп! Что вы глотаете? — вскричала полициантка. — Подавайте сюда!

— Ровно ничего, — ответила Алиса. — Я озябла, вот и все. Понятное дело, я и устала и нервничаю.

— Ну, так одевайтесь, — сказала «Лягушка», неожиданно смягчаясь. — Пока довольно.

Она на несколько минут оставила Алису одну в помещении и вернулась с чашкой молока.

— Вот выпейте, — предложила она. — Вы отощали.

Алиса не далась в обман.

— Вы очень добры,— сказала она,— но я терпеть не могу молока.

— Пейте, говорят вам!— настаивала немка, переходя на грубый тон.

Алиса была уверена, что в чашке содержится рвотное. Ее стошнит, и она вырвет бумажный шарик. Взяв чашку, она, гримасничая, сделала вид, будто пьет. И вдруг начала задыхаться и кашлять. Чашка выскользнула из ее дрожащих пальцев, упала и разбилась.

Это было разыграно так мастерски, что «Лягушка» не заподозрила комедии. Ходить за второй чашкой не стоило. Пока она снова приготовила бы рвотное, естественный процесс пищеварения все равно испортил бы бумагу.

Алиса вырвалась еще из одной полицейской западни; но кольцо все теснее сжималось вокруг нее. Доброжелатели предупреждали ее об этом, советовали отдохнуть, взять заслуженный отпуск, но она высмеивала их тревоги. Оставалось лишь усиленно охранять ее.

Алиса вовлекла в свою разведывательную систему ряд умных и озорных мальчишек. Они оказали ей большую помощь, когда немецкий конртшпионаж начал раскидывать вокруг нее свои сети. Ее агенты, которым приходилось передвигаться в опасных районах, постоянно нуждались во всевозможных паспортах, удостоверениях личности, визах и отметках полиции. Всего этого всегда нехватало, несмотря на усиленную деятельность Бернара и де Гейтера. Благодаря своим мальчуганам Алиса, Шарлотта и еще несколько агентов имели возможность использовать один и тот же пропуск в один и тот же день на нескольких контрольных постах, отделенных порядочным расстоянием. Дети играли, резвились, их редко останавливали или расспрашивали. У них был столь нищенский вид, все они были так оборваны, что прусские сержанты считали ниже своего достоинства обыскивать их. Это было очень ценно, ибо ребенок мог быстро пронести обратно пропуск агенту, дожидавшемуся по эту сторону кордона.

В одной бельгийской гостинице, куда Алиса или Шарлотта обычно приходили поспать на несколько часов, жило трое ребят, оберегавших разведчиц от ареста. Али-

са спала здесь всегда в одной и той же комнате. Тревоги, налеты полиции случались очень часто.

Полиция! У входной двери гостиницы раздавался громкий стук, слышались настойчивые требования открыть. Хозяйка, муж которой находился в армии, тотчас же бежала к Алисе и будила ее. «Они пришли, мадемуазель». Пояснять, кто «они», было излишне.

Алиса быстро соскакивала с постели и закутывалась в тяжелый темный плащ. Поднявшись по внутренней лестнице на чердак, она вылезала в окно, на крышу. Узелок с необходимыми вещами она прятала за большую дымовую трубу. Здесь она и пережидала визит полиции. А в комнате, смежной с той, в которой спала Алиса, будили детей. Старшему мальчику нужно было занять постель, только что покинутую Алисой. Все они прикидывались спящими, пока полиция осматривала эту часть дома. Они даже были приучены не вскрикивать, а только прятаться в испуге под одеяло, если к ним обращались с вопросами.

Немцы с карманными электрическими фонариками переходили с бесцеремонным шумом и грубостью из комнаты в комнату, но подозрительного ничего не могли обнаружить. Во всех постелях были спящие. Немцы с ворчанием удалялись. Когда они уходили, мать опять укладывала ребят в их общую постель, а Алиса спускалась с крыши.

В один роковой день Шарлотта получила два письма. Первое было подлинное, от Алисы, только что переправившейся в Голландию; в нем сообщалось при помощи простого кода, что она находится в безопасности. Но другое, чужим почерком, просило Шарлотту немедленно явиться в одну захолустную гостиницу — «ради Алисы».

Шарлотта взволновалась. Что это значило? Только одно: что агенты контршпионажа уже пронюхали о тесной связи между главными работниками организации Дюбуа. Но Шарлотта смело отправилась в указанную гостиницу, боясь проявить трусость или недоверие. Незнакомец, встретивший ее там и выдавший себя за беженца-бельгийца, не был ни бельгийцем, ни очень умным немцем. Отказ девушки говорить с ним достоверно не смутил его, и он продолжал засыпать ее вопросами.

— Я не знаю никакой Алисы Дюбуа, — твердила она. — Я вообще ничего ни о ком не знаю! Вы принимаете меня за кого-нибудь другого.

Ее отпустили. Однако на другой день ранним утром три агента с револьверами в руках ворвались в квартиру Шарлотты. Они произвели самый тщательный обыск и, хотя не нашли ничего подозрительного, все же увели Шарлотту в тюрьму.

В Голландию было послано предупреждение. Алиса должна оставаться там, игра раскрыта! Но предостережение ее не застало. Она уже направлялась в обратный путь. Имя Алисы было названо при допросе только одним лицом, ранее занимавшим весьма незначительное место в ее шпионской организации. Но эта мелкая до а-вочная улика в сущности решила дело.

Тому, что Дюбуа опять появилась, немцы не удивлялись, ибо в их многочисленных донесениях о деятельности Алисы она всегда фигурировала как человек исключительной отваги. «Пусть она несколько дней побудет на свободе, — решила разведка. — Улик против нее вполне достаточно. Но не беда, если она еще больше запутается».

Прервав даже косвенную связь со своей помощницей, посаженной в тюрьму, Алиса вела себя в течение нескольких дней с величайшей осмотрительностью. Однако на фронте шло большое сражение, и поэтому разведку нельзя было прекращать. Из Франции и Англии продолжали поступать обычные срочные запросы. Она отправилась, наконец, с большой осторожностью, в Турнэ; но здесь ее остановил патруль, и она была арестована¹.

Алису и Шарлотту предали суду под их настоящими именами. По-видимому, германская секретная служба узнала о них все. Обе были приговорены к смерти. Выслушав приговор, каждая поднималась с места и просила помилования для другой.

Негодование, вызванное во всем мире казнью Эдит Кавелль, заставило германские власти отказаться от казни этих двух женщин. Смерть им была заменена тюремным заключением: Алисе — на 27 лет, Шарлотте — на 15. Обе мужественно встретили новый приговор, уверенные, что каждая из них «переживет эту страшную войну».

Шарлотта, или Мария-Леони Ванутт, действительно пережила ее и по освобождении из тюрьмы была осыпана почестями и орденами. Но Луиза де Беттины скончалась в Кельне в результате лишений, которым подвергли ее в немецкой тюрьме, 27 сентября 1918 года, всего за 45 дней до перемирия, которое освободило бы и ее².

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Мата Хари

Маргарита-Гертруда Маклеод, урожденная Зелле, своей сценической карьерой и псевдонимом «Мата Хари» («Глаз утра») обязана была Востоку; и ее известность как шпионки первой мировой войны явилась в сущности продолжением ее сценической репутации «яванской храмовой танцовщицы». Как интересной женщине, ей посвящены целые тома романтического вздора, в котором трудно отделить правду от вымысла.

Знаменитость европейского полусвета, она никогда не была ни крупным шпионом, ни деятельным работником германской разведки. Перед французским военным судом, о котором тогда было известно, что приговоры в нем составляются заранее и выносятся впоследствии по заготовленному тексту, Мата Хари энергично защищалась, доказывая, что она вовсе не была активной шпионкой, а лишь хорошо оплачиваемой содержанкой нескольких германских чиновников. Мы увидим, что некоторые из этих господ оплачивали часы, проведенные с нею, из фондов разведки. Когда это преступление было раскрыто, те же господа спокойно предали ее в руки французов.

Она родилась в Леувардене, в Голландии, 7 августа 1876 года; стало быть, ей было за сорок, когда контршпионы Парижа убедились в том, что она является угрозой для республики. Родители ее были почтенные голландцы, Адам Зелле и Антье ван дер Мёлен. В годы

своих сценических успехов она выдавала себя за уроженку Явы, за дочь европейца и яванки; в то же время она утверждала, что училась танцам в одном из храмов Малабара. Ее знание Явы явилось результатом основательного изучения острова, ибо в марте 1895 года она вышла замуж за капитана голландских колониальных войск, который вскоре после свадьбы уехал из Голландии на Яву, куда и взял с собой жену. Его звали Маклеод; он был по происхождению шотландец, человек надменный и грубый и вдобавок пьяница. Редко бывая трезвым, он колотил свою жену и таскал ее за волосы. В 1901 году она вернулась, наконец, в Амстердам с дочерью Марией-Луизой и невыносимым супругом. В Демаранге у нее родился и сын Норман, в младенчестве отравленный туземным слугой, желавшим отомстить Маклеоду. По слухам, Мата Хари будто бы собственноручно умертвила убийцу, но вряд ли она могла сделать это на Яве. Решительный характер развился у нее позднее.

Муж тиранил ее, изменял ей, и она, чтобы забыться, читала эротическую литературу и ходила смотреть ритуальные танцы яванских танцовщиц, которым и сама начала подражать. Она так хорошо изучила это искусство, что когда выступила на сцене, то сумела убедить парижан — даже людей, знакомых с Востоком, — что она с детства была храмовой танцовщицей и священной проституткой Сивы*.

Между 1901 и 1905 годами она превратилась из голландки в яванку, из Маргариты Зелле в уроженку Явы, артистку Мата Хари. Ее характер определился и воля окрепла.

Она пыталась несколько раз развестись с Маклеодом. В августе 1902 года этот «герой» еще раз отколотил ее и бросил, забрав с собой шестилетнюю Марию-Луизу. Едва ли не в первый раз проявив свой характер и энергию, она добилась от суда решения, в силу которого Маклеод обязан был вернуть ей ребенка и содержать их обоих. Он ответил на это грязной клеветой. Ее тетка,

---

* С и в а или Ш и в а — одно из трех главных божеств религии индусов, олицетворение разрушительной силы природы. При храмах, посвященных богу Сиве, жили женщины, занимавшиеся так называемой «священной» или «храмовой» проституцией, доходы с которой поступали в пользу храма, и исполнявшие ритуальные танцы. — Р е д.

к которой она обратилась за помощью, поверила Маклеоду, а ее выгнала вон. Ей пытался помочь отец, но он побаивался Маклеода, его положения в обществе и армейского престижа. В конце концов, она собственными силами, вопреки всему тому, что о ней рассказывали, сумела вырваться из деревенской глуши Голландии и уехала в Париж искать счастья на артистическом поприще. Ей было тогда 29 лет, и она почти молниеносно добилась успеха и известности.

Богатое воображение, отчаянная решимость и желание блистать (об этом свидетельствуют избранный ею псевдоним и басни о ее рождении и романтическом воспитании, которые она всячески помогала распространять) — вот что было истинной причиной ее поразительной метаморфозы. Она стала куртизанкой, что в избранной ею профессии считалось чуть ли не обязательным. Надо думать, что Маклеод основательно подготовил ее к этому шагу. В легендах о ней он изображался как молодой шотландец, офицер британской армии в Индии, который будто бы нашел ее в храме, помог ей бежать, женился на ней и лелеял до самой своей внезапной смерти, после чего она отправилась в Париж исполнять экзотические танцы. Это была выдумка.

«Гонорары» она брала огромные и хотя после 1914 года скопила, занимаясь шпионажем, свыше 100 000 марок, она пленяла мужчин до конца своих дней и не бросала своей первоначальной профессии.

Берлин встретил ее не менее гостеприимно, чем Париж, хотя блокада сильно отразилась на германской столице. В день объявления войны французские агенты видели ее разъезжавшей по запруженным возбужденными толпами улицам в компании начальника полиции фон Ягова, который, впрочем, давно был с ней дружен. Теперь она получила предложение поступить на службу в германскую разведку. Она обладала многими данными, чтобы сделаться ценной шпионкой; но был у нее и большой дефект: она была слишком заметна, слишком бросалась в глаза. И если бы немцы хорошенько подумали, они тогда же поняли бы, что такой шпион не сможет безнаказанно действовать в течение всей войны. Если бы, как утверждали французы, «Н-21» было условным обозначением немецкой шпионки Мата Хари до августа 1914 года, то чем объяснить ее странное пове-

дение в первые месяцы войны? Ибо почти на протяжении целого года эта «Н-21» — умная и щедро оплачиваемая шпионка — находилась вдали от театра войны и полевой секретной службы. Почему? Неужели только для того, чтобы заставить союзников ломать себе голову над вопросом: когда же она начнет шпионить по-настоящему? В профессиональном шпионаже так не бывает. Когда она, наконец, вернулась во Францию в 1915 году, то за несколько дней до этого итальянская разведка телеграфировала в Париж:

«Просматривая список пассажиров японского пароходства в Неаполе, мы обнаружили Мата Хари, знаменитую индусскую танцовщицу, собирающуюся выступить якобы в ритуальных индусских танцах в обнаженном виде. Она, кажется, отказалась от притязаний на индусское происхождение и сделалась берлинкой. По-немецки она говорит с легким восточным акцентом».

Копии этой телеграммы были разосланы во все страны Антанты как предупреждение об опасной шпионке. Французская контрразведка организовала слежку. Парижская «Сюрте-Женераль» (охранка) также взяла танцовщицу под подозрение. Полицейская префектура, в которой Мата Хари выдала себя за уроженку Бельгии, сделала на ее бумагах пометку: «Следить».

Несмотря на все это, Мата Хари, кажется, умудрилась танцевать даже в скудно освещенном театре военной секретной службы. В конце ее обвинили во многих серьезнейших нарушениях военных законов Франции.

До 1916 года французская контрразведка была сбита с толку демонстративным поведением этой шпионки. Эта актриса никогда не конспирировала, ничего не боялась и ничего не скрывала. Тем труднее было французам узнать, каким путем она передавала их военные секреты, факт похищения которых им никак не удалось доказать. У танцовщицы было много приятелей в дипломатическом мире, в том числе шведский, датский и испанский атташе. Дипломатическая почта нейтральных стран не просматривалась цензурой; было совершенно очевидно, что письма, отправляемые Мата Хари за границу, не проходят цензуру.

Дипломатическая почта, по обычаю и международным правилам, была неприкосновенной. Убедившись, что Мата Хари совратила нейтральных атташе, фран-

цузы решили не останавливаться перед вскрытием мешков с дипломатической почтой. В шведской и нидерландской дипломатической почте они нашли серьезнейшие улики для будущего процесса. И все же Мата Хари не была арестована; кое-кто говорил, будто она писала особой тайнописью, оставшейся нерасшифрованной. Доказательств, настолько веских, чтобы они удовлетворили гражданский или военный суд, не нашлось; и так как она находилась в коротких отношениях с такими лицами, как герцог Брауншвейгский, германский кронпринц, голландский премьер ван де Линден и т.п., то важно было найти неопровержимо убедительные улики.

Наконец, было установлено, что она хлопочет о пропуске в Виттель* под тем предлогом, что там находится ее бывший любовник, капитан Маров, потерявший зрение на войне и нуждающийся в ее уходе. Ее привязанность к этому злополучному русскому офицеру не возбуждала бы подозрений, но близ Виттеля незадолго перед тем был оборудован новый аэродром, а французы перехватили адресованную германским шпионам шифрованную инструкцию о необходимости получить данные об этом аэродроме. Надеясь, что теперь Мата Хари окончательно разоблачит себя, французские контрразведчики позаботились, чтобы пропуск ей был выдан. Но она повела себя в Виттеле чрезвычайно осторожно.

Французские власти были вне себя: они чувствовали угрозу, но не могли поймать шпионку с поличным. Тогда возник вопрос: не выслать ли ее? И это было сделано. После того как ей объявили о высылке, она повела себя как мелкий шпион-наемник: стала клясться, что никогда не работала на немцев, и заявила о своей готовности поступить на службу во французскую разведку. Она даже стала хвастать своим влиянием на многих высокопоставленных лиц в Германии и вызвалась отправиться туда и добыть сведения, нужные французскому генеральному штабу. Начальник одного из отделов французской контрразведки капитан Жорж Ладу не был удивлен ее бесстыдством и сделал вид, что верит ей.

Так как она объявила, что генерал-губернатор Бельгии фон Биссинг с первого же ее взгляда падет к ее ногам, то ей предложили отправиться в Брюссель и вы-

---

* Виттель — курорт в Северной Франции. — Ред.

ведать все, что удастся; ей сообщили фамилии шести агентов в Бельгии, с которыми она могла немедленно войти в контакт. Все они в Париже числились сомнительными агентами благодаря хроническим преувеличениям, которые они допускали в своих рапортах. После прибытия Мата Хари в Брюссель один из этих шести бельгийцев был арестован немцами и расстрелян; это как будто свидетельствовало против танцовщицы.

Казнь агента озадачила французов. Они не получали от него ничего ценного и полагали, что все донесения пишутся под немецкую диктовку. И если немцы осудили его за шпионаж,— стало быть, он двойной шпион, сообщающий верные сведения их противникам. Через некоторое время это подтвердили англичане, сообщившие, что один из их шпионов был загадочным образом выдан немцам какой-то женщиной.

Стали даже известны приметы этой женщины, но ей все же удалось ускользнуть.

Мата Хари вскоре наскучило прикидываться шпионкой союзников, и она через Голландию и Англию направилась в Испанию. Если она знала, что английский агент погиб по ее доносу, то решение отправиться в английский порт было с ее стороны либо чудовищной глупостью, либо актом необычайного мужества. Ей дали высадиться и проследовать в Лондон, поскольку, видимо, была уверенность в том, что ее допросят в Скотленд-Ярде. И здесь, побив рекорд наглости, проявленной ею в разговоре с Ладу, Мата Хари призналась Базилю Томпсону в том, что она немецкая шпионка, но прибыла в Англию шпионить не в пользу Германии, а в пользу Франции. Начальник уголовно-следственного отдела, рыцарски замаскировав свой скептицизм, посоветовал ей не совать нос куда не следует и разрешил ей отъезд в Испанию¹. Она поблагодарила его за добрый совет, но в Мадриде она оказалась в дружеских отношениях с капитаном фон Калле, германским морским атташе, и с военным атташе фон Кроном.

Немцы сократили расходы на секретную службу, и даже такие центры германской разведки, как антверпенский и бернский, почувствовали это. По всей линии был отдан приказ об экономии; ослепительная Мата Хари, безнадежно скомпрометированная и всеми подозреваемая, была непомерной роскошью, существование

которой германская разведка не могла разрешить фон Калле. Ему послали радиogramму с требованием направить «Н-21» во Францию. Телеграмма была составлена по коду, уже известному французам.

Фон Калле передал ей приказ, объявив, для приманки, что она получит 15 000 пезет за свою работу в Испании от дружественного ей лица в одной нейтральной миссии. Мата Хари вернулась во Францию, в Париж, где немедленно направилась в отель Плаза-Атенэ на авеню Монтень. На следующий же день она была арестована.

После предварительного допроса она была препровождена в Сен-Лазарскую тюрьму и посажена в камеру, ранее занятую мадам Кайо*, застрелившей известного редактора.

24 и 25 июля Мата Хари предстала перед военным судом. Председателем суда был полковник Санпру — полицейский офицер, командовавший республиканской гвардией. Он высказал убеждение в ее виновности. Майор Массар и лейтенант Морне также не питали сомнений на этот счет. Единственным человеком, думавшим об оправдании ее, был ее адвокат Клюне. Будучи защитником по назначению, он стал ее преданным другом и, говорят, великолепно вел это безнадежное дело.

Председатель Санпру начал с обвинения Мата Хари в близких отношениях с начальником берлинской полиции и особенно напирал на 30 000 марок, которые она получила от фон Ягова вскоре после начала войны. Мата Хари утверждала, что это был дар поклонника, а не плата за секретные услуги.

— Он был моим любовником,— оправдывалась Мата Хари.

— Это мы знаем,— возражали судьи.— Но и в таком случае сумма слишком велика для простого подарка.

— Не для меня!— возразила она.

Председатель суда переменил тактику.

— Из Берлина вы прибыли в Париж через Голландию, Бельгию и Англию. Что вы собирались делать в Париже?

---

* Процесс Кайо, жены министра финансов, убившей редактора газеты «Фигаро», проходил непосредственно перед первой мировой войной и возбудил к себе своим скандальным характером большой интерес бульварной печати. — Р е д.

— Я хотела последить за перевозкой моих вещей с дачи в Нейи.

— Ну, а зачем было ездить в Виттель?

Хотя в полицейских донесениях указывалось, что она самоотверженно и любовно ухаживала за потерявшим зрение капитаном Маровым, тем не менее она там сумела свести знакомство со многими офицерами-летчиками.

— Штатские мужчины меня несколько не интересовали,— следовал ответ.— Мой муж был капитан. В моих глазах офицер высшее существо, человек, всегда готовый пойти на любую опасность. Если я любила, то всегда только военных, из какой бы страны они ни были.

Когда ей напомнили о предложении сделаться шпионкой в пользу Франции, она слегка заколебалась; но затем сказала, что ей нужны были деньги, так как она хотела начать новую жизнь.

Получала ли она гонорары как знаменитая кокетка или жалованье как высоко ценимая шпионка — в обоих случаях деньги ей посылались на имя «Н-21». Этот номер значился в перехваченном французами списке германских шпионов!

Показания свидетелей носили драматический и одновременно трогательный характер. Мата Хари позволили слушать все, что приводило в своих доводах обвинение. В ее пользу оказывали сильнейшее давление на суд влиятельные частные лица; но Франция в то время еще была под впечатлением агитации пораженцев и волнений на фронте. Поэтому считалось необходимым не церемониться со шпионами. В иной обстановке Мата Хари отделалась бы тюремным заключением. Президент Пуанкаре отказался помиловать ее или смягчить вынесенный ей приговор. В Гааге премьер-министр ван ден Линден безуспешно умолял королеву подписать обращение в ее пользу.

Утром 15 октября Мата Хари, как обычно, поднялась с постели и оделась. Тюремный врач подал ей рюмку коньяку. В последнюю минуту она отказалась надеть повязку на глаза. Раздался залп двенадцати винтовок, и все было кончено.

Прошло около восьми лет после казни Мата Хари. Летом 1925 года два французских писателя Марсель

Надан и Андре Фаж опубликовали статью (в «Пти журнал» от 16 июля 1925 г.), в которой впервые открыто высказывалось сомнение в виновности танцовщицы. Полные отчеты о ее процессе хранились втайне. В 1922 году майор Массар в «Парижских шпионках» на основании документальных данных пришел к выводу о полной виновности Мата Хари. Но для беспристрастных людей, даже во Франции, этот вопрос все же остался открытым.

Жорж дю Парк рассказывает в своих воспоминаниях, что Мата Хари просила его записать ее мемуары. Познакомился он с ней в бытность свою парижским журналистом, и знакомство это длилось не один год; он навестил ее и в тюремной камере на правах старинного друга, а не чиновника Второго бюро генерального штаба французской разведки, каким он в ту пору стал. Частными литературными делами он уже не имел права заниматься; но когда он доложил о желании осужденной «рассказать все», его начальник граф де Леден рекомендовал ему принять это предложение, при том, однако, условии, что все его записи будут переданы Второму бюро, если что-нибудь из сообщенного танцовщицей представит интерес для контрразведки.

Дю Парк сообщает, что Мата Хари в течение трех часов диктовала ему свои «откровения», явившиеся «обвинительным актом против многих высокопоставленных чинов как английской, так и французской армии». Впоследствии эти воспоминания были погребены в хорошо охраняемых архивах секретной службы в Париже. Сам дю Парк обязан был хранить тайну в силу данной клятвы и особенно ввиду своей связи с разведкой. «Признания» Мата Хари останутся необнародованными, вероятно, целое столетие, пока будущий Ленотр не раскопает их и не предаст огласке.

Между тем в деле Мата Хари французская военная клика показала всю свою предубежденность и склонность к крючкотворству. Во время процесса танцовщицы французская секретная служба провокационно объявила, что некий член кабинета министров, подписывавшийся «М...и», отправил немало писем знаменитой куртизанке. Генералу Нивелю и его коллегам нужно было оправдаться перед общественным мнением в провале наступления в Шампани и в других своих без-

дарных действиях. Козлом отпущения, по-видимому сознательно, был избран Луи Мальви, тогдашний министр внутренних дел, хорошо знакомый с секретной службой, расследованием и надзором, осуществлявшимися гражданским бюро политической полиции. Вполне возможно, что какой-нибудь из агентов Мальви столкнулся с генералом, связь которого с поставками на армию носила скорее политический, чем патриотический характер. И в виде возмездия французская секретная служба не только допустила, но и поощрила распространение слуха: Мальви — тот самый министр, который предавал Францию немцам при посредстве шпионки-куртизанки!... Мальви — единственный «М...и» во французском кабинете!

Дело кончилось тем, что министра внутренних дел предали суду. Среди свидетелей, выступивших по этому делу, были четыре бывших премьера Франции. Каждый удостоверял, что Мальви честный и преданный слуга Республики. Военная камарилья все же требовала его осуждения. Франция воевала, армия главенствовала во всем; поэтому последнее слово в деле Мальви также принадлежало военной клике.

Сенат приговорил его с семилетней высылке за пределы Франции. Если учесть обстановку, то можно утверждать, что Мальви должен был считать себя счастливым, поскольку ему удалось избежать смертного приговора или ссылки в Кайенну. Но когда раны, нанесенные войной, начали затягиваться, «измена» Мальви была забыта, а его самого амнистировали. Премьер Эдуард Эррио возвратил его к общественной жизни и даже предоставил ему место в своем кабинете.

Наступил день, когда Мальви должен был предстать перед палатой депутатов для реабилитации. Когда он поднялся и заговорил, голоса оппозиции оборвали и заглушили его. «Мата Хари! — с издевкой вопили оппозиционеры. — Мата Хари!.. Мата Хари!» Мальви пытался говорить, но ему не дали сказать ни слова. Здоровье его было подорвано годами испытаний, и он рухнул на пол без чувств. Его унесли и привели в чувство, а тем временем вопли политиканов, травивших его, сменились презрительным хихиканьем. Эррио уверил Мальви в своем неизменном к нему доверии. Но Мальви был нравственно разбит и подал в отставку.

Прошло еще несколько лет, и произошло событие, еще раз ярко осветившее все мелкое лицемерие и всю гнусность французской военной клики. В деле Мальви — Мата Хари появилась еще одна пленительная женщина, не танцовщица, не куртизанка и не шпионка, а умная и талантливая журналистка. Она добыла запоздалое признание у одного из тех самых людей, которые погубили министра внутренних дел Мальви.

На этот раз сознался настоящий «М...и» — генерал Мессими, бывший военным министром в начале войны 1914 года. Мессими — пожилой жуир и претенциозный невежда, которого первая битва на Марне сбросила с министерского поста. Этот Мессими являлся близким другом Мата Хари. Несомненно, он и был назван и «разоблачен» в воспоминаниях, которые Мата Хари диктовала дю Парку. Так генерал Мессими в конце концов реабилитировал Мальви, признавшись ловкой журналистке, что он был членом кабинета, писавшим глупые и компрометирующие письма шпионке-куртизанке. Но Мессими принадлежал к той самой военной клике, которая затравила Мальви; никто не отправил его ни в ссылку, ни тем более на венсеннский полигон.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Хитрость в морской разведке

В годы первой мировой войны центром деятельности морской разведки была знаменитая «Комната 40 О.В.» британского адмиралтейства, комната, где хранились английские коды и где раскрывались неприятельские шифры. Судовой плотник Э. С. Миллер был мастером водолазного дела. В 1914 году его назначили инструктором Британской морской тренировочной школы. Спустя год, в разгар войны, Миллеру приказали обследовать подводную лодку, потопленную у побережья Кента. Ее предположительное местонахождение было отмечено

буйком. Водолаз должен был выяснить состояние и обследовать внутреннее устройство неприятельской подводной лодки, в особенности же ознакомиться с ее новейшими техническими приспособлениями.

Миллер обнаружил подводную лодку, в которой зияла пробоина с неровными краями. Проникнуть в это отверстие можно было только с риском повредить шланг, подающий воздух. Все же он пошел на риск и обследовал сложное устройство лодки вдоль всей ее длины. В капитанской рубке он нашел металлический ящик, выволок его наружу и привязал к тросу, который и был извлечен на поверхность. Миллер последовал за своей добычей. Он дал описание новейшего устройства потопленной лодки. Из поднятого сейфа были извлечены такие ценности, как планы минных полей неприятеля, два новых кода германского флота и еще один ценнейший код, используемый только для сношения с имперским Большим флотом открытого моря. «Оставьте буюк для приметы. Полный ход вперед,— сказал командир водолазного судна.— Все это нужно немедленно доставить в Лондон».

Так началась работа морской разведки в «Комнате 40 О.В.». Был организован специальный отряд для переброски Миллера с его водолазными приборами в те пункты английского побережья, где случались потопления германских подводных лодок. С течением времени он так же хорошо знал строение и внутренние механизмы грозных подводных рейдов, как и любой морской чертежник Куксафена или Киля.

За время войны десятки германских подводных лодок были пущены ко дну. Все они, за исключением весьма немногих, подверглись обследованию искусным водолазом. Минные поля, секретные коды и специальные инструкции морским рейдерам постоянно менялись германским морским министерством. Но обо всех таких изменениях британская морская разведка регулярно оповещала кого следует. Германские подводные лодки наносили серьезные потери торговому флоту союзников, но и сами несли тяжелые потери. И всякий раз, когда какая-нибудь из них была потоплена, Миллер спешил на место потопления со своим снаряжением.

Когда, которые Миллер извлекал со дна морского, стали могучим оборонительным оружием в смертельной борьбе союзников с подводной блокадой. Радио-

граммы гарманского морского министерства, посылаемые подводным лодкам, регулярно перехватывались, а кодированные сообщения расшифровывались специалистами «Комнаты 40 О.В.» Капитаны подводных лодок шли на встречу своей судьбе, не зная о том, с какой легкостью распоряжения их начальства становятся известными врагу.

Блокада, объявленная союзниками, брала Германию измором; и германским подводным лодкам был отдан приказ — в свою очередь блокировать Англию, топить беззащитные английские суда, «не оставляя следов». В ответ на это были изобретены глубинные бомбы. Еще лучшие результаты давало конвоирование военных транспортов и торговых пароходов в военной зоне. Морские самолеты обнаруживали притаившиеся вражеские субмарины под водой. Специальные микрофоны «подслушивали» малейшее движение подводных лодок. Неутомимые флотилии вооруженных траулеров, быстроходных судов и истребителей также принимали участие в этой ожесточенной морской дуэли.

Чудаки всего мира забрасывали британское адмиралтейство проектами борьбы с подводными лодками. Из Америки поступили два необычайных предложения, которые были даже подвергнуты рассмотрению. Один видный зоолог предлагал...дрессировать морских львов, чтобы они вначале сопровождали английские подводные лодки; затем они могли бы следовать за германскими субмаринами и тем самым выдавать их присутствие (?!). Другой ученый предлагал с той же целью дрессировать...морских чаек! Из всех этих нововведений на деле осуществлено было только одно: «приманные суда».

«Приманные суда» были известны еще на заре парусного флота. Суда, совершавшие дальние плавания, где могли встретиться вражеские крейсера или каперы, часто маскировались под «фрегаты», а на бортах у них устанавливались деревянные пушки. Благодаря такой маскировке многие грузовые корабли благополучно проходили опасную зону, так как мелкие военные суда не решались атаковать крупный корабль. Во время войны Англии с Наполеоном смелый и изобретательный британец, командир Данс, появился в Индийском океане на большом парусном корабле в сопровождении трех дру-

гих торговых судов, и вид у них был такой грозный, что вражеская эскадра, завидя их, предпочла удалиться.

В 1915 году один работник британского адмиралтейства предложил использовать ту же систему, но в обратном порядке, т. е. пускать в море беззащитные на вид пароходы, уже лишенные мореходных качеств. Таких негодных на вид судов оказалось немало; их трюмы набили деревом и пробкой, чтобы они могли дольше держаться на воде в случае неравного морского сражения. Мостик, палуба и палубные надстройки таких судов были защищены хорошо замаскированными броневыми плитками. На каждом из этих пароходов были укрыты морские орудия и артиллерийские расчеты.

Крейсируя по морским путям, эти «приманные суда» должны были привлекать к себе внимание вражеских подводных лодок. Торпед в Германии становилось все меньше; известно было, что командирам подводных лодок был отдан приказ беречь их. Выпустив с близкого расстояния торпеду в маневрирующее зигзагами судно, вражеский рейдер обычно поднимался на поверхность, чтобы довершить потопление парохода снарядами из палубного орудия. Этого-то и дожидались артиллеристы «приманного судна».

Первая уловка «приманного судна» заключалась в том, что оно высылало команду «паникеров» — часть своего экипажа, замаскированную под матросов торгового флота; один из них изображал собой капитана торпедированного парохода. Они разыгрывали комедию: падали в воду, карабкались из воды в шлюпку вместе со своими пожитками. Это должно было выманить подводную лодку на поверхность; в этом случае она была вынуждена ближе подойти к своей цели, чтобы расстрелять ее наверняка. И когда она оказывалась в нужном положении, на «приманном судне» сбрасывались все маски: орудия начинали стрелять, и в несколько секунд подводной лодке приходил конец. Все это требовало, конечно, высокого мастерства и опыта со стороны экипажа «приманных судов».

В порту члены экипажа «приманных судов» обязаны были держать себя как моряки торговых пароходов. «Останавливайтесь в матросских гостиницах, шатайтесь по портовым кабакам,— но ни слова о своем корабле и его особенностях!»— предупреждали их.

Трудно было требовать более осторожного поведения даже от шпиона или контршпиона, состоящего на действительной секретной службе. Щеголеватость и аккуратность, которые мы ассоциируем с современным военным кораблем, на «приманном суде» приходилось отбрасывать; но фактическая дисциплина, прикрываемая наружной неряшливостью, была там даже выше обычной, ибо малейшая оплошность в момент боя могла сорвать всю операцию. Подводная лодка могла мгновенно погрузиться в воду и выпустить вторую торпеду. Терпение было качеством, всегда высоко ценившимся на «приманных судах». Мужество было непререкаемым будничным условием службы на них.

Так, например, на «приманном судне» Q-5, когда оно было поражено торпедой, люди машинного отделения остались на своих местах, чтобы не прекращалась работа двигателей. Всё прибывавшая вода в конце концов заставила их удалиться оттуда. И хотя многие из них получили сильные ожоги и ранения, все они лежали притаившись — образец изумительной дисциплинированности. Торпедировавшая их субмарина U-83 подошла тем временем к судну и готовилась выстрелить чуть ли не в упор. Был отдан сигнал: «Огоны!» Первым же снарядом «приманного судна» снесло голову капитану субмарины, вылезшему из командирской башни. Всего было выпущено 45 снарядов, и почти каждый попал в цель. Лодка затонула, экипаж был взят в плен. В течение всего времени ожидания, приманки и финальной артиллерийской атаки орудийные расчеты лежали притаившись и чуть ли не в воде целых 25 минут, явственно ощущая, что судно тонет. Но паники не было. Никто не тронулся с места. Радирование о помощи было задержано до той минуты, пока потопление вражеской подводной лодки не стало совершившимся фактом. Только тогда взялись за поддержание плавучести сильно поврежденного «приманного судна». К счастью, когда заработала радиостанция, недалеко от места происшествия оказались контрминоносец и шлюп. Они взяли Q-5 на буксир, и на следующий вечер, 18 февраля 1917 года, сильно потрепанный победитель был благополучно доставлен в порт.

Можно привести еще один случай поединка «приманного судна» с подводной лодкой.

Искусно замаскированный под вооруженный торговый пароход с фальшивой пушкой на корме, другой «приманный корабль» «Паргаст» был торпедирован без предупреждения 7 июня 1917 года. Котельная, машинное отделение и трюм № 5 были сразу же залиты водой. Спасательная лодка штирборта разлетелась в куски.

Команда «паникеров», во главе с лейтенантом Френсисом Хирфордом, приготовилась покинуть судно. Хирфорд взял даже с собой чучело попугая в качестве «спасенного любимца». Как храбрый капитан торгового судна, он демонстративно собирался покинуть корабль последним, но ему помешали кочегары, вылезшие позже, чем он. Когда лодки с «паникерской» командой отваливали, перископ подводной лодки был виден на расстоянии 400 ярдов. Затем она погрузилась, а вскоре после этого перископ появился прямо за кормой. Хирфорд, заманивая субмарину, приказал экипажу обогнуть корму. Подводная лодка UC-29 (типа минных заградителей), поднявшись на поверхность, последовала за спасательной шлюпкой.

Видя, что субмарина еще не стала в положение, при котором ее могли бы достать пушки «Паргаста», Хирфорд, презирая опасность, продолжал заманивать в ловушку врага, находившегося уже в 50 ярдах от «Паргаста». В этот момент «приманный корабль» открыл огонь из всех своих орудий. Огонь прекратился только тогда, когда экипаж субмарины поднял руки. Но лодка начала удаляться, ускоряя ход, явно пытаясь ускользнуть в тумане. Стрельба возобновилась и не прекращалась, пока подводный рейдер не затонул вместе с матросом, уцепившимся за нос лодки. Англичанам удалось в конце концов разыскать в воде двух немцев, которые и были взяты в плен. Американские контрминоносцы, вовремя прибывшие в зону боевых действий, спасли «Паргаст» от потопления. За исключительное мужество весь экипаж «приманного судна» был награжден крестами Виктории.

За 51 месяц войны было уничтожено только 200 германских подводных лодок, из них англичане имеют на своем счету 145. Но в этой охоте на подводные лодки приняло участие свыше 5 000 английских вспомогатель-

ных судов, снабженных многими милями сетей, тысячами мин, орудий, глубинных бомб и снарядов; здесь действовала целая система конвоирования, применялись самолеты, морская разведка, всевозможные ловушки, трюки и т. п.

В состав военно-морского флота было зачислено около 180 «приманных судов». Вначале, однако, использовался лишь небольшой процент их, а в массовом масштабе их стали применять лишь после того, как тайна этих судов была раскрыта. Известно, однако, что в период между июлем 1915 и ноябрем 1918 года они уничтожили 11 германских подводных лодок, т.е. более 7 % общего числа потоплений. Кроме того, не менее 60 подводных лодок было ими серьезно повреждено и надолго выведено из строя. Еще более важное значение имел подрыв духа команды подводных лодок. Уже одно пребывание в подводной лодке в зоне военных действий требовало огромного напряжения нервов; но когда дело дошло до того, что любое безобидное с виду торговое судно или парусный корабль могли внезапно превратиться в военный корабль, вооруженный торпедным аппаратом и орудиями, — германских моряков, в течение многих месяцев «охотившихся» в полной безопасности охватил смертельный страх — обычное состояние дичи, за которую охотятся.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Хитрость в разведке на суше

На каждую возможность перехитрить противника на море приходится добрых три десятка шансов на суше. Военные хитрости часто отличаются большой простотой. Рассказывают, что в районе Вогез один агент сигнализировал своему сообщнику, находившемуся на некотором расстоянии, с помощью полированной поверхности лопаты, которую он использовал как гелиограф.

Один канадский художник в военной форме, находясь в резерве, сидел на фронте во Фландрии и делал зарисовки в своей тетрадке. Вдруг он заметил, что старинная мельница, которую он срисовывал, начала махать крыльями против ветра. Он известил об этом контрразведку, и ее агенты ночью нагрянули на эту мельницу. Они нашли там особый механизм для сигнализации, но тот, кто передавал сигналы, успел уже скрыться.

В штаб английского 14-го корпуса офицеры разведки принесли однажды мертвого почтового голубя, раскрашенного под попугая. В тот период река Скарпа протекала мимо линии наступления англичан у Арраса, в сторону неприятельских позиций. Однажды в реке была выловлена рыба, в которой нашли донесение германского агента. Шпион надрезал у рыбы брюхо, просунул в отверстие сложенный клочок бумаги и пустил рыбу вниз по реке. После этого английских солдат стали посылать «патрулировать Скарпу», что означало: вытаскивать сетями всякую дрянь и отбросы. Но больше не удалось найти ничего, и вскоре инцидент был забыт.

Граница, отделяющая Голландию от Бельгии, на протяжении четырех лет была своеобразным театром военных действий, где с обеих сторон в единоборстве участвовали сметка, находчивость, изобретательность. Немцы непрерывно усиливали строгости на всем протяжении границы, бдительность полевой жандармерии и контршпионов не ослабевала, и тем не менее работа бельгийской секретной службы не прекращалась. Беженцам, контрабандистам и шпионам часто удавалось перейти границу, ускользнув от неприятельских патрулей. Когда, наконец, были устроены проволочные заграждения, по которым был пущен ток высокого напряжения, и риск перехода через границу увеличился, контрабандисты и беженцы удвоили свою изобретательность.

Постоянно поддерживать напряжение тока и притом на линии большой протяженности было делом дорогостоящим, и германские власти иногда выключали ток. Наличие или отсутствие тока в проволоке определялось разнообразными способами; но после того как несколько агентов поплатились жизнью при попытке определить, включен ли ток, проводники и шпионы прибегали к особому приему. В ясную погоду, когда почва была суха, из-под нижнего провода осторожно вынималась земля и

под провод укладывался бочонок с выбитыми днищами, сухой и не проводящий электричества. Такой бочонок становился как бы туннелем, сквозь который можно было осторожно протиснуться и, следовательно, проникнуть на голландскую территорию и обратно. Прибегали также к костюмам из черной резины. В них можно было свободнее двигаться, а кроме того, человека в таком одеянии труднее было разглядеть в темноте. Но такие костюмы стоили дорого, их было трудно прятать в домах и опасно носить на улице под другой одеждой. Каждый человек, у которого полиция нашла бы такой костюм, несомненно был бы арестован. Кроме того, в костюме могли быть незаметные разрывы, и, следовательно, он уже недостаточно надежно защищал от действия тока.

На Западном фронте немцы отправляли на работы многочисленные отряды военнопленных; очень часто целые группы таких военнопленных, главным образом русских, пробирались под колючей проводкой на голландскую территорию. Немалое число их погибло от электрического тока, поскольку они не имели никаких защитных приспособлений. Тела погибших неделями после этого висели на проволоке, почерневшие и скрюченные; никто не решался приблизиться и снять их*. Когда по проводам проходил ток, трупы жутко потрескивали, и по этому признаку легко было определить, есть ток или нет.

Однажды смелый француз, агент разведки, возвращался из поездки по промышленной части Рейнской области и германским центрам военной и химической промышленности. Его известили, что он предан двойным шпионом и что агенты грозного Пинкхофа, самого страшного из начальников контрразведки Германии, отслеживают его. В довершение всего, у пограничного столба он встретил с десяток выпачканных в грязи русских беглецов. Он не говорил по-русски, но они знаками показали ему, что видят в нем друга и союзника, и предложили следовать вместе.

На самой границе, у проволочных заграждений, было неожиданно обнаружено открытое место. Оставался один выход: бежать во всю мочь. Шпион подал сигнал

---

* Для определения того, включен ли ток в проволоку, пользовались также живой мышью или живым воробьем.—А в т.

и побежал, остальные последовали за ним. Германские часовые ответили на шум залпом. Беглецы пригнулись к земле. Пули летели им вслед, мощные лучи прожекторов ощупывали землю. Но у француза был винчестер. Он меткими выстрелами разбил прожекторы один за другим. Пальба замерла, послышался звук ножниц, разрезывавших проволоку, — ручки у них были стеклянные, — была проделана брешь. В этот момент на немецких постах раздались сигнальные звонки, но беглецы уже успели перебраться на нейтральную территорию. Четверо русских были сражены немецкими пулями, но остальные, вместе с французом, оказались уже вне опасности.

Близость голландского города Маастрихта в провинции Лимбург к границе облегчала шпионаж союзников; здесь средством нарушения границы был обыкновенный трамвайный вагон. Трамвай пересекал границу, соединяя Маастрихт с различными пунктами Бельгии. Когда улеглась паника, вызванная вторжением в Бельгию, немцы решили создать подобие нормальных условий на территории, которую они считали завоеванной навсегда. Они разрешили движение трамвая по прежним линиям; и в течение последних двух лет войны вагоны трамвая регулярно работали на союзную разведку. Бельгийские агенты из числа монтеров, осматривавших и ремонтировавших вагоны, прятали в механизмах крохотные пакетики со шпионскими донесениями. А в Маастрихте голландские служащие трамвайной компании уже дожидались этих пакетиков и разыскивали их. За этот свехурочный труд они получали изрядную плату.

В течение мировой войны 1914—1918 гг. секретные службы обоих воюющих лагерей охотно прибегали к такому приему: они разжигали пламя восстания в тех неприятельских районах, где уже до войны имелись недовольные или мятежные элементы. Германия зорко следила за малейшими проявлениями гражданского неповиновения в Ирландии; такого рода действия, в силу географического положения Ирландии, явились бы ударом, направленным в спину Англии. Такие же планы немцы вынашивали и в отношении всех тех стран, где азиатские подданные Георга V готовы были саботировать постановления имперской власти. Но индусов и

мусульман не сбили с толку даже личные обращения Вильгельма.

Британская разведка получила в свои руки автограф письма кайзера к владетельным князьям Индии. С этого документа был сделан фотоснимок величиной в обыкновенную почтовую марку. В таком виде его распространяли, причем хранился он обычно в крохотной водонепроницаемой трубочке, которую очень легко было спрятать. Распространение этого документа, как ожидали немцы, должно было оказать колоссальное воздействие. Ожидалось, что поднимется Персия, а затем наиболее дикие из афганских племен. Индия окажется под угрозой, а аванпосты империи подвергнутся набегам. Однако реальный эффект от этого письма был равен нулю. И если мы упоминаем о нем, то лишь для того, чтобы рассказать об остроумном способе его распространения.

Что касается Ирландии, то и здесь германская секретная служба не сумела использовать своих исключительно благоприятных шансов.

Напомним о трагической и всем известной истории с Роджером Кэзментом*, могущей служить образцом неумелой и грубой работы германской секретной службы. Капитан Надольный и другие чины генерального штаба и разведки, с которыми Кэзмент вел переговоры, были людьми сугубо практическими. Для Германии важно было, чтобы в Ирландии произошло восстание; но она в то же время не расценивала значение этого восстания так высоко, как, например, потопление «Лузитании». Между тем серьезная гражданская война в тылу воюющей державы значила неизмеримо больше, чем изолированные потопления кораблей, сколь бы ни были многочисленны эти пиратские акты.

Роджер Кэзмент находился, надо думать, во власти многих иллюзий; но он никогда не преувеличивал значимости «союза» Ирландии с Германией. Когда немцы, наконец, отделались от него, высадив с подводной лодки в складную шлюпку, капитан спросил Кэзмента, какой костюм ему нужен; Кэзмент ответил: «Только саван».

Кэзмент — ирландский националист. Во время первой мировой войны вступил в соглашение с немцами. Когда в апреле 1916 года в Ирландии начался мятеж, был доставлен туда на немецкой подводной лодке, но пойман английской полицией. После громкого процесса был казнен. — Р е д.

Разумеется, немцы усиленно раздували свое «исполнение обязательств» в отношении Ирландии. Небольшой пароходик «Ауд» с 1 400 тоннами боеприпасов, спрятанных под грузом леса, находился в море. Когда его захватили и повели под конвоем в Квинстаун, германские моряки, находившиеся на «Ауде», взорвали судно и пересели в спасательные лодки. Для обследования таинственного груза, находившегося на «Ауде», англичанами был послан водолаз (о договоре германской секретной службы с Кэзментом тогда еще не было известно). Водолаз поднял со дна полдюжины винтовок из числа тех, которыми немцы намеревались снабдить ирландских повстанцев. Но на этих старых винтовках имелись русские клейма. Германская секретная служба пыталась нанести Англии удар в спину при помощи трофейных русских винтовок!

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Неожиданная атака при Капоретто

Генерал Максимилиан Ронге, руководитель австрийской разведки, писал, что о каждом крупном наступлении мировой войны 1914—1918 гг. противник заранее осведомлялся предприимчивыми военными агентами. Но какое верховное командование снисходило до внимания к рапортам рядового работника разведки? В главных штабах на задачи разведки смотрели сверху вниз. И поскольку шпионов, а также их деятельность и значение недооценивали, поскольку им не доверяли, поскольку полученные от них донесения фактически не принимались в расчет.

Итальянское верховное командование, бесспорно, получало от своих шпионов бесчисленные предупреждения о готовящемся наступлении; однако ни граф Кадорна, ни его генералы не проявляли сколько-нибудь заметного беспокойства в связи с этим. Капелло, командовав-

ший 2-й армией, стянул в наиболее угрожаемом секторе Капоретто лишь по два батальона на милю, в то время как на юге приходилось по восьми батальонов на милю.

Каждый, готовящий ловушку, в конце концов начинает задумываться: а не попадет ли он сам в нее? Ронге заездил австрийских шпионов своими поручениями; его агенты, жившие вблизи итальянской боевой зоны, получали все более подробные и сложные вопросники; об активности австрийцев знал и Кадорна, но не предпринимал в связи с этим ничего. Агенты итальянской секретной службы доносили об опасности. От дезертиров — чешских и венгерских офицеров — получалась еще более полная информация. А от союзников из Франции командующему итальянскими войсками шли сообщения о том, что противник накапливает резервы.

Американские агенты в Швейцарии отмечали слухи о «предстоящем наступлении немцев». Сами немцы распространяли эти слухи: очевидной целью их было вызвать смятение. После тщательной проверки и сопоставления данных выяснилось, что во всей Европе имеется только одно уязвимое место: фронт Юлийских Альп, фронт 2-й итальянской армии. Находившиеся в Швейцарии американцы прислали даже следующее, впоследствии подтвердившееся сообщение:

«Австрийцы с помощью немцев готовят большое наступление против Италии. Они прибегнут к пропаганде, чтобы подорвать дух итальянских войск, и ожидают наилучших результатов».

Итальянская разведка считала эту версию неосновательной. Ведь у американцев отсутствовал опыт европейской секретной службы. Тем не менее спустя день-два из Швейцарии поступило второе срочное сообщение:

«Немцы и австрийцы намереваются помешать отправке на помощь Италии английских, французских или американских резервов после того, как они предпримут крупное наступление. В тот момент, когда оно начнется, шпионы взорвут Мон-Сенисский туннель, через который из Франции могут быть переброшены в Италию войска».

По понятным причинам, американская разведка не сочла нужным объяснить, каким путем ее агенты в Швейцарии узнали об этом. Так или иначе, но это второе сообщение и настойчивые заверения американских офицеров от том, что их осведомители абсолютно на-

дежны, заставили ветеранов европейской разведки задуматься. Как французские, так и итальянские пограничные наряды были удвоены, надзор за альпийской железнодорожной линией усилен. Примерно в это самое время, патрулируя на «ничьей земле» между линиями окопов Германии и Антанты, некий английский капрал увидел и подобрал иллюстрированную открытку. Он показал ее начальству. На ней был изображен горный пейзаж в Австрийских Альпах, и послана она была одним немецким солдатом другому, причем первый писал: «Мы находимся в Австрии на отдыхе, и очень в нем нуждаемся». Отправитель, подписавшийся «Генрих», оказался солдатом пресловутого альпийского корпуса германской армии, отличившегося в боях против Румынии под командованием генерала Крафта фон Дельмензингена. Почему, однако, эти лихие войска отдыхают в Австрии, если не потому, что они готовятся к тому самому наступлению, о котором предупреждали заблаговременно американцы в своих сообщениях из Швейцарии? Теперь уже встревожилась вся союзная разведка. Открытка Генриха, без даты, по-видимому, валялась в грязи Фландрии не первый день. Когда ее значение стало, наконец, ясным, а это было 23 октября 1917 года, подготовить Кадорну к организации отпора уже не представлялось возможным. Генерал Ронге весьма заботился о том, как бы скрыть эту тайну от союзников; и надо сказать, что предпринятая утром 25 октября австро-германская атака явилась для итальянцев ошеломляющим сюрпризом.

Итальянцы вели наступательные бои в августе и сентябре 1917 года; и хотя они добились весьма незначительных территориальных завоеваний, но влияние этих боев на утомленную войной Австро-Венгерскую империю было все же огромно. Генерал Людендорф писал, что «ответственные военные и политические авторитеты» Австро-Венгрии убеждены были, что армия не сможет продолжать битвы на Изонцо. Поэтому в половине сентября стало особенно необходимым предпринять наступление против Италии, чтобы предотвратить распад Австро-Венгрии.

29 августа Вальдштеттен, из австрийского генерального штаба, обратился к германскому верховному командованию с планом прорыва у Тольмино. Стратеги-

ческий советник Людендорфа майор Ветцель был того мнения, что хотя для этого предприятия войска можно было взять только из общего резерва германской армии, в то время составлявшего всего шесть дивизий, все же наступление даже и такой относительно малочисленной армии сможет на время задержать итальянцев.

Генерала Крафта фон Дельмензингена, который считался виднейшим в Германии специалистом по горной войне, послали на специальную разведку в Юлийские Альпы. Он доложил, что австрийцы сумели закрепиться у небольшого предместного укрепления на левом берегу Изонцо, у Тольмино. Это и должно явиться исходной точкой предполагаемой внезапной атаки. Орудия можно подтащить в ночную пору, главным образом на руках, а пехоту подвести в течение семи ночных переходов, без повозок, но с запасом аммуниции, продовольствия и пр., доставленным на мулах или самими солдатами на себе.

И вот, незаметно для итальянцев, двенадцать ударных дивизий (шесть австрийских в дополнение к шести германским) и 300 батарей были сосредоточены под командованием генерала Отто фон Белова, при котором начальником штаба был Крафт фон Дельмензингер. Эти войска должны были преодолеть горный барьер, в то время как две австрийские армии под командой Бороевича получили приказ наступать вдоль Адриатического побережья. Стоило только податься «рыхлому месту» между Канале и Фритчем — и весь итальянский фронт должен был дрогнуть.

Некоторые военные авторитеты утверждают, что немецкие и австрийские генералы сами были изумлены необычностью своего успеха на Изонцо. Может быть это и так. Все же следует сказать, что вся операция была отлично спланирована и подготовлена, и, следовательно, заключительный итог был вполне заслужен. Она больше чем какая-либо другая сочетала в себе элементы стратегической подготовки с умелым использованием возможности секретной службы.

Агенты австрийской разведки за много недель до дня сражения собирали точную информацию о положении в Северной Италии. Как раз в этот период в ряде итальянских городов происходили беспорядки. Причем в некоторых центрах, как, например, в Турине, они подавлялись силой оружия: в толпу стреляли, и были

убитые. Шпионы сообщали фамилии и адреса убитых на улице и собирали все подробности событий, которые могли быть убедительными для любого жителя Турина или соседних округов Пьемонта.

На основе этих данных началась умелая фабрикация номеров нескольких известнейших итальянских газет. Напечатанные в Австрии, эти газеты представляли собой точное воспроизведение подлинника, причем на первой странице помещались сообщения о недавних столкновениях и кровопролитиях в Турине. Всех этих устрашающих вестей, разумеется, не касался карандаш цензуры. Особенно крупным шрифтом напечатаны были списки убитых и раненых — те самые списки, которые итальянские власти вовсе запрещали публиковать.

Едкие и откровенные редакционные статьи усиливали в читателе впечатление, что в итальянском тылу царит полная анархия.

Во всей итальянской армии не было лучших солдат, чем пьемонтцы; входили в состав ударных частей и удерживали немало ключевых позиций из числа тех, какие нужно было обязательно штурмовать для полного обеспечения успеха капореттской операции. И вот австрийские военные самолеты начали сбрасывать на вражеские позиции целые пачки «свежих» итальянских газет, отпечатанных в австрийских типографиях и содержащих известия, способные подорвать моральный дух любого стойкого солдата. Для вящей убедительности австрийская разведка проставляла на газетах не слишком свежие даты. Тем самым создавалось более правдивое впечатление, что газеты эти вышли в Италии, а в Австрию привезены контрабандно.

Эффект был поистине потрясающий. К 23—24 октября возмущение в частях достигло апогея, а на следующее утро, после четырехчасовой газовой бомбежки и часового артиллерийского обстрела, 14-я германская армия фон Белова пошла в наступление.

В этих боях под Капоретто итальянцы потеряли около 600 000 солдат, из которых почти половина сдалась в плен, а остальные были убиты или ранены.

Французские и английские резервные дивизии, с крайней неохотой переброшенные союзниками, начали занимать места позади итальянской оборонительной линии, которая к 10 ноября установилась по реке Пьяве.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Французские агенты в секретной войне

Уголовными преступниками иногда пользуются для выполнения секретных поручений, если эти поручения неудобно давать сотрудникам государственного аппарата. Но ни один знаток шпионажа, действительно заслуживающий названия специалиста своего дела, не станет поручать уголовному преступнику регулярную доставку сколько-нибудь важных сведений. Вопреки широко распространенному мнению, настоящий «ас» шпионажа должен обладать многими, если не всеми качествами, какие требуются от ценного работника гражданских или военных учреждений. Если его мужество и честность вызывают хотя бы малейшее сомнение, его начальник не рискнет довериться ему в трудную для родины минуту.

Секретный агент обязан быть не только предан делу и долгу, но и лишен чувства себялюбия. Он должен быть чужд всякого бахвальства и других проявлений несдержанности. Он должен быть в такой же мере правдив и морально устойчив, как и решителен, изобретателен, бдителен. Кроме того, агент, состоящий на действительной службе, должен быть приучен к полному духовному одиночеству. Его профессия — профессия особого рода. Сам не доверяя никому, он нередко должен суметь завоевать доверие к себе.

Большую часть своей работы секретный агент должен выполнять единолично. Его снабжают инструкциями и отсылают; с этой минуты он должен рассчитывать только на себя. Если он попадется, власти вынуждены будут отречься от него. Его коллеги обязаны отрицать всякое знакомство с ним, даже понаслышке. Если его изловят в военное время, он как шпион подлежит повешению или расстрелу.

Во Франции от шпионов всегда требовалась железная дисциплина; вместе с тем эта страна нередко проявляла неблагодарность к преданным ей секретным агентам. И все-таки, когда в период первой мировой войны Франция очутилась на краю пропасти, военная разведка в Париже и главная квартира в Шантильи

сумели найти таких патриотов и талантливых работников, как Жозеф Крозье, Жорж Ладу¹, Марта Рише, Люсьето, Вегеле, и многих других.

Шарль Люсьето был одинаково искусен как в разведке, так и в контрразведке. Под видом немца он был послан изучать производство германских боеприпасов, сосредоточенное тогда в промышленной части Рейнской области. Он узнал, что огромный завод Круппа в Эссене представляет собой надежно охраняемый город, в котором изготавливаются тяжелые орудия и снаряды к ним, шрапнель и другие основные военные материалы. Баденский анилиновый завод и содовый завод в Мангейме были в области химической продукции тем же, чем Крупп был в области артиллерии.

22 апреля 1915 года на Ипре германское командование впервые применило новинку — удушливые газы. Первым газом, который был применен на фронте, был хлор; газ этот выпускался из металлических резервуаров, тайно доставленных на фронт во Фландрии². Две французские дивизии дрогнули и отступили. Благодаря этому фланг канадцев «повис в воздухе». Канадцы и англичане также страдали от удушливых газов, но сумели все же своей стойкостью и мужеством удержать фронт.

Войскам были с опозданием розданы первые образцы противогазов. Дальнейшие попытки газовой атаки обратились против немцев; они не учли того, что во Фландрии господствуют ветры по преимуществу западных или юго-западных направлений. Когда внезапно переменявшееся направление ветра привело к тому, что он стал союзником Антанты, страшный опаловый туман понесся на атакующих немцев, и сотни солдат кайзера погибли в страшных мучениях.

Вторичное посещение Мангейма убедило Люсьето в том, что наполнение газом мелких резервуаров, отправляемых на фронт, производится не там. Он узнал, что с крупных химических заводов уходит множество железнодорожных цистерн. Куда их перегоняют и зачем? Лишь только он узнал это, его опасения и тревога усилились. Цистерны перегонялись на заводы Круппа в Эссен. Люсьето возвратился в Эссен — место, особо опасное для любого агента союзников, ибо нигде сеть

немецкой контрразведки не была столь разветвленной и активной, как в районе заводов Круппа.

Сидя часами в кафе, где мастера и механики крупповских заводов проводили свой досуг, и угощая их пивом, Люсьето сумел из их разговоров кое-что разузнать. Сдружившись с пожилым полицейским, охраняющим завод, он стал проявлять такой интерес к скучнейшим разговорам этого субъекта, что тот начал проводить с ним по многу часов. И Люсьето повезло: он узнал о готовящемся удивительном эксперименте с газовыми снарядами. Отравляющие газы в снарядах? Из обыкновенного полевого орудия? Немыслимо!

Полицейский стоял на своем. Он утверждал, что в крупповских снарядах может содержаться газ, что вскоре орудия будут стрелять этими газовыми снарядами и что он может доказать это. Но как? Пусть он только докажет, возразил Люсьето, и он заработает наличными 2 000 марок!

Чтобы выиграть предложенное пари, полицейскому пришлось захватить своего новоиспеченного друга, который выдавал себя за коммивояжера, на официальное испытание удивительных новых снарядов. Дружья отыскивали для себя укромный, но удобный наблюдательный пункт и увидели, как к огромному артиллерийскому полигону подкатило несколько автомобилей; из них вышли сам кайзер Вильгельм, его блестящий штаб и многие другие важные лица.

Почетный караул отдал честь, заиграл оркестр.

Затем для производства опытов выкатили 77-миллиметровое полевое орудие и тяжелую морскую пушку. В качестве объекта было избрано стадо овец, пасшихся на холмистом склоне примерно на расстоянии 1 200 метров. Полевое орудие выстрелило, его снаряд разорвался с легким, глухим гулом, совсем не похожим на обычный разрыв шрапнели. Потом разрядили морское орудие. Ни тот, ни другой снаряд не попали прямо в пасущееся стадо, но после каждого выстрела поднималось облачко желто-зеленого дыма, и его несло ветром прямо на стадо овец. Их закрыло, как вуалью; а когда облачко рассеялось, то на том месте, где находилось стадо, не осталось ничего живого. Даже трава казалась сожженной, даже земля была опалена и как бы покрыта ржавчиной.

— Это замечательно! Таким путем мы выиграем войну! — воскликнул полицейский, кладя в карман выигрыш, который шпион тотчас же выплатил ему.

— Ja! Kolossal!* — пробормотал ошеломленный Люсьето.

Нарядная толпа военных и приглашенных гостей стала редеть. Люсьето сказал:

— Я проиграл кучу денег, но я не жалею об этом! Великое изобретение германской науки доканает проклятых французов и англичан. Но я все-таки не понимаю, как снаряд начинается газом?

— Этого не знает никто, кроме рабочих, которые делают эти снаряды.

— Ну, разумеется же! Но послушай, дружище: что, если я поищу остатки такого снаряда на память об этом великом, незабвенном дне?

— Не вижу к этому препятствий. Но все же лучше будет, если я сам пойду туда, — сказал полицейский.

Он так и сделал; и осколок одного из первых химических снарядов был вскоре вывезен секретным агентом из эссенского района, а через три дня Люсьето уже предъявил его в Париже своим начальникам, которые отправили осколок в химическую лабораторию знаменитого химика*. Тогда же было признано необходимым немедленно сконструировать усовершенствованный противогаз для армии Западного фронта.

Независимо от этого, англичане и французы занялись массовым изготовлением газовых бомб.

В истории шпионажа мало найдется специальных заданий, которые были бы выполнены с таким полным и всесторонним успехом, как миссия Люсьето. Он добыл в высшей степени ценные данные, не был при этом обнаружен и сумел передать все добытое, оставив противника в полном неведении и, следовательно, не дав ему возможности принять свои контрмеры.

---

* Да! Поразительно! (нем.). — Р е д.

** Этим химиком был Эдмон Бейль. Он открыл, что снаряды начинены фосгеном и хлороформиагом трихлорметила, удушливым газом большой силы. — А в т.

В воскресенье 24 марта 1918 года немцы открыли огонь по Парижу из дальнобойного орудия. Столица была охвачена тревогой. Еще накануне немцы находились в 60 милях от города, а сейчас, после первых же выстрелов, многие были уверены, что враг приблизился на расстояние 12—15 миль от парижских укреплений. Правительственное сообщение быстро рассеяло эти страхи. Хотя один из первых снарядов и попал в церковь, наполненную молящимися женщинами и детьми, все же эта величайшая из всех «Толстых Берт» была охарактеризована как типичное немецкое орудие устрашения, не имеющее практической военной ценности.

Специалисты из французской ставки уже мобилизовали свои силы на борьбу с этим невероятным крупновским чудовищем. Одна из артиллерийских служб (*Service de renseignement d'artillerie*) несла ответственность за борьбу с артиллерийскими новинками неприятеля — это был вновь учрежденный особый отдел армии, ведавший разведкой и контрразведкой, поскольку они имели отношение к артиллерии. Были вызваны добровольцы, и из 70 с лишком человек, предложивших свои услуги, отобрали пятерых искусных работников контрразведки. В ту же ночь на самолетах они были переправлены через линию фронта и сброшены с парашютами в смежных секторах, образующих воображаемый треугольник, по углам которого находились города Ла-Фер, Куси-ле-Шато и Анизи-ле-Шато. В пределах этого треугольника были засечены перемежающиеся, но несомненные детонации от залпов нового орудия; сделано это было частично средствами интенсивной воздушной разведки, частично с помощью звукоулавливающих аппаратов³.

Предусмотрев это, германские артиллеристы старались замаскировать местонахождение сверхтяжелого дальнобойного орудия. Время от времени они выпускали холостые снаряды, разрыв которых так же сотрясал воздух, как и обычный снаряд. Несмотря на это, уже через несколько часов после того, как первые снаряды обрушились на Париж, специалисты единогласно определили зону расположения орудия. И вот пятеро контрразведчиков глухой ночью отправились на «окружение» пушки. Через неделю двое из них вернулись с удачей. Третий

был убит, а четвертый ранен во время воздушного рейда, но не был разоблачен как шпион. Пятый убедился, что не сможет добраться до самолета, который должен был доставить его обратно в Шантильи; он двинулся пешком к голландской границе, но предварительно отправил с почтовым голубем обстоятельный доклад о дальнобойной пушке.

Как только показаниями агентуры установлено было, что дальнобойная пушка находится на опушке Сен-Гобенского леса, ураганный огонь союзных батарей и бомбежка с самолетов изолировали засеченный район. Донесения разведки подтвердили, что германское орудие «кочует», т. е. передвигается с места на место; поэтому треугольная зона неослабно подвергалась действию артиллерийского огня и бомбардировкам с воздуха.

Но в лесу находились и фальшивые орудия, также замаскированные сетками и листвою, чтобы вводить в заблуждение воздушных наблюдателей и разведчиков. И так как в Эссене изготовлено было несколько этих мощных орудий, то одно из них могло постоянно поддерживать обескураживающий огонь. Заставить «Толстую Бертю» совсем замолчать никак не удавалось, несмотря на все усилия артиллеристов, наблюдателей, летчиков, специалистов по звукоулавливанию и разведчиков. Нужны были специальные математические вычисления, чтобы точным огнем накрыть пресловутую пушку Круппа.

Немцы никогда не знали в точности, какой участок Парижа они поражают, когда снаряд попадает в город; еще за несколько дней до того, как «Берта» начала обстрел, немцы отрядили агентов для ежедневного доклада о месте поражения, о человеческих жертвах и о действии бомбардировок на дух населения.

Между тем в Париже были организованы летучие команды, которые немедленно убирали мусор, чинили мостовые и вообще врачевали раны, наносимые городу обстрелом. Нередко следы разрушения удавалось ликвидировать в течение каких-нибудь 5—6 часов. И все-таки даже при таких темпах немецкие шпионы ухитрялись устанавливать место попадания снаряда, посланного из Сен-Гобена. Полковник Николаи рассказывает, что он регулярно получал обстоятельные донесения о пораженных участках и обо всех последствиях бомбарди-

ровки; такие сведения главным образом добывала и передавала некая шпионка Ида Калль.

Французы не отрицают, что она долго и успешно занималась этой опасной деятельностью. Они понимали, что из такого космополитического города, как Париж, трудно выкурить всех шпионов, и заботились главным образом о том, чтобы укрыть от них весьма секретный материал военного или политического характера.

Что касается французской разведки, то ее обслуживал по меньшей мере один шпион, сумевший во время войны обосноваться в главной квартире германской армии. Этот агент действовал в качестве комиссара полевой полиции и своей работой так хорошо зарекомендовал себя, что неизменно переезжал вместе со ставкой по мере того, как сама ставка перемещалась из Шарлевиля в Стенэ, Крейцнах и Плесси. По иронии судьбы, шпион Вегеле обязан был охранять верховное командование германской армии от заговоров или слежки неприятельских, т. е. антантовских, агентов. При этом герр — или мсье — Вегеле не мог позволить себе ни малейшего промаха. Он должен был действовать эффективнее самых талантливых из своих коллег по полицейской службе. В личной жизни он должен был вести себя с величайшей осмотрительностью, выбирать друзей с большим разбором и в то же время не казаться чудаком или нелюдимом. Нужно было также обладать большой изобретательностью, чтобы благополучно лавировать между быстринами и отмелями национальной и международной политики. С одной стороны, легко было запутаться в противоречивых германских делах, а с другой — не менее легко было выдать себя повышенным интересом к французским делам.

В то же время он не мог носить дешевой маски фанатичного врага Франции, чтобы не испортить этим своей карьеры тайного французского агента в Германии. Умные деятели контрразведки справедливо не доверяют фанатикам. Такой человек, как Вегеле, непременно привлек бы к себе пытливые внимание. Почему он ненавидит французов? Что они сделали ему? Француженка, что ли, обманула его или французская фирма надула

его? Или он жил во Франции, нарушил законы там или в какой-нибудь французской колонии и до сих пор не признался в этом? Самой возможности возникновения таких вопросов нужно было всячески избегать.

Об успехах шпионажа Вегеле в германской ставке мало что известно. Установлено только, что он заранее оповещал о большинстве крупных передвижений немцев как на Восточном, так и на Западном фронте. Достижения его не соответствовали огромному риску, которому он подвергался, и трудностям его работы. В мае 1918 года, когда Гинденбург, Людендорф и их помощники-специалисты из германского главного штаба готовили большое наступление против 6-й французской армии, Вегеле все разузнал, и оказалось, что он не переоценил опасности. «27 мая предстоит крупная атака на Шмен-де-Дам» — таково было предостережение, отправленное им. Но это не спасло 6-й армии, ибо французская разведка доставила это предупреждение в Шантильи с опозданием на десять дней.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Цензор на секретной службе

В один из пасмурных дней первой военной зимы некий цензор английской почты сидел за своим письменным столом, просматривая корреспонденцию и пакеты, адресованные в нейтральные страны. Он наткнулся на газету, посланную в Амстердам по адресу, который значился в его последнем «Списке подозрительных лиц». После того как он тщательно исследовал эту газету и нигде не обнаружил сколько-нибудь заметных чернильных или карандашных пометок, смахивающих на шифр или код, он отложил ее в сторону, чтобы поизвести установленные испытания на тайнопись. В лаборатории были обнаружены признаки тайного сообщения. На полях газеты химическими чернилами было написано несколько

английских слов. Сообщалось, что «С» отправился «на север и «посылает из 201». На газете стоял почтовый штемпель Дентфорда.

Как будто немного, однако с этим не согласился бы ни один контрразведчик. Здесь было все же указано место — Дентфорд, номер 201 и «С» на севере. Инспектор Скотленд-Ярда, который был немедленно вызван, первым делом позвонил по телефону в дептфордскую полицию. Он хотел узнать, что означает эта цифра «201»: сколько улиц в городе имеют дом с таким большим номером?

— Только одна, — последовал ответ, — Хай-стрит.

В доме № 201 сыщики Скотленд-Ярда нашли Петера Гана, «булочника и кондитера», натурализовавшегося в Англии немца. Он упорно твердил, что никогда ничего не писал на полях газеты, безусловно не посылал ничего в Амстердам и не знает никакого «С». Но когда в его булочной произвели обыск, то нашли старый башмак, в котором был спрятан пузырек невидимых чернил и особое нецарапающее перо для писания такими чернилами. И так как булочник продолжал от всего отпираться, его посадили в тюрьму.

Расследование, произведенное в Дентфорде, вскоре дало ответ на многие вопросы из числа тех, на которые упорно не отвечал Петер Ган. Его соседи вспомнили, что к нему часто заходил приятель — человек изысканной внешности, рослый, хорошо одетый; его принимали за русского. Был внимательно проштудирован список всех лондонских «бординг-гаузов» — меблированных комнат с пансионом. Контрразведчики сосредоточили свои поиски на районе Блумсбери, где взволновавшаяся хозяйка, узнав по приметам своего жильца, сказала, что фамилия его Мюллер, что он русский и недавно уехал по личному делу в Ньюкасл. Ошибки быть не могло. «С» действительно находился на севере. У хозяйки даже оказалась его фотографическая карточка.

На следующий день Мюллер был арестован в Ньюкасле и препровожден в Лондон. Он оказался опытным секретным агентом, хорошо знающим морское дело. Разъезжая по Англии, он собирал всевозможные сведения, нужные и полезные германскому ведомству. И так как практиковавшийся им способ передачи этих сведений

отличался новизной, то этот шпион мог работать еще долгие месяцы и оставаться в тени, если бы не бдительность почтового цензора, который разоблачил Петера Гана. В обнаруженной цензором газете² как и в других сообщениях, отправленных самим Мюллером, был использован остроумный код, изобретенный самим шпионом. Он попросту помещал в провинциальных английских газетах объявления о сдаче комнат, о продаже вещей, о розыске книг, составленные по определенному плану, и отправлял эти газеты по различным «явочным» адресам в нейтральные страны.

Являя чуть ли не стандартный тип профессионально-международного шпиона, Мюллер до 1914 года был бродягой, спекулянтom, основателем дутых торговых товариществ, а заодно и героем романтических историй. Его успех у впечатлительных молодых женщин было нетрудно объяснить, ибо он был человек хорошо воспитанный, по-английски говорил без малейшего акцента и столь же бегло изъяснялся на пяти других языках. Как уроженец Ливавы он мог называть себя русским, но в сущности он был настоящий космополит; его «русская внешность» была лишь простой и удобной маской*. Может быть, она давала ему возможность более или менее вразумительно отвечать на глупые вопросы, но в конце концов она помогла контрразведчикам выследить его.

Петер Ган, которого считали послушным орудием Мюллера, согласился работать на него потому, что всегда нуждался в деньгах. За два года до войны этот дептфордский булочник обанкротился, пассив его составил 1 800 фунтов стерлингов при активе в три фунта. С помощью германской разведки он поправил дела. Так как он был натурализованным английским подданным, то его преступление являлось в сущности государственной изменой, и вынесенный ему приговор — семь лет тюремного заключения — можно было считать необычайно милостливым.

---

* По мнению автора, русские, по-видимому, обязательно носят бороду и непохожи на европейцев... Это свидетельствует лишь о слабом знакомстве Роуана с обстоятельствами дела, о котором он в данном случае повествует.— Р е д.

Мюллер, как агент германского шпионажа, был приговорен к расстрелу и казнен в лондонском Тоуэре. Что же касается столь ловко придуманных им кодов и системы газетных объявлений, то они были разгаданы специалистами «Комнаты 40 О. В.» британского адмиралтейства. После казни Мюллера чины разведки продолжали печатать объявления, составленные по кодам казненного шпиона и вводившие в заблуждение немцев, а деньги, посылавшиеся Мюллеру время от времени, конфисковывались. До того как немцы раскрыли бесполезность этих объявлений, в Англию было переслано около 400 фунтов стерлингов шпионского жалования. В конце концов Мюллера уведомили, что он увольняется со службы. Британская разведка рекомендовала всем цензорам следить за возможным поступлением денежных сумм на имя этого Мюллера от нейтральных фирм из Голландии, Швейцарии, Дании, или Испании*.

Успех в деле Гана — Мюллера поощрил цензоров Великобритании к дальнейшей усидчивости и проявлению сообразительности в таком же духе. Мы приведем здесь лишь один пример этой секретной работы. В данном случае нельзя сказать, что германского шпиона погубил какой-нибудь глупый неумелый сообщник.

Роберт Розенталь родился в Магдебурге в 1892 году. В молодости он служил подмастерьем у пекаря, а затем обратился к подлогам. Едва только этот полупрофессиональный жулик и бродяга вышел из германской тюрьмы, он сразу же взялся за шпионаж.

Розенталь каким-то образом вошел в контакт с «Американской комиссией помощи»** в Гамбурге, а затем поехал в Данию. В Копенгагене он написал письмо одному своему товарищу по берлинскому уголовному миру, в котором с гордостью сообщал, что отправляется в Анг-

---

* Эпизод с задержанием Мюллера описан в несколько ином изложении в книге Э. Вудхолла «Разведчики мировой войны», Воениздат, 1943. — Р е д.

** Американская благотворительная организация помощи нуждающимся в Европе. — Р е д.

лию собирать военно-морскую информацию и собирается надуть англичан; выдав себя за коммивояжера, распространяющего новую патентованную газовую горелку. И когда какой-то датский почтовый чиновник по рассеянности сунул это письмо не в тот мешок, над судьбой автора письма сразу был поставлен крест. Попав не в Берлин, а в Лондон, это письмо очутилось на письменном столе английского цензора, который ведал всей перепиской на немецком языке. Неприятельский агент, разъезжающий с патентованными газовыми горелками! Письму этому, правда, было уже несколько недель; тем не менее цензор поспешил сообщить о нем чиновникам, которые могли разыскать человека, маскирующего свою шпионскую работу коммивояжерством. Хотя мало было надежд выследить Розенталя, агенты контрразведки все же усердно взялись за дело. Были просмотрены все журналы высадки пассажиров во всех портах Англии. В списках недавно прибывших иностранцев оказался человек, назвавший себя специалистом по газовым горелкам. В итоге дальнейших спешных изысканий было выяснено, что этот человек (конечно, назвавшийся не своей настоящей фамилией) разъезжает по Шотландии, продавая немного, но, несомненно, наблюдая очень многое по части морских приготовлений Англии на севере.

Подошел, наконец, момент, когда шпиона нужно было либо арестовать, либо же убедиться в том, что он исчез из Англии. Да, злополучный Розенталь выехал, но он не исчез. Его разыскали на пороходе, который должен был вот-вот отплыть из Ньюкасла. Еще немного — и он стоял бы на палубе нейтрального судна за трехмильной полосой и, чего доброго, издевался бы над английскими властями, бессильными снять его. Но этого не случилось, и он отправился в Лондон с наручниками. Допрошенный Базилем Томпсоном в Скотленд-Ярде, он отрицал свою принадлежность к немецкой нации и свое немецкое подданство и охотно демонстрировал образцы своего почерка. Почерк оказался такой же, как в письме, по ошибке засланном в Англию из Дании.

Письмо это прочли ему вслух. Он тотчас же поднялся, шелкнул каблуками, стал навывтяжку и замер в таком положении. «Сознаюсь во всем! — воскликнул он. — Я германский солдат».

По какому-то внезапному побуждению он пытался драматизировать свое критическое положение; в действительности же он и одного дня не состоял ни в какой воинской части. Он был осужден за шпионаж, после приговора впал в истерику и дважды пытался покончить самоубийством. Его не расстреляли, а повесили.

Цензор, работающий, так сказать, за кулисами войны, не только должен был быть бдительным, но и абсолютно беспристрастным. Ничья подпись не могла смягчить суровости цензуры. Греческая королева София — «Мадам Тино» (сестра германского кайзера), шведская королева (бывшая принцесса Баденская) и испанская королева-мать — все трое были настроены явно германофильски. София, в частности, так откровенно интриговала, что попала во все союзные списки подозрительных лиц. Письма, адресованные этим дамам и отправлявшиеся ими, подвергались тщательному обследованию, задерживались, если этого требовали обстоятельства, и нередко, как это было с королевой греческой, вовсе не отправлялись по назначению.

Испанская королева-мать склоняла придворные круги Испании на сторону немцев, хотя жена Альфонса и была английской принцессой. Еще откровеннее действовала сестра Вильгельма в Афинах: она сотрудничала с бароном Шенком и полковником фон-Фалькенхаузен¹, в противовес господствовавшим в Греции симпатиям к союзникам. Но когда обнаружилось, что приказы германским агентам и германским подводным лодкам передаются по кабелям в Южную Америку шведским правительственным кодом, нужно было принять какие-то меры. Британская разведка устроила так, что поведение сестры Вильгельма стало известно в Стокгольме, и столицу Швеции потряс громкий скандал.

Перлюстрация частной переписки международных знаменитостей, банкиров, спекулянтов и коммерческих организаций, предпринимаемая для того, чтобы отыскать нити, полезные для контрразведки, была делом не только занимательным и выгодным, но и нетрудным. Что касается просмотра банальной и огромной по количеству корреспонденции обычной публики, то он выпал на долю

военных цензоров и явился для них поистине страшным бременем. Письма солдат, проходивших военную подготовку, как и уже находившихся в армии, исчислявшиеся миллионами, а также военнопленных, число которых достигало сотен тысяч, нужно было прочитывать столь же прилежно, как и подозрительные послания и печатный материал якобы «нейтральной» пропаганды, распространявшийся немцами.

Нужная немцам информация могла просачиваться через почту, получаемую американской экспедиционной армией: это были два миллиона молодых людей, представителей многих рас, совершенно не искушенных в войне и в европейских делах. Трезво настроенных американских солдат трудно было убедить, что они защищают свои очаги, находящиеся на расстоянии 6 000 миль от театра войны; но было вполне естественно, что всем им хотелось писать домой обо всем, что они делали и видели. По терпеливому разъяснению ставки, находившейся в Шомоне,

«...без основательного знания того, что самые тривиальные на первый взгляд мелочи, если их собрать воедино, дают информацию величайшей важности, никто не вправе определить, что является, а что не является военной информацией. Иллюстрированные открытки, плохо процenzурованные письма, найденные чинами разведки, подчас давали нить к разрешению самых сложных проблем и в конечном счете решали исход сражений».

Люди, инстинктивно недоверчиво относящиеся к иностранным фамилиям и «чужеземным» элементам, боялись серьезных нарушений долга и даже сознательного предательства. Но американская экспедиционная армия оказалась самой лояльной армией в американской истории. Главный цензор за 20 месяцев обнаружил только один случай нелояльности, когда рядовой солдат Джозеф Бентивольо тайно сообщал своим родственникам в Италии новости, располагая их между строчками двух писем. Бентивольо, который, к счастью для себя, казался слишком глупым, чтобы быть в сговоре с неприятельскими пропагандистами, грубо пользовался фруктовыми соками для тайного сообщения такого рода сведений: «Наши дела здесь плохи. Еда дрянь. Не верь тому, что печатается в газетах. Нас тут всех укокошат». За это его предали военно-полевому суду. Американская цензура во Франции в 1917—1918 годах указала всего на 143 других случая, вызвавших необходимость лишь в

дисциплинарных мерах; в частности, один штабной офицер отдал понравившейся ему женщине целую коробку конвертов с заранее проставленными штампами: «Просмотрено военной цензурой». В таких конвертах она могла бы посылать куда угодно письма, полные нескромностей.

Имея перед собой армию, посланную через океан, американский цензор доказал, что он не только умеет возвращать обратно письма, содержащие запрещенную военную информацию, но и понимает, что может вредно влиять на дух армии, на отношение солдат к неполадкам или злоупотреблениям, от которых им приходится страдать, и кто из лиц, с которыми они могут вступить в контакт, внушает подозрения².

Многоязычная американская экспедиционная армия пользовалась 51 наречием, включая диалекты индейцев, тагалогский язык, кельтские языки* и эсперанто. Неудивительно поэтому, что цензурное бюро во Франции, даже располагая 33 офицерами, 183 рядовыми и 27 вольнонаемными штатскими служащими, всегда нуждалось в людях³. Написанное по-английски письмо рядового солдата на родину мог прочитать, процenzуровать и снабдить пометкой к отправке какой-нибудь из офицеров его части. Но, помимо этого, ежедневно поступало огромное количество почты, требовавшей самого пристального внимания.

Был обнаружен, например, германский агент, писавший тайнописью на папиросной бумаге, которой обертывались фрукты, поступавшие из Южной Франции и Италии. Цензор обязан был предотвращать распространение такого рода уловок на другие районы.

---

* Тагалог, тагалы — малайское племя, населяющее некоторые из крупных Филиппинских островов. Под кельтами разумеются ирландцы, валлийцы (т. е. уэльсцы) и т. д.— Ред.

Зильбер и Циверт, цензоры-шпионы

Жюль-Крофорд Зильбер и Карл Циверт были германскими секретными агентами, которые так долго находились вдали от своего отечества, что могли выдавать себя за искренних патриотов тех стран, где они жили. Зильбер во многих отношениях был самым умным и удачливым германским шпионом в период мировой войны 1914—1918 годов. Циверт, австрийский агент, так же ловко окопался в России, как Зильбер в Англии. Циверт, однако, во многом отставал от Зильбера. Последнего ничто не стесняло в его «работе» на английской земле, и он исчез в самый подходящий для этого момент, когда германским агентам уже больше нечего было делать в Англии. Циверт же долго держался в России; то, что мы знаем о нем, заимствовано из протоколов его процесса.

Зильбер хорошо знал Британскую империю, большую часть своей жизни в зрелом возрасте провел за границей и во время Южноафриканской войны сумел оказать англичанам кое-какие услуги. Когда в 1914 году началась мировая война, он, как человек, безукоризненно говоривший по-английски, англичанин по внешности и манерам, мог свободно проникнуть в Англию через Америку и Канаду. У Зильбера имелись документы, удостоверявшие его деятельность в пользу англичан против буров, и его просьба о паспорте в тот первый период войны не могла показаться необычайной. Ему разрешили въезд в Англию. Английские чиновники поверили его документам и ухватились за его знание иностранных языков. Его определили в быстро разраставшееся бюро цензуры; и до конца войны этот агент Германии боролся за нее на посту английского почтового цензора. Человек обходительный, он легко приобрел друзей, и это прибавляло кое-что к его регулярным рапортам, хотя и требовало затраты части досуга. А он нужен был ему для изучения приемов секретной службы.

Он не учился в немецких шпионских школах. Из Америки он лишь тайно связался с германскими властями. Он не пытался даже работать с другими шпионами,

и главнейшую опасность для него представляли, кажется, периодические порывы шефов германской разведки «помочь» ему активной поддержкой или советами. Как цензор, Зильбер имел возможность свободно отсылать свои шпионские донесения. Чтобы заручиться нужными почтовыми штемпелями, он сам отправлял себе письма из разных пунктов Лондона, пользуясь коммерческими конвертами с «прозрачным окошком» (т. е. промасленным четырехугольником) на лицевой стороне. Это давало ему возможность менять адрес, вкладывая новое письмо по вскрытию конверта. Он затем ставил на конверте свою метку и цензорский штампель и отправлял письмо по назначению на континент.

Зильбер не подвергал себя риску, как это свойственно шпионам-дилетантам, и не использовал один и тот же адрес. Наоборот, он искусно разнообразил свою переписку, справляясь со «Списком подозрительных лиц» самого последнего издания, всегда имевшимся в цензурном ведомстве, и выбирая оттуда нейтральные адреса лиц, известных британской разведке в качестве поддерживающих связь с немцами. В каждом из этих случаев его донесение быстро доставлялось в германскую ставку подозрительным получателем письма. Одной из лучших «явок» Зильбера был несуществующий бельгийский военнопленный, которому он писал на протяжении многих месяцев. Позднее, когда Зильбера перевели в ливерпульское бюро цензуры, он отправлял секретные сообщения через Нью-Йорк в попадавших к нему пакетах, адресованных видным банкирским фирмам. В такой пакет нетрудно было сунуть письмо с пометкой «прошу переслать», хотя к такому способу Зильбер из осторожности прибегал только по одному разу в отношении каждой банкирской фирмы.

Как цензору, ему пришлось лишь невозмутимо наблюдать за тем, как английская петля медленно захлестывалась вокруг немецких шпионов, которым удавалось проникать в Соединенное королевство. Он не мог ни предостеречь их, ни придумать для них какой-нибудь способ спасения. Его внимание привлекали и английские шпионы в Германии; но превратиться в контрразведчика и предупредить Николаи и германскую разведку значило бы скомпрометировать свое исключительно выгодное положение. Зильбер убедился, что британские агенты

не утруждают себя поисками «явочного» адреса, а просто пишут на адрес действительного или вымышленного знакомого, зная, что их письмо первым делом попадет в цензуру, а затем будет отправлено в соответствующий отдел разведки.

Просматривавшиеся Зильбером письма содержали в себе немало нужных Зильберу, как шпиону, сведений; но он не мог делать записи в присутствии других цензоров, сидевших рядом, и ему каждый день приходилось задавать огромную работу своей памяти. Он никогда не составлял рапортов в той квартире, в которой жил; и для того, чтобы объяснять свои вечерние отлучки в другие места, где он писал шпионские донесения, он регулярно покупал билеты в театры и концерты и по утрам ронял их на пол, как якобы использованные, возле своего жилья. Он уносил на ночь из своего бюро немало документов и делал с них фотоснимки. Зильбер расходовал сотни метров фотографической пленки, но он остерегался покупать ее в количествах, которые заставили бы предположить в нем фанатического любителя фотографий, и покупал такого рода материалы в разных концах Лондона.

По собственному признанию Зильбера, единственным человеком в Англии, серьезно заподозрившим его и причинившим ему немало беспокойства, был один лавочник, которому показались подозрительными некоторые его покупки. Этот патриот, случайно напавший на след наиболее талантливого из всех врагов, скрывавшихся в Англии, начал следить за Зильбером; но ему посоветовали заняться своими делами и оставить цензора в покое, так как Зильбер пожаловался своему начальнику.

Настал день, когда Зильбер вскрыл конверт, надписанный женской рукой, и сделал величайшее открытие за все четыре года своей напряженной шпионской работы. Женщина делилась своей радостью: ее брат, морской офицер, получил назначение в порт, расположенный близко к дому. Она имеет возможность часто видеть его, хотя он работает над каким-то таинственным делом, имеющим отношение к вооружению старых торговых судов. Зильбер сразу не догадался о том, что это было первое сообщение о «приманных судах», которые вскоре превратили рейды германских подводных лодок в рискованное предприятие. Он понял, однако, что дело идет

о чем-то очень важном, и потому при первой же возможности поехал в тот город, где жила отправительница письма, явился к ней официально в качестве ответственного цензора и объяснил ей всю опасность допущенной ею откровенности. Молодая англичанка не на шутку огорчилась и умоляла Зильбера не сообщать о случившемся ее брату и не портить его карьеры. В разговоре с нею он узнал все, что ему требовалось, о «приманных судах», ибо брат этой девушки был у себя дома еще более нескромен, чем его сестра в письме к своей школьной подруге. В тот же вечер был готов первый обстоятельный рапорт о готовящейся контратаке «приманных судов» для срочной отправки на континент и в Германию. Это был один из самых мастерских ходов секретной службы за все время войны.

Совершенно обезопасить себя от умного и осторожного шпиона, оседло живущего в какой-либо стране, вообще едва ли удастся когда-нибудь. Карл Циверт принадлежал именно к такого рода работникам шпионажа. Фактически он всю жизнь провёл в России, получая жалование из двух источников: из одного — в качестве русского чиновника, из другого — в качестве австрийского, а также субсидии из Берлина после объявления войны. Свыше 40 лет, под эгидой царских министров внутренних дел, он служил в Киеве тайным цензором почты. Он имел поэтому возможность вскрывать корреспонденцию, адресованную генералу Михайлу Алексею, начальнику русского генерального штаба, читать письма госпожи Брусиловой жене другого генерала, командующего Киевским военным округом*. Он осмеливался даже перлюстрировать официальную переписку военного министра Сухомлинова и графа Бобринского, русского губернатора оккупированной австрийской территории в Галиции. Прирожденный бюрократ, Циверт лишь случайно сделался австро-германским шпионом; он добрался до

---

* В своих воспоминаниях Брусилов подтверждает, что содержание всех его частных писем становилось известным начальнику жандармского управления немцу Утгофу. (См. А. А. Брусилов, «Мои воспоминания», стр. 44. Военное издательство, 1946).— Р е д.

самых вершин киевского отдела почтового шпионажа (романовское подражание «Черному кабинету» Бурбонов) благодаря долгому и умелому шпионажу за высокопоставленными русскими людьми по поручению и в интересах других высокопоставленных русских людей.

Русские называли работу этого «Черного кабинета» перлюстрацией. Игнатьев, в бытность киевским губернатором, неизменно отправлял свои письма с надежными людьми, словно он был замешан в заговорах. Дипломатическая карьера известного Витте, говорят, была подорвана в самом начале благодаря его откровенным высказываниям в письмах по ряду вопросов государственной важности. От почтового шпионажа не были защищены даже члены императорской семьи (династии Романовых).

Во время мировой войны 1914—1918 годов шпионы, работавшие в «Черном кабинете», были разоблачены и арестованы. Главным из них оказался Циверт, проработавший в почтовой цензуре почти пять десятилетий. Он с одинаковым рвением работал одновременно на двух и более хозяев и вообще обнаружил поразительное «беспристрастие» ко всем политическим лагерям в России. Три его главных помощника — Макс Шульц, Эдуард Хардак и Конрад Гузандер — по рождению были немцами, но долго жили в России. Защитники аргументировали в их пользу тем обстоятельством, что Плеве, когда стоял во главе царской полиции, подавил в Киеве военный заговор, раскрытый «Черным кабинетом».

И Циверт, и его сообщники были осуждены. Военные тайны России, связанные с Киевским округом, Циверт сообщал в Вену еще до начала войны. Сын его Эрих, служивший в русской пехоте офицером, был взят в плен австрийцами; согласно донесениям контрразведки, с ним не обращались сурово, пока он был «интернирован» во вражеской стране.

На суде Циверт признал, что все приспособления, которыми он пользовался при вскрытии писем и для шпионской работы, равно как и фотографические аппараты, которыми пользовались русские цензоры, были немецкими.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Резервуар победы

Американская секретная служба вступила в первую мировую войну почти за два года до мобилизации американской армии. И когда дело дошло до подпольной борьбы с секретными агентами и диверсантами Германии, Америка не намного отстала от стран Антанты. После того как война была, наконец, объявлена, Америка уже имела крупного специалиста разведки — полковника Рольфа ван Демана. Этот усердный и образованный офицер — «отец американской военной разведки» — долго и тщетно боролся за признание разведки особым отделом генерального штаба.

В 1916 году, когда вся Европа корчилась в судорогах войны, в Вашингтоне имелся лишь один военный, думавший о разведке, и этот человек был ван Деман, тогда еще майор. В виде особой уступки напряженности мировой обстановки ему разрешили взять к себе в помощники канцеляриста. Как это ни странно, Америка в данном случае лишь повторила опыт англичан, у которых в свое время капитан Холл заменял собой всю морскую разведку величайшего в мире флота, а Хоужер — всю военную разведку империи, опоясывающей своими владениями земной шар.

В 1917 году ван Деман и подполковник Александр Кокс составляли весь личный состав главного штаба разведки армии Соединенных Штатов. Такое положение продолжалось до тех пор, пока, в подражание союзникам и при участии иностранных советников, не началось коренное и быстрое расширение разведывательной службы. К этому моменту ван Деман готовился 30 лет, и ему, наперекор инерции Вашингтона, удалось приобрести опыт фактически во всех известных отраслях секретной службы. Военное министерство, создавая, наконец, самостоятельную военную разведку, назначило начальником американской ставки во Франции полковника, позднее генерала, Денниса Нолана, а начальником разведки в Вашингтоне — бригадного генерала Мальборо Черчилля.

Это не означало смещения ван Демана ибо во время войны он нес другие, не менее важные обязанности. Генерал Нолан, опытный воин, пользовавшийся доверием главнокомандующего генерала Першинга, верил только в разведку боем, которая почти автоматически исключала шпионаж и секретную службу. Исход кампании 1918 года говорит о том, что генерал Нолам, по-видимому, был прав и не сделал ошибки. Накануне перемирия его горячее желание перейти в армию было удовлетворено, и он получил под свое командование дивизию на фронте. Военная секретная служба начала развивать свою деятельность в американской экспедиционной армии лишь перед самым окончанием войны.

Любопытно, что наиболее успешной отраслью американской контрразведки во Франции было наблюдение за... американцами. В каждой роте любого батальона, отправленного за море, был свой осведомитель, ответственный не перед своим командиром, а только перед другим офицером, обязанным следить за состоянием духа и лояльностью солдат, за неприятельским шпионажем и т. п. В многоязычной армии, находящейся на расстоянии нескольких тысяч миль от дома и набранной лишь частично на основе всеобщей воинской повинности, можно было предвидеть случаи измены, шпионства и неповиновения. Правда, особо серьезного в этом отношении ничего не произошло: но это обстоятельство больше свидетельствовало, пожалуй, о праве самих солдат, чем о бдительности молчаливых наблюдателей.

Подозрительность — эта «душа контрразведки» — являлась, разумеется, и основой деятельности американской секретной службы за границей. Американская морская разведка состязалась с армейской разведкой и секретными службами всех стран Антанты в собирании всевозможных списков «подозрительных лиц». В одном таком списке, который составлялся во Франции целым отрядом работников контрразведки, ответственных за контроль портов, значилось не менее 145 000 фамилий. Американский морской список побил рекорд для Западного полушария: в нем было 105 000 фамилий. Когда этот исполинский каталог подозрений был отпечатан на казенный счет, президент Вильсон приказал уничтожить его. После этого некий гражданин, исполненный патриотического пыла, пожертвовал более 10 000 долларов на

снабжение морской разведки четырнадцатью карточными каталогами; они были отпечатаны пятьюдесятью засекреченными машинистками. Таким образом, и драгоценные списки были спасены, и приказ, данный свыше, исполнен...

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Эпизод американской секретной службы

В течение 18 месяцев своего участия в европейском конфликте американцы не раз выражали свою благодарность союзникам за помощь в области военного обучения и материалов. Но что касается наблюдения за боевыми методами и обучения резервов в лагере общего врага, то здесь американская экспедиционная армия располагала офицерами, более осведомленными на этот счет, чем большинство офицеров Антанты (за небольшими исключениями).

Летом 1914 года капитан береговой артиллерии Ричард Вильямс вместе с группой американских военных наблюдателей был послан за границу; он испытал весь риск шпионажа в тылу врага, в ледяной атмосфере тевтонской подозрительности, наблюдая за ходом войны в течение трех лет, вплоть до того момента, когда сам стал ее участником. Он прибыл в Бельгию для оказания помощи американцам, застрявшим в Европе, и находился там, когда армия фон Клука и фон Бюлова оккупировали эту страну. Потом его послали в Константинополь на борту американского судна «Северная Каролина» в качестве военного атташе при посланце Генри Моргантау. Он был единственным американцем, наблюдавшим из лагеря обороняющихся отчаянные попытки высадиться, предпринятые британскими колониальными войсками под командованием сэра Гамильтона¹.

После этого полковник Вильямс сопровождал болгарскую армию в Добруджу. В январе 1917 года военное министерство США отозвало своего многоопытного атташе. Германское правительство уже знало, что подводная война будет продолжаться и что президент Вильсон вынужден будет потребовать объявления войны. Вильямс изучил войска Германии и ее союзников в боевой обстановке, и немцам не хотелось, чтобы он получил возможность использовать накопленные им сведения. Но так как Германия находилась еще в состоянии мира с Америкой, то его нельзя было лишить права на выезд. Тогда от него столь же незаконно, сколь настоятельно, потребовали, чтобы, направляясь из Европы в Америку, он проехал через Берлин. Здесь его задержали на восемь суток, в течение которых секретные агенты чуть ли не просвечивали его рентгеновскими лучами.

Добравшись, наконец, до Копенгагена, Вильямс убедился, что пароходы не курсируют из-за подводной блокады. Прождав три месяца, он купил билет на датский пароход, направляющийся в Швецию; но в это время Соединенные Штаты вступили в войну, и Вильямса частным образом предупредили, что германскому контрминоносцу отдано распоряжение перехватить пароход, на котором он будет плыть, и взять его в плен. Контрминоносец действительно остановил пароход, и германские матросы произвели обыск, обшарив пароход вдоль и поперек. Американца не нашли, и он благополучно очутился в Швейцарии, никому не раскрыв секрета своего прибытия туда. В конце концов он попал в Америку из Норвегии, кружным путем через Исландию.

Американская ставка во Франции очень нуждалась в Вильямсе, столь хорошо изучившем врага, и его немедленно направили туда, командировав в разведывательный отдел штаба генерала Першинга.

В октябре 1917 года он все еще находился в Шомоне, когда немцы готовили один из крупнейших налетов своих цеппелинов на Англию. Тринадцать огромных дирижаблей вылетели из Бельгии. Двум пришлось вернуться из-за порчи моторов, но одиннадцать благополучно прошли над портами и промышленными центрами Англии и вызвали своими бомбами немало жертв и разрушений. Но на обратном пути победоносный воздушный флот был рассеян сильной бурей. Шести дирижаблям

удалось добраться до Германии; что касается остальных пяти, то на них обледенели моторы в момент нахождения над Францией, и они стали жертвой союзных самолетов, зениток или собственной беспомощности. Два из них — L-49 и L-51 — прибило к земле в 40 милях от американской ставки. L-49 был захвачен невредимым; а L-51 ударился оземь своей передней гондолой или рубкой управления, подпрыгнул вверх, опять ударился, и так его несло над землей до тех пор, пока рубка управления не оторвалась и не повисла на вершине дерева. Освобожденный от этого груза, дирижабль понесся вперед и погиб в Средиземном море вместе с большинством своего экипажа.

Полковник Вильямс первым из штабных офицеров разведки явился туда, где очутился дирижабль L-49. Там уже находились другие офицеры, французы и американцы, от которых он узнал, что ни на борту L-49, ни в рубке управления L-51 не оказалось никаких карт или документов. Они уже собирались прекратить поиски, когда Вильямс предложил своему английскому коллеге, приехавшему вместе с ним из Шомона, двинуться по еле заметному следу, оставленному поврежденным L-51. Так они и сделали, но след вскоре явственно оборвался у края болота. Однако Вильямс с присущим ему упрямством полез прямо в болото и был вознагражден находкой — обрывком немецкой карты. Он продолжал двигаться дальше, обнаруживая новые обрывки, и так обследовал всю площадь болота.

Когда он показал найденные им клочки английскому офицеру, тот сразу оценил все их огромное значение. Вильямс взобрался даже на дерево, где оторвалась гондола L-51, и в ветвях его нашел еще один обрывок неприятельской карты. После этого он всю ночь проработал в ставке вместе с капитаном Хаббардом-младшим. В конце концов он доказал, что собранные с таким трудом кусочки составляют разрез германской кодированной карты Северного моря, Ирландского моря, Скагеррака и Каттегата; недоставало только Ламанша. Все это, бесспорно, имело непосредственное отношение к подводной войне немцев, но использовать карту без специального германского кода было невозможно.

В это же утро другой офицер американской ставки сообщил, что он видел на месте крушения дирижабля

нечто, показавшееся ему «интереснейшим военным сувениром». Отвечая на расспросы Вильямса, он сказал, что, по-видимому, это был «какой-то альбом» с печатным текстом и «фотографиями всех типов германских морских судов и воздушных кораблей тяжелее и легче воздуха». Полковник Вильямс сразу заподозрил, что «сувенир» представляет собой германский код с фотографиями, дающими возможность по внешнему виду опознавать морские и воздушные суда. Он приказал своему подчиненному немедленно разыскать «альбом» и доставить ему.

Вскоре выяснилось, что два молодых американских офицера очутились вблизи беспомощного L-49 сразу же после его приземления и сдачи. Они забрались в каюту цепелина до прибытия чинов разведки, и когда один из них обнаружил здесь немецкую книгу, он тотчас же забрал ее как диковинку и законную военную добычу.

Перелистав эту книгу-код, Вильямс получил возможность оценить все огромное значение своей болотной находки. У него в руках был ключ к текущим операциям вражеских подводных лодок! По его предложению книга и карта тотчас же были отправлены в Лондон для вручения адмиралу Вильямсу Симсу. Это дело было поручено капитану Хаббарду. Но адмирал оказался на конференции в Париже. Тогда Хаббард поднял с постели больного адъютанта Симса, командора Бабкока, и объяснил ему все значение того, что он привез из Шомона. Бабкок, забыв предписания врача, бросился к телефону и позвонил в британскую морскую разведку.

На следующей неделе — еще до того, как германскому морскому министерству стало известно, что германский код и карта подводных операций попали в руки союзников, — британский подводный патруль мог похвалиться обильнейшим за все время «уловом» германских подводных лодок. Чины британской морской разведки регулярно перехватывали германские морские приказы, передававшиеся по радио. Располагая книгой кодов, они тотчас же расшифровали эти приказы и, пользуясь картой Вильямса, захватили врасплох немало подводных хищников в заранее указанных местах. Это был разительнейший пример и образец согласованной работы союзников. Французы вынудили к сдаче неповрежденный L-49; американская и британская военные

разведки разыскали секретные карты и код, после чего британские военные корабли полностью использовали все выгоды создавшегося положения.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

К ГЛАВЕ ДЕСЯТОЙ

1 (стр. 52).

Натан Хэйл — один из наиболее популярных в истории Америки шпионов, действовавший из патриотических побуждений. Несмотря на неудачу, которую он потерпел в своей деятельности, Хэйл считается «отцом» американской военной разведки.

2 (стр. 56).

Джемс Джой, брат Джона Джоя, первого главного судьи Соединенных Штатов, претендовал на первенство в изобретении чернил, которыми впоследствии пользовались и продолжают пользоваться агенты секретной службы (так называемые симпатические чернила). Сообщая Конгрессу о решении британского кабинета привести заатлантические колонии в состояние безоговорочной покорности, Джемс Джой использовал изобретенные им чернила. Он так рассказывал о своих приемах тайной передачи:

«Чтобы устранить подозрения, я написал черными чернилами коротенькое письмецо моему брату Джону, который был членом Конгресса, и еще одному-двум членам нашей семьи, каждое не больше чем в три-четыре строчки. Остальное же пространство бумаги я заполнил с помощью невидимых чернил сведениями и сообщениями, которые считал полезными для дела Америки. Все эти письма отправлены были незапечатанными».

К ГЛАВЕ ДВЕНАДЦАТОЙ

1 (стр. 74).

Вся система сообщений между Англией и Францией, будь то обмен письмами или контрабандный провоз пассажиров через Ламанш, именовалась собирательным термином «корреспонденция» — «La Correspondance».

К ГЛАВЕ ТРИНАДЦАТОЙ

1 (стр. 77).

Французы, если судить по отчетам полицейских архивов, были убеждены, что этот американский консульский чиновник, подданство которого было весьма неопределенным, ведал рейсами корабля «Юнгфрау Элизабет» между Дюнкерком и Кале; это был один из кораблей, на которых были устроены специальные тайники для перевозки писем и пакетов.

2 (стр. 91).

Хотя Леклерк перенес свои линии коммуникаций на остров Джерси лишь после того, как его цепочка была порвана набегами на Трепор — Аббевиль, острова в Ламанше, особенно Джерси и Гарнси, использовались разведкой с первых же месяцев французской революции. Говорят, с этих удобных баз вплоть до 1814 года поддерживался постоянный контакт со шпионскими бюро Шербура и Сен-Мало, которые были давно созданы чинами британской разведки, посещавшими эти порты под предлогом организации обмена пленными.

Газеты доставлялись через Ламанш непрерывно в течение всего времени континентальной блокады. Как «*Moniteur*» так и «*Journal de l'Empire*» аккуратно получались в Лондоне на «седьмой, десятый или двенадцатый день после их выхода» (Ленотр).

К ГЛАВЕ ПЯТНАДЦАТОЙ

1 (стр. 96).

Утверждают, что Шульмейстер был несколько раз ранен в сражениях, в частности под Фридландом он получил серьезное пулевое ранение, чем могут быть объяснены те «глубокие шрамы», что бросились в глаза де Гассикуру. Храбрость вообще была обыденным качеством в армии Наполеона, но нужно учесть, что мужество Шульмейстера было в ту пору чем-то необычным для шпиона. Самое слово «шпион» в период Французской революции и после нее ассоциировалось в армии с чем-то подлым, трусливым, изменническим. Неудивительно поэтому, что Шульмейстер так стремился показать себя мужественным и энергичным человеком.

2 (стр. 111).

Другой представитель династии Бонапартов, принц Луи-Наполеон, взшедший на престол под именем Наполеон III, помнил о забытых любимцах своего знаменитого дяди и в 1850 году, объезжая страну, тогда еще в качестве французского президента, разыскал бывшего агента секретной службы и горячо пожал ему руку.

К ГЛАВЕ СЕМНАДЦАТОЙ

1 (стр. 109).

Миссис Уорн была первой женщиной в Америке, а возможно и вообще первой женщиной, которая занималась деятельностью частного сыщика как постоянной профессией.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

1 (стр. 146).

Этот титул дал Штиберу не кто иной, как Бисмарк.

2 (стр. 152).

В 1850 году в Австрии, несомненно под влиянием революционных событий 1848 года, была учреждена постоянная служба

разведки, так называемое «Evidenzbüro», первым начальником которого был Антон Риттер фон Калик. Этот офицер дослужился до генеральского чина и руководил австрийской разведкой до 1864 года. Вероятно, лишь простым совпадением является то, что способный и опытный Калик ушел в отставку как раз тогда, когда Штибер собирался пересечь австрийскую границу со своим грузом икон и порнографической литературы.

3 (стр. 166).

Штибер выпроводил могущественное английское телеграфное агентство Рейтера и быстро обнаружил, что филиал Рейтера начал свою деятельность в Берлине. С ним он также быстро покончил, предложив доктору Б. В. Вольфу основать в качестве противодействия Рейтеру полуофициальное агентство Вольфа.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ

1 (стр. 175).

Так, например, вплоть до 1914 года берлинское страховое общество «Виктория» имело в Париже на Авеню д'Опера, так называемое «Особое бюро», причем все служащие и агенты этого филиала были прусскими офицерами в запасе. Приблизительно каждые полгода здесь менялся весь штат сотрудников; но ни один из них не возвращался в Берлин до тех пор, пока не использовал полученного отпуска, разъезжая по восточным департаментам Франции.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ

1 (стр. 177).

Одна важная депеша Мак-Магона была отправлена через линию фронта с помощью двадцати различных разведчиков-добровольцев. Молодая женщина Луиза Эмбер, переодевшись мужчиной, проехала от Меца до Тионвиля через расположение врага с депешами, которые она спрятала в своих волосах. Полицейский Флого был отправлен 20 августа из Тионвиля в Мец с двумя важными депешами, которые Мак-Магон адресовал Базену. На обратном пути он был обнаружен, его стал преследовать конный патруль пруссаков. Он выскочил из экипажа, в котором ехал, и нырнул в Мозель, проплыл четыре километра и вернулся невредимым в Тионвиль «по расписанию» с ответом Базена. За свою смелость он был награжден полусотней франков, что едва ли идет в сравнение с суммой в 4 000 франков, уплаченной секретному агенту Герону за рискованную поездку из Меца в Верден после сражения при Сен-Прива.

2 (стр. 177).

Протоколы суда над Базеном показывают, что курьер-крестьянин, вернувшийся из Саарбрюкена 24 сентября 1870 года, получил за это поистине опасное предприятие плату в размере пяти франков. На следующий день ставки были повышены, ибо появляется запись: «Крестьянину из Доншери — 50 франков». Расходы разведки росли по мере того, как счастье Базена изменяло

ему, 22 октября, за неделю до капитуляции крепости и рейнской армии, имеются такие записи:

«Валькуру, переводчику, специальная миссия, 300 франков.

Прискевичу, переводчику, специальная миссия, 300 франков.

Вернье, переводчику, специальная миссия, 300 франков».

Сержант Курсьяль из 24-го полка также получил 300 франков за какую-то контршпионскую работу. Агенту же Антерме и его жене удалось скопить 1100 франков — 200 на покупку мужу штатского платья, 400 франков на лошадь с коляской, а 500 франков на личные расходы; можно полагать, что оба получали еще отдельное жалованье. Не все «специальные миссии» времен франко-прусской войны оканчивались столкновением с врагом, поимкой или смертным приговором. Однако вторжение пруссаков во Францию повлекло за собой массовые аресты гражданских лиц, резкое усиление шпионских процессов и, как следствие, смертных казней.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1 (стр. 181).

Отдельные показания, данные штабными офицерами на процессе Дрейфуса и опубликованные спустя долгое время, разоблачают некоторые стороны и приемы французского контршпионажа, применявшиеся вплоть до начала войны 1914 года и практикуемые в наши дни во всех странах Европы. Подполковник Кордьё, один из свидетелей на процессе, рассказывая о свойствах и дарованиях какого-то агента контрразведки, пояснил: «Этот агент, имел дело с женщинами, и в особенности с одной, некоей Милькан. И эта дама, желая отомстить за себя, донесла германскому посольству о том, что затевается некое дело. Мы тотчас же приказали нашему агенту порвать все отношения с ней и быть очень осмотрительным. Впоследствии госпожа Милькан была арестована и приговорена к пятилетнему заключению. Теперь мы были уверены в ее молчании».

2 (стр. 181).

Свидетели, выступившие на процессе, описали необычайные способы проверки лояльности французских офицеров. Полковник Сандеру, глава разведки, приказал, например, оборудовать наблюдательный пост в доме, расположенном напротив германского посольства на Рю-де-Лилль. Здесь была снята квартира, в которой постоянно жил контрразведчик. В оконных ставнях были проделаны отверстия и сквозь них, как впоследствии сообщил полковник Пикар, фотографировалось любое лицо, посещавшее германское посольство.

3 (стр. 184).

Полковник фон Шварцкоппен хотя и соблюдал все правила предосторожности, употребляя коды и шифры для связи с каждым из «аккредитованных шпионов», иначе называемых военными атташе, очевидно все же не опасался агентов французской контрразведки, следивших за каждым его шагом, укладывавших его в постель, будивших его, подметавших его квартиру и читавших его почту раньше его самого.

4 (стр. 187).

Фотомаскировка Анри была одной из его немногих поистине

остроумных уловок в области разведки, тем более что для сохранения ценного документа считалось совершенно нормальным держать подлинник запертым в сейфе, а в заинтересованные суды предъявлять засвидетельствованные фотокопии. Когда «фальшивый Паницарди» был громко зачитан в палате военным министром в 1898 году, это вызвало бурные аплодисменты. Говорят, однако, что молодой англичанин О. Дж. Макс сразу обнаружил подделку и разоблачил ее автора. Его выступление — вся Англия была в общем за Дрейфуса — явилось лишним ударом молота по рушащейся баррикаде у фасада французской юстиции. Нужно все же учесть, что если бы Анри не проявил чрезмерного рвения в своем вероломстве, если бы он предпочел уничтожить улику против себя сразу же после того, как она сделала свое дело, навредив Дрейфусу, то все преступления контрразведки никогда не были бы разоблачены, а жертвы этих преступлений были бы обречены на гибель и опалу.

5 (стр. 187).

Замечательно, что столь несходные между собой участники этого дела, как генерал Пикар и Эстергази, оба полагали, что смерть Анри не была результатом самоубийства.

6 (стр. 190).

Когда в 1903 году Дрейфус добивался пересмотра своего дела в кассационном суде, фон Шварцкоппен написал о нем меморандум, найденный в его бумагах. Этот документ был опубликован вместе со всей относящейся к нему перепиской в Берлине в 1930 году, а перевод напечатан в парижской газете «Эвр». В ту пору Дрейфус впервые посетил Берлин в качестве гостя д-ра Бруно Вейля, его немецкого биографа, который нашел его «приветливым старым офицером, настроенным оптимистично, без малейших признаков озлобления». Вернувшись в Париж, полковник Дрейфус написал редактору «Эвр»:

«Бумаги генерала Шварцкоппена заставили меня вновь пережить с большой силой физические и нравственные страдания, воспоминания о которых не могли изгладить прошедшие годы. Они неопровержимым образом подтверждают факты, установленные мастерским следствием кассационного суда, которое завершилось пересмотром дела в 1906 году.

Генерал фон Шварцкоппен сообщил все, что он знал; приходится, однако, глубоко сожалеть о том, что он не счел своим долгом сделать это в тот день, когда понял, что совершена судебная ошибка».

Жорж Клемансо, одним из первых выступивший в защиту Дрейфуса, часто говорил, что жертва «дела Дрейфуса» так и не сумела понять движущих причин процесса. Правда, Дрейфус никогда не позволял своим защитникам изображать себя в качестве мученика и, насколько мог, мешал им наживать политический капитал на его деле. Лишь в 1933 году, узнав о зверском обращении с евреями в гитлеровской Германии, Дрейфус как бы впервые осознал свое заблуждение и воскликнул: «Итак, мои муки, как видно, оказались напрасны!»

В последние месяцы своей жизни он почти совершенно ослеп, и главной его радостью было общение с детьми, внуками и бесконечно преданной ему женой, а также дела благотворительности.

Дрейфус скончался 12 июля 1934 года в Париже, в возрасте семидесяти шести лет.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ

1 (стр. 206).

Японский кодекс нравственности и быта, известный под названием «Бусидо», вменяет в обязанность шпионаж в пользу монарха и государства, считая такое занятие проявлением долга и чести.

2 (стр. 207).

Манасевич-Мануйлов был не только полицейским агентом, но и журналистом, а также выполнял поручения разведывательного характера, получаемые от графа Витте. В богатой хронике интриг царской разведки за Манасевичем-Мануйловым числится такое достижение, как успешная вербовка попа Гапона, который в «Кровавое воскресенье» 22 января 1905 года в Петербурге повел массы к царскому дворцу требовать справедливость и свободу.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

1 (стр. 217).

На одной из почтовых расписок, полученных Редлем, значился адрес соединенного штаба французской и русской разведки в Брюсселе. На лозаннской квитанции значился адрес иностранного бюро итальянской секретной службы, впоследствии прославившегося военными операциями генерала Зупелли и профессора Боргезе. Варшавский же адрес, вероятно, был адресом д-ра Каца, известного русского шпиона, жившего в Польше, а в начале мировой войны переехавшего в Копенгаген.

2 (стр. 224).

Специальный стенографический отчет об этом шпионском процессе был отпечатан для императора Франца-Иосифа, которому окружающие его лица обычно не давали вникать в дела, связанные с разведкой.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ

1 (стр. 228).

Вальтер Николай был майором генерального штаба, когда его назначили начальником германской военной разведки: на протяжении почти всей войны 1914—1918 годов, несмотря на всю ответственность и значительность своего положения, он дослужился лишь до звания подполковника.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ

1 (стр. 239).

Столь авторитетный военный обозреватель, как Франк Саймондс, способствовал распространению сообщения о том, что многочисленные

контингенты русских войск якобы переброшены на западноевропейский фронт через Архангельск и Шотландию. Германский генеральный штаб, по-видимому, проглотил эту неприятную весть, как кружку вюрцбургского пива. 5 сентября представитель германского главнокомандования полковник Гентш говорил генералу фон-Клуку: «Плохие вести... Англичане непрерывно высаживают свежие войска на бельгийском побережье. Имеются сообщения о наличии русских экспедиционных войск в тех же местах. Отступление становится неизбежным». Уинстон Черчилль действительно предлагал перевезти русскую экспедиционную армию на Западный фронт указанным путем. Стало ли это предложение известно и было раздуть до размеров действительного факта или нет, — сказать невозможно. Так или иначе, но легенда о прибывающих русских войсках существовала, хотя ее довольно часто относили за счет взволнованного воображения некоего железнодорожного носильщика, которое разыгралось под влиянием того факта, что ночью проходили воинские поезда, пассажиры которых говорили на незнакомом ему языке...

2 (стр. 239).

За пятнадцать дней мая — июня 1915 года в Великобритании было обнаружено и арестовано семь подлинных шпионов. Каждый из них прошел гораздо более основательную подготовку, чем Лоди. Но ни один из них не представлял собой такого хорошего материала, как Лоди; поскользку, однако, все семеро наделали промахов, то все были бы пойманы, независимо от подозрений, которые англичане заранее питали бы в отношении Лоди.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ

1 (стр. 241).

Читатель может ознакомиться с ныне забытой, но ценной и увлекательной книгой «Германские зверства» (German Atrocities du J.H. Morgan) Дж. Моргана, профессора Лондонского университета. В изданном автором дневнике одного германского офицера отмечено: «неразборчивое истребление» гражданского населения, и в конце записи такая фраза: «Впредь следовало бы разбираться в их виновности, а не расстреливать». Один солдат записал: «Вышел приказ расстрелять всех жителей мужского пола... Жуткое воскресенье!» Невероятное поведение нынешнего нацистского правительства и его тайной полиции гестапо будет меньше удивлять после знакомства с тщательно документированными моргановскими разоблачениями одобренного свыше поведения немцев во время их вторжения в Бельгию и вообще в первые месяцы войны 1914—1918 годов. Вспомним, что говорит в «Воспитании под Верденом» Арнольда Цвейга один из католических священников: «Я был в Бельгии с нашими рейнскими войсками. Вот что я видел и что считалось неукоснительным долгом солдата: убийства, грабежи, насилия, поджоги — все преступления, какими только может быть отягощена душа человека».

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1 (стр. 248).

Миссис Борз рассказывает, что по возвращении в Америку она не

могла поместить в журналах статью о том, каким языком разговаривала Германия на другой день после потопления «Лузитании». Некоторые американские редакторы полагали, что публике уже надоела военная литература, что она хочет забыть обо всем этом. Другие думали, что война скоро кончится, и не допускали мысли, что Соединенные Штаты могут быть втянуты в нее.

2 (стр. 251).

В свете хотя и кратковременной, но важной роли, которую играл Папен в подготовке захвата власти гитлеровцами в Германии, небезынтересно напомнить о том, какими «подвигами» был отмечен путь этого чемпиона тевтонской бездарности в период мировой войны 1914—1918 годов. Мы приведем лишь два из многочисленных случаев, рисующих фон Папена во всей его неприглядности.

В начале 1917 года германский военный атташе капитан фон Папен отправился из США в Германию с чемоданами, набитыми конфиденциальными документами, уличающими ряд людей, не пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. Личность фон Папена как атташе была неприкосновенна, поскольку правительство Соединенных Штатов, предложив ему отправиться на родину, снабдило его специальной грамотой. Но эта высылка, вызванная разрывом дипломатических отношений с Германией за несколько недель до объявления Америкой войны, пагубно отразилась на чемоданах фон Папена, неприкосновенность которых не была оговорена. В Фальмуте английские власти задержали эти чемоданы и захватили все коды письма, секретные документы, которые незадачливый дипломат считал возможным везти с собой, да еще в столь неприкрытом виде. В результате этой операции были арестованы и обезврежены десятки немецких агентов в США, как военных, так и штатских. Один из них — баварский полковник, интернированный в лагере, — спросил с возмущением о фон-Папене:

— Какого полка этот дурак?

— Первого гвардейского уланского полка, сударь, — последовал ответ.

— Тогда все понятно, — заметил полковник.

И второй случай. В ту пору, когда потерпевший неудачу Ринтелен находился вместе с другими преступниками в тюрьме, фон Папен демонстрировал свои способности уже на новом посту — в Палестине. Осенью 1918 года английские кавалеристы наткнулись на палатку германского штабного офицера, хозяйни которой, по-видимому, совсем недавно бежал. В палатке были найдены остатки секретных документов, уцелевших от разгрома в Фальмуте: фон Папен, оказывается, считал положение на фронте настолько «спокойным», что сидел и невозмутимо сортировал документы своего архива. В ответ на телеграмму, посланную в Лондон, был дан, как говорят, такой исторический ответ: «Вышлите бумаги. Если Папен пойман, не интернируйте; направьте в сумасшедший дом». Один из захваченных документов, отправленный в Нью-Йорк, дал основание предъявить новое обвинение германскому шпиону.

3 (стр. 264).

Возможно, что Альфред-Луи-Моро Готшалк, однофамилец выдающегося пианиста и потомок видного французского полководца, и не получил прямого предостережения; но имеются сведения, что за две недели до того, как «Циклон» покинул гавань, и задолго до того, как этот угольщик был вообще объявлен исчезнувшим, в одной из португальских газет появилось извещение о предстоящей панихиде по

американскому генеральному консулу, погибшем на «Циклопе», который пошел ко дну. Извещение это якобы было подписано видными гражданами Рио-де Жанейро; однако они отрицали свою причастность к этому извещению. Таким образом, положение стало еще более таинственным. Повинны ли в этом были немецкие агенты и сколько их было? Почему испанец из Нью-Йорка запросил немца в Южной Америке: «Где «Циклоп»?» Американские почтовые цензоры признали, что они видели этот запрос, и взяли его под наблюдение, так как сочли весьма подозрительным.

Что касается «Циклопа», то не найдено было никаких остатков кораблекрушения, никаких трупов, никаких спасательных лодок: 15 офицеров и 221 матрос, а также 15 пассажиров исчезли бесследно в морской пучине.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1 (стр. 259).

Во многих корзинках с голубями находили примерно следующие обращения:

«Спротивление немцев резко ослабляется атаками союзников, которые уже освободили часть французской земли. Для продолжения своего наступления союзники должны быть хорошо осведомлены о расположении неприятеля и о его намерениях. Ваш долг, как патриотов, находившихся среди неприятельских войск, оказать эту услугу союзникам.

Вам, быть может, придется рискнуть жизнью; но подумайте о союзных солдатах, которые так доблестно сражаются и жертвуют жизнью во имя вашей свободы. Присылкой сведений вы окажете своему отечеству неоценимую услугу и поможете приблизить конец войны.

Мы сумеем вознаградить вас, когда наступит мир, а у вас навсегда останется сознание того, что вы действовали как добрый патриот.

Немцам не удастся сломить мощь союзников. Они не смогут помешать нам добиться победы и навсегда уничтожить этот подлый народ, являющийся врагом рода человеческого».

2 (стр. 259).

В тылу одной германской армии были найдены в декабре 1917 года 63 корзинки с голубями, в январе 1918 года — 41 корзинка и в мае — 45.

3 (стр. 260).

В одном из этих обращений жители увещевались следующим образом:

«Внимание! Добрый ли ты патриот? Хочешь ли ты помочь союзникам победить врага?

Да!

Тогда возьми этот пакет; незаметно унеси домой; вскрой его вечером, когда ты будешь наедине с собой, и действуй согласно наставлениям, которые найдешь в нем.

Если тебя заметили, оставь пакет на месте. Запомни это место, вернись ночью и заведи пакет. Парашют уничтожь немедленно; он бесполезен для тебя.

В точности выполняя эти наставления, ты поступишь как добрый патриот, окажешь большую услугу союзникам и поможешь приблизить час окончательной победы.

Терпение и мужество! Да здравствует Франция! Да здравствует Бельгия! Да здравствуют союзники! За нашу родину!

Чтобы ускорить час твоего освобождения, которое обеспечено, постарайся тщательно написать на прилагаемом бланке требуемые сведения. Если ты чего-нибудь не знаешь, спроси у надежных друзей. Для удостоверения своей личности сообщи фамилию и адреса двух лиц, живущих на неоккупированной территории. Это даст возможность опознать тебя и наградить после наступления победы.

Каждый солдат Франции и Бельгии заодно с тобой. Поддержи их в борьбе и докажи им лишний раз, что мужество угнетенных не уступает их мужеству.

Да здравствуют союзники!»

4 (стр. 260).

Воззвание к людям, жившим близ франко-германской границы, гласило:

«К каждому патриоту Лотарингии!

Доставив просимые нами сведения, ты окажешь неоценимую услугу и приблизишь конец войны.

Когда наступит мир, мы сумеем наградить тебя, и ты сможешь гордиться тем, что действовал как добрый патриот».

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1 (стр. 266).

Когда Васмус отказался уехать, его взяли под стражу, как нежелательного в Персии и враждебного иностранца, учитывая, что его неофициальная или «нейтральная» война фактически была частью грандиозной борьбы на Западе. Его личное имущество также подлежало конфискации и доставке в британскую главную квартиру. Ночью, накануне того дня, когда его самого должны были вывезти, Васмус, охраняемый четырьмя часовыми, вдруг сильно забеспокоился о своей верховой лошади. Обнаружив у нее симптомы особой туземной болезни, он начал то и дело спускаться, в сопровождении двух часовых, в конюшню, чтобы посмотреть, как действуют лекарства на его любимого пони. Всю ночь «мягкосердый» консул ходил, еле передвигая ноги, в конюшню в сопровождении двух вооруженных часовых. Английские солдаты валились с ног от усталости. Рвение немца усыпило их бдительность. Наконец, Васмус, всякий раз аккуратно возвращавшийся обратно, решил на рассвете сойти в последний раз. Его отпустили одного. И он ускакал на совершенно здоровом и отдохнувшем персидском коне; больше Васмуса не видели, зато слышали о нем слишком часто.

К ГЛАВЕ СОРОКОВОЙ

1 (стр. 282).

Автор этой книги должен с сожалением признать, что он опубликовал ряд неточных и даже сильно преувеличенных сведений об этой германской разведчице и ее деятельности в период мировой войны 1914—1918 гг. Он сделал это в 1928 году («Шпион и контршпион; развитие современного шпионажа»), доверившись офицеру разведки, воображение которого, как он тогда думал, контролируется профес-

сиональным долгом. Добытая таким образом неверная информация, к несчастью, получила широкое распространение и была воспроизведена не только в английском издании и французском переводе книги, но и цитирована Джорджем Астоном в его «Секретной службе» и в других трудах, и вообще была воспринята как результат личных изысканий автора насчет жизни и характера «фрейлейн Доктор». Лишь теперь оказалось возможным установить эту ошибку и исправить выдумки «очевидцев», легковверно принятые за истину.

2 (стр. 290).

Сведения об этой школе и методах обучения в ней взяты из разнообразных и достаточно надежных источников, включая и лиц, находившихся там в качестве учеников. Пишущий эти строки совершил промах, в котором он признался в первом примечании к этой главе; вот почему он считает своим долгом предупредить читателя о вероятности того, чтобы какой бы то ни было осведомитель вообще мог сообщить неприкрашенную правду о такой личности, как «фрейлейн Доктор». Что касается сведений, излагаемых здесь, то они представляют собой результат длительных личных изысканий и постоянной проверки фактов, ставших известными разведке в период мировой войны 1914—1918 годов.

Может быть, Эльзбет Шрагмюллер и не была образцовым немецким шпионом-учителем. Но ее советы в основном составляют свод всего того лучшего, что было накоплено агентами германской разведки за многие месяцы ее интенсивной деятельности. Вот некоторые из советов Шрагмюллер:

«Собирай все попадающиеся обрывки сведений, не проявляя к ним заметного интереса. Никогда не сосредоточивай на информации, которую по твоему мнению ты можешь или должен добыть, явного внимания, не привязываясь к единичному факту, наводи демонстративные справки и не обнаруживай свою решимость разведать то или иное обстоятельство.

Всегда записывай то, что узнал, абсолютно невинными словами. Цифры или размеры, о которых тебе нужно сообщить, лучше записывай как цифры личных расходов. В Портсмуте ты видел, скажем, десять тяжелых морских орудий на платформах, готовых к монтажу. Помни, что отличный обед, заказанный тобой в Портсмуте, обошелся тебе в десять шиллингов.

Не сжигай писем или других бумаг и не считай обугленных клочков бумаги недоступными прочтению. Микроскопическое исследование открывает многое в бумажном пепле. Изорвать и выбросить бумажку не значит уничтожить ее. Обрывки бумаги не всегда можно с уверенностью считать исчезнувшими даже в уборных.

Никогда не говори и не веди себя таинственно, исключая одного лишь случая: словоохотливый человек, обладающий ценными сведениями, нередко может быть доведен до того, что он выдаст их, если ему или ей сообщат что-нибудь, пусть даже совершенно выдуманное, льстивым и доверительным образом, с несколько таинственным видом.

Не поддавайся искушению прихвастнуть, показаться умным или чересчур оригинальным и изобретательным, если ты не уверен, что твое изобретение действительно ново. В состязании умов шпион, работающий за границей, неизбежно находится в весьма невыгодном положении».

К ГЛАВЕ СОРОК ПЕРВОЙ

1 (стр. 298).

Указывалось, что Алиса Дюбуа во время своего последнего путешествия в Турнэ имела неосторожность взять с собой несколько новых фальшивых паспортов для раздачи своим все еще многочисленным последователям. А когда ее допрашивали, она сделала промах, от которого постоянно остерегалась других, — «если вас станут допрашивать, никогда не признавайтесь в знакомстве с человеком, который имел несчастье попасться». Называя тех, кто мог за нее поручиться или помочь ей быть взятой на поруки, она упомянула несколько лиц, которые уже были на подозрении, подобно ей самой, или даже сидели в тюрьме, как Шарлотта. Но даже помимо такого рода промахов у представительей германской контрразведки имелись все достаточно уличающие данные для предания Алисы суду.

2 (стр. 299).

Когда английские войска вступили в Кельн, сотрудники разведки увидели положенный на землю белый крест, на котором значилось имя их отважной шпионки:

Луиза де Беттиньи

сконч.

27.9.18

Впоследствии Франция и родной город Луизы Лилль устроили ей публичные похороны с отданием всех воинских почестей. Четыре медали — две английские и две французские — были приколоты к белой шелковой подушке, возложенной на ее гроб. В приказе, которым эта смелая и юная разведчица награждалась военным крестом, говорилось, между прочим:

«За добровольное посвящение себя служению родине; за борьбу, непоколебимо мужественную, с опасностями и трудностями этого великого дела; за преодоление ею, благодаря исключительным дарованиям, величайших препятствий с постоянным риском для жизни и несением в течение всей службы колоссальной ответственности; за героизм, редко кем превзойденный».

К ГЛАВЕ СОРОК ВТОРОЙ

1 (стр. 304).

Базиль Томпсон в «My Experience at Scotland Yard» признается, что он сказал сорокалетней «яванской» танцовщице: «Мадам... если хотите верить слову человека, который почти вдвое старше вас, — бросьте то, чем вы занимались». Пожалуй, это самый деликатный прием контрразведывательной техники в истории войны!

К ГЛАВЕ СОРОК ШЕСТОЙ

1 (стр. 326).

Комендант — в ту пору капитан — Жорж Ладу, ведавший очень важным отделом французской контрразведки, не был в достаточной степени оценен. Это обнаружилось лишь по окончании войны, когда он был подвергнут публичному унижению — его предали суду, обвинив в технических нарушениях правил паспортного контроля и в злоупотреблениях его агентов паспортами. Ладу был оправдан, но он прожил недолго после такого финала его блестящей разведывательной деятельности. И, как водится, сообщение о его оправдании привлекло к себе гораздо меньше внимания, чем выдвинутые против него обвинения.

2 (стр. 326).

Союзники получили немало заслуживавших доверия сообщений от шпионов и из других источников о новой угрозе — предстоящих газовых атаках. Единственный французский военный, отнесшийся к этим сообщениям со всей серьезностью и предупредивший расположенных по соседству англичан, был генерал Ферри, командовавший 11-й дивизией. У немца-дезертира, сдавшегося близ Лангемарка 13 апреля, был найден примитивный противогаз. По словам дезертира, такой противогаз выдавался каждому солдату, который должен был идти в вызванном особенно тем, что он предупредил англичан самолично, вместо того чтобы делать это по всем правилам, т.е. через ставку Жоффра. И даже само германское командование побаивалось, Ферри все же подвергся наказанию, что не раз случалось во французской армии: его сместили за то, что он был прав.

3 (стр. 329)

Звукоулавливание явилось одним из новых средств ведения разведки, достигшим высокой эффективности и полезности в мировую войну 1914—1918 гг. При помощи разнообразных звукоулавливающих приспособлений оказывалось возможным определять приблизительно местонахождение и калибр германских тяжелых орудий на Западном фронте. Фердинад Тохай писал (в «Секретном корпусе»), что одним из лучших была девушка, работавшая в одном кабаке вблизи британских линий; она знала звук выстрела каждого из «большущих орудий» и сразу с первого же выстрела распознавала «новичка» среди неприятельских гаубиц и крупнокалиберных пушек.

К ГЛАВЕ СОРОК СЕДЬМОЙ

1 (стр. 337).

Полковник фон-Фалькенхаузен был германским военным атташе в Афинах; барон Шенк фон-Швейнсберг ведал германским шпионажем и специальной пропагандой в Греции и на Эгейских островах. Германского посланника графа фон-Мирбах-Гарффа нередко смущала деятельность его коллег, хотя сам он и морской атташе барон де Гранси также находились в активном сговоре с прогерманскими элементами дворцовой партии, во главе которой стояла София.

2 (стр. 339).

Когда генерал Першинг вскоре после заключения перемирия сообщил французам, что он знал, насколько его войскам хочется, чтобы их отослали на родину, то он сделал это на основании рапорта, который прислал ему базовый цензор. Что касается офицеров штаба Першинга, узнавших о злоупотреблениях и военных тюрьмах, то сведения об этих насилиях прежде всего поступили к ним все от тех же переутомленных, безвестных людей, читавших солдатские письма.

3 (стр. 339).

Базовый цензор получил 30 846 630 писем, из которых, согласно статистическим данным, обнародованным Т. М. Джонсоном, 6 335 645 были действительно прочитаны. Лишь в июле 1918 года была устроена химическая лаборатория, и в ней были исследованы на секретные чернила 53 658 подозрительных писем.

К ГЛАВЕ ПЯТИДЕСЯТОЙ

1 (стр. 347).

Трагедия потери Галлиполи была смягчена умело и тонко проведенной эвакуацией, прошедшей без всяких потерь после того, как солдаты покинули окопы. Здесь, в усовершенствованной форме, была применена та самая военная хитрость, какую в той же части света использовал персидский завоеватель Дарий. Около 520 года до нашей эры он вынужден был тайно форсировать Дунай, чтобы вывести свою армию из-под неотразимого удара полчищ гораздо более подвижных скифских наездников. Дарий добился этого, сознательно пожертвовав своими ранеными и больными воинами; он объявил им, что намерен произвести ночью неожиданное нападение на скифов, после чего тайно покинул лагерь со всеми своими здоровыми воинами, оставив позади себя горящие костры, обычный лагерьный шум и движение.

Англичанам при эвакуации также удалось полностью обмануть врага. В то время как на передовых линиях оставался полный комплект бойцов, остальные войска каждую ночь уходили и грузились на суда. Перед линией «Анзаков» (новозеландско-австралийских войск) сидело в окопах около 80 000 турок, а расстояние между ними было от двадцати ярдов до полумили. Когда же наступила ночь, в которую должны были быть очищены и передовые окопы, к собачкам винтовок были привешены пустые жестянки, куда по капле стекала вода; достаточно отяжелев, такая банка должна была потянуть спуск. Поэтому из английских окопов то и дело раздавались беспорядочные выстрелы в течение долгого времени после того, как последний английский солдат отплыл в море. Отступление было закончено в 3 часа 30 минут ночи на 21 декабря 1915 года; сэр Чарльз Монро издал специальный приказ, в котором справедливо поздравил войска всех рангов «с достижением, беспрецедентным в летописях войны».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- АГИНАЛЬДО** — руководитель движения за независимость Филиппинской республики в 1898—1900 гг. Вначале союзник американцев в войне США против Испании 1898 г., а затем поднял восстание против американских властей; в 1901 г. А. был захвачен американцами в плен.
- АДАМС, Джон** (1735—1826) — преемник Вашингтона, второй президент Соединенных Штатов (1797—1801 гг.). В 1801 г. ему на смену был избран Джефферсон. Сын А. Джон Кинси был президентом с 1825 по 1829 г.
- АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ** или Македонский (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии, правил с 336 года. Покорил Грецию, завоевал Персию; войска А. проникли в Западную Индию. Его огромная монархия вскоре после его смерти распалась; походы А. имели большие исторические последствия для распространения эллинской культуры на Востоке.
- АЛЕКСАНДР I** (1777—1825) — российский император, вступил на престол в 1801 г. после убийства Павла I.
- АНГИЕНСКИЙ, герцог** — см. Энгийенский.
- АННА СТЮАРТ** — английская королева, дочь Иакова II, правила с 1702 по 1714 г. При ней в 1707 г. произошло объединение Англии с Шотландией, и она была, таким образом, первой королевой Великобритании; ее окружали блестящие сотрудники (герцог Мальборо, талантливый полководец; министры Годольфин, Харли, Болингбок), поднявшие международный престиж Англии.
- ЭЙЗЕНГФН, Антони** (1561—1586) — английский политический деятель; в 1586 г. стал во главе заговора, имевшего целью освободить из заточения Марию Стюарт и убить королеву Елизавету. Выданные одним из участников заговора Б. и его сообщники были казнены.
- БАЗЕН, Ашиль-Франсуа** — французский маршал. Был заперт со своей армией в крепости Мец во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. и сдался пруссакам. После войны, в 1872 г., был обвинен в государственной измене и сослан на 20 лет на остров св. Маргариты, но в 1874 г. бежал из тюрьмы в Испанию.
- БАТЫЙ** — татарский хан, внук Чингис-хана, стоял во главе татарского нашествия на Россию в 1237—1240 гг., совершил опустошительный набег на Польшу, Моравию, Венгрию и Балканский полуостров. Им была основана Золотая Орда. Умер в 1255 г.
- БЕРТИЛЬОН, Альфонс** (1853—1914) — французский антрополог. С 1880 г. состоял начальником парижского полицейского бюро; ввел научный метод установления личности с помощью дактилоскопии и использования данных антропометрии.
- БЕРТЬЕ, Александр** (1753—1815) — французский маршал и начальник генерального штаба при Наполеоне I. После перго отречения Наполеона в 1814 г. Б. перешел на сторону Бурбонов.

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН, Алексей Петрович (1693—1766) — с 1744 г. канцлер при императрице Елизавете Петровне. Враждовал с наследником престола, будущим императором Петром III, сторонники которого добились ссылки Бестужева, из которой он был возвращен по вступлении на престол Екатерины II.

БИСМАРК, Отто (1815—1898) — политический деятель Пруссии и создатель объединенной Германии. Б. был вдохновителем войны с Данией 1864 г., австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны ;—1871 г., приведшей к созданию Германской империи. Ушел в отставку в 1892 г. по требованию Вильгельма II.

БЛЕЙК, Роберт (1599—1657) — знаменитый английский моряк, участник буржуазной революции в Англии XVII века, одержавший ряд блестящих морских побед над голландцами и испанцами, тогда главными противниками Англии на морях.

БЛОВИЦ, Генрих-Стефан-Оплиер (1832—1902) — журналист, с 1871 г. корреспондент лондонской газеты «Таймс». Его умение получать информацию снискало ему всемирную славу и вызвало на свет ряд легенд; рассказывали, например, будто он прятался под столом, за которым шли совещания участников Берлинского конгресса, чего в действительности не было. Б. приписывают введение в журналистику жанра «интервью», т. е. бесед с видными государственными деятелями.

БОГАРНЭ, Евгений (1781—1824) — пасынок Наполеона и вице-король Италии.

БОРЕГАР, Питер (1818—1893) — генерал южных штатов в

гражданской войне Сосдиненных Штатов. Разбитый в апреле 1862 г. войсками северян при Шило, он занимал в дальнейшем второстепенные посты и в апреле 1865 г. вместе с Джонсоном капитулировал перед войсками генерала Шермана.

БРАУН, Джон (1800—1859) — героический участник движения за аболиционизм в США. Чтобы нанести решительный удар рабовладельчеству в штате Виргиния, он задумал вооружить и поднять негров, для чего с двумя десятками товарищей захватил 10 октября 1859 г. государственный арсенал в Гарперс-Ферри (в Западной Виргинии) и железнодорожный мост через реку Потомак. Восстание не удалось, арсенал был отбит властями, а тяжело раненный Б. был взят в плен и повешен. Его казнь произвела сильное впечатление в северных штатах США; в честь Б. сложили замечательную песню («Тело Джона Брауна»), ставшую гимном борцов против рабства.

БРЕМЕР, Фредерика (1801—1865) — шведская писательница, сыграла крупную роль в движении за равноправие женщин (в частности, в Швеции в 1886 г. было основано «Общество женского равноправия имени Фредерики Бреер»).

БРУТ, Марк Юний — глава заговора против Юлия Цезаря в древнем Риме (с 85 по 42 г. до н.э.). «Брут был честный человек» — слова Марка Антония, произнесенные им над телом Цезаря в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Этой часто повторяемой иронической фразой Антоний приводил в исступление толпу.

БРЭДДОК, Эдвард (1695—1755) — английский генерал, в 1755 г. высадился в Северной Америке и командовал колонной, в которой служил добровольцем Джордж Вашингтон и которая должна была атаковать занятый французскими войсками форт Дюкен. Засевшие в засаду французы и индейцы напали на колонну английских войск, и Б. был смертельно ранен.

БУКСГЕВДЕН, Федор Федорович (1750—1811) — русский генерал, участник Аустерлицкого сражения (1805 г.).

БУЛАНЖЕ, Жорж-Эрнест (1837—1891) — французский генерал. Замаскировавшись под «левого республиканца», он вступил в сношения с монархистами и бонапартистами и подготовил переворот с целью захвата власти. Будучи разоблачен в своих реакционных связях, Б. бежал в Бельгию, где и покончил жизнь самоубийством.

БУРБОНЫ — младшая ветвь французской королевской династии Капетов (Капетингов). Ее первый представитель — король Генрих IV (Наваррский).

БЬЮКЕНЕН, Джемс (1791—1868) — президент Соединенных Штатов Америки; до избрания в президенты дипломат (в частности, ездил в Россию для заключения первого торгового договора между обеими странами и до 1833 г. был американским посланником в Петербурге). На явную подготовку рабовладельческого Юга к борьбе против Севера смотрел сквозь пальцы, хотя и не сочувствовал отпадению южных штатов от федерации.

ВАЛЬДЕК-РУССО, Рене (1846—

1904) — французский государственный деятель, один из вождей мелкобуржуазных республиканцев. В 1899—1902 гг. возглавлял так называемое правительство «защиты республики», считаясь главой борьбы против монархистов и католического духовенства, организовавших так называемое «дело Дрейфуса».

ВАШИНГТОН, Джордж (или Георг, 1732—1799) — национальный герой Соединенных Штатов, главнокомандующий войсками северо-американских колонистов в их войне с Англией за независимость и первый президент Соединенных Штатов (с 1789 по 1797 г.).

ВЕЛЛИНГТОН, герцог Артур Уэлсли (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, победитель Наполеона в битве при Ватерлоо.

ВЕРЖЕНН, Шарль-Гравье (1717—1787) — министр иностранных дел в начале царствования Людовика XVI во Франции; в 1778 г. заключил союз с Соединенными Штатами против Англии.

ВИЛЬГЕЛЬМ I ПРУССКИЙ (1797—1888) — король Пруссии с 1861 г., с 1871 г. первый император Германии, один из участников ее объединения (см. Бисмарк).

ВИЛЬГЕЛЬМ II (часто называемый «Кайзер», 1859—1942) — германский император, внук предыдущего. В ноябре 1918 г., после поражения Германии в первой мировой войне, бежал в Голландию, где был интернирован в замке Доорн. От его имени опубликовал отречение канцлер Макс Баденский.

- ВИЛЬСОН**, Вудро (1856—1924) — американский политический деятель, профессор права, в 1912—1920 гг. президент Соединенных Штатов, автор так называемых «Четырнадцать пунктов», т. е. программы мира в войне 1914—1918 гг., с которой В. выступил в январе 1918 г.; участник Парижской мирной конференции 1919 г., выработавшей Версальский договор.
- ВОЛЬТЕР**, Франсуа-Мари (настоящая фамилия Аруз, 1694—1788) — гениальный французский писатель, участник «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, духовный предтеча Французской революции, автор ряда философских романов и исторических произведений.
- ГЕЛЬВЕЦИЙ**, Клод-Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист.
- ГЕНРИХ IV** (1553—1610) — с 1589 г. король Франции, до того вождь французских протестантов (гугенотов), после захвата Парижа примирился с католической церковью. Объединил вновь Францию после феодальной смуты.
- ГЕОРГ I Английский** (1660—1727) — король Англии, ранее курфюрст Ганновера. Мало вмешивался в управление государственными делами, которые отдал в руки вигов, возведших его на английский престол, и, в частности, талантливого Уолполя (Вальполя), с 1721 г. возглавившего английский кабинет министров.
- ГЕОРГ II Английский** (1683—1760) — король, сын Георга I; как и его отец, в управление государством вмешивался мало, доверившись своим министрам — сперва Уолполю, затем Пэльгэмам и Питту Старшему (лорду Чатаму).
- ГЕОРГ III Английский** (1738—1820) — король, внук Георга II, вступил на престол в 1760 г. При нем обострились отношения с американскими колониями, которые в конце концов отложились от английской короны и образовали США. Потерял рассудок в 1806 г.; от его имени правил регент — Георг IV, ставший затем его наследником.
- ГЕТЕ**, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — знаменитый писатель и поэт, автор «Фауста», «Страданий молодого Вертера», трагедии «Эгмонт» и множества других поэтических, драматических и прозаических произведений; крупный мыслитель и ученый.
- ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ** — бывшая прусская королевская и германская императорская династия; ее последний представитель Вильгельм II (см.).
- ГОЛЬБАХ**, Поль (1723—1789) — философ-материалист, участник французской «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Автор «Системы природы», книги, прозванной «библией материализма», и брошюры «Разоблаченное христианство».
- ГРАНТ**, Улисс Симпсон (1822—1885) — американский генерал, полководец северян в борьбе против рабовладельческого Юга в гражданской войне 1861—1865 гг. В 1868—1876 гг. — президент Соединенных Штатов Америки.
- ДЭВИС**, Джефферсон (1808—1889) — президент Конфедерации южных штатов Северной Америки в гражданской войне, избранный после отпадения Юга в январе 1861 г. После сражения под Ричмондом Д. бежал и в 1865 г. был арестован по обвинению в участии в убийстве президента Линкольна; три года провел в тюрьме. По выходе из тюрьмы отошел от политической жизни.

- ДЕФО, Даниель** (1659—1731) — английский писатель, автор «Приключений Робинзона Крузо» (1719 г.), видный журналист своего времени и политический деятель, служивший своим литературным талантом то одной, то другой из тогдашних политических партий Англии — тори и вигов. Писал бесчисленные статьи, памфлеты и брошюры анонимно или под псевдонимами.
- ДИДРО, Дени** (1713—1784) — один из крупнейших французских писателей и философов XVIII в., создатель и участник знаменитой «Энциклопедии».
- ДИЗРАЭЛИ** (Биконсфильд, Бенджамин (1804—1881) — английский государственный деятель, консерватор, идеолог британского империализма.
- ДЖАРВИС** (он же лорд Сент-Винсент), Джон (1735—1823) — английский адмирал, прославился во время войны за американскую независимость, разгромил испанцев при Сент-Винсенте в 1797 г., завоевал французские колонии Мартинику и Санта-Люцию, ввел в английском флоте суровую, палочную дисциплину.
- ДЖЭКСОН, Эндру** (1767—1845) — американский военачальник и президент Соединенных Штатов от партии демократов (1828—1837).
- ДЮБАРРИ, Мария** (1743—1793) — фаворитка французского короля Людовика XV, пользовавшаяся при дворе большим влиянием. Казнена в 1793 г. за связь с контрреволюцией.
- ДЮПОН, Пьер-Антуан** (1765—1840) — наполеоновский маршал, организовавший в 1800 г., по поручению Наполеона, управление занятым французскими войсками Пьемонтом. В 1808 г. капитулировал перед окружившими его армией испанскими войсками. За это был предан суду и содержался в тюрьме до падения Наполеона. После реставрации Бурбонов стал военным министром и обнаружил полную бездарность.
- ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ, принц Кариньянский** (1663—1736) — известный австрийский полководец, воспитывался при дворе Людовика XIV, но эмигрировал в Австрию и воевал против Франции, которой нанес ряд поражений.
- ЕЛИЗАВЕТА АНГЛИЙСКАЯ** (1533—1603) — королева, дочь Генриха VIII, последняя представительница династии Тюдоров. При ней Англия достигла расцвета своей торговли и морского могущества; при Е. была разбита на море Испания — соперница Англии. «Елизаветинский век» явился периодом блестящего расцвета английской литературы и театра (век Шекспира).
- ЗОЛЯ, Эмиль** (1840—1902) — видный французский писатель, представитель натуралистической школы, автор многотомной серии романов «Ругон-Маккары». Своим смелым обличительным выступлением сыграл видную роль в реабилитации капитана Дрейфуса, невинно осужденного за шпионаж.
- КАВЕНЬЯК, Луи-Эжен** (1802—1857) — французский генерал и политический деятель; в дни июньского восстания рабочих в 1848 г. в Париже К. был облечен диктаторскими полномочиями и с невероятной жестокостью подавил восстание.

КАМБАСЕРЕС, Жан-Жак (1753—1824) — французский государственный деятель, член Конвента и Совета пятисот, после 18 брюмера был выдвинут Бонапартом на пост второго консула. Участвовал в редактировании Гражданского кодекса Наполеона. В дальнейшем Наполеон сделал К. канцлером своей империи и президентом сената. Это не помешало Камбасересу перейти в 1814 г. к Бурбонам, а во время Ста дней вновь вернуться к Наполеону. После окончательного падения Наполеона он был изгнан из Франции, но через три года получил разрешение вернуться. Знаменитый гурман, К. устраивал богатейшие приемы.

КАРЛ II английский (1630—1685) — король, воцарившийся в 1660 г., с реставрацией династии Стюартов. Боролся с парламентом, ограничившим его власть, опираясь на реакционные элементы английской знати.

КОЛЬБЕР, Жан-Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, министр Людовика XIV, энергично проводил политику меркантилизма — усиленного покровительства национальной торговле и промышленности и активного торгового баланса.

КОНДЕ, принц Луи (1621—1686) — французский полководец при Людовике XIV, участник Тридцатилетней войны, войны с Испанией и других войн Франции.

КОНДЕ, принц Луи-Жозеф де Бурбон (1736—1818) — в период Французской революции глава французских контрреволюционеров-эмигрантов (так называемой «реинской армии»). После провала иностранной интервенции находился на русской

и затем на австрийской службе. После реставрации Бурбонов К. вернулся во Францию.

КРОМВЕЛЬ, Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII в., в 1644 г. разбил войска короля Карла I, который через пять лет был казнен. В 1653 г. К. разогнал парламент и был облечен неограниченными полномочиями со званием Лорда-протектора. Предложенный ему в 1657 г. королевский титул К. отверг, но получил право назначать себе преемника. Внешняя политика К. обеспечила Англии первенство на морях и колониальные захваты.

КРОМВЕЛЬ, Ричард (1626—1712) — сын Оливера, был провозглашен Протектором после смерти отца, но через год отрекся от своего звания.

КРОМВЕЛЬ, Томас (1485—1540) — английский государственный деятель при короле Генрихе VIII провел секуляризацию церковных имуществ. Обвиненный в ереси и государственной измене, был казнен.

ЛАНН, Жан (1769—1809) — наполеоновский маршал. Участвовал в египетской экспедиции и итальянских походах Бонапарта и содействовал перевороту 18 брюмера. В маршалы был произведен за победу при Монтебелло, в Италии. Был убит в бою Асперна, под Веной.

ЛИ, Артур (1740—1792) — американский дипломат, в 1775 г. был назначен секретной комиссией Конгресса к посылке в Европу для того, чтобы установить отношение Испании, Франции и других европейских стран к войне между американскими колониями и Англией. Пять лет состоял агентом Франклина в Лондоне.

- ЛИ, Роберт (1807—1870) — американский генерал, с успехом командовал виргинской армией южан в гражданской войне против Севера 1861—1865 гг.). В апреле 1865 г., капитулировал перед войсками северян.
- ЛИНД, Дженни (1820—1887) — знаменитая певица, шведка, с блестящим успехом выступала в главнейших столицах Европы и в 1850—1852 гг. в Америке, где вышла замуж за пианиста и композитора Отто Гольдшмидта.
- ЛИНКОЛЬН, Авраам (1809—1865) — президент Соединенных Штатов во время гражданской войны (1861—1865 гг.) Его избрание послужило сигналом к мятежу южан, видевших в Л. противника рабства. Л. ответил рядом революционных мер, в частности отменил рабовладение без выкупа в объятых мятежом штатах, начал решительную борьбу с контрреволюционными элементами, распорядился об аресте явных и тайных сторонников рабства и т. д. Генеральный совет I Интернационала, по предложению Маркса и Энгельса, приветствовал мероприятия Л. 14 апреля 1865 г., когда праздновалась победа Севера над Югом, Л. был убит в вашингтонском театре наемником рабовладельцев и крупной буржуазии, актером Бутсом.
- ЛИНСИЙ, Юст (Юстус Липсиус, 1547—1606) — знаменитый ученый, филолог, знаток классической древности, ее истории и языков.
- ЛУВУА, Франсуа-Мишель (1641—1691) — военный министр при Людовике XIV во Франции. Реорганизовал армию и установил набор солдат — рекрутчину. Успешно воевал с германскими государствами (в 1681 г. завоевал для Франции Страсбург).
- ЛУИЗА ПРУССКАЯ (1776—1810) — супруга прусского короля Фридриха-Вильгельма III, пользовавшаяся большой популярностью в Пруссии, особенно во время борьбы с Наполеоном в 1805—1807 гг., когда она проявила себя своей непримиримостью в отношении Наполеона, перед которым трусил слабохарактерный Фридрих-Вильгельм III.
- ЛУКУЛЛ, Люций Люциний (106—56 гг. до н. э.) — римский полководец, участвовавший главным образом в колониальных войнах Рима. Его роскошные пиры и празднества вошли в поговорку («лукулловские пиршества»).
- ЛЮДОВИК XIV (1638—1715) — французский король с 1643 г., управлять государством начал с 1661 г., после смерти правителя королевства кардинала Мазарини, любовника матери Л. — Анны Австрийской. Довел абсолютизм до крайнего его выражения во Франции, вел ряд войн, в том числе длительную с Голландией войну за Испанское наследство. При Л. казна затрачивала огромные суммы на роскошь двора, строительство дворцов (Версаль), пиры и фавориток Л. XIV.
- ЛЮДОВИК XV (1710—1774) — французский король с 1715 г. Его дядя, принц Филипп Орлеанский, бывший регентом до совершеннолетия Л., продолжал разорительную политику предыдущего царствования; Франция вступила в Семилетнюю войну 1756—1763 гг., в которой лишилась, в пользу Англии, ряда своих владений в Индии и Америке.

- МАДИСОН**, Джемс (1751—1836) — президент Соединенных Штатов Америки, один из авторов конституции Соединенных Штатов.
- МАДЗИНИ**, Джузеппе (1805—1872) — один из вождей итальянского национально-освободительного движения мелкобуржуазный демократ, ставил своей целью объединение Италии на республиканской основе. Принимал участие в революции 1848 г. в Милане, Флоренции и, наконец, в Риме, где был избран в члены временного правительства. После разгрома революции был одним из организаторов в Лондоне «Европейского демократического комитета», составленного из либеральных элементов итальянской эмиграции.
- МАЗАРИНИ**, Джулио (1602—1661) — французский государственный деятель, кардинал, фактический правитель Франции во время малолетства Людовика XIV.
- МАЛЬБОРО**, Джон Черчилль (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель, играл видную роль в военной коалиции против Людовика XIV, нанес французам ряд поражений.
- МАРИЙ**, Гай (156—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель последнего периода республики. Семь раз был консулом, враждовал с Суллой, который, овладев Римом после смерти М., подверг жестокому истреблению его сторонников.
- МАРМОН**, Огюст-Фредерик-Луи (1774—1852) — наполеоновский маршал, был адъютантом Бонапарта в итальянском походе 1796—1797 гг., участвовал в египетской экспедиции. М. изменил Наполеону в 1814 г.
- МЕНТЕНОН**, маркиза (1635—1719) — фаворитка французского короля Людовика XIV
- МЕТТЕРНИХ**, Клеменс (1773—1859) — австрийский политический деятель и дипломат, в 1815 году вдохновитель и организатор реакционного Священного союза. Влияние М. было ликвидировано революцией 1848 г. Оставил ценные для историков мемуары.
- МИЛЬТОН**, Джон (1608—1674) — английский писатель и публицист, представитель крайнего пуританского течения, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» и ряда политических памфлетов, направленных против королевской власти, а также «Ареопагитики», написанной в защиту свободы печати.
- МИТРИДАТ VI** (132—63 гг. до н. э.) — царь Понта и Босфора, завоевал Малую Азию и Кавказ, вел ряд войн с Римом.
- МОЛЬТКЕ СТАРШИЙ**, Гельмут (1800—1891) — граф, прусский генерал-фельдмаршал, организатор прусской армии и создатель ее генерального штаба, фактический главнокомандующий в войнах Пруссии с Австрией (1866) и с наполеоновской Второй империей (1870—1871 гг.).
- МОЛЬТКЕ МЛАДШИЙ**, Гельмут (1848—1916) — племянник Мольтке Старшего, начальник германского генерального штаба с 1906 по 1914 г. После неудачного для немцев Мариского сражения в сентябре 1914 г. был смещен.
- МОНТЕКУКУЛИ**, Раймунд (1609—1681) — австрийский полководец, во время Тридцатилетней войны действовал против шведов, в 1673 и 1675 гг. против французов, которыми командовал тогда знаменитый полководец Тюренн. Автор ценных трудов по военным вопросам («Военные записки и руководство для генералов» на итальянском языке).

МОНТЕСКЬЕ, Шарль-Луи (1689—1755) — французский писатель по вопросам политики и права, автор едкой сатиры на дворянское общество и абсолютизм «Персидские письма» и знаменитого «Духа законов». В России ученицей М. объявила себя Екатерина II, составившая введение к своему «Наказу» якобы в согласии с М.

МОРИЦ САКСОНСКИЙ (1690—1750) — знаменитый полководец, французский маршал, попеременно служивший французам Польше и Австрии.

МЮРАТ, Иоахим (1771—1815) — наполеоновский маршал, зять Бонапарта с 1800 г., с 1808 г. — неаполитанский король. В 1814 г. изменил Наполеону, а осенью следующего года, при попытке отвоевать Неаполь, был взят в плен и расстрелян.

НАПОЛЕОН III (1808—1873) — племянник Наполеона I, с 1848 г. президент Французской республики, с 1852 г. император. После разгрома Франции в 1870—1871 гг. (Франко-прусская война) был низложен. Авантюрист по натуре, пришел к власти путем интриг и низкопробной демагогии, вел провокационную внешнюю политику, приведшую к войне с Пруссией и торжеству последней (см. М а р к с, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта).

НЕЙ, Мишель (1769—1815) — французский маршал, выдающийся участник революционных и наполеоновских войн, командовал арьергадом при отступлении наполеоновских войск из Москвы. После падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов, но во время Ста дней вернулся к Наполеону. После падения Наполеона был

предан суду и расстрелян.

НЕЛЬСОН, Горацио (1758—1805) — лорд, английский адмирал, победитель Наполеона в морском сражении при Абукире. В 1805 г. в знаменитом сражении при Трафальгаре, где он был смертельно ранен, он уничтожил соединенный франко-испанский флот.

ОРСИНИ, Феличе (1819—1858) — итальянский мелкобуржуазный революционер, участник восстаний 1848 г. в Венеции и Риме, после подавления которых эмигрировал в Англию. Покушался на жизнь Наполеона III, ибо видел в нем главную помеху воссоединению Италии; обратился к нему из тюрьмы с письмом, в котором заклинал того же Наполеона III помочь воссоединению.

ПИЛЬ, Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, в 1829 г. провел билль о равноправии католиков, в 1840 г. билль об отмене хлебных пошлин. Организатор английской полиции.

ПИТТ СТАРШИЙ, Вильям (1708—1778) — лорд Чатам, английский государственный деятель, отстаивал интересы английской внешней торговли, стоял за расширение колониальных владений Англии. Был премьером, затем министром министерства вигов.

ПИТТ МЛАДШИЙ, Вильям (1759—1806) — английский премьер-министр, сын предыдущего, непримиримый враг Французской революции. Организатор английской разведки на материке Европы. Боролся с национальным движением в Ирландии. С 1804 г. начал создавать новую военную коалицию против Наполеона.

ПОМПАДУР, маркиза де (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV, игравшая видную роль во внутренней и внешней политике Франции. Ее расточительность и самодурство ложились тяжелым бременем на финансы страны.

ПОМПЕЙ (106—48 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, нанес поражение Миридату VI, захватив Сирию и Иудею, враждовал с сенатом. Перейдя затем на сторону сената, вступил в борьбу с Цезарем и был разбит им при Фарсале. Бежал в Египет, где и был убит.

РИДОЛЬФИ, Роберто ди (1531—1612) — итальянский заговорщик, банкир, имевший деловые связи с Англией и около 1555 г. переселившийся в Лондон. Он составил заговор против королевы Елизаветы с целью выдать шотландскую королеву Марию Стюарт за герцога Норфолькского и посадить ее на английский престол. Он находился в Париже, когда заговор этот раскрылся и был ликвидирован, и вернулся затем в Италию.

РИШЕЛЬЕ, Арман-Жан дю Плесси (1585—1642) — кардинал, французский государственный деятель, фактически правитель государства при Людовике XIII, расширил владения Франции в Америке и укрепил ее положение и влияние в Европе.

РОГАН, Анри, герцог (1579—1638) — французский полководец, при Людовике XIII возглавлял борьбу гугенотов против Ришелье. Воевал с испанцами и австрийцами в Граубюндене, вытеснил их из Вальтелины, но был при этом смертельно ранен.

РОТШИЛЬДЫ — семья банкиров, родоначальником которой является франкфуртский бан-

кир Майер-Ансельм Ротшильд (1743—1812). Через Ротшильда проходили все крупные займы государств, образовавших коалицию против Наполеона. Сознания его обосновались и стали крупными банковые предприятия в столицах Европы: в Лондоне (Натан Р.), в Париже (Яков Р.), в Вене (Соломон Р.). В конце XIX в. значение Р. стало падать; парижские Р. в конце XIX и в начале XX в. размещали займы царской России на французской бирже.

САВАРИ, Анн-Жан-Мари-Рене (1774—1833) — французский генерал при Наполеоне I, участник сражения при Маренго, посол Наполеона в Петербурге, вскоре замененный Коленкурром; с 1810 г. — министр полиции. После падения Наполеона был интернирован англичанами на острове Мальте, откуда бежал в Смирну. В 1819 г. вернулся в Париж и добился отмены тяготевшего над ним заочного смертельного приговора.

СМИТ, Вильям Сидней (1764—1840) — английский адмирал, с 1790 по 1792 г. был советчиком шведского короля в войне Швеции против России; в 1798 г., узнав о приближении Бонапарта к Акре (Палестина), он поспешил на выручку города и 18 марта 1799 г. захватил французскую эскадру, что вынудило Наполеона снять осаду 20 мая того же года и отступить.

СТЮАРТЫ — с 1371 г. шотландская, а с 1603 г. и английская королевская династия. При королеве Анне, последней представительнице Стюартов, шотландское и английское королевства были окончательно объединены под наименованием Соединенного королевства Великобритании (в 1707 г.).

- СУБИЗ**, Шарль де Роган (1715—1787) — бездарный полководец во Франции при Людовике XV, получил звание маршала благодаря протекции фаворитки Людовика XV мадам Помпадур. Его командование французской армией в Семилетней войне привело Францию к ряду поражений.
- СУБУДАЙ** (иначе **СУБУТАЙ БАГАДУР**) — монгольский военачальник XIII в., главный советник Батюя, в 1236 г. занял и сжег столицу волжских болгар. Великий город или Болгар, тогда как войска Батюя двинулись на Русь, в частности на Рязань, которая была взята ими в декабре 1237 г.
- СУЛЛА**, Люций-Корнелий (138—78 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, консул и диктатор. При нем вся Италия объединилась под властью Рима. Победив Митридата, укрепил политическое и торговое влияние Рима на Востоке. Первоначально сторонник демократии, переметнулся в лагерь аристократии и крупных землевладельцев и жестоко расправился со сторонниками демократии, партией Мария.
- СУЛЬТ**, Николай-Жан (1769—1851) — наполеоновский маршал, воевавший главным образом в Испании. После реставрации Бурбонов перешел на их сторону, а затем во время Ста дней снова к Наполеону. При июльской монархии (1830—1848 гг.) был военным министром и министром иностранных дел.
- СУН** — китайская династия, просуществовавшая с 420 по 479 г. нашей эры и давшая восемь императоров. Последний император этой династии был убит со всей своей семьей полководцем Сяо Даоченом.
- ТАЛЕЙРАН**, Шарль-Морис (1754—1838) — французский политический деятель, дипломат, бывший епископ Отенский. После падения Наполеона энергично содействовал реставрации Бурбонов. Играл видную роль на Венском конгрессе 1815 г., где отстаивал интересы Франции, ловко играя на противоречиях между союзниками (Англией и Австрией, с одной стороны, Пруссией и Россией — с другой).
- ТЕРЛО**, Джон (1616—1668) — английский политический деятель, сотрудник Оливера Кромвеля, заведывал разведкой и почтой.
- ТОГО**, Хейхатино (1847—1912) — японский адмирал, командовал японским флотом в сражении при Цусиме во время русско-японской войны 1904—1905 гг.
- ТЮДОРЫ** — королевская династия в Англии (с 1485 по 1603 г.), виднейшими представителями которой являются Генрих VII (1509—1603).
- ТЮРЕНН**, Анри де-ла-Тур д'Овернь (1611—1675) — французский полководец, участник Тридцатилетней войны и первых войн Людовика XIV
- УОЛСИНГЕМ**, Фрэнсис (1530—1590) — английский государственный деятель, государственный секретарь при королеве Елизавете, выполнял различные ее поручения в области внешней политики; содействовал гибели Марии Стюарт, разоблачив ряд заговоров, устранившихся ее приверженцами.
- ФИЛИПП II** (1527—1598) — король испанский; ревностный поборник католицизма и инквизиции в Европе; поддерживал Марию Стюарт против Елизаветы Английской. Своей политикой привел в конце концов Испанию к потере морского могущества.

- ФРИДРИХ II ПРУССКИЙ** (1712—1786) — прусский король, незаслуженно возвеличенный немцами и не раз битый русскими полководец, насадитель палочной дисциплины в армии. При нем в 1760 г. был взят русскими Берлин; принимал участие в первом разделе Польши в 1772 г.
- ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ IV** (1795—1861) — прусский король, вынужденный пойти на уступки народу во время революции 1848 г. и обещать конституцию, но после спада революционной волны жестоко расправившийся со всеми оппозиционными элементами. В 1858 г. отрекся от престола в пользу брата, Вильгельма I. Потерял к концу жизни рассудок.
- ФРАНКЛИН, Вениамин** (Бенджамин, 1706—1790) — знаменитый физик. Американский государственный деятель, один из составителей Декларации независимости Соединенных Штатов. Был дипломатическим представителем Штатов во Франции, где приобрел большую популярность.
- ФРАНЦИСК I** (1494—1547) — французский король, боровшийся с Испанией и домом Габсбургов за преобладание в Европе.
- ФУГГЕРЫ** — семья немецких средневековых банкиров. Родоначальником «династии» был Иоганн Фуггер, начавший заниматься торговлей в 1376 г. Его сыновья Андрей и Якоб расширили дело; в 1473 г. Ф. были банкирами Габсбургов. Затем они сделались кредиторами ряда европейских дворов и играли видную роль в развитии европейского капита-
- лизма в XV—XVII вв. Фуггеры издавали первую банковскую газету в XVI в.
- ФУШЕ, Жозеф** (1759—1820) — политический деятель Французской революции, а затем наполеоновской первой Империи, министр полиции Наполеона. После поражения Наполеона под Ватерлоо перешел к Бурбонам.
- ХАУ, Вильям** (1729—1814) — английский генерал, принимал участие в военной экспедиции в Канаду, руководимой Вульфом.
- ХОК, Эдвард** (1705—1781) — английский адмирал; одержал ряд побед над морскими силами Франции в 1756—1763 гг. и в войне за независимость США.
- ЦЕЗАРЬ, Гай Юлий** (102—44 гг. до н. э.) — политический деятель, полководец и писатель древнего Рима. Боролся против аристократического сената, совершил ряд походов в Галлии, Германии и Британии; в 48 г. стал диктатором. Был убит республиканскими заговорщиками (во главе заговора стали Брут и Кассий). Оставил «Записки о галльской войне», считающиеся для того времени образцом военной стратегии, как науки.
- ЧИНГИС-ХАН** (1155—1227) — монгольский завоеватель, основатель огромной монгольской азиатской империи. Вторгся в Китай, завоевал Туркестан. Через полвека после его смерти его империя распалась.
- ШАРНГОРСТ, Гергардт-Иоганн** (1755—1813) — прусский генерал, преобразователь прусской армии после Тильзитского мира. В 1813 г. принимал участие в войне против Наполеона и был смертельно ранен.

ШЕРМАН, Вильям (1820—1891) — североамериканский генерал, выдающийся военачальник северян в гражданской войне Севера с Югом (1861—1865 гг.). Ему сдалась последняя южная армия под командованием Джонстона; этим закончилась война и была обеспечена победа Севера.

ШТЕЙН, Карл (1757—1831) — глава прусского министерства в 1807—1808 гг., после разгрома Пруссии Наполеоном автор ряда половинчатых реформ в Пруссии. Непримирымый враг Наполеона; в 1812 г. отправился в Россию по приглашению Александра I; принимал участие в военных действиях против французов в 1812—1815 гг.

ШАУЗЕЛЬ, Этьен-Франсуа (1719—1785) — министр иностранных дел при Людовике XV. Франция обязана ему

завоеванием Корсики.
ЭНГИЕНСКИЙ, герцог, Луи-Антуан (1772—1804) — из княжеского рода Конде, родственного Бурбонам, эмигрировал через несколько дней после взятия Бастилии 14 июля 1789 г. По приказу Наполеона его захватили французские войска в Бадене, увезли в Париж и расстреляли во рву Венсенского замка.

ЮАНЬ ШИ-КАЙ (1859—1916) — китайский политический деятель, с 1912 г президент Китайской республики. Ликвидировал завоевания революции, объявил гоминдан вне закона, разогнал парламент. В конце 1915 г. объявил себя императором, но в марте следующего года, ввиду повсеместных протестов, грозивших вылиться в вооруженное восстание, отрекся от престола.

Оглавление

Глава первая	
Тридцать три века секретной службы	
Глава вторая	
Уолсингем разведывает Армаду	
Глава третья	
Знаменитые организаторы военного шпионажа	
Глава четвертая	
Терло и Пепис	
Глава пятая	
Дефо и якобиты	
«Окутанный туманом»	
Якобитский заговор	
Глава шестая	
Полицейский шпионаж Бурбонов	
Глава седьмая	
Обворожительный шевалье	
Глава восьмая	
Карон де Бомарше, он же Норак	
Глава девятая	
Тайная практика доктора Банкрофта	
Глава десятая	
Натан Хэйл и майор Андре	
Глава одиннадцатая	
Борьба Англии против Наполеона	
Глава двенадцатая	
Континентальная блокада	
Глава тринадцатая	
Могучий натиск фунта стерлингов	
Глава четырнадцатая	
Заговор маниака	
Глава пятнадцатая	
Император шпионов	
Глава шестнадцатая	
Пролог к отпадению южных штатов	
Глава семнадцатая	
Балтиморские заговорщики	
Глава восемнадцатая	
Синие и серые агенты	
Учреждение секретной службы в Соединенных Штатах..	

Глава девятнадцатая	
Лафайет Бэкер и красавица Бойд	118
Глава двадцатая	
«Безумная Бет» и другие дамы	127
Глава двадцать первая	
Перед всегерманским потопом	140
Глава двадцать вторая	
Штибер — искусный мастер шпионажа	146
Глава двадцать третья	
Король ищек	156
Глава двадцать четвертая	
Уроки суровой школы	163
Глава двадцать пятая	
Контрразведка преступного мира	166
Глава двадцать шестая	
Бловиц в Берлине	173
Глава двадцать седьмая	
Разжалование Альфреда Дрейфуса	176
Глава двадцать восьмая	
Дело Лажу	190
Аккредитованные шпионы	193
Глава двадцать девятая	
Посланцы к Гарсии и Агинальдо	194
Глава тридцатая	
Южноафриканская война	203
Глава тридцать первая	
Шпионы Страны восходящего солнца	206
Глава тридцать вторая	
Поймка архипредателя	211
Глава тридцать третья	
Преемники Штибера в овечьей шкуре	227
Немецкая разведка в Англии	231
Глава тридцать четвертая	
Драма начинается: уберите занавес	235
Глава тридцать пятая	
Разведка и секретная служба	240
Глава тридцать шестая	
Диверсии	245
Глава тридцать седьмая	
Специальные миссии	253
Глава тридцать восьмая	
«Гений Ближнего Востока»	261
Брат и сестра из Яффы	263
Васмус Персидский	265
Глава тридцать девятая	
Шпионаж с приключениями	271
Казнь Эдит Кавелль	273
Глава сороковая	
Подлинная «фрейлейн Доктор»	281

Глава сорок первая	
Шпионская «школа» Алисы Дюбуа	
Глава сорок вторая	
Мата Хари	
Глава сорок третья	
Хитрость в морской разведке	
Глава сорок четвертая	
Хитрость в разведке на суше	
Глава сорок пятая	
Неожиданная атака при Капоретто	
Глава сорок шестая	
Французские агенты в секретной войне	
Глава сорок седьмая	
Цензор на секретной службе	
Глава сорок восьмая	
Зильбер и Циверт, цензоры-шпионы	
Глава сорок девятая	
Резервуар победы	
Глава пятидесятая	
Эпизод американской секретной службы	
Примечания автора	
Указатель имен	

Ричард РОУАН

ОКУТАННЫЙ ТУМАНОМ

Подписано к печати 26.02.93. Формат 84×106¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 22,12. Тираж 100 000 экз. Издательство «ДАС». Москва, проспект Мира, д. 124. При участии КРПА «Олимп». Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109. Заказ № 65.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Произведением всемирно
известного английского
писателя Ричарда Роуана
"Окутанный туманом"
издательство "ДАС" открывает
свою серию книг.

В нее войдут лучшие, ранее неизвестные
нашему читателю романы Бэри Вуда,
Теодора Стерджена, Джона Фоулза,
Айвена Говарда, Кингсли Эмиса и других
мастеров пера, пишущих в жанре детекти-
ва, фантастики и ужасов,

